Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук

На правах рукописи

Суворова Арина Валерьевна

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ОСНОВЕ НАРАЩИВАНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО КАПИТАЛА

Диссертация на соискание ученой степени
доктора экономических наук

Специальность 5.2.3 – Региональная и отраслевая экономика
(региональная экономика)

Научный консультант:
доктор экономических наук, доцент
Лаврикова Юлия Георгиевна

Екатеринбург – 2026

Оглавление

Введение ... 5
1 Теоретические детерминанты исследования пространственного развития экономики ... 19
1.1 Экономическое пространство: подходы к дефиниции, содержание ... 19
1.2 Пространственное развитие экономики: трансформация научной парадигмы и современный подход ... 30
1.3 Экономическая природа территориального капитала ... 56
Выводы по главе 1 ... 71
2 Методологические основы пространственного развития экономики ... 73
2.1 Наращивание территориального капитала как основа методологии пространственного развития экономики ... 73
2.2 Моделирование пространственной организации экономики: особенности теории и практики ... 79
2.2.1 Европейский опыт моделирования пространственной организации экономики ... 82
2.2.2 Модели пространственной организации экономических систем: опыт региональных стратегий развития ... 86
2.3 Методологический подход к пространственному развитию экономики ... 96
Выводы по главе 2 ... 115
3 Научно-методическое обеспечение оценки пространственного развития экономики ... 116
3.1 Особенности измерения экономического пространства ... 116
3.2 Идентификация характеристик пространственного развития экономики: параметры и индикаторы ... 128
3.3 Интегральная методика оценки пространственного развития экономики (с учетом параметров территориального капитала) ... 137
Выводы по главе 3 ... 165
4 Особенности пространственного развития Российской Федерации ... 166
4.1 Проблемы и перспективы пространственного развития национальной экономики ... 167

4.2 Проблемы и перспективы пространственного развития экономики региональных систем разных типов 202
4.2.1 Регионы, отличающиеся масштабами вклада в территориальный капитал страны 203
4.2.2 Регионы, отличающиеся спецификой ресурсной составляющей их развития 212
4.3 Особенности пространственного развития городских систем 236
Выводы по главе 4 248
5 Управление пространственным развитием экономики Российской Федерации 250
5.1 Приоритеты пространственного развития экономики территорий разного уровня 250
5.2 Модель эффективной пространственной организации экономики Российской Федерации 264
5.3 Механизм управления пространственным развитием экономики Российской Федерации 270
Выводы по главе 5 300
Заключение 302
Список литературы 311
Список работ, опубликованных автором по теме диссертации 364
Приложение А Распределение региональных стратегий социально-экономического развития по трем группам, отличающимся друг от друга глубиной проработки вопросов преобразования пространства 374
Приложение Б Направления трансформации пространства, нашедшие отражение в региональных стратегиях социально-экономического развития 379
Приложение В Модели организации пространства, нашедшие отражение в региональных стратегиях социально-экономического развития 382
Приложение Г Показатели, используемые для оценки социально-экономического пространства в стратегиях социально-экономического развития регионов 385
Приложение Д Ретроспективная оценка пространственного развития экономики Российской Федерации с учетом особенностей локализации

элементов территориального капитала (показатели, выделяемые в рамках затратного подхода) в 2019 г. 393

Приложение Е Особенности концентрации составляющих территориального капитала в пространстве Российской Федерации 396

Приложение Ж Ретроспективная оценка пространственного развития экономики Российской Федерации с учетом особенностей локализации элементов территориального капитала (показатели, выделяемые в рамках ресурсного подхода) в 2019 г. 397

Приложение И Ретроспективная оценка пространственного развития экономики Российской Федерации с учетом особенностей локализации элементов территориального капитала (показатели, выделяемые в рамках доходного подхода) в 2019 г. 400

Приложение К Позиции регионов в системе координат $z–w_z$ по параметрам, характеризующим территориальный капитал 401

Приложение Л Размещение регионов, отличающихся спецификой локализации в них элементов территориального капитала, в пространстве страны в 2019 г. 402

Приложение М Особенности организации пространства российских регионов, отличающихся спецификой наличия у них элементов территориального капитала в 2023 г. 403

Приложение Н Рейтинг регионов, составленный на основе определения доли каждого из них в общероссийском объеме по ряду показателей в 2023 г. 409

Приложение П Рейтин группировка регионов на основе сравнительной оценки их обеспеченности «традиционными ресурсами» 417

Приложение Р Отраслевая структура валовой добавленной стоимости российских регионов (в укрупненном виде), % в 2023 г. 420

Приложение С Перечень городов, информация о которых содержится в базе данных Информационно-аналитической платформы городского развития ВЭБ.РФ 423

Приложение Т Схематическое изображение типов моделей территориального развития 430

Введение

Актуальность темы исследования. Значимость исследования вопросов пространственного развития для Российской Федерации традиционно связана с обширностью территории страны и ее пространственной неоднородностью, порождающими сложности создания эффективной модели размещения ресурсов. В настоящее время вопросы, которые поднимаются в научных работах, связанных с поиском путей оптимизации процессов пространственного развития страны, становятся еще более актуальными темпы изменения пространственных характеристик российской социально-экономической системы, а также ее отдельных составляющих нарастают, причем наблюдаемые тренды пространственных преобразований свидетельствуют о наличии целого комплекса взаимосвязанных и усиливающих друг друга проблем. Следует также учитывать, что сложившаяся в Российской Федерации пространственная организация экономической деятельности не отвечает современным вызовам: территориальная структура производства, сформировавшаяся еще в советское время, уже не способна удовлетворять имеющиеся потребности, а новая, эффективно работающая в сегодняшних условиях система еще не создана. Более того, происходит дальнейшая дефрагментация хозяйственного каркаса страны, проявляющаяся, в том числе, в усиливающейся дифференциации уровня развития ряда территорий (так, разница между максимальным и минимальным значениями в совокупности регионов по величине ВРП на душу населения за десятилетний период возросла с 45 до 65 раз; по среднедушевому объему инвестиций в основной капитал – с 57 до 62 раз). Это является свидетельством недостаточного единства экономического пространства страны – эффективного взаимодействия между элементами хозяйственного комплекса не происходит.

И хотя следует положительно оценить характерное для современного этапа развития Российской Федерации усиление внимания к управленческим процессам, имеющим своей целью оптимизацию параметров пространственного развития страны, создаваемые документы (например, два варианта Стратегии пространственного развития Российской Федерации – на период до 2025 г. и на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г.) играют скорее постановочную роль (четко идентифицируют проблемы пространственного развития, весьма расплывчато обозначая пути их решения), а направления предлагаемых преобразований являются весьма дискуссионными. Гораздо более широко и детально во-

просы осуществления пространственных трансформаций социально-экономического комплекса страны рассматриваются представителями научного сообщества (внимание уделяется теоретико-методологическим основам пространственного развития, особенностям управления данным процессом), однако целый ряд аспектов преобразования различных типов пространства остается за рамками проводимых исследований (например, недостаточно внимания уделяется вопросам методического обеспечения количественной оценки пространственных трансформаций, тематике согласования приоритетов пространственного развития с ориентирами научно-технологических, социально-экономических изменений, предполагаемых в стране, и т. д.). Кроме того, представляется недостаточно активным использование в интересах определения проблем и направлений пространственного развития концепции территориального капитала – интегральной характеристики, позволяющей комплексно смотреть на имеющийся у территории потенциал, возможности его использования, а также его способность содействовать получению желаемого результата.

Степень научной разработанности исследуемой проблемы. Вопросы реорганизации экономического пространства в интересах развития территориальных сообществ разного уровня на протяжении долгого времени представляют собой популярную среди исследователей тему.

Причинно-следственные связи между спецификой размещения производительных сил и перспективами развития территориальных комплексов выявлялись еще в рамках классических теорий размещения производительных сил и концепций, развивающих их отдельные положения (У. Айзард, А. Вебер, В. Кристаллер, В. Лаундхардт, А. Лёш, Т. Паландер, И. Г. фон Тюнен, Х. Хотеллинг, О. Энглендер и др.).

Авторы более поздних теорий регионального развития (Л. Аблас, Ж.-Р. Будвиль, Э. Венейблс, Х. Гирш, П. Кругман, А. Маршалл, Г. Мюрдаль, Ф. Перру, М. Портер, П. Потье, К. Рихтер, Х. Ричардсон, П. Ромер, М. Стрейт, Дж. Фридман, М. Фуджита, Т. Хагерстранд, А. Хиршман, С. Цамански, М. Энрайт, К. Эрроу и др.) также уделяли самое пристальное внимание особенностям пространственной организации экономической деятельности. В числе отечественных исследователей, изучавших закономерности развития пространства, такие ученые, как П. М. Алампиев, М. К. Бандман, Н. Н. Баранский, Н. Н. Колосовский, Г. М. Лаппо, А. Е. Пробст, П. Н. Степанов, Я. Г. Фейгин, Г. Н. Черданцев и др.

В современных научных региональных исследованиях, проводимых как зарубежными, так и отечественными экспертами, стремление к изучению и поиску путей оптимизации экономического пространства и выявлению методов управления пространственным развитием только усиливается.

Рассмотрению концептуальных основ пространственного развития территорий разного уровня посвящены работы Е. Г. Анимицы, С. В. Белоусовой, О. А. Биякова, А. Г. Гранберга, Б. С. Жихаревича, С. В. Кузнецова, Ю. Г. Лавриковой, Е. Е. Лейзеровича, В. Н. Лексина, П. А. Минакира, Н. В. Новиковой, Н. М. Сурниной, В. А. Сухих, А. И. Татаркина, А. Н. Швецова и др. Существенный вклад в развитие понятийно-терминологического аппарата исследований, посвященных вопросам пространственного развития, также внесли Е. А. Атаманова, О. Ю. Денисова, В. Н. Лаженцев, В. И. Пефтиев, В. В. Радаев, С. А. Тархов, А. А. Ткаченко, В. В. Чекмарев, Г. Шибусава и др.

Отдельные положения концепции территориального капитала были раскрыты в работах как зарубежных исследователей (Ф. Вентура, Р. Гильфердинг, Дж. Даниелевич, Р. Каманьи, А. Караглиу, Р. Капелло, П. Нийкамп, Б. И. Тот, М. Турала и др.), так и отечественных авторов (П. А. Аношкин, В. В. Боброва, М. П. Васильев, Ю. В. Савельев, А. А. Шишкин и др.).

Широкий круг вопросов оценки пространственного развития экономики был рассмотрен в работах таких авторов, как Н. Т. Аврамчикова, В. В. Акбердина, А. Г. Гранберг, С. В. Дорошенко, Р. И. Васильева, Е. Н. Королева, С. С. Красных, И. В. Наумов, Ю. В. Павлов, И. А. Секушина, В. М. Тимирьянова, А. А. Урунов, А. Х. Хакимов, М. Н. Чувашова, М. В. Шмакова и др. Методологии измерения пространственных характеристик, их количественной интерпретации уделяется много внимания также в зарубежных исследованиях (Л. Энслин, Р. Джири, А. Клиф, П. Моран, Д. Орд и др.).

Методологические подходы к организации управления преобразованиями экономического пространства представлены в трудах И. А. Антипина, Е. М. Бухвальда, Н. Ю. Власовой, О. Б. Глезер, Е. Б. Дворядкиной, А. Н. Демьяненко, Н. В. Зубаревич, О. Б. Иванова, О. А. Козловой, С. А. Кожевникова, Е. А. Коломак, В. А. Крюкова, О. В. Кузнецовой, В. В. Литовского, М. Н. Макаровой, Н. Н. Михеевой, Т. Г. Нефедовой, С. С. Патраковой, М. Б. Петрова, А. Н. Пилясова, С. Н. Растворцевой, Н. М. Ратнер, П. В. Строева, Т. В. Субботиной, Т. В. Миролюбовой, Т. В. Усковой, И. Ю. Швец, А. Г. Шеломенцева и др.

Исследованию вопросов моделирования пространственного развития экономики посвящены труды таких ученых, как С. Ю. Барсукова, Р. Ф. Гатауллин, С. С. Дзагова, Е. В. Иванова, А. В. Канищева, Д. Н. Киселев, Ф. А. Мамбетова, И. В. Манаева, Д. Л. Напольских, Т. Н. Плотникова, Н. В. Смородинская, А. С. Ткачева, А. А. Урасова, А. Г. Фурин, Т. А. Шибаева, Е. А. Юрина, С. И. Яковлева и др.

Следует отметить, что, несмотря на значительный вклад как отечественных, так и зарубежных ученых в решение задач, касающихся пространственных аспектов осуществления хозяйственной деятельности и реализации социально-экономических процессов, а также постоянное развитие теоретических, методологических, методических и прикладных аспектов исследований особенностей пространственного развития экономики, на сегодняшний день рассмотрены далеко не все вопросы. В частности, до сих пор не определены критерии и характеристики экономического пространства, достижение которых свидетельствует о наилучших условиях осуществления хозяйственной деятельности для ее участников, действующих в границах этого пространства; не разработан подход к оценке пространственных характеристик экономической системы, позволяющий определить проблематику ее развития, быстро и эффективно сопоставить (исходя из специфики пространственного развития) несколько территориальных систем друг с другом; не сформирован механизм управления пространственным развитием экономики, который можно было бы эффективно применить в современных российских условиях.

Объект исследования – система российских регионов и муниципальных образований, являющихся элементами экономического пространства страны.

Область исследования. Содержание диссертации соответствует п. 1.1 «Теории пространственной и региональной экономики», п. 1.2 «Пространственная организация национальной экономики. Пространственное распределение экономических ресурсов», п. 1.11 «Региональная экономическая политика: цели, инструменты, оценка результатов» и п. 1.16 «Оценка и прогнозирование перспектив развития региональных экономических систем» Паспорта научной специальности 5.2.3 – Региональная и отраслевая экономика (региональная экономика).

Предметом исследования является совокупность социально-экономических отношений, процессов и взаимодействий, которые возникают в ходе осуществления пространственного развития экономики Российской Федерации, определяемого трансформацией ее территориального капитала.

Цель диссертационного исследования заключается в совершенствовании теоретических и методологических основ, а также инструментария управления пространственным развитием экономики страны на основе концепции территориального капитала.

Для достижения поставленной цели в диссертационной работе предлагается последовательное решение комплекса взаимосвязанных **научных задач**:

1) развить теоретические основы исследования пространственного развития экономики путем дополнения представлений теорий территориального развития и пространственных теорий концепцией территориального капитала;

2) предложить методологию пространственного развития экономики, концептуальной основой которой выступает наращивание территориального капитала;

3) разработать методический инструментарий оценки пространственного развития экономики, учитывающий параметры территориального капитала;

4) разработать модель пространственной организации экономики Российской Федерации, учитывающую специфику ее территориального капитала и позволяющую определить направления пространственных преобразований для территорий разных типов и разных иерархических уровней;

5) предложить механизм управления пространственным развитием экономики Российской Федерации, в основе которого лежит наращивание ее территориального капитала.

Научная новизна проведенного исследования заключается в переходе от традиционного подхода к определению направлений пространственного развития экономических систем, предполагающего придание экономическому пространству ряда свойств, которые соответствуют унифицированным стандартам, обобщенным критериям оптимизации пространственных характеристик, к дифференцированному подходу, учитывающему масштаб экономической системы, пространственные характеристики которой находятся в процессе трансформации, и специфику ее территориального капитала (территориальный капитал в данном случае играет роль результирующего параметра, изменение которого позволяет оценить эффективность пространственных преобразований, а также служит фактором, определяющим условия реализации пространственного развития).

Теоретическая ценность результатов диссертационного исследования заключается в развитии и дополнении теоретических основ и методологических подходов, позволяющих решить фундаментальную научную проблему определения направлений и ин-

струментов пространственных трансформаций экономического комплекса с использованием авторской методологии.

Практическая значимость результатов исследования обусловлена предложением комплексного подхода к управлению пространственным развитием экономики Российской Федерации, базирующегося на учете особенностей отдельных территориальных единиц (их масштабов, а также имеющегося у них территориального капитала) и включающего в себя набор алгоритмов и инструментов, использование которых позволяет обоснованно подходить к выбору направлений пространственных преобразований территориальных комплексов и осуществлению региональной политики.

Методология и методы диссертационного исследования основываются на теоретических положениях региональной и пространственной экономики. Ключевой особенностью методологии исследования является использование концепции территориального капитала, в соответствии с которой уникальность набора ресурсов, находящихся в распоряжении каждой территориальной системы, определяет разную степень отдачи от имеющихся активов, задавая тем самым наиболее подходящие для развития сферы и определяя направления трансформаций социально-экономического комплекса территории. В работе применялись общенаучные методы теоретического и эмпирического познания (логический, диалектический, сравнительный, причинно-следственный метод, метод анализа и синтеза, метод научной абстракции), а также экономико-статистические, эконометрические и картографические методы пространственного анализа.

Информационно-эмпирической базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых, исследовавших различные аспекты пространственного развития и отдельные положения концепции территориального капитала, нормативно-правовые акты и документы стратегического планирования разного уровня, данные Федеральной службы государственной статистики и ее территориальных подразделений, информационно-аналитических систем органов власти разного уровня, международных и российских экспертных сообществ, рейтинговых агентств, собственные аналитические разработки и иные результаты опубликованных исследований автора.

Положения, выносимые на защиту.

1. Сформулированы теоретические положения исследования пространственного развития экономики, основанные на дополнении представлений теорий территориального развития и пространственных теорий концепцией территориального капитала. Раз-

работанный научный подход к исследованию предполагает: расширение содержания понятия «пространственное развитие» как элемента территориального развития, связанного с изменением особенностей локализации объектов в пространстве и трансформацией порождающих их эффектов, изменением форм организации хозяйственной деятельности и преобразованием особенностей взаимодействия между отдельными пространственными составляющими; внесение уточнений в сущностно-содержательную характеристику понятия «территориальный капитал», которые, в отличие от существующих взглядов, базирующихся на учете только одного из его признаков, предполагают интеграцию этих аспектов и позволяют рассматривать территориальный капитал в трех временных позициях (на стадии формирования, существования, завершения), и определяет возможность выработки методологии пространственного развития экономики на основе наращивания территориального капитала (п. 1.1 Паспорта научной специальности 5.2.3) (гл. 1, § 1.1–1.3).

2. Разработана методология пространственного развития экономики, концептуальной основой которой выступает наращивание территориального капитала, комплексно характеризующего территорию и определяющего ее место в процессе организации экономического пространства. Методической основой предложенного подхода служит моделирование, особенности которого обуславливаются набором факторов и ограничений; требованиями, предъявляемыми к модели пространственной организации экономики территории; алгоритмом, включающим пять последовательных шагов. Ключевой элемент данного алгоритма – определение стратегических приоритетов пространственного развития экономики для обладающих различным территориальным капиталом территорий разного уровня, позволяющих охарактеризовать свойства, которые должны быть заложены в модель (п. 1.2 Паспорта научной специальности 5.2.3) (гл. 2, § 2.1–2.3).

3. Разработана и апробирована интегральная методика оценки пространственного развития экономики, учитывающая параметры территориального капитала. Она объединяет методику оценки экономического пространства, особенностью которой является учет как параметров локализации объектов, так и специфики сложившихся на территории социально-экономических условий, и методический инструментарий измерения территориального капитала, учитывающий наличие в его составе разнородных элементов, а также изменчивость ценности каждого актива на разных стадиях его функционирования. Применение методики позволяет выявить проблемы и перспективы пространствен-

ного развития экономических систем разного уровня, систематизировать отдельные территориальные единицы, отличающиеся друг от друга тем местом, которое каждый из них занимает в экономическом пространстве страны (п. 1.16 Паспорта научной специальности 5.2.3) (гл. 3, § 3.1–3.3).

4. Разработана концептуально-логическая модель эффективной многоуровневой пространственной организации экономики Российской Федерации, учитывающая специфику ее территориального капитала и позволяющая определить направления пространственных преобразований для территорий разных типов и разных иерархических уровней. В основе предложенной модели лежат три ключевых принципа: 1) принцип комбинирования моделей пространственного развития разных типов (сетевой, функциональной и каркасной); 2) принцип согласованности приоритетов пространственного развития экономики территорий разного уровня друг с другом; 3) принцип примата типа и масштабов имеющегося у территории территориального капитала при определении путей ее развития и развития ее окружения. Модель учитывает различия в степени соотношения значимости реализации параметров пространственной организации (полицентричности, связанности, открытости, изменяемости, неоднородности) для территорий разного типа (п. 1.2 Паспорта научной специальности 5.2.3) (гл. 5, § 5.1−5.2).

5. Предложен механизм управления пространственным развитием экономики Российской Федерации, в основе которого лежит наращивание ее территориального капитала. Механизм предполагает согласование приоритетов пространственных трансформаций экономики территорий разного уровня друг с другом и с ориентирами социально-экономического и научно-технологического развития. В его структуре можно выделить пять основных элементов, каждый из которых значим на национальном, региональном и локальном уровнях: функционал управления пространственным развитием; мониторинг пространственного развития; ресурсная основа развития пространств; стратегический каркас пространственного развития; технологическая основа управления пространственным развитием. Особенностью механизма является учет масштаба экономической системы, пространственные характеристики которой находятся в процессе трансформации, и специфики ее территориального капитала (п. 1.11 Паспорта научной специальности 5.2.3) (гл. 5, § 5.3).

Степень достоверности результатов диссертационного исследования подтверждается использованием значительного количества источников информации, позволяю-

щих подробно и разносторонне рассмотреть поставленную научную проблему; применением авторского методического инструментария и корректной обработкой данных; достаточным объемом и результатами аналитических процедур, а также положительной оценкой итогов исследования на научных мероприятиях разного уровня и внедрением полученных результатов в практику управления пространственным развитием территориальных систем разного уровня.

Апробация и внедрение результатов диссертационного исследования. Исследования автора, результаты которых были учтены при написании настоящей диссертационной работы, получили поддержку:

– Совета по грантам Президента России для государственной поддержки молодых российских ученых и по государственной поддержке ведущих научных школ Российской Федерации: в 2019 г. – «Моделирование пространственной организации экономики региона в условиях трансформации ресурсной составляющей ее развития» (проект № МК-3442.2019.6, роль в проекте – руководитель);

– Российского научного фонда: в 2020 г. – «Активизация пространственного развития экономики России на основе наращивания ее территориального капитала» (проект № 20-78-00067, роль в проекте – руководитель);

– Российского научного фонда: в 2023 г. – «Поливариантность детерминант и трендов экономической динамики муниципальных образований России: концептуализация, идентификация и типологизация в интересах государственного регулирования пространственного развития» (проект № 23-18-00180, роль в проекте – исполнитель).

Теоретико-методологические результаты научно-исследовательской работы в 2015 г. были отмечены премией Губернатора Свердловской области для молодых ученых в номинации «За лучшую работу в области экономики» (цикл работ на тему «Теоретико-методологическое обоснование и практическое применение пространственной модели инновационного развития региона с учетом креативности его среды»), в 2025 г. – премией имени академика РАН А. И. Татаркина в номинации «За лучшую работу в области исследований территориальных социально-экономических систем» (цикл работ на тему «Методология пространственного развития экономики на основе наращивания территориального капитала»).

Отдельные положения диссертационного исследования были учтены при подготовке ежегодных докладов Президенту РФ «О состоянии национальной безопасности

Российской Федерации и мерах по ее укреплению» (раздел «Укрепление единства экономического пространства Российской Федерации»); аналитических материалов для заседаний Совета безопасности РФ «О дополнительных мерах по развитию технического регулирования с позиции обеспечения экономической безопасности Российской Федерации» (2020 г.) и «О дополнительных мерах по развитию научно-технического потенциала для освоения Арктики» (2024 г.), Экспертного совета при Правительстве РФ «Социально-экономическое развитие Уральского федерального округа» (2022 г.), круглого стола в Совете Федерации на тему «О результатах реализации Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 г. и направлениях дальнейшего совершенствования государственной политики регионального развития Российской Федерации» (2025 г.); аналитических материалов по корректировке национальных проектов (в том числе «Жилье и городская среда») с учетом указа Президента России от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации до 2030 г.» (2020 г.); предложений в проект новых Основ государственной политики Российской Федерации в области развития местного самоуправления до 2030 г. (2020 г.); при подготовке экспертных заключений на проекты Концепции развития общественных и гуманитарных наук (2019 г.), федеральных законов «О городских агломерациях» и «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части развития городских агломераций и межмуниципального сотрудничества» (2020 г.), Стратегии социально-экономического развития Свердловской области до 2035 г. (2021 г.), Долгосрочного прогноза социально-экономического развития Свердловской области на период до 2036 г. (2021 г.), Стратегии социально-экономического развития Академического района г. Екатеринбурга (2023 г.) и др.

Научные разработки, а также практические рекомендации, содержащиеся в диссертационном исследовании, неоднократно были внедрены в практику:

– Администрацией Президента Российской Федерации (Аппаратом полномочного представителя Президента Российской Федерации в Уральском федеральном округе) при подготовке методических рекомендаций и проведении экспертной оценки;

– Министерством экономики и территориального развития Свердловской области при разработке Схемы размещения объектов модернизации и нового строительства до 2020 г., научном сопровождении разработки стратегий муниципальных образований региона, актуализации долгосрочного прогноза социально-экономического развития региона;

– Российской академией наук при исследовании вопросов обеспечения экономической безопасности Российской Федерации;

– Уральским отделением РАН при разработке Комплексного плана его развития до 2025 г.;

– Ассоциацией муниципальных образований «Екатеринбургская городская агломерация» при разработке инструментария оценки экономического развития Екатеринбургской городской агломерации;

– Администрацией города Екатеринбурга при актуализации разделов и обосновании ключевых положений Стратегического плана развития города, разработке долгосрочного прогноза социально-экономического развития, формировании Концепции перспективного развития жилых микрорайонов;

– Администрацией муниципального округа Среднеуральск при разработке Стратегии социально-экономического развития Среднеуральска;

– Администрацией Октябрьского района города Екатеринбурга при разработке Стратегии социально-экономического развития района;

– ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» при реализации НИР «Финансово-экономические механизмы развития макрорегионов, городских агломераций и моногородов»;

– ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет» и ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» при проведении занятий для студентов бакалавриата и магистратуры.

Практическое внедрение результатов диссертационной работы подтверждается соответствующими документами.

Полученные в ходе диссертационного исследования теоретические, методологические и практические результаты используются в учебном процессе при чтении курсов лекций и проведении семинарских занятий по дисциплинам «Конкурентоспособность территории», «Макроэкономическое планирование и прогнозирование», «Оценка конкурентоспособности территории», «Региональное планирование и прогнозирование», «Региональные и локальные рынки товаров и услуг», «Теория региональных рынков», «Экономика города».

Основные результаты исследования, выводы и рекомендации, сформулированные в работе, были представлены более чем на 70 международных и всероссийских научно-

практических конференциях, форумах, симпозиумах в таких городах, как Вологда (2020, 2022−2025), Донецк (2019), Екатеринбург (2012−2025), Ижевск (2021), Краснодар (2024), Курган (2019), Москва (2013), Минск (Беларусь) (2024), Новосибирск (2018−2020, 2022−2025), Пермь (2018, 2025), Прага (Чехия) (2020), Санкт-Петербург (2022−2024, 2026), Стамбул (2015), Томск (2012, 2021, 2023), Тюмень (2022), Уфа (2020−2021), Челябинск (2018−2021).

Публикации. По теме диссертации опубликовано 77 научных работ общим объемом 118 п. л., из них авторских – 87,3 п. л., в том числе 1 авторская монография и 12 разделов в коллективных монографиях; 17 публикаций, индексируемых в международных базах данных; 26 статей в изданиях, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Структура и объем диссертационного исследования определяются поставленной целью и соответствуют логике решаемых автором исследовательских задач. Работа состоит из введения, пяти глав, заключения, списка литературы, включающего 641 наименование, в том числе 172 источника на иностранных языках, и 16 приложений. Диссертация изложена на 430 страницах машинописного текста, проиллюстрирована 37 таблицами и 45 рисунками.

Во ***введении*** обоснована актуальность диссертационного исследования, раскрыта степень проработанности избранной проблематики, определены предмет и объект исследования, сформулированы цель и задачи, представлены теоретические и методологические основы, информационно-эмпирическая база, приведены основные результаты, обладающие признаками научной новизны и определяющие практическую значимость работы, дана информация об апробации основных результатов исследования.

Первая глава «Теоретические детерминанты исследования пространственного развития экономики» характеризует теоретические основы подхода, направленного на активизацию пространственного развития экономики территории и базирующегося на наращивании ее территориального капитала. В частности, обозначено содержание и концептуальные свойства экономического пространства, описана трансформация научной парадигмы пространственного развития экономики, выявлен ряд свойств и признаков территориального капитала, лежащих в основе его экономической природы.

Во ***второй главе*** «Методологические основы пространственного развития экономики» описан предлагаемый методологический подход к преобразованию экономического пространства. Обоснована значимость наращивания территориального капитала в качестве концептуальной основы методологии пространственного развития экономики. На основе изучения европейского опыта создания пространственных моделей и опыта стратегического планирования преобразований пространства российских регионов систематизированы подходы к моделированию пространственной организации экономики как методической основы предлагаемого подхода, позволившие выявить отличающиеся друг от друга типы моделей, обозначен алгоритм моделирования пространственного развития экономики для территорий разного уровня, обладающих различным территориальным капталом.

В ***третьей главе*** «Научно-методическое обеспечение оценки пространственного развития экономики» представлено описание методического инструментария оценки пространственного развития экономики с учетом параметров территориального капитала. Охарактеризованы подходы к измерению экономического пространства, идентифицированы параметры и индикаторы пространственного развития экономики, определен способ измерения территориального капитала как фактора, определяющего особенности пространственного развития экономики, и как результата этого процесса, предложена интегральная методика оценки пространственного развития экономики.

Четвертая глава «Особенности пространственного развития Российской Федерации» посвящена анализу специфики пространственного развития разномасштабных экономических систем страны. В частности, определены проблемы и перспективы пространственного развития национальной экономики, проведена систематизация российских регионов, различающихся масштабами вклада в территориальный капитал страны и спецификой ресурсной составляющей их развития, обозначены проблемы и перспективы их пространственных трансформаций, а также особенности пространственного развития городских систем разных типов.

В ***пятой главе*** «Управление пространственным развитием экономики Российской Федерации» внимание уделено совершенствованию процессов управления пространственным развитием экономики страны. Определены особенности идентификации приоритетов пространственного развития экономики территорий разного уровня, обозначены инструменты их согласования друг с другом и с иными ориентирами развития страны и ее

отдельных территориальных единиц. Предложена модель многоуровневой пространственной организации экономики Российской Федерации, учитывающей специфику ее территориального капитала, охарактеризован механизм управления пространственным развитием экономики страны.

В ***заключении*** приведены основные выводы по результатам проведенного исследования, сформулированы предложения и рекомендации в соответствии с поставленной целью и задачами диссертационной работы.

В ***приложениях*** представлены вспомогательные материалы, уточняющие и иллюстрирующие отдельные положения проведенного диссертационного исследования.

1 Теоретические детерминанты исследования пространственного развития экономики

1.1 Экономическое пространство: подходы к дефиниции, содержание

Специфика экономического пространства и параметры его трансформации оказывают существенное влияние на характер хозяйственных процессов, протекающих на территории: их динамика, эффективность и даже сама возможность осуществления в немалой степени определяются насыщенностью пространства экономическими агентами и инфраструктурными объектами, равномерностью их распределения и близостью друг к другу, связанностью отдельных составляющих пространства друг с другом. Благодаря трансформации нормативно-правовых основ планирования развития территорий, появлению новых законодательных актов, затрагивающих вопросы территориальных преобразований, пространственным аспектам осуществления хозяйственной деятельности в последнее время стало уделяться больше внимания, однако интерес к пониманию сути такой категории, как пространство, со стороны ученых всегда был достаточно высок. Данный термин, появившийся еще в античный период, тесно связан с целым рядом фундаментальных категорий, имеющих непосредственное отношение к обозначению форм существования вещей: временем, материей и др.

Зачастую пространство и время рассматриваются исследователями в единой связке – как близкие друг другу по целому ряду свойств. Так, Л. Фейербах отмечал, что как пространство, так и время представляют собой не просто формы явлений, а условия бытия[1]. Схожий тезис высказывал и Ф. Энгельс, подчеркивая бессмысленность бытия вне времени и вне пространства[2].

При этом соотношение пространства и времени с внутренним миром индивида трактуется философами неоднозначно: можно говорить о существовании субъективист-

---

[1] Фейербах Л. Избранные философские произведения: в 2 т. – М.: Госиздат, 1955. – Т. 2. – С. 621−622.

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 30 т. – М.: Государственное издательство, 1931. – Т. 14: Философские работы. 1877−1888. – 700 с.

ского (увязывающего пространство и время с чувственным опытом человека, его попытками описать происходящие изменения) и объективистского (в соответствии с которым пространство и время рассматриваются как нечто, не определяемое человеческим познанием) подходов. Яркий представитель субъективистской концепции – Аврелий Августин, который отрицал объективное существование времени, отмечал, что оно коренится лишь в глубинах нашей души[1]. Как априорную форму восприятия пространство рассматривал И. Кант[2]: по его мнению, человек воспринимает то, что его окружает, используя свои чувства, следовательно, свойства пространства во многом определяется гносеологическими особенностями конкретного субъекта. Схожих взглядов придерживались Дж. Беркли[3], Э. Мах[4] и целый ряд других исследователей, относя как пространство, так и время не к «вещам в себе», а к явлениям субъективного мира.

Объективистский подход как альтернативный взгляд на вопрос о соотношении пространства (и времени) с представлениями о них со стороны познающих их индивидов базируется на логике отделения объектов от субъектов, признании их самостоятельности и самодостаточности, определении в качестве факторов их трансформации причин, лежащих за пределами сознания. При этом сторонники объективистского подхода по-разному подходили к фиксации тех связей, которые объединяют пространство и время, с одной стороны, с материей и движением, с другой стороны: в истории философии выделяют две концепции пространства и времени – субстанционную и реляционную.

Субстанциональная концепция исторически возникла первой[5], в ее основе – идея независимости пространства и времени: их свойства не воспринимаются как результат изменений свойств материи. Так, Демокрит – родоначальник субстанциональной концепции – представлял пространство как бесконечную пустоту, являющуюся вместилищем множества атомов[6]; его учитель Левкипп отмечал, что в атомах воплощается сущее, их

---

[1] Августин Аврелий. Исповедь: пер. с лат. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2012. – 526 с.

[2] Кант И. Критика чистого разума: пер. с нем. – М.: Эксмо, 2015. – 736 с.

[3] Беркли Дж. Трактат о принципах человеческого знания и другие сочинения: пер. с англ. – М.: Академический проект, 2016. – 553 с.

[4] Мах Э. Механика. Историко-критический очерк ее развития: пер. с нем. – Ижевск: Ред. журн. «Регулярная и хаотическая динамика», 2000. – 455 с.

[5] Соколова Д. М. Субстанциональная и коммуникативная модели социальности: сравнительный анализ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2012. – Т. 12, № 3. – С. 53–56.

[6] Материалисты Древней Греции: собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура / ред. и авт. вступ. ст. М. А. Дынник. – М.: Госполитиздат, 1955. – 238 с.

главный атрибут – движение, а пространство позволяет этому движению существовать[1]; бесконечным и беспредельным пространство называет Эпикур[2], а Фалес трактует его как пустое вместилище для вещества – материи[3]. И. Ньютон, рассуждая в этой же логике, предложил концепцию абсолютного пространства, в соответствии с которой пространство (как и время) является независимым аспектом объективной реальности, оно равномерно, неподвижно, отдельные его части не отличаются друг от друга[4]. Абсолютное пространство не зависит от тех процессов, которые в нем происходят, выступая, скорее, фоном для их осуществления.

В основе реляционной модели – представление пространства как формы существования вещей, которые и определяют его реальность, другими словами, пространство, как и время, зависит от материи. Аристотель подчеркивает эту зависимость, отмечая, что пространство представляет собой результат отношений предметов материального мира[5], а следовательно, не является пустотой (оно занято материей), разнообразно и неоднородно (поскольку материальные объекты объективно являются разнокачественными, параметры их движения характеризуются различиями[6]). Г. В. Лейбниц называл пространство и время не реальностями, которые существуют сами по себе, а феноменами, определяемыми существованием других реальностей (пространством можно назвать порядок размещения тел, посредством которого они обретают определенное местоположение друг относительно друга[7]). Г. В. Ф. Гегель отмечал, что не только вещи находятся в пространстве, но и пространство (пространственность) является свойством вещей (оно всегда наполнено и тесно связано со своим наполнением)[8]. Атрибутами материи называли пространство и время Л. Фейербах[9], Р. Декарт[10] и др.

---

[1] Левкипп. Фрагменты. – М.: Директ-Медиа, 2002. – URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=6916 (дата обращения: 10.09.2025).

[2] Эпикур // Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев и др. – М.: Сов. энцикл., 1983. – С. 802.

[3] Фалес. Фрагменты. – М.: Директ-Медиа, 2002. – URL: https://www.directmedia.ru/book-6896-fragmenty/ (дата обращения: 10.09.2025).

[4] Ньютон И. Математические начала натуральной философии: пер. с лат. – М.: URSS, 2024. – 704 с.

[5] Аристотель. Физика: пер. с древнегреч. – М.: Юрайт, 2025. – 228 с.

[6] Солодухо Н. М. Однородность и неоднородность в развитии систем. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1989. – 174 с.

[7] Лейбниц Г. В. Сочинения: в 4 т. – М.: Мысль, 1982−1989. – Т. 1. – 636 с.

[8] Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук: в 14 т. – М.–Л.: Соцэкгиз, 1934. – Т. 2: Философия природы. – 683 с.

[9] Фейербах Л. Избранные философские произведения: в 2 т. – М.: Госиздат, 1955. – Т. 2. – 943 с.

[10] Фишер К. История новой философии: пер. с нем.: в 8 т. – СПб.: Д. Е. Жуковский, 1906. – Т. 1: Декарт, его жизнь, сочинения и учение. – 460 с.

Субстанциональной концепции достаточно долго отдавался приоритет в естественно-научных представлениях об окружающем мире, однако ее кризис был неизбежен: появление специальной и общей теории относительности А. Эйнштейна, развитие неевклидовой геометрии Н. И. Лобачевского, эллиптической геометрии Б. Римана обусловили необходимость изменения взглядов на сущность пространства, времени и связанных с ними феноменов. Это привело к тому, что реляционная концепция, более адекватная меняющейся картине мира парадигма, заняла главенствующее положение в науке. В настоящее время пространство уже не воспринимается как нечто абсолютное и неизменное: оно трансформируется под влиянием материи (находящихся в пространстве объектов), а отдельные его составляющие не похожи друг на друга.

При этом некоторые ученые[1] отмечают, что даже в рамках сегодняшних воззрений пространство и время выступают самостоятельными сущностями, что тесно увязывает такой «относительный» подход с субстанциональной концепцией. Подобная двойственность и неоднозначность толкования пространства во многом объясняется масштабами его интеграции в различные науки с точки зрения как исследуемых сфер, так и используемых методов. Если на первых этапах формирования интереса к пространству оно становилось предметом исследования ученых, обращающихся к вопросам философии, физики, то со временем его стали все активнее заимствовать представители других наук. Так, библиометрический анализ публикаций, представленных в электронной базе eLibrary[2], демонстрирует изменение соотношения числа связанных с пространством работ, относящихся к различным научным направлениям, даже на протяжении последних 30 лет (рисунок 1).

Если в конце 1990-х – начале 2000-х годов большинство работ, посвященных исследованию пространства и его отдельных аспектов, выпускались в рамках таких научных направлений, как математика и физика, то к настоящему времени наибольшее количество издаваемых публикаций по тематике «пространство» имеют отношение к экономике, истории, философии и социологии. Это привело к тому, что в общем объеме таких работ, размещенных в электронной библиотеке за все время, доля исследований по общественным наукам превышает удельный вес материалов по естественным наукам (рисунок 2).

---

[1] См., например: Аристов В. В. Построение реляционной статистической теории пространства-времени и физическое взаимодействие // Феномен и ноумен времени. – 2005. – Т. 2, № 2. – С. 148−176; Самсонов В. М., Петров Е. К. Пространство: абстрактное понятие или материальная реальность? // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. – 2020. – № 4 (54). – С. 7−20.

[2] Научная электронная библиотека eLibrary. – URL: https://elibrary.ru (дата обращения: 14.05.2025).

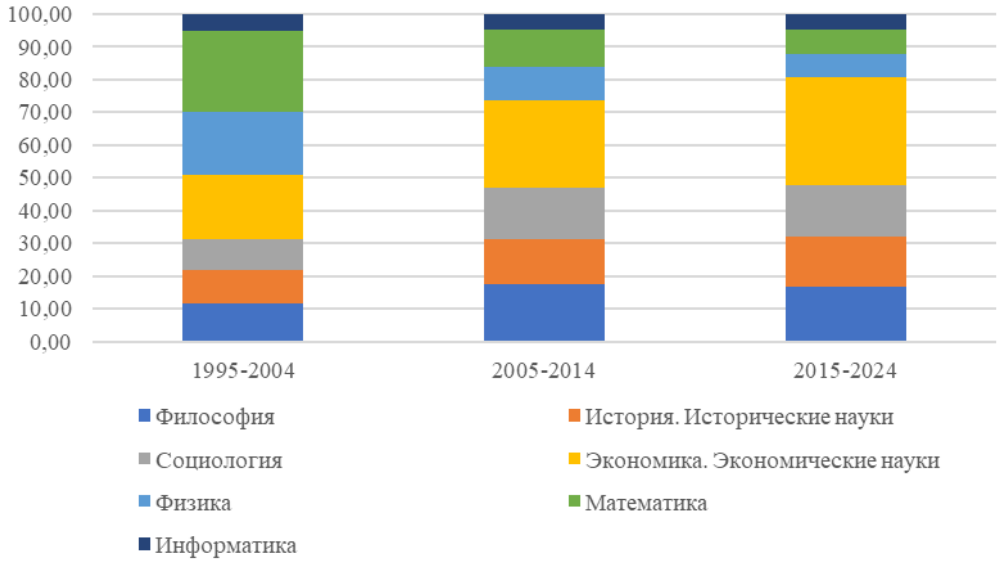

Рисунок 1 – Изменение соотношения выпускаемых публикаций, отобранных по теме «пространство»[1], в разрезе семи выбранных рубрик

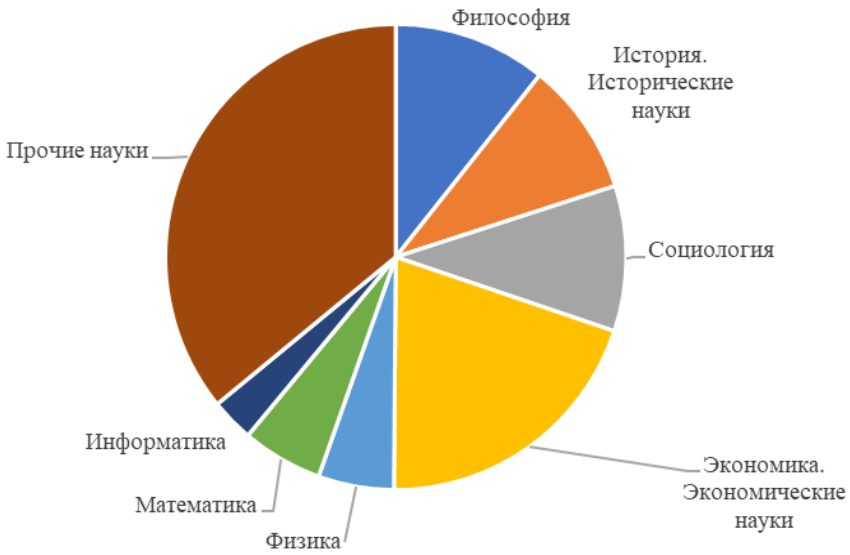

Рисунок 2 – Структура всего массива публикаций электронной библиотеки eLibrary, отобранных по теме «пространство»[2]

При этом очевидно, что используемый в рамках таких наук, как экономика, социология, история, термин «пространство» приобретает новые аспекты, отличается от того понимания, которым его наделяли натурфилософы, физики и математики. Более того,

[1] Составлено автором по данным научной электронной библиотеки eLibrary (https://elibrary.ru). Поиск осуществлялся по названию публикации, ее ключевым словам и аннотации.

[2] Составлено автором по данным научной электронной библиотеки eLibrary (https://elibrary.ru). Поиск осуществлялся по названию публикации, ее ключевым словам и аннотации.

возникают новые, более сложные термины: социальное пространство, культурное пространство, историческое пространство, экономическое пространство и т. д. Так, категория «социальное пространство», введенная в науку П. Бурдье[1] и получающая развитие в значительном количестве современных работ[2], используется для обозначения абстрактного пространства (конституированного ансамблем подпространств или полей, обязанных своей структурой неравному распределению отдельных видов капитала), в котором обитают и которое познают человеческие существа; особой среды, являющейся местом для осуществления социальных отношений[3].

Под культурным пространством можно понимать «сложнейший территориально-исторически и демографически обусловленный, естественно-научный, философский, социально-психологический, культурологический, этнологический конгломерат вещей, предметов, идей, ценностей, настроений, традиций, этнических норм, эстетических, политических и социальных взглядов в определенной культурной ситуации, проявляющейся в границах конкретного ареала и времени»[4], а историческим пространством можно назвать пространство, где происходили или происходят те или иные исторические события природно-географического, социального, экономического, общественно-культурного и политического характера[5]. Можно отметить, что восприятие пространства представителями общественных и гуманитарных наук вполне укладывается в логику реляционной концепции: оно неоднородно[6], изменчиво, подвижно, может существовать в разных масштабах, имеет свои границы (неявные и нестатичные)[7].

---

[1] Bourdieu P. The social space and the genesis of groups // Theory and society. – 1985. – Vol. 14, iss. 6. – P. 723−744.

[2] См., например: Беляева Л. А. Социальные дистанции как характеристика социального пространства современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2018. – Т. 18, № 1. – С. 58−72; Harrison U., Ollis T., Ryan C. Practice in the social space of neighbourhood houses: Community, relationships and adult learning // Australian journal of adult learning. – 2020. – Vol. 60, iss. 3. – P. 467−491; Liu S. Between social spaces // European journal of social theory. – 2021. – Vol. 24, iss. 1. – P. 123−139.

[3] Бурдье П. Социология социального пространства: пер. с фр. – М.: Алетейя, 2007. – 288 с.

[4] Кургузов В. Л. Русское культурное пространство и менталитет как факторы сближения народов России и Монголии // Россия – Монголия: самобытность и взаимовлияние культур в условиях глобализации: сб. – СПб.: СПбГУ, 2009. – С. 27.

[5] Лыткин К. А. Особенности трансформации исторического пространства // Academia. Архитектура и строительство. – 2019. – № 4. – С. 19−26.

[6] Боровков О. В. Пространства исторической науки и их взаимодействие // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 394. – С. 79−83.

[7] Клюева Е. А. Культурное пространство как научная категория // Общество. Среда. Развитие. – 2015. – № 4 (37). – С. 43−46.

В ряде работ, особенно при проведении практико-ориентированных исследований, пространство не представляет собой самостоятельный объект изучения: внимание экспертов сосредотачивается на пространственных аспектах осуществления сложных процессов различного генезиса – например, развития транспортных комплексов[1], городских систем[2], институтов[3], рынков[4]. В этом случае интерес исследователей смещается от попыток оформления однозначного понимания термина «пространство» к выявлению его характеристик и их изучению в контексте рассматриваемого явления.

Таким образом, к настоящему времени сформировалась серьезная научная база для всестороннего осмысления феномена экономического пространства, однако до сих пор не сложилось единого понимания ключевой дефиниции.

Е. Г. Анимица и В. А. Сухих[5], рассматривая региональные аспекты трансформации пространственно-временной парадигмы, отмечают, что традиционным (и наиболее распространенным) в экономике считается установление взаимосвязи понятия «экономическое пространство» с термином «территория», при этом особое внимание уделяется привязке хозяйственной деятельности к границам территориальной единицы. Примером определения, которое укладывается в рамки такого подхода, является трактовка, предложенная А. Г. Гранбергом: «Экономическое пространство – это насыщенная территория, вмещающая множество объектов и связей между ними: населенные пункты, промышленные предприятия, хозяйственно освоенные и рекреационные площади, транспортные и инженерные сети и т. д.»[6]. И хотя некоторые исследователи[7] используют понятия «пространство» и «территория» как синонимы, полностью отождествлять их неверно: существуют различные виды пространств, которые могут быть «привязаны» к одной и той же

---

[1] Maneejuk P., Ran J. The spatial spillover effects of transportation infrastructure on economic development in China // Machine learning for econometrics and related topics. – Cham: Springer, 2024. – P. 277−287.

[2] Diogo V., Jacobs-Crisioni C., Baranzelli C., Lavalle C. Integrated spatial simulation of population and urban land use: a pan-european model validation // Applied spatial analysis and policy. – 2023. – Vol. 16, no. 4. – P. 1463−1492.

[3] Kelejian H. H., Murrell P., Shepotylo O. Spatial spillovers in the development of institutions // Journal of development economics. – 2013. – Vol. 101. – P. 297−315.

[4] Гневашева В. А. Индекс пространственного развития рынка труда России: теоретические предпосылки определения // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2024. – № 11-1. – С. 25−28; Wang J., Zhai T., Lin Y. et al. Spatial imbalance and changes in supply and demand of ecosystem services in China // Science of the total environment. – 2019. – Vol. 657. – P. 781−791.

[5] Анимица Е. Г., Сухих В. А. Пространственно-временная парадигма в социоэкономике: региональный аспект. – Пермь: ПГНИУ, 2007. – 140 с.

[6] Гранберг А. Г. Основы региональной экономики. – М.: НИУ ВШЭ, 2000. – С. 25.

[7] См., например: Лейзерович Е. Е. Уровни организации пространства: экономико-географический анализ // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 1995. – № 2. – С. 67−74.

территории; также следует отметить, что если территории присущи в первую очередь материальные характеристики (площадь, рельеф и т. п.), то пространству в большей степени свойственны черты явления (неосязаемого и эфемерного).

В то же время некоторые авторы, говоря об экономическом пространстве, описывают его через призму деятельности тех субъектов, которые в нем функционируют. Например, Р. Ф. Гатауллин, А. Г. Каримов и А. Г. Комаров понимают под экономическим пространством результат активности хозяйствующих субъектов, которые взаимодействуют друг с другом в его границах, определяя рассматриваемое понятие как «субъективно сконструированную в ходе воспроизводства часть физического пространства, отражающую территориально обособленный и локализованный во времени процесс трансакций между экономическими агентами, формируемый на основе реализации их экономических интересов»[1]. П. А. Минакир и А. Н. Демьяненко еще более определенно подчеркивают связь пространства и действующих в нем субъектов, называя экономическим пространством «множество экономических агентов, распределенных в пределах определенного географического пространства и взаимодействующих друг с другом в соответствии с едиными в пределах этого географического пространства экономическими институтами»[2]; подобного подхода придерживается В. В. Чекмарев, отождествляющий пространство с субъектами (физическими и юридическими лицами) и объектами (как физическими, так и нефизическими)[3].

В рамках целого комплекса научных работ, посвященных исследованию различных аспектов экономического пространства, акцент смещается с субъектов (и объектов) на отношения между ними. Так, И. М. Ганиев называет экономическим пространством «территориально обособленную совокупность трансакций, в рамках которых экономические агенты (домохозяйства, предпринимательские организации, государство, местное сообщество) реализуют правомочия собственности на факторы и результаты производства, что, в свою очередь, обеспечивает реализацию их интересов»[4], а В. И. Пефтиев – «систему

---

[1] Гатауллин Р. Ф., Каримов А. Г., Комаров А. Г. Экономическое пространство: содержание, единство и разрывы // Проблемы современной экономики. – 2014. – № 4 (52). – С. 197.

[2] Минакир П. А., Демьяненко А. Н. Очерки по пространственной экономике. – Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2014. – С. 43.

[3] Чекмарев В. В. К теории экономического пространства // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. – 2001. – № 3 (27). – С. 25−38.

[4] Ганиев И. М. Реструктуризация экономического пространства региона на основе реализации ресурсного потенциала промышленных районов: дис. … канд. экон. наук: 08.00.05. Казань, 2011. – С. 12.

отношений по использованию экономических ресурсов»[1]. Подобные трактовки вполне укладываются в рамки реляционной концепции, описанной ранее: пространство приобретает черты явления, основные характеристики и параметры развития которого определяются деятельностью действующих в его границах экономических агентов.

Такая же логика обусловила появление подхода, в основе которого лежит сближение категорий «экономическое пространство» и «среда». Так, в определении, предложенном Ю. Г. Лавриковой, под экономическим пространством понимается «территория взаимодействия хозяйствующих субъектов, отношения между которыми складываются в определенной социально-экономической среде, формируемой применяемыми на территории (однотипными) механизмами регулирования экономики; а также сама социально-экономическая среда взаимодействия хозяйствующих субъектов, формируемая применяемыми на территории механизмами регулирования экономики»[2]. Схожих взглядов придерживаются В. П. Пахомов и Е. А. Атаманова, отождествляющие экономическое пространство со «средой экономических отношений между хозяйствующими субъектами, которая формируется при определенных условиях под воздействием различных факторов»[3]. Таким образом, авторы, отмечая тесную взаимосвязь пространства с действиями экономических акторов, расширяют содержание процессов, определяющих его сущностные характеристики, увязывая пространство со всеми условиями, которые формируют специфику осуществления экономической деятельности в заданных территориальных границах (безотносительно источника их возникновения).

Можно также отметить, что каждый из представленных подходов (от достаточно узкого «территориального» до наиболее комплексного «средового») отличается от прочих широтой восприятия экономического пространства; кроме того, сама природа явления понимается авторами вышеобозначенных трактовок по-разному: как материальный объект (территория и расположенные в ее границах субъекты) и как нечто нематериальное (совокупность отношений между участниками экономической деятельности, среда их взаимодействия). При этом в рамках каждого подхода подчеркивается взаимосвязь эко-

---

[1] Пефтиев В. И. К концепции экономического пространства // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия: Экономические науки. Проблемы новой политической экономии. – 2001. – № 3. – С. 34.

[2] Лаврикова Ю. Г. Концептуальные основы пространственного развития регионов // Журнал экономической теории. – 2008. – № 4. – С. 157.

[3] Пахомов В. П., Атаманова Е. А. Теоретико-методологические основы пространственного недропользования. – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2011. – С. 15.

номического пространства с географически определенным местом (территорией). Основой существования подобной взаимосвязи является влияние, которое параметры территории (как физического объекта) оказывают на специфику протекающих в ее границах социально-экономических процессов, обуславливающих изменение характерных для нее условий ведения деятельности. В то же время существует и обратное воздействие: особенности среды, характер взаимоотношений между экономическими акторами определяют направления, скорость и особенности изменений физических свойств территории. Так, Г. Шелл[1], говоря об устойчивом развитии региональных и локальных комплексов, подчеркивал значимость влияния на трансформации масштабных социально-экономических систем их средовых параметров, определяемых территориальной спецификой площадок разного уровня.

Имеет смысл объединить в отдельную группу определения, в рамках которых упор сделан на такое свойство пространства, как системность, – их авторы не просто констатируют тот факт, что любое пространство представляет собой систему, а пытаются посредством предлагаемых ими трактовок обозначить ключевые элементы этой системы, особенности взаимоотношений между ними. Например, О. П. Звягинцева называет экономическим пространством комплекс, уровни которого «в разной степени заполнены реальными хозяйственными системами, формами их взаимодействия и происходящими внутри них хозяйственными процессами, выражающими их экономические отношения»[2]. Более насыщенное определение дает Н. М. Сурнина, делая акцент на взаимосвязи составляющих системы «пространство – время»: она называет экономическим пространством «эволюционирующую циклично саморазвивающуюся иерархически организменную суперсистему, в каждой ячейке (точке) которой существует информационная программа развития (в проявленном или непроявленном состоянии), обусловливающая потенциальность, наполненность и многообразие форм ее развития»[3]. Подобная трактовка позволяет уделить внимание трансформациям пространства, которые обусловлены спецификой отличающихся друг от друга пространственных систем, каждая из которых многоаспектна

[1] Szell G. Regional and local sustainable development. // International review of sociology. – 2014. – Vol. 24, iss. 1. – P. 4–12.

[2] Звягинцева О. П. Воспроизводство общественных благ в ракурсе концепции экономического пространства // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия: Экономические науки. Проблемы новой политической экономии. – 2004. – № 2. – С. 50.

[3] Сурнина Н. М. Пространственная экономика (теоретико-методологическое и научно-практическое исследование): автореф. дис. … д-ра экон. наук: 08.00.05. – Екатеринбург, 2003. – С. 17.

и обладает уникальными качествами, и при этом подчиняются общим законам эволюции, характеризуются цикличностью.

Можно также встретить определения, которые невозможно однозначно отнести ни к одной из выделенных групп из-за попыток их авторов подчеркнуть специфические черты экономического пространства, зачастую имеющие отношение к достаточно узкой тематике исследования. В качестве примера можно назвать трактовку Г. Шибусавы[1], в соответствии с которой под экономическим пространством понимается коммерческая часть интернета.

Очевидно, что предложенный вариант выделения пяти основных подходов к пониманию сущности экономического пространства («система», «территория», «множество субъектов/объектов», «совокупность хозяйственных процессов», «среда») является лишь одной из возможных версий классификации взглядов на содержание рассматриваемого понятия. Обзор предлагаемых в научной литературе иных вариантов систематизации представлен в ранее опубликованной автором диссертационного исследования работе[2].

Следует, однако, отметить, что стремление исследователей учесть, объединить и сгруппировать различные трактовки может способствовать «перегрузке» изучаемого термина смыслами, а в худшем случае – представлению ошибочных выводов (например, вследствие неверной интерпретации рассматриваемых тезисов). Так, многие авторы[3] называют В. В. Радаева представителем ресурсного подхода к пониманию экономического пространства, обозначающего его как совокупность «экономических действий», под которыми подразумевается «определенная связь между целями и средствами, а также особый характер самого действия»[4], однако исследователь таким образом определял экономику, а не экономическое пространство[5].

Кроме того, никакое определение, каким бы содержательным оно ни было, не способно отобразить все аспекты понятия, особенно когда речь идет о таком многостороннем

---

[1] Shibusawa H. Cyber space and physical space in an urban economy // Papers in regional science. – 2000. – Vol. 79. – P. 253−270.

[2] Суворова А. Пространственное развитие экономики России на основе наращивания ее территориального капитала. – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2023. – С. 214−215.

[3] См., напремер: Митрофанов А. В. Единство экономического пространства: подходы к трактовке и содержание понятия // Вестник Пензенского государственного университета. – 2013. – № 2. – С. 46−52; Соловьева Т. С. Пространство в экономической науке: теоретические аспекты эволюции // Социальное пространство. – 2015. – № 2 (2). – URL: http://socialarea-journal.ru/article/1701 (дата обращения: 18.03.2025).

[4] Семак Е. А. Единое экономическое пространство: теоретические подходы // Беларусь и мировые экономические процессы: сб. науч. ст., вып. 10. – Минск: БГУ, 2013. – С. 115.

[5] Радаев В. В. Что такое «экономическое действие»? // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3, № 5. – С. 18−25.

и сложном явлении, как экономическое пространство. Это заставляет исследователей, не ограничиваясь исключительно предложением дефиниций, уделять внимание содержательным признакам и концептуальным свойствам экономического пространства. Предлагаемый автором диссертационного исследования перечень таких свойств представлен в одной из ранее опубликованных работ[1].

Научный интерес представляет не выявление всего многообразия имеющихся в литературе подходов, а стоящая за ним систематизация (и критическая оценка) взглядов, которая позволяет обозначить разные стороны исследуемого явления. Несмотря на кажущуюся противоречивость всех рассмотренных в работе трактовок, они весьма гармонично сочетаются друг с другом, расширяя и обогащая понимание сути экономического пространства, которое в силу своей многоаспектности может быть раскрыто только путем комплексного представления. С одной стороны, экономическое пространство можно рассматривать как среду формирования самобытной социально-экономической системы, определяющую специфику всего многообразия протекающих в его границах процессов и зависящую от особенностей функционирования связанных с ним акторов (другими словами, нематериальную площадку осуществления хозяйственной деятельности и межсубъектных взаимодействий, обладающую специфическими характеристиками, структурой организации и динамикой развития), с другой стороны, основой (и следствием) этой уникальности служит физический базис пространства – территория.

1.2 Пространственное развитие экономики: трансформация научной парадигмы и современный подход

Определение основных содержательных аспектов и особенностей экономического пространства позволяет перейти к следующей (более сложной) категории – пространственному развитию. Очевидно, что в самом общем виде под пространственным развитием может пониматься преобразование экономического (социально-экономического)

[1] Суворова А. В. Экономическое пространство: содержание и концептуальные свойства // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2020. – № 11-3 (69). – С. 115−119.

пространства – трансформация его состояния, предполагающая изменение ряда качественных характеристик. Однако подобная трактовка, несмотря на свою адекватность содержанию рассматриваемого понятия, не позволяет детально охарактеризовать некоторые тонкости обозначенного понятия, что обуславливает необходимость более глубокого рассмотрения его природы.

Так, имеет смысл проследить, как происходила трансформация научной парадигмы пространственного развития экономики. Для этого обратимся к процессу эволюции взглядов на экономическое пространство: изменение подходов к пониманию того, что собой представляет экономическое пространство и как его можно трансформировать, тесно связано с этапами, которые прошли в своем развитии взгляды научного сообщества на сущностные особенности пространственного развития.

В научной литературе можно найти значительное количество вариантов выделения составляющих процесса эволюции взглядов на экономическое пространство (некоторые примеры представлены в ранее опубликованной автором диссертационного исследования работе[1]). Их обобщение вкупе с анализом теорий и концепций, так или иначе отражающих пространственные аспекты хозяйственной деятельности, позволяет сформировать основу для характеристики трансформации научной парадигмы пространственного развития экономики.

О проблемах формирования экономического пространства и его дальнейшей трансформации исследователи говорили еще в XVIII веке: вопросы пространственного распределения богатства поднимались в работах Р. Кантильона «Эссе о природе торговли в общем плане»[2], Э. Кондильяка «Торговля и правительство, рассмотренные в их взаимном отношении»[3], Д. Юма «О торговом балансе»[4].

Однако основоположниками науки о пространственной организации хозяйства называют[5] А. Смита, создавшего концепцию абсолютных преимуществ, и Д. Рикардо, предложившего теорию сравнительных преимуществ, которые уделяли значительное

---

[1] Суворова А. Пространственное развитие экономики России на основе наращивания ее территориального капитала. – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2023. – С. 216–220.

[2] Кантильон Р. Эссе о природе торговли в общем плане // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков: в 5 т. – М.: Мысль, 2004. – Т. I: От зари цивилизации до капитализма. – С. 260–278.

[3] Кондильяк Э. Торговля и правительство, рассмотренные в их взаимных отношениях // Вехи экономической мысли: в 6 т. – М.: ГУ ВШЭ: ТЕИС, 2006. – Т. 6: Международная экономика. – С. 638–646.

[4] Юм Д. О торговом балансе // Вехи экономической мысли. – М.: ГУ ВШЭ, 2006. – Т. 6: Международная экономика. – С. 112–123.

[5] Бурдье П. Социология социального пространства: пер. с фр. – М.: Алетейя, 2007. – 288 с.

внимание вопросам местоположения ресурсов в пространстве. Исследователи отмечали, что развитие страны обуславливается ее производственными возможностями (уникальными и специфическими), определяющими то место, которое она занимает в международном разделении труда (при этом А. Смит видел в качестве основы специализации страны производство таких товаров, изготовление которых ее собственными силами обходится дешевле, чем их приобретение за рубежом[1], а Д. Рикардо – производство товаров, изготовление которых для данной страны выгоднее, чем производство других[2]). В то же время в научных изысканиях того периода большее внимание уделялось хозяйственным процессам, локализованным в разных точках пространства, а также взаимосвязям между ними, чем исследованию особенностей организации самого пространства.

В исследованиях Ф. Ратцеля, Р. Челлена, Ф. Наумана и Х. Макиндера, относимых рядом авторов (О. А. Бияков[3], С. А. Иванов и В. В. Ложко[4], Е. В. Субцельная[5] и др.) к работам, оказавшим существенное влияние на развитие теории экономического пространства, акцент делается на географических и геополитических аспектах пространственных трансформаций. Так, немецкий географ Ф. Ратцель[6], основатель теории жизненного пространства, рассматривал процесс освоения государствами новых территорий как естественную потребность, удовлетворение которой определяет саму возможность их существования и развития; пространство в этом контексте понималось в первую очередь как политический ресурс, от масштабов которого зависит эффективность хозяйственной деятельности. Шведский политолог Р. Челлен[7], развивший идеи Ф. Ратцеля, отмечал единство пяти сфер существования любого государства – его географического пространства, народа, хозяйственной системы, общества и управления, оказывающих значимое влияние друг на друга, причем географическому пространству ученый отводил особое место: именно в виде борьбы за пространство осуществляется, по его мнению, борьба государств

---

[1] Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Эксмо, 2016. – 1056 с.

[2] Блауг М. 100 великих экономистов до Кейнса: пер. с англ. – СПб.: Экономическая школа, 2008. – 346 с.

[3] Бияков О. А. Генезис теории экономического пространства // Вестник Кузбасского государственного технического университета. – 2004. – № 1 (38). – С. 75−82.

[4] Иванов С. А., Ложко В. В. О пространственном подходе в теории региональной экономики // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. – 2015. – Т. 9, № 1. – С. 18−25.

[5] Субцельная Е. В. Эволюция понятия единого экономического пространства // Беларусь и мировые экономические процессы: сб. науч. ст., вып. 8. – Минск: БГУ, 2011. – С. 105−111.

[6] Ратцель Ф. Политическая география (в изложении Л. Синицкого) // Геополитика: хрестоматия / сост. Б. А. Исаев. – СПб.: Питер, 2007. – С. 15−36.

[7] Челлен Р. Государство как форма жизни: пер. с швед. – М.: РОССПЭН, 2008. – 319 с.

за существование. Подход к пространству как важнейшему активу государственных образований любого уровня нашел отражение и в трудах Ф. Наумана, разработавшего теорию Срединной Европы, которая предполагала объединение ряда европейских государств в интересах усиления их потенциала путем организации интегрированного хозяйственно-политического пространства[1], и Х. Макиндера[2], основателя теории Хартленда – Срединной земли, в чьей картине мира государства могут занять важное место на политической карте мира лишь через их отношение с пространством – культурно и социально дифференцированным, имеющим цивилизационную специфику. Таким образом, хотя в обозначенных географических и геополитических концепциях много внимания уделялось пространству, ключевой для них была тематика взаимодействия отдельных государственных образований в интересах освоения ими ключевого ресурса – новых пространств.

По-новому на экономическое пространство позволили взглянуть классические штандортные (от нем. Standort – местоположение) теории, предложенные немецкими учеными И. Г. фон Тюненом, В. Лаунхардтом, А. Вебером на рубеже XIX−XX веков. Эти теории разрабатывались с целью определения наиболее выгодного, т. е. обеспечивающего наименьшие издержки или наибольшую прибыль от ведения деятельности, размещения локальных хозяйствующих субъектов. Так, И. Г. фон Тюнен в своем труде «Изолированное государство»[3] предложил модель размещения сельскохозяйственных производств, основанную на учете степени их возможной удаленности (в зависимости от необходимой скорости поставки продукции и частоты перемещений) от рынка сбыта производимой продукции, который в модели является центром концентрических окружностей – сельскохозяйственных зон. В. Лаунхардт[4] обозначил факторы, определяющие успешность расположения металлургического предприятия: значимым условием, по мнению исследователя, является близость к источнику сырья, вспомогательным для производства материалам и потребителям, а оптимальная для предприятия позиция в пространстве, которую можно выявить с помощью метода весового локационного треугольника, со временем может меняться под влиянием трансформации методов производства и техноло-

---

[1] См.: Баранов Н. Н. Срединная Европа Фридриха Наумана: становление концепции // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2009. – Т. 65, № 3. – С. 173−181.

[2] Маккиндер Х. Д. Географическая ось истории // Полис. Политические исследования. – 1995. – № 4. – С. 162−169.

[3] Тюнен И. Г. фон. Изолированное государство. – М.: Экономическая жизнь, 1926. – 326 с.

[4] Launhardt W. Die Bestimmung des zweckmässigsten Standortes einer gewerblichen Anlage // Zeitschrift des Vereinesdeutscher Ingenieure. – 1882. – Bd. 26. – S. 106−115.

гий. Впоследствии А. Вебер[1] развил идеи И. Г. фон Тюнена и В. Лаунхардта, включив в число условий, определяющих размещение предприятий, наряду с транспортными издержками трудовые издержки и фактор агломерации (расположение внутри агломерации позволяет предприятиям экономить ресурсы, использовать общую инфраструктуру и производственную базу).

Можно заключить, что в рамках штандортных теорий экономическое пространство становится более значимым (по сравнению с предшествующими работами) объектом исследований, однако ключевой вопрос, который ставили перед собой их авторы, был связан не с направлениями организации (реорганизации) пространства, а с параметрами локализации в его границах отдельных экономических акторов. Экономическое пространство при этом понималось как площадка взаимодействия хозяйствующих субъектов, представляющая собой относительно однородное поле (в работах И. Г. фон Тюнена, В. Лаундхарта) либо ареал, части которого отличаются друг от друга лишь отдельными, попадающими в сферу интересов авторов параметрами (исследования А. Вебера, а также таких экономистов, как Г. Ритшль[2], О. Энгландер[3], Х. Хотеллинг[4], Т. Паландер[5], Э. Гувер[6] и др., занимавшихся вопросами размещения элементов экономической системы и фокусирующих свое внимание на факторах, определяющих это размещение).

Перспективность раскрытия ключевой идеи классических штандортных теорий – определение оптимального местоположения экономических акторов в пространстве – была подвергнута критике со стороны ряда исследователей (например, А. Предель ставил под сомнение возможность выявления «единственно верного» места размещения хозяйствующих субъектов[7]), хотя лежащий в их основе подход, связанный с детальным рассмотрением изучаемой ситуации при намеренном упрощении ряда сопутствующих ей условий, не утратил своей актуальности и в наши дни, а полученные с их помощью результаты легли в основу значительного числа дальнейших исследований.

---

[1] Weber A. Üeber den Standort der Industrien. – Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1922. – 268 S.

[2] Ritschl H. Reine und historische Dynamik des Standortes der Erzeugungszweige // Schmollers Jahrbuch. – 1927. – Bd. 61. – S. 813−870.

[3] Engländer O. Kritisches und Positives zu einerallgemeinen reinen Lehrevom Standort // Zeitschrift für Volkwirtschaft und Socialpolitik. – 1926. – Bd. 5. – S. 474−479.

[4] Hotelling H. Stability in competition // The economic journal. – 1929. – Vol. 153, iss. 39. – P. 41−57.

[5] Palander T. Beiträgezur Standorts theorie. – Stockholm: Almqvist &Wiksell, 1935. – 419 S.

[6] Hoover E. Location theory and the shoe and leather industry. – Harvard: Harvard University Press, 1937. – 323 p.

[7] Predöhl A. Das standortproblem in der wirtschaftslehre // Weltwirtschaftliches Archiv. – 1925. – Bd. 21. – S. 294−331.

Так, В. Кристаллером была предложена теория центральных мест[1], в основе которой – абстрактная экономическая модель, позволяющая выявить параметры размещения поселений, а также специфику распределения между ними функций, связанных с обслуживанием населения. Важной особенностью предлагаемой модели является иерархичность гексагональной решетки («решетки Кристаллера»), элементами которой выступают населенные пункты разного ранга, оказывающие разный спектр услуг их жителям. При этом предпосылкой формирования модели является, как и в рамках ранее обозначенных подходов, пространственная однородность – территория понимается как равнина с равномерно размещенными ресурсами, однородно развитым транспортным сообщением и единой для всех ее зон плотностью населения; однако не менее значимым свойством экономического пространства, которое предполагает теория В. Кристаллера, является его иерархичность. Несмотря на то, что исследование пространства и выявление его характеристик не выступает главной задачей работы, проделанной В. Кристаллером, его вклад в развитие теории экономического пространства представляется весьма существенным: экономисту удалось обозначить такие его важные особенности, как многоуровневость и иерархичность организации.

Настоящим прорывом в изучении экономического пространства стало исследование А. Лёша[2]. Некоторые его идеи весьма тесно коррелировали с выводами, сделанными В. Кристаллером, однако А. Лёшу удалось не только дополнить и развить положения теории центральных мест (в частности, он отказался от лежащего в основе теории В. Кристаллера допущения о пространственной непрерывности и равномерности), но и углубиться в изучение экономического пространства, в том числе благодаря осмыслению в своей работе всех известных на тот момент времени теорий размещения производства. Он называл экономическим пространством рынок с границами, обусловленными межрегиональной конкуренцией, тем самым смещая фокус исследования с вопросов взаимодействия в пространстве отдельных акторов к проблемам регионального масштаба. Кроме того, в рамках предложенной А. Лёшем теории организации экономического пространства внимание уделялось не какому-либо одному аспекту пространственного развития

[1] Christaller W. Die zentralen Orte in Süddeutschland. Eineökonomisch-geographische Untersuchungüberdie Gesetzmäßigkeit der Verbreitung und Entwicklung der Siedlungenmitstädtischer Funktionen. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1980. – 340 S.

[2] Лёш А. Пространственная организация хозяйства: пер. с нем. – М.: Наука, 2007. – 663 с.

экономики, а значительному количеству различных факторов, определяющих размеры рыночных зон и влияющих на параметры экономического пространства. Таким образом, в исследованиях А. Лёша экономическое пространство приобретает черты категории, представляющей значительный научный интерес, – сложного и комплексного объекта, отличающегося неоднородностью, меняющегося со временем, чьи преобразования обуславливаются значительным количеством разнородных воздействий, изучение природы которых позволяет выявить перспективы пространственного развития социально-экономической системы.

Идея о необходимости создания науки о пространстве получила окончательное оформление в работах У. Айзарда (Изарда)[1], который систематизировал отдельные теории размещения и предложил методологию исследований, проводимых в интересах поиска путей решения имеющих пространственное измерение комплексных проблем (как социальных, так и экономических). У. Айзард обращал внимание на необходимость применения междисциплинарного подхода к проведению подобных исследований, объединяющего результаты разработок экономистов, географов, социологов, демографов, математиков[2], а также значимость учета при определении природы экономического пространства особенностей распределения по территории потребительского спроса и экономических ресурсов. Таким образом, в трудах У. Айзарда экономическое пространство представляет собой самостоятельный объект исследования, требующий использования методов и инструментов различных дисциплин, а характеристики пространства зависят от экономических процессов, протекающих в его границах, выступая при этом одним из факторов осуществляемых преобразований.

Параллельно с развитием зарубежных теорий, раскрывающих различные пространственные аспекты экономических процессов, вопросы пространственной организации хозяйства весьма широкое распространение получили и в отечественной науке. При этом, как справедливо отмечают Е. Г. Анимица и О. Ю. Денисова[3], данная тематика раскрыва-

---

[1] Изард У. Методы регионального анализа: введение в науку о регионах: сокр. пер. с англ. – М.: Прогресс, 1966. – 659 с.

[2] Кузнецова О. В., Карачева Н. С. У. Айзард и зарождение американской регионоведческой школы // III Готлибовские чтения: востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в фокусе современности: материалы Междунар. науч. конф. (Иркутск, 10–16 сентября 2019 г.). – Иркутск: ИГУ, 2019. – С. 275−280.

[3] Анимица Е. Г., Денисова О. Ю. От размещения производительных сил к региональной экономике // Ars Administrandi (Искусство управления). – 2015. – № 1. – С. 5−15.

лась преимущественно в трудах представителей экономико-географической науки, экономистов, изучающих проблемы локализации отдельных отраслей народного хозяйства. В XIX – первой половине XX века такие исследования концентрировались главным образом на изучении особенностей размещения производительных сил, социально-экономической географии, природном и экономическом районировании (однако интерес к территориальному экономическому устройству проявляли и ученые, работавшие в более ранние периоды, – М. В. Ломоносов, А. Н. Радищев, Н. И. Арсеньев, Н. Г. Чернышевский и др.). Так, один из ведущих отечественных специалистов Н. Н. Баранский, заложивший основы советской экономической географии, экономической картографии и разработавший учение об экономических районах, в своих трудах[1] обозначил значимость исследования и регулирования хозяйственного комплекса в территориальном разрезе, заявив о необходимости соблюдения районного принципа, предполагающего рассмотрение района как «производственного комплекса с определенной специализацией в общегосударственном масштабе, который является не только объектом экономико-географического изучения, но и единицей общесоюзного государственного плана восстановления и реконструкции народного хозяйства»[2]. Автор значительного количества работ по территориальному планированию и теории размещения производства А. Е. Пробст много внимания уделял вопросам районирования хозяйственной системы страны (в частности, им была разработана схема районирования национального топливно-энергетического комплекса), отмечая при этом значимость комплексного функционирования производительных сил одной территории: в результате их гармоничного развития «достигаются такие пропорции между отдельными отраслями хозяйства, при которых обеспечивается максимальное и разностороннее развитие производительных сил района и наибольшее повышение производительности общественного труда»[3]. Особенности районирования также были

[1] Баранский Н. Н. Краткий курс экономической географии. – М.–Л.: Гос. изд-во, 1928. – 455 с.; Баранский Н. Н. Экономическая география Советского Союза. Обзор по областям Госплана. – М.–Л.: Гос. изд-во, 1926. – 294 с.

[2] Баранский Н. Н. Тезисы по экономической географии // Вопросы преподавания экономических дисциплин: сб.: материалы метод. конф. преподавателей совпартшкол по экономических дисциплинам. – М.–Л.: Гос. изд-во, 1927. – С. 112.

[3] Пробст А. Е. Размещение социалистической промышленности. – М.: Экономика, 1982. – С. 18.

весьма детально раскрыты в работах Н. Н. Колосовского[1], Я. Г. Фейгина[2], П. Н. Степанова[3], К. Г. Воблого[4], Г. Н. Черданцева[5] и др.

Такой интерес отечественных исследователей первой половины XX века к вопросам экономического районирования и особенностям размещения элементов хозяйственного комплекса А. Н. Демьяненко объясняет ориентацией научной мысли на цели и задачи планового управления: рассматриваемые учеными темы вписывались в систему народнохозяйственного планирования, а районирование при этом рассматривалось как «инструмент децентрализации всей системы управления социально-экономическими процессами и структурами»[6]. Таким образом, в отличие от многих западных исследователей, уделяющих особое внимание проблемам размещения в пространстве отдельных предприятий, отечественные авторы пытались определить подход к оптимизации развития всего территориального экономического комплекса, воспринимая пространство как сложную неоднородную систему, отдельные элементы (зоны) которой должны быть самостоятельны и самодостаточны, одновременно встраиваясь в более масштабные экономические структуры. И хотя сущностные характеристики экономического пространства как отдельной категории в своих работах они не затрагивали и не предпринимали попыток взглянуть на него как на феномен, нуждающийся в серьезном осмыслении, решаемые ими вопросы имели самое непосредственное отношение к развитию науки о пространстве, при этом полученные результаты были ориентированы главным образом на реалии плановой экономики.

Во второй половине XX века исследования, связанные с пространственными аспектами организации хозяйственной деятельности, становятся все более разнообразными с точки зрения поднимаемых в них вопросов, фокусируются на детальном изучении отдельных свойств пространства, а их авторы пытаются понять, изменение каких простран-

---

[1] Колосовский Н. Н. Избранные труды. – Смоленск: Ойкумена, 2006. – 334 с.

[2] Фейгин Я. Г. Размещение производительных сил СССР. – М.: Политиздат, 1941. – 136 с.

[3] Степанов П. Н. География тяжелой промышленности СССР. – М.: Географгиз, 1961. – 152 с.

[4] Пяртли К. П. Константин Григорьевич Воблый (1876−1947) // Экономическая и социальная география в СССР: история и современное развитие: книга для учителя. – М.: Просвещение, 1987. – С. 290−294.

[5] Преображенский А. И. Глеб Никонорович Черданцев (1885−1958) // Экономическая и социальная география в СССР: история и современное развитие: книга для учителя. – М.: Просвещение, 1987. – С. 264−268.

[6] Демьяненко А. Н. Краткий очерк жизни и творчества Н. Н. Колосовского // Пространственная экономика. – 2009. – № 1. – С. 128.

ственных характеристик может повысить эффективность социально-экономических процессов, какие инструменты управления пространственным развитием способны показать себя наилучшим образом в современных условиях. В то же время не остаются без внимания темы, обозначенные ранее (например, не теряет актуальности проблема определения оптимального местоположения отдельных хозяйствующих субъектов, получившая дальнейшее развитие в трудах М. Гринхата[1], Г. Стаффорда[2], Дж. Блэра и Р. Премуса[3] и др.). Не ставя цель дать детальную характеристику всему множеству теорий и подходов данного периода, так или иначе повлиявших на формирование базиса учения об экономическом пространстве, обозначим некоторые наиболее значимые из них.

Понимание того, что ключевым свойством экономического пространства является его неоднородность, легло в основу концепции поляризованного развития, в соответствии с которой межтерриториальные дисбалансы рассматриваются как основа экономического роста комплексных систем, объединяющих эти отличающиеся друг от друга территории, а наиболее развитые из них выступают своеобразными источниками позитивных эффектов – полюсами роста масштабных хозяйственных систем. Термин «полюс роста» впервые прозвучал в трудах французского ученого Ф. Перру еще в середине XX века, хотя В. Н. Украинский, характеризуя пионерные работы, посвященные поляризованному экономическому развитию, отмечает, ссылаясь на Ф. Перру, что феномен полюсов роста был известен и до этого: в частности, он находил свое место в исследованиях историков, географов, которые, не используя само понятие, тем не менее хорошо понимали значение подобных комплексных объектов для развития системы, элементами которой они являются[4]. Ф. Перру обращал внимание на объективность существования дисбалансов развития, а значит, и полюсов роста, представляющих собой динамично трансформирующиеся предприятия (отдельные отрасли), которые благодаря своему развитию, темпы которого опережают скорость изменения других участников хозяйственных процессов, передают импульс преобразованиям всей экономики. При этом экономическое пространство ученый отождествлял с силовым полем, состоящим из «очагов развития» и сил (центробеж-

[1] Greenhut M. Spatial microeconomics. – Aldershot: Edward Elgar, 1995. – 608 p.

[2] Stafford H. A. Principles of industrial facility location. – Atlanta: Conway, 1980. – 320 p

[3] Blair J., Premus R. Major factors in industrial location: a review // Economic development quarterly. – 1987. – Vol. 1, iss. 1. – P. 72–85.

[4] Украинский В. Н. Теория поляризованного развития: первые шаги // Регионалистика. – 2017. – Т. 4, № 5. – С. 94.

ных и центростремительных), которые они порождают[1]. Такая трактовка в полной мере укладывается в логику выводов, сделанных другими исследователями, внесшими значительный вклад в концепцию поляризованного развития: предложившим теорию кумулятивной причинности Г. Мюрдалем, который отмечал, что особенности развития системы обуславливаются характером трансформаций ее отдельных элементов, а усиление дисбалансов развития является естественным трендом, обеспечивающим сохранение лидирующих позиций полюсов роста в долгосрочной перспективе[2]; основоположником теории прямой и обратной связи А. Хиршманом, который считал, что несбалансированный рост экономики (когда одни территории существенно опережают другие) стимулирует мобилизацию имеющихся резервов развития экономической системы[3]; Ж.-Р. Будвилем, который предложил относить к полюсам роста не только предприятия и отрасли, но и территории разного уровня[4]. Интерес ученых вызывали не только полюса роста, но и территории, которые их окружали, а также удаленные от них зоны: говоря о поляризованном развитии, невозможно оставить без внимания не входящие в число полюсов роста части пространства. Так, П. Потье обратил внимание на особенности развития территорий, расположенных между отдельными полюсами роста и превращающихся благодаря этому в своеобразные буферные зоны – оси развития, транслирующие генерируемые центрами роста импульсы и выступающие в качестве обязательных элементов пространственного каркаса экономической системы[5]. Т. Хагерстранд[6] (теория пространственной диффузии инноваций), Х. Гирш[7] (модель «вулкана») отмечали возможность постепенной синхронизации параметров развития полюсов роста и периферийных районов благодаря диффузии инноваций – трансляции нововведений от наиболее передовых к отстающим территориям, позволяющей им постепенно повышать уровень своего благосостояния.

---

[1] Perroux F. L'économie du XXe siècle. – Paris: Presses universitaires de France, 1961. – P. 131.

[2] Мюрдаль Г. Современные проблемы «третьего мира»: сокр. пер. с англ. – М.: Прогресс, 1972. – 767 с.

[3] Hirschman A. O. The strategy of economic growth. – New Haven: Yale university Press, 1958. – 231 p.

[4] Boudeville J. Problems of regional economic planning. – Edinburgh: University Press, 1966. – 192 p.

[5] Pottier P. Axes de communication et développement economique // Revue économique. – 1963. – Vol. 14. – P. 58−132.

[6] Hagerstrand T. Innovation diffusion as a spatial process. – Chicago: University of Chicago Press, 1967. – 334 p.

[7] Giersch H. Aspects of growth, structural change, and employment a schumpeterian perspective // Review of world economics. – 1979. – Vol. 115, iss. 4. – P. 629−652.

Еще одним направлением развития положения о неоднородности пространства можно считать появление концепций, авторы которых пытались определить основные характеристики и перспективы создания возможных центров опережающего роста, форм пространственной организации экономики, способных придать импульс развитию отстающих территорий или зон, стратегически важных для преобразования всего хозяйственного комплекса.

Так, в качестве подобных «активаторов роста» могут выступать производственные объединения – группы компактно расположенных предприятий, вовлеченных в единый воспроизводственный процесс. О значимости подобных объединений в контексте развития всей хозяйственной системы говорил еще А. Маршалл, идентифицировавший успешные комплексы малых и средних фирм, локализованных на одной территории и вносящих существенный вклад в английскую экономику[1]. Идея сочетания отраслевой и территориальной близости хозяйствующих субъектов как фактора повышения их совокупной конкурентоспособности получила продолжение в работах К. Рихтера[2], М. Стрейта[3] и других исследователей, внесших вклад в развитие теории промышленных комплексов. При этом в советской экономике подобная форма организации производства – территориально-производственные комплексы (ТПК) – рассматривалась как в наибольшей степени отвечающая условиям социалистического планирования и потребностям развития советской промышленности. Идея формирования ТПК была разработана Н. Н. Колосовским, определявшим их как экономическое сочетание предприятий в одной промышленной точке или целом районе, при котором достигается определенный экономический эффект за счет удачного подбора предприятий в соответствии с природными и экономическими условиями района, с его транспортным и экономико-географическим положением[4], и получила развитие в трудах А. Е. Пробста[5], П. М. Алампиева[6], М. К. Бандмана[7] и др.

---

[1] Marshall A. Industry and trade. – London: Macmillan and Co., 1920. – 874 p.

[2] Richter C. E. The impact of industrial linkages on geographic association // Journal of regional science. – 1969. – Vol. 9, iss. 1. – P. 19−28.

[3] Streit M. E. Spatial association and economic linkages between industries // Journal of regional science. – 1969. – Vol. 9, iss. 2. – P. 177−188.

[4] Колосовский Н. Н. Теория экономического районирования. – М.: Мысль, 1969. – 336 с.

[5] Пробст А. Е. Размещение социалистической промышленности. – М.: Экономика, 1982. – 215 с.

[6] Алампиев, П. М. Экономическое районирование СССР: в 2 кн. – М.: Экономическая литература, 1963. – Кн. 2. – 248 с.

[7] Бандман М. К. Территориально-производственные комплексы как форма пространственной организации производительных сил // Марк Константинович Бандман. Избранные труды и продолжение начатого. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2014. – С. 57−102.

Со временем в научной литературе появляется новый термин, имеющий непосредственное отношение к производственным объединениям географически связанных субъектов, – «промышленный кластер» (С. Чаманski и Л. Аблас, первыми давшие трактовку данному понятию, определяли его как «множество производств, связанных потоками товаров и услуг сильнее, чем с другими секторами национальной экономики»[1]). Термин «кластер» прочно закрепился в экономической науке благодаря работам М. Портера, который считал кластер такой формой организации деятельности, которая позволяет обеспечить одновременное совершенствование каждой из детерминант, определяющих конкурентные преимущества территорий (факторов производства, внутреннего спроса на производимую продукцию, взаимодействия между родственными отраслями при сохранении внутриотраслевой конкуренции)[2]. По мнению М. Портера, в основе развития кластера лежит географическое соседство входящих в его состав компаний и организаций, а также установление между ними тесных экономических связей (в том числе путем использования общей инфраструктуры), не исключающих при этом сохранения конкурентного взаимодействия. Не углубляясь в поиск отличий промышленных кластеров от ТПК (в научной литературе можно встретить достаточно большое количество исследований, посвященных их сравнению[3]), отметим, что, несмотря на ряд общих методологических основ, они предназначены для функционирования в различных экономических реалиях – в условиях планового хозяйствования и в условиях рыночной экономики, определяющих особенности деятельности каждой из форм.

Теория кластеров была дополнена М. Энрайтом, считавшим, что конкурентные преимущества отдельных государств создаются на уровне регионов, входящих в их состав (это позволило говорить о существовании региональных кластеров, под которыми можно понимать «географическую агломерацию фирм, работающих в одной или нескольких отраслях хозяйства»[4]). Таким образом, в настоящее время кластеры уже не воспри-

---

[1] Czamanski S., Ablas L. Identification of Industrial clusters and complexes: a comparison of methods and findings // Urban studies. – 1979. – Vol. 16. – P. 61−80.

[2] Портер М. Конкуренция: пер. с англ. – М.: Вильямс, 2005. – 602 с.

[3] См., например: Бурматова О. П. Кластеры как форма локальных производственных систем // Мир экономики и управления. – 2016. – Т. 16, № 4. – С. 93−108; Дроздова Н. В. Территориально-производственные комплексы и региональные кластеры: преемственность и перспективы развития // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – Т. 1, № 3. – С. 125−129; Жаринов А. В. Кластер и ТПК как формы пространственной организации производства. Общее и принципиальные отличия // Научный альманах. – 2015. – № 10_1 (12). – С. 144−150.

[4] Enright M. J. Why clusters are the way to win the game? // World link. – 1992. – Vol. 5. – P. 24−25.

нимаются как исключительно промышленные структуры: они приобретают черты инновационных систем (формирующих для своих участников условия, позволяющие осуществлять инновационную деятельность благодаря механизму коллаборации[1]), общественных институтов[2]. При этом высокий уровень концентрации на ограниченной территории потенциальных партнеров остается неизменной предпосылкой кластеризации.

Положение о значимости высокого уровня насыщенности пространства экономическими акторами лежит и в основе теории агломераций: с активизацией урбанизационных процессов стало очевидно, что города, будучи местами концентрации производительных сил и ресурсов разного типа, меняют свою роль в общественном воспроизводстве. О влиянии агломераций на экономическое развитие в своих работах говорили А. Вебер и А. Маршалл, который обосновал наличие ряда агломерационных эффектов – локализации, масштаба, урбанизации[3]. Со временем внимание исследователей к агломерациям лишь усиливается и начинает концентрироваться на оценке генерируемых ими эффектов. Х. Ричардсон, например, отмечал воздействие агломерационных процессов на научно-технический прогресс и рост производительности труда, называя агломерации потенциальными полюсами роста экономики[4]. Дж. Фридман также подчеркивал значимость городских агломераций для развития всей национальной хозяйственной системы, фокусируя внимание на их качественных трансформациях, на влиянии, которое они оказывают на окружающее пространство в процессе своей эволюции[5]. На наличие значительных экономических эффектов от локализации в рамках агломераций инфраструктурных элементов, ресурсов (в первую очередь знаний) и рынков обращали внимание в своих исследованиях К. Эрроу[6] и П. Ромер[7].

---

[1] Russell M. G., Still K., Huhtamaki J. et al. Transforming innovation ecosystems through shared vision and network orchestration // Triple Helix IX International Conference. – Stanford, 2011. – P. 1−21.

[2] Иваненко Л. В., Тимощук Н. А. Создание социального кластера как механизм инновационных преобразований социальной сферы в регионе // Вестник Самарского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2013. – № 10 (111). – С. 121−127.

[3] Marshall A. Principles of economics. – 8th ed. – London: Macmillan, 1920. – 871 p.

[4] Richardson H. W. City size and national spatial strategies in developing countries. – Washington: World Bank, 1977. – 73 p. – (World Bank Staff Working Paper, no. 252).

[5] Friedmann J. Regional development policy: a case study of Venezuela. – Cambridge: MIT Press, 1966. – 279 p.

[6] Arrow K. J. The economic implications of learning by doing // The review of economic studies. – 1962. – Vol. 29. iss. 3. – P. 155−173.

[7] Romer P. M. Increasing returns and long-time growth // Journal of political economy. – 1986. – Vol. 94, iss. 5. – P. 1002−1037.

Усиление интереса к изучению причин и последствий неоднородного развития пространства экономической деятельности, появление значительного количества теорий и моделей, пытающихся объяснить специфику трансформаций городских систем, окружающих их территорий, периферийных зон, а также видов пространственной организации хозяйства в ходе экономических преобразований привели к оформлению концепции новой экономической географии М. Фуджиты, П. Кругмана и Э. Венейблса[1], в числе важнейших черт которой особое внимание к пространственным характеристикам при осуществлении экономического анализа и учет возрастающей отдачи от масштаба хозяйственных комплексов, позволяющий объяснить природу агломерационных процессов, в условиях несовершенной конкуренции.

Кроме того, получил оформление методический инструментарий оценки процессов пространственных преобразований, в основе которого лежат способы анализа специфики размещения объектов в пространстве, а важными для учета становятся такие характеристики, как расстояние между объектами, их концентрация в границах одного ареала, масштаб объединяющих их систем. Методология подобных исследований, во многом восходящая к трудам классиков штандортных теорий, начала формироваться еще в 1940−1950-х годах, когда были опубликованы первые статьи по пространственному моделированию за авторством П. Морана[2], Р. Джири[3], а последующие разработки (А. Клифф и Дж. Орд[4], Л. Энслин[5]) обеспечили ее дальнейшее развитие и сформировали базу для значительного количества эмпирических работ.

В современных условиях усложнения региональных систем, повышения уровня глобализации экономики и значимости информации, знаний, креативных процессов экономическое пространство становится все более сложным для осмысления объектом, а каждая теория регионального развития так или иначе затрагивает вопросы пространственной организации хозяйственных систем. Так, понимание экономики как глобальной сетевой структуры (специфической среды, в рамках которой субъект вне зависимости от

---

[1] Fujita M., Krugman P., Venables A. J. The spatial economy: cities, regions, and international trade. – Cambridge: The MIT Press, 1999. – 367 p.

[2] Moran P. The interpretation of statistical maps // Journal of the royal statistical society. – 1948. – Vol. 10, iss. 2. – P. 243−251.

[3] Geary R. The continiguity ratio and statistical mapping // The incorporated statistician. – 1954. – Vol. 5. – P. 115−145.

[4] Cliff A., Ord J. K. Spatial processes: model, and application. – London: Pion, 1981. – 327 p.

[5] Anselin L. Spatial econometrics: methods and models. – Dordrecht: Kluwer Academic, 1988. – 284 p.

его локализации может с минимальными затратами времени, средств и других ресурсов взаимодействовать с любым другим субъектом при возникновении необходимости такого взаимодействия[1]), характерное для работ Дж. К. Гэлбрейта[2], Э. Тоффлера[3], М. Кастельса[4], Р. И. Цвылева[5] и др., позволяет рассматривать пространство как вид системы, имеющей сетевую организацию («пространство организуется не как пирамидальная вертикаль с центром наверху, а как горизонтальная сеть несубординированных узлов и внеузловых территорий»[6]). В рамках становления методологии синергетики в экономической науке возможности развития любой сложной системы определяются ее неоднородностью, неустойчивостью[7], а трансформация экономического пространства понимается как процесс, обусловленный множеством синергетических эффектов (сложнопредсказуемых и зависящих от действий большого количества субъектов). В реалиях развития информационного общества экономика приобретает новые свойства, получает толчок развития в иной (не физической) среде, что отмечалось в работах Р. Капелло[8], Ф. Махлупа[9], М. Пората[10] и др., а экономическое пространство, утрачивая актуальность привязки к физическим границам, получает черты категории, имеющей отношение не к материальным, а информационным потокам. Более того, изучение пространства к настоящему времени оформилось в отдельное направление развития региональной науки. В частности, вопросам осмысления концептуальных свойств экономического пространства, выявлению его свойств и характеристик посвящены работы таких именитых

---

[1] Status report on European telework: telework 1997 / European Commission. – 1997. – URL: http://www.eto.org.uk/twork/tw97eto/ (дата обращения: 15.02.2022).

[2] Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество: пер. с англ. – М.−СПб.: АСТ; Транзиткнига, 2004. – 602 с.

[3] Тоффлер Э. Третья волна. – 2-е изд. – М.: АСТ, 2002. – 781 с.

[4] Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на западе: антология / под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – С. 494−505.

[5] Цвылев Р. И. Постиндустриальное развитие: уроки для России. – М.: Наука, 1996. – 205 с.

[6] Барсукова С. Ю. Неформальная экономика и сетевая организация пространства в России // Мир России. Социология. Этнология. – 2000. – № 1. – С. 55.

[7] Занг В.-Б. Синергетическая экономика: время и перемены в нелинейной экономической теории: пер. с англ. – М.: Мир, 1999. – 335 с.

[8] Capello R. Entrepreneurship and spatial externalities: theory and measurement // The annals of regional science. – 2002. – Vol. 36. – P. 387−402.

[9] Machlup F. The production and distribution of knowledge in the United States. – Princeton: Princeton University Press, 1962. – 436 p.

[10] Porat M. The information economy. – Washington: Department of Commerce, Office Telecommunications, 1977. – 319 p.

отечественных экономистов, как А. Г. Гранберг[1], О. А. Бияков[2], П. А. Минакир и А. Н. Демьяненко[3], Я. П. Силин, Е. Г. Анимица и Н. В. Новикова[4], Н. М. Сурнина[5], А. И. Татаркин[6] и др.

Обобщение вышеперечисленных подходов позволяет наглядно показать эволюцию взглядов на содержание экономического пространства (таблица 1).

При этом необходимо отметить, что развитие научной мысли, связанной с изучением особенностей пространственной организации экономики, плавно перешло от относительно последовательной трансформации к нелинейной: в настоящее время можно выделить три одинаково динамично прогрессирующих направления исследований, затрагивающих вопросы экономического пространства, – внимание уделяется как его отдельным характеристикам и свойствам, так и комплексному осмыслению категории; кроме того, отдельные аспекты экономического пространства раскрываются в теориях экономического развития, не фокусирующих внимание исключительно на пространственных характеристиках.

На основе выделенных этапов эволюции взглядов на экономическое пространство также можно охарактеризовать трансформацию научной парадигмы пространственного развития экономики: от фокусировки на изменениях физических характеристик территории, являющейся базисом экономического пространства, до поиска параметров (и путей достижения) такого состояния пространства, которое позволяет наиболее эффективно осуществлять в его границах хозяйственную деятельность.

---

[1] Гранберг А. Г. Основы региональной экономики. – М.: НИУ ВШЭ, 2000. – 495 с.

[2] Бияков О. А. Теория экономического пространства: методологический и региональный аспекты. – Томск: ТГУ, 2004. – 151 с.

[3] Минакир П. А., Демьяненко А. Н. Очерки по пространственной экономике. – Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2014. – 272 с.

[4] Силин, Я. П., Анимица Е. Г., Новикова Н. В. Тенденции развития экономического пространства Уральского макрорегиона // Управленец. – 2017. – № 2(66). – С. 2−11.

[5] Сурнина Н. М. Пространственная экономика: проблемы теории, методологии и практики. – Екатеринбург: УрГЭУ, 2003. – 281 с.

[6] Экономическое пространство. Теория и реалии / Т. Ю. Алтуфьева, М. П. Галимова, А. Ю. Даванков и др.; под ред. А. И. Татаркина. – М.: Экономика, 2011. – 374 с.

Таблица 1 – Эволюция взглядов на экономическое пространство[1]

Характеристика исследований, затрагивающих вопросы экономического пространства	Концепции, повлиявшие на развитие теории экономического пространства	Подход к пониманию экономического пространства	Подход к пониманию пространственного развития экономики
I этап (XVIII – первая половина XIX века)			
Экономическое пространство не представляет собой самостоятельный объект исследования, однако в ряде научных трудов поднимается тема влияния особенностей распределения активов в пространстве на специфику социально-экономических процессов	Исследование вопросов пространственного распределения богатства (Р. Кантильон, Э. Кондильяк, Д. Юм), теория абсолютных преимуществ (А. Смит), теория относительных преимуществ (Д. Рикардо), исследование территориального экономического устройства (М. В. Ломоносов, А. Н. Радищев, Н. И. Арсеньев, Н. Г. Чернышевский)	Пространство воспринимается как место размещения ресурсов (акцент в исследованиях делался на особенностях хозяйственных процессов, локализованных в разных точках пространства)	Пространственное развитие воспринимается в первую очередь как освоение новых территорий, изменение объемов территориального ресурса
	Географическая и геополитическая концепции экономического пространства (Ф. Ратцель, Р. Челлен, Ф. Науман и Х. Макиндер)	Пространство (для ведения хозяйственной деятельности) рассматривается как политический ресурс	
II этап (вторая половина XIX – начало XX века)			
Научный интерес к экономическому пространству растет, но внимание уделяется преимущественно параметрам локализации в его границах отдельных экономических акторов	Теория сельскохозяйственного штандорта (И. Г. фон Тюнен), рациональный штандорт промышленного предприятия (В. Лаунхардт), теория промышленного штандорта (А. Вебер), общая теория штандорта (О. Энглендер), всеобщая и специальная теории штандорта (Т. Паландер), модель линейного города (Х. Хотеллинг) и др.	Экономическое пространство понимается как площадка взаимодействия хозяйствующих субъектов, представляющая собой относительно однородное поле либо ареал, части которого отличаются друг от друга лишь отдельными (попадающими в сферу интересов авторов) параметрами	Пространственное развитие экономики начинает пониматься шире, чем изменение физических параметров территории, на которой ведется хозяйственная деятельность, однако по большей части сводится к процессам размещения хозяйствующих субъектов

[1] Составлено автором.

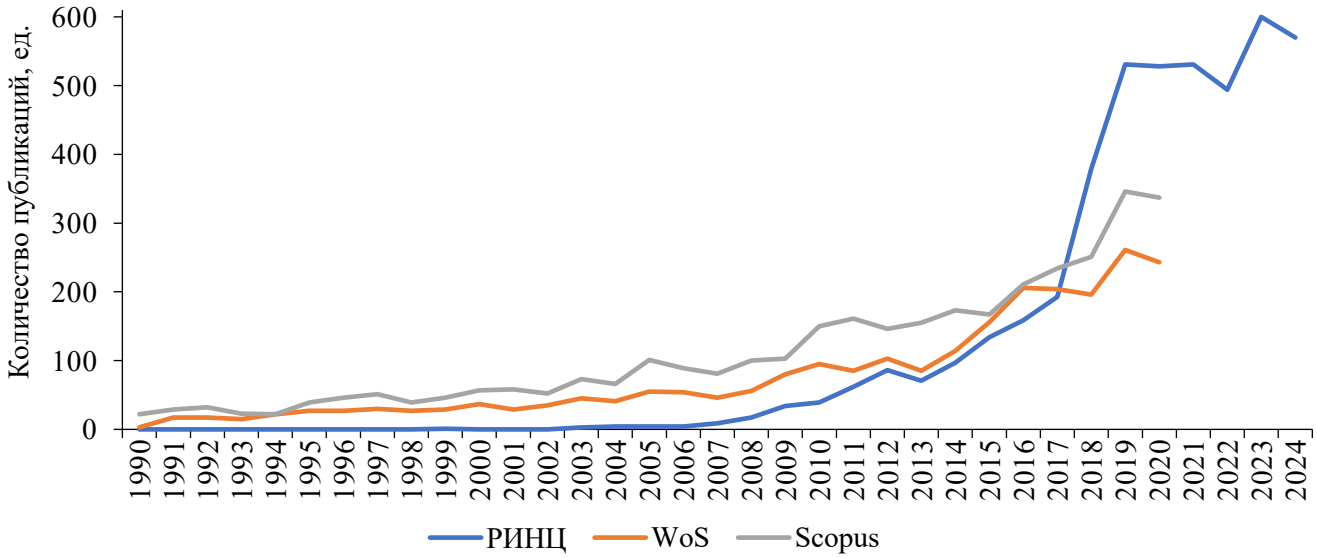
Продолжение таблицы 1

Характеристика исследований, затрагивающих вопросы экономического пространства	Концепции, повлиявшие на развитие теории экономического пространства	Подход к пониманию экономического пространства	Подход к пониманию пространственного развития экономики
III этап (1930–1960-е годы)			
Экономическое пространство становится самостоятельным объектом исследования, а фокус в работах рассматривающих его авторов смещается с поиска решения задач микроуровня на осмысление вопросов, касающихся преобразований всей территориальной системы	Теория центральных мест (В. Кристаллер); теория организации экономического пространства (А. Лёш); оформление региональной науки (У. Айзард)	Экономическое пространство приобретает черты сложного, комплексного, междисциплинарного объекта, важными свойствами которого являются неоднородность, иерархичность, способность к изменениям, тесная взаимосвязь с особенностями развития социально-экономических систем	Пространственное развитие определяется главным образом изменением качественных свойств экономического пространства (уровня его неоднородности, степени насыщенности и т. п.), а управление пространственным развитием экономики понимается как инструмент регулирования воспроизводственных процессов, протекающих на разных уровнях
	Учение об экономических районах и территориальном планировании (Н. Н. Баранский, А. Е. Пробст, Н. Н. Колосовский, Я. Г. Фейгин, П. Н. Степанов, Г. Н. Черданцев и др.)	Экономическое пространство рассматривается как сложная неоднородная система, состоящая из самодостаточных и самостоятельных территориальных комплексов	
IV этап (вторая половина XX – начало XXI века)			
Исследования, касающиеся экономического пространства, становятся более узконаправленными, поднимают вопросы, связанные с детальным изучением отдельных пространственных характеристик и разработкой инструментов оптимизации пространственной организации экономики	Теория кумулятивной причинности (Г. Мюрдаль); теория «прямой и обратной связи» (А. Хиршман); концепция поляризованного развития (Ф. Перру, Ж.-Р. Будвиль, П. Потье); теория пространственной диффузии инноваций (Т. Хагерстранд); модель «вулкана» (Х. Гирш)	Экономическое пространство отождествляется со сложной (и при этом абстрактной) системой, неоднородность (обусловленная в том числе различной степенью насыщенности пространственных ареалов хозяйственными субъектами) и связанность отдельных элементов (что предполагает возможность передачи импульсов развития от одной точки пространства к другой) которой выступают источником развития всего социально-экономического комплекса	Пространственное развитие экономики рассматривается как сложный (при этом управляемый) процесс трансформации всех характеристик пространства (как физических, так и нематериальных), параметры которого определяются деятельностью не только действующих в его границах экономических агентов, но и большого количества субъектов, оказывающих влияние на специфику преобразования всего многообразия сфер жизнедеятельности территориальной системы
	Теория промышленных комплексов (А. Маршалл, К. Рихтер, М. Стрейт и др.); теория территориально-производственных комплексов (Н. Н. Колосовский, А. Е. Пробст, П. М. Алампиев, М. К. Бандман) и др.); теория промышленных кластеров (М. Портер, С. Чамански, Л. Аблас, М. Энрайт); теория агломераций (Х. Ричардсон, Дж. Фридман, К. Эрроу, П. Ромер)		

Продолжение таблицы 1

Характеристика исследований, затрагивающих вопросы экономического пространства	Концепции, повлиявшие на развитие теории экономического пространства	Подход к пониманию экономического пространства	Подход к пониманию пространственного развития экономики
Отдельные аспекты осмысления экономического пространства рассматриваются в теориях экономического развития, не фокусирующих внимание исключительно на пространственных характеристиках	Теория сетевого общества (М. Кастельс); концепция сетевой экономики (Р. Капелло, Г. Шибусава), синергетический подход в экономике (В.-Б. Занг) и др.	Экономическое пространство выступает как один из элементов хозяйственной системы, имеющей сетевую организацию и функционирующей в условиях глобализации, цифровизации, информатизации, развития экономики знаний и повышения значимости инновационных процессов, и вследствие этого в полной мере испытывает на себе влияние всех вышеобозначенных явлений	
Изучение экономического пространства оформляется в отдельное направление развития региональной науки (со специфической терминологией, методикой анализа)	Концепция новой экономической географии (М. Фуджита, П. Кругман, Э. Венейблс); пространственное моделирование и анализ (П. Моран, Р. Джири, Л. Энслин и др.); исследования в рамках пространственной экономики (А. Г. Гранберг, П. А. Минакир, А. Н. Демьяненко, О. А. Бияков, Е. Г. Анимица, А. И. Татаркин, Н. М. Сурнина)	Экономическое пространство понимается как чрезвычайно сложное, многоаспектное понятие: ему присущи черты нематериальной сущности (сетевой, иерархически выстроенной, многомерной, неоднородной и динамично развивающейся системы отношений между экономическими акторами, условий ведения хозяйственной деятельности), базисом которой выступает ее физическое воплощение – территория	

В настоящее время интерес к исследованию факторов, проблем и перспектив пространственного развития растет: библиометрический анализ, проведенный по данным, которые представлены в трех базах научного цитирования (eLibrary (РИНЦ)[1], Web of Science (WoS)[2] и Scopus[3]), свидетельствует об увеличении темпов выпуска публикаций по данной тематике в последние годы (рисунок 3), при этом в отношении отечественных публикаций, представленных в электронной научной библиотеке eLibrary, этот рост более ярко выражен (в подходящем для подобного сопоставления периоде).

Примечание – Сведения о количестве публикаций, проиндексированных в WoS и Scopus в 2021–2024 гг., не представлены в связи с ограничением доступа к международным базам данных научного цитирования.

Рисунок 3 – Количество выпускаемых ежегодно публикаций, соответствующих тематике «пространственное развитие»[4]

Во многом этот рост связан с усилением внимания к вопросам пространственного развития, проявляемого со стороны российских властных структур разного уровня: появление стратегий пространственного развития Российской Федерации[5], отражение про-

[1] Научная электронная библиотека eLibrary. – URL: https://elibrary.ru/defaultx.asp (дата обращения: 14.05.2025).

[2] Web of Science. – URL: https://www.webofscience.com (дата обращения: 15.02.2024).

[3] Scopus. – URL: https://www.scopus.com (дата обращения: 14.02.2024).

[4] Составлено автором.

[5] Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г.: распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р; Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г.: распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2024 г. № 4146-р.

странственных аспектов планируемых преобразований в стратегических документах большинства регионов и разработка стратегий трансформации городского пространства в некоторых муниципальных образованиях[1] обозначили перед научным сообществом запрос на определение границ того, что можно считать процессом пространственного развития, на выявление сил, задающих его параметры, установление способов его оценки и характеристику направлений его трансформации.

Несмотря на значительное число трудов, затрагивающих те или иные аспекты пространственного развития, только некоторые из них содержат более или менее четкую трактовку данной категории, большинство же авторов рассуждают о пространственном развитии как о достаточно однозначном понятии, не поясняя для читателей его суть. Однако существование разнообразных подходов к тому, что представляет собой экономическое пространство, предопределяет сложность формирования единого варианта и трактовки пространственного развития.

При этом пространственное развитие (в силу наличия обозначенной ранее тесной взаимосвязи между категориями «территория» и «пространство») зачастую бывает сложно отделить от территориального развития, различные варианты трактовки которого получили широкое распространение в ряде фундаментальных трудов. Авторское понимание термина «пространственное развитие» в научной литературе встречается гораздо реже, хотя проблемам и перспективам пространственного развития в проводимых исследованиях уделяется достаточно много внимания.

С. А. Тархов разграничил эти понятия, определяя территориальное развитие как совокупность социально-экономических, экологических и иных трансформаций, характерных для конкретной территории, а пространственное развитие – как изменения морфологии (строения)[2]. Схожих взглядов придерживается А. А. Ткаченко, в чьих работах отмечается наличие в составе территориального (регионального) развития двух обособленных, но при этом взаимосвязанных составляющих: содержательного (экономическое, со-

[1] О внесении изменений в Решение Екатеринбургской городской Думы от 10 июня 2023 г. № 40/6 «О Стратегическом плане развития Екатеринбурга»: решение Екатеринбургской городской Думы от 25 мая 2018 г. № 12/81.

[2] Тархов С. А. Представления о территориальном развитии и методология пространственного анализа // География и проблемы регионального развития: сб. ст. – М.: ИГ АН СССР, 1989. – С. 30.

циальное и т. д.) и пространственного (изменение конфигурации и пространственной структуры самой территории, ее систем и комплексов) развития[1].

Такой подход достаточно логичен, однако в случае его принятия возникает парадокс: территориальное развитие включает в себя развитие пространственное, т. е. является более широкой категорией, однако, как отмечалось выше, термин «территория» (как географическое место локализации системы) несколько у́же, чем термин «пространство». В связи с этим стоит отличать друг от друга такие понятия, как «территориальное развитие» и «развитие территории».

Категория «территориальное развитие» традиционно применяется для обозначения сложного многомерного процесса. Например, В. Н. Лексин и А. Н. Швецов определяют территориальное развитие как режим функционирования региональной системы, который ориентирован на позитивную динамику параметров уровня и качества жизни населения, обеспеченную устойчивым, сбалансированным и взаимонеразрушающим воспроизводством социального, хозяйственного, ресурсного и экологического потенциалов территории[2]. Е. Г. Анимица отмечает, что региональное развитие, которое с содержательной стороны может быть воспринято в качестве синонима территориального развития, включает в себя и процессы динамики (в том числе цикличности, стадийности) территориальной структуры хозяйства, населения, и процессы изменения территориальных связей (материальных, и информационных), и преобразования конфигурации и пространственной структуры как самой территории, так и составляющих ее систем, ареалов и комплексов[3]. С точки зрения В. Н. Лаженцева, под территориальным развитием следует понимать прогрессивно направленное изменение (как правило, усложнение) пространственной структуры производительных сил, процесс сбалансированного и эффективного использования природно-ресурсного, материально-технического и человеческого потенциала, формирование и качественное преобразование территориально-хозяйственных систем[4].

---

[1] Ткаченко А. А. Территориальная общность в региональном развитии и управлении. – Тверь: ТвГУ, 1995. – С. 18.

[2] Лексин В. Н., Швецов А. Н. Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития. – М.: ЛКИ, 2007. – С. 27.

[3] Анимица Е. Г. Региональное управление. – Екатеринбург: УрГЭУ, 2010. – С. 70.

[4] Лаженцев В. Н. Территориальное развитие как экономико-географическая деятельность (теория, методология, практика) // Экономика региона. – 2013. – № 1 (33). – С. 10.

В свою очередь, развитие территории подразумевает собой главным образом преобразование географического базиса: изменение границ территории, освоение новых локаций, т. е. процесс, представляющий один из компонентов (источников) пространственного развития, а также, соответственно, территориального развития.

Таким образом, можно предложить следующую схему, отражающую взаимозависимость обозначенных ранее понятий (рисунок 4).

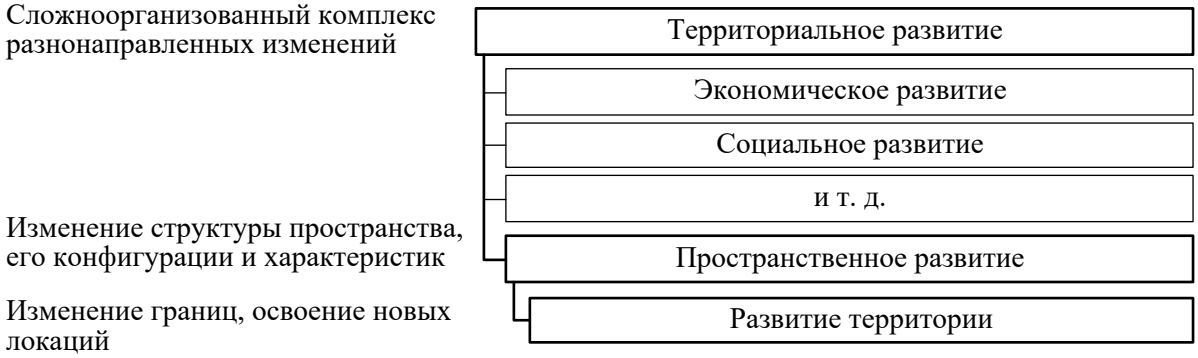

Рисунок 4 – Взаимосвязь понятий «территориальное развитие», «пространственное развитие» и «развитие территории»[1]

Следовательно, пространственное развитие комплексных территориальных систем в первую очередь связано с изменением структуры пространства, в котором они функционируют, с трансформацией его характеристик. Содержание пространственного развития также может быть раскрыто через процессы, которые имеют к нему непосредственное отношение. В их числе:

– изменение особенностей локализации объектов в пространстве, а также трансформация эффектов, которые порождают особенности этой локализации;

– появление (исчезновение) или трансформация форм организации хозяйственной деятельности (к ним могут быть отнесены, например, кластеры, агломерации);

– преобразование особенностей взаимодействия между отдельными пространственными составляющими.

Кроме того, следует отметить близость понятий «пространственное развитие экономики» и «развитие (преобразование) экономического пространства», которые в специ-

[1] Составлено автором.

ализированной литературе зачастую используются как синонимы[1], однако если о развитии экономического пространства говорится преимущественно в научных исследованиях, то «пространственное развитие» из термина, вызывавшего интерес в первую очередь в научных кругах, превращается в термин, который активно используется в официальных документах, создаваемых как органами государственной власти, так и органами местного самоуправления.

Так, в ряде муниципальных образований в стратегии социально-экономического развития содержится раздел, посвященный пространственному развитию как одному из аспектов развития муниципалитета, который необходимо принимать во внимание при реализации его целевой установки, однако расшифровке данного термина в документах чаще всего внимания не уделяется. В то же время анализ перечня вопросов, решению которых посвящены подобные разделы стратегий и концепций, позволяет получить общее представление о смысловом наполнении рассматриваемого понятия. Так, в Стратегии социально-экономического развития муниципального образования город Пермь до 2030 г.[2] пространственное развитие связывается с реализацией генерального плана города и осуществлением градостроительной политики, улучшением архитектурного облика города, развитием системы центральных мест, созданием условий для развития жилищного строительства и вовлечения неиспользуемых земельных участков в хозяйственный оборот, а также с реализацией на территории города природоохранных мероприятий, защитой и воспроизводством городских лесов. Стратегический план развития Екатеринбурга[3] также содержит раздел, в котором говорится о перспективах пространственных преобразований города: он называется «Стратегия пространственного развития» и имеет структуру полноценного стратегического документа. Разработчики отмечают, что «оптимальное решение проблем городских пространств возможно при комплексном развитии трех составляющих: транспортной инфраструктуры, городских территорий и среды»[4]. Таким образом, под пространственным развитием авторы стратегии пони-

[1] Татаркин А. И. Развитие экономического пространства регионов России на основе кластерных принципов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – № 3 (21). – С. 28−36.

[2] Об утверждении Стратегии социально-экономического развития муниципального образования город Пермь до 2030 г.: решение Пермской городской думы от 22 апреля 2014 г. № 85.

[3] О внесении изменений в Решение Екатеринбургской городской Думы от 10 июня 2023 г. № 40/6 «О Стратегическом плане развития Екатеринбурга»: решение Екатеринбургской городской Думы от 25 мая 2018 г. № 12/81.

[4] Там же.

мают преобразование отдельных территориальных элементов (изменение логики зонирования, а также функционального значения городских зон, трансформацию транспортно-логистического каркаса, связывающего между собой территориально разобщенные элементы пространства муниципального образования) в совокупности с эволюцией характеристик городской среды (в первую очередь среды, формирующейся в границах общественных пространств).

Более узкую трактовку можно обнаружить в тексте уже не действующей в настоящее время Стратегии пространственного развития России до 2025 г., разработанной Министерством экономического развития Российской Федерации: под пространственным развитием в документе понималось совершенствование системы расселения и территориальной организации экономики, в том числе за счет проведения эффективной государственной политики регионального развития[1] (при этом в актуальном варианте документа четкое определение пространственного развития отсутствует). Авторы, делая акцент на аспектах, связанных с размещением объектов, достаточно емко охарактеризовали саму суть рассматриваемого явления, отчасти затрагивая и его средовой компонент (посредством отражения влияния на характеристики пространства проводимой политики регионального развития). В то же время следует отметить, что отождествление процесса развития именно с совершенствованием сложившейся системы представляется достаточно дискуссионным.

Таким образом, утилитарный подход к пространственному развитию, находящий отражение в документах стратегического планирования разного уровня, в целом соответствует основным теоретическим установкам и положениям, обозначаемым в научных исследованиях. В то же время далеко не в каждом документе, разрабатываемом на этапе целеполагания для локальной территории или в регионе, уделяется внимание не только трактовке рассматриваемого термина, но и вопросам осуществления пространственного развития.

[1] Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г.: распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р.

1.3 Экономическая природа территориального капитала

Важной составляющей понятийно-терминологического аппарата исследования является категория территориального капитала: в уточнении нуждаются его свойства, признаки и структура. Необходимо отметить, что поскольку территориальный капитал представляет собой сложносоставной термин, восприятие его отличительных черт во многом определяется пониманием тесно связанной с ним категории «капитал», которая, несмотря на кажущуюся простоту, заслуживает особого внимания.

Понятие «капитал» прочно укоренилось в лексиконе исследователей-экономистов, рассматривающих особенности функционирования хозяйственных систем разного уровня – от предприятий и организаций до региональных комплексов и межстрановых объединений.

Возникший несколько столетий назад термин, во многом сохраняя свое первоначальное содержание, насыщается новыми смыслами, становясь предметом обсуждения социологов, культурологов, историков, а вопросы накопления и оценки капитала, управления процессами капитализации наряду с экономическими приобретают и иные контексты. Это, с одной стороны, способствует размытию терминологических границ, однако, с другой стороны, позволяет развивать учение о капитале, расширяя перечень аспектов, которые его характеризуют.

Этимологически термин «капитал» восходит к латинскому слову *caput* (голова)[1] и *capitalis* (главный, основной). В русском языке данное понятие закрепилось в XVIII веке в значении «главное имущество, главная сумма»[2].

Хотя отдельные попытки описать и охарактеризовать экономические явления и закономерности предпринимались задолго до появления основных экономических школ и течений (как справедливо отмечает Д. В. Розов, рассуждая об эволюции понимания капитала, анализ «капитала вообще как торгового и денежного» был осуществлен еще Аристо-

[1] Skeat W. W. The Concise dictionary of English etymology. – Hertfordshire: Wordsworth Editions, 1933. – 633 p.

[2] Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т.: пер. с нем. – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 2. – 671 с.

телем[1]), комплексный подход к исследованию большей их части начал оформляться только с возникновением классической политэкономии. При этом меркантилисты и физиократы в своих работах также предпринимали некоторые шаги для познания причинно-следственных связей, лежащих в основе капиталистической экономики, однако их подходы позволяли взглянуть на капитал весьма узко (через призму тех рамок, которые определялись спецификой ресурса развития, рассматриваемого ими в качестве ключевого). Так, с точки зрения представителей раннего меркантилизма (XV−XVI века), основой богатства государства являются те денежные средства, которые имеются в стране[2], а следовательно, интерес к капиталу представителей данной научной школы ограничен исключительно капиталом денежным. Поздний меркантилизм (XVII−XVIII века) смещает фокус в сторону торговых отношений (источником приращения богатства государства являются не денежные средства сами по себе, а участие в международных торговых операциях). Например, яркий представитель позднего меркантилизма Т. Ман в своих работах уделял внимание преимущественно торговому капиталу[3]. Физиократы (Ф. Кенэ, В. де Мирабо, П.-С. Дюпон де Неймур, Ж. Тюрго) определяли в качестве источника богатства землю, а основой экономического развития видели исключительно сельскохозяйственное производство; в их понимании капитал не имеет исключительно денежную форму, наоборот, источником его формирования служит воспроизводственный процесс. В частности, как отмечает Ф. Кенэ, капитал – это «не деньги, а те средства производства, которые можно приобрести за деньги»[4]. Однако ограничением подхода, используемого для характеристики сути капитала физиократами (за исключением Ж. Тюрго[5], который увязывал капитал с промышленным производством), является рассмотрение его взаимосвязи исключительно с воспроизводственными процессами в сельском хозяйстве.

В рамках же классической политэкономии произошел окончательный переход от осознания капитала как части системы обращения к его восприятию в качестве элемента системы производства (хотя оборотный капитал также сохранил свое значение как объект

---

[1] Розов Д. В. Эволюционное развитие теории основного капитала // Финансы и кредит. – 2007. – № 8 (248). – С. 53.

[2] Афанасьев С. В. Меркантилизм как предтеча государственного регулирования рыночных отношений // Вестник Финансовой академии. – 2003. – № 1 (25). – С. 37−50.

[3] Ман Т. Богатство Англии во внешней торговле, или Баланс нашей внешней торговли как регулятор нашего богатства // Меркантилизм: сборник. – Л.: Соцэкгиз, 1935. – С. 135–184.

[4] Кенэ Ф. Избранные экономические произведения: пер. с фр. – М.: Соцэкгиз, 1960. – С. 124.

[5] Тюрго Ж. Размышления о создании и распределении богатств: ценности и деньги. – Юрьев: тип. К. Маттисена, 1905. – 80 с.

анализа), при этом определяющие его сущностные характеристики представители данного направления соотносили преимущественно со способностью капитала приносить доход. Так, Ж.-Б. Сэй называл капиталом один из факторов производства (наряду с землей и трудом), который образуется в процессе накопления и приносит доход[1]. А. Смит определял капитал как ту часть запасов, от которой ожидается получение дохода, и именно в зависимости от того, как эти запасы способствуют возникновению дохода, можно отличать основной (генерирующий прибыль без перехода от одного собственника к другому) и оборотный (приносящий прибыль через обращение) капитал[2] (позднее основой деления капитала на основной и оборотный стала скорость исчерпания его функции – в течение длительного времени или в рамках разового применения).

Смещение фокуса исследования в сторону производственных процессов обусловило рост интереса к изучению особенностей функционирования средств производства, характеристики которых в рамках такого подхода определяют свойства капитала. В частности, Д. Рикардо понимал под капиталом ту часть богатства страны, которая затрачивается в целях будущего производства и может быть увеличена тем же способом, что и богатство[3]. Схожего подхода придерживался Ж. Симонди, который отождествлял капитал с производственными запасами, средствами производства[4]. Однако, в отличие от Д. Рикардо, Ж. Симонди делал акцент на негативном влиянии, которое оказывает накопление основного капитала на положение наемных работников. В целом следует отметить, что со временем уровень «социализации» экономики существенно возрос: исследователи (П. Ж. Прудон, Дж. Грей, Дж. Брей, Т. Годскин и др.) стали уделять внимание интересам отдельных общественных групп, оценивать масштабы воздействия на них осуществляемых хозяйственных процессов, в том числе связанных с использованием и преобразованием капитала. При этом далеко не все экономисты разделяли точку зрения о наличии противоречий между трудом и капиталом. Например, Н. Сениор отмечал, что только благодаря сочетанию готовности владельца капитала отказаться от его производственного использования и трудовой деятельности работника, направленной на его формирование,

---

[1] Сэй Ж.-Б. Трактат по политической экономии. – М.: Дело, 2000. – 229 с.

[2] Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Эксмо, 2016. – 1056 с.

[3] Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения: пер. с англ. – М.: Эксмо, 2016. – 1040 с.

[4] Симонди Ж. Новые начала политической экономии, или О богатстве в его отношении к народонаселению. – М.: Соцэкгиз, 1937. – 386 с.

возможно приращение богатства[1]; Дж. С. Милль также подчеркивал взаимосвязь между трудом и капиталом, называя капитал овеществленным продуктом труда, который авансируется на приобретение средств производства и рабочей силы, способствуя при этом уменьшению безработицы[2].

Таким образом, постепенно капитал начинает восприниматься не просто как накопленные запасы сырья, орудий и прочих ресурсов, используемых в процессе производства, а как общественное отношение, характер которого определяется особенностями взаимодействия между владельцами ресурсов разного типа. Именно такое понимание сути рассматриваемого понятия легло в основу теории К. Маркса, который называл капиталом «определенное, общественное, принадлежащее определенной исторической формации общества производственное отношение, которое представлено в вещи и придает этой вещи специфический общественный характер»[3]. По мнению К. Маркса, средство труда может стать капиталом (принесет стоимости больше, чем его собственная стоимость) только тогда, когда его владельцы прямо или косвенно вступят в экономические отношения с владельцами рабочей силы. Таким образом, капитал, с точки зрения К. Маркса, представляет собой не просто совокупность всех материальных и произведенных средств производства, а их преобразованную благодаря осуществлению взаимоотношений между участниками хозяйственных процессов сумму. При этом, говоря о развитии идей К. Маркса в современных условиях монополизма и центр-периферического строения хозяйства, В. Т. Рязанов отмечает необходимость дополнения его теории прибавочной стоимости учетом специфики неэквивалентных отношений при осуществлении рыночных сделок, проявляющейся, например, в эксплуатации периферии в мировой хозяйственной системе[4]. Это позволяет рассматривать капитал не только в контексте специфики отношений между различными общественными группами, но и в контексте особенностей взаимодействия отдельных территориальных комплексов.

Переосмысление классического понимания капитала как совокупности средств производства характерно и для австрийской экономической школы. Так, К. Менгер под-

---

[1] Senior N. W. An outline of the science of political economy. – New York: A. M. Kelley, 1965. – 258 p.

[2] Милль Дж. С. Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии: пер. с англ. – М.: Эксмо, 2007. – 1037 с.

[3] Маркс К. Капитал. Критика политической экономии: в 3 т. – М.: Политиздат, 1988. – Т. 3, ч. 2. – С. 886.

[4] Рязанов В. Т. «Капитал» К. Маркса и современный капитализм: возможности и преимущества политэкономии постмарксистского синтеза // Вопросы политической экономии. – 2017. – № 4. – С. 10–29.

черкивал неразрывную взаимосвязь между капиталом и благами высшего порядка[1], причем этот тезис по-разному трактуется исследователями, изучающими наследие экономиста. Некоторые авторы[2], ссылаясь на К. Менгера, определяют капитал как такую совокупность экономических благ высшего порядка, которые находятся в нашем распоряжении и предназначены для использования в будущем для производства других благ; однако А. В. Ковалев возражает подобной трактовке, отмечая, что, с точки зрения К. Менгера, «обладание капиталом логически и исторически предшествует обладанию благами высших порядков»[3], следовательно, капитал не тождественен благам, а является лишь условием их получения. Не пытаясь разрешить это противоречие в толковании, отметим, что важным свойством капитала в подходе К. Менгера является его значимость для получения требуемых благ, а также его самовоспроизводимость.

Ученик К. Менгера О. Бём-Баверк проделал масштабную работу в части обобщения всех созданных ранее концепций, так или иначе затрагивающих вопросы появления и использования капитала, происхождения процента, предложив собственную теорию. В частности, критикуя теоретические изыскания своих предшественников, также обращавшихся к теме капитала, О. Бём-Баверк выделял следующие принципиально отличающиеся друг от друга подходы:

– «бесцветные» теории (Ж. Тюрго, А. Смит, Д. Рикардо и др.), в соответствии с которыми источник процента связан с ценностью, создаваемой трудом, а капитал выступает средством получения дохода;

– теории производительности (Ж.-Б. Сэй), с точки зрения которых ключевым свойством капитала является его способность участвовать в процессе производства, выступая его фактором;

– теория воздержания (Н. Сениор), в рамках которой капитал не является элементом (одним из трех) производства, а выступает результатом объединения сил природы, труда и воздержания (собственника капитала от его производительного применения);

– теория пользования (К. Книс, К. Менгер и др.), в соответствии с которой источником формирования капитала является его сбережение: например, К. Книс[4] понимает

---

[1] Менгер К. Избранные работы. – М. Территория будущего, 2005. – С. 166.

[2] Endres A. M., Harper D. A. Carl Menger and his followers in the Austrian tradition on the nature of capital and its structure // Journal of the history of economic thought. – 2011. – Vol. 33, no. 3. – P. 357–384.

[3] Ковалев А. В. К оценке теоретической эволюции Менгера, или Сюжет о «четырех Менгерах» // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2020. – № 1 (45). – С. 46.

[4] Knies K. Geld und Credit Erste Abteilung. – Репринт. изд. – М.: Нобель Пресс, 2020. – 460 с.

под капиталом то количество имеющихся в распоряжении благ, которое можно использовать для удовлетворения будущих нужд;

– трудовая теория (Дж. С. Милль, Дж. Рэ и др.), в которой процент на капитал представляет собой награду за труд капиталиста;

– теория эксплуатации (У. Томпсон, Ж. Сисмонди, К. Маркс), согласно которой «процент на капитал является частью продукта чужого труда, приобретаемой путем эксплуатации стесненного положения рабочего класса»[1].

Таким образом, исследователь подчеркивал разницу в понимании специфики происхождения капитала и его роли в процессах развития, при этом авторский подход, предлагаемый О. Бём-Баверком, – позитивная теория процента[2], несколько разочаровал современников, которые ожидали более глубокой проработки концепции и снятия разногласий в отношении трактовки содержания капитала[3]. О. Бём-Баверк же ограничился трактовкой капитала как совокупности продуктов, которые служат средством приобретения благ, уделяя при этом особое внимание тому, что ценность благ в настоящем времени выше, чем ценность тех же благ в будущем, что и является источником происхождения процента.

Представители неоклассической экономической школы продолжили развитие теории капитала, не пытаясь при этом зафиксировать его сущностные особенности, позволяющие взглянуть на капитал как нечто новое, но расширяя перечень аспектов, которые его характеризуют. В частности, Дж. Кларк, определяя капитал как постоянный и производительный фонд богатств длительного пользования, делал акцент на его составляющих (капитал в денежной форме, капитальные блага в материальной форме, предпринимательская деятельность и труд) и природе движения капитала (его переход из одного состояния в другое)[4]. И. Фишер фокусировал внимание на специфике оценки капитала, отмечая, что его ценность можно определить, только смотря «из будущего», т. е. определяя сегодняшнюю ценность того потока доходов, которые могут быть получены благодаря капиталу в дальнейшем[5].

---

[1] Бём-Баверк О. Капитал и прибыль. История и критика теорий процента на капитал. – М.: Директ-Медиа, 2007. – С. 403.

[2] Бём-Баверк О. Капитал и процент. – Челябинск: Социум, 2010. – Т. 2: Позитивная теория капитала; Т. 3: Экскурсы. – 914 с.

[3] Мамонтов В. Д. Теория капитала и процента О. Бём-Баверка // Социально-экономические явления и процессы. – 2019. – Т. 14, № 105. – С. 36.

[4] Кларк Дж. Б. Распределение богатства: пер. с англ. – М.: Гелиос АРВ, 2000. – 368 с.

[5] Fisher I. The nature of capital and income. – New York: The Macmillan Company; London: Macmillan & Co., ltd., 1906. – 427 p.

Отдельно стоит обозначить позицию А. Маршалла, который обращал внимание на нематериальный характер части капитала (нематериальные блага), фиксируя его значимость для получения желаемого результата, а также подчеркивал двойственную сущность капитала: «как олицетворение совокупности выгод, извлекаемых из его применения, и как олицетворение совокупности затрат, связанных с усилиями и сбережением, требующихся для его производства»[1].

Завершая экспресс-анализ предлагаемых представителями ключевых научных школ подходов к пониманию сути капитала, стоит отметить, что данное исследование ни в коей мере не преследует цели дать подробное описание характеризующих отдельные экономические учения теоретических конструкций, раскрывающих суть капитала, или детально описать позицию каждого названного исследователя в отношении содержания капитала, последствий его накопления, а также порождаемых им экономических и социальных эффектов. Выводы, которые могут быть сделаны по итогам проделанной работы, скорее призваны определить ряд основополагающих черт и признаков, присущих рассматриваемому (и весьма детально проработанному рядом выдающихся экономистов) понятию. Следует также отметить, что эволюция научной мысли, связанной с насыщением содержанием понятия «капитал», не завершилась на научных наработках А. Маршалла. Наоборот, наряду с экономическими исследованиями развитие получили концепции, пытающиеся расширить сферу применения термина, раскрыть его социальные и иные аспекты (такой подход, в частности, характерен для представителей институциональной школы). В то же время в рамках проводимого исследования особый интерес представляют именно основополагающие труды, обозначающие базовые свойства капитала.

Обобщение рассмотренных ранее концепций и подходов к характеристике содержания капитала позволило выявить ряд его отличительных черт. Очевидно, что некоторые из них, в первую очередь обозначенные на первых этапах исследования сути капитала и связанных с ним категорий, в ходе развития научной мысли претерпели изменения; некоторые характеризуются меньшей значимостью, чем другие, в контексте исследования, связанного с рассмотрением содержательных аспектов территориального капитала. Учитывая все вышесказанное, стоит сконцентрировать внимание на ряде определяющих капитал признаков (рисунок 5).

---

[1] Маршалл А. Принципы экономической науки: пер. с англ.: в 3 т. – 2-е изд. – М.: Прогресс, 1993. – Т. 1. – С. 144.

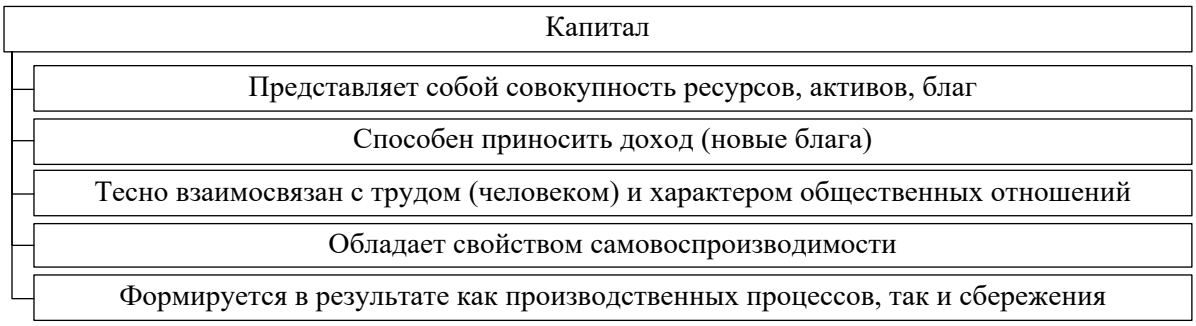

Рисунок 5 – Определяющие признаки капитала[1]

В рамках упрощенного подхода капитал может восприниматься как совокупность (запас) ресурсов, благ, ценностей, активов, имеющихся у индивида, единицы хозяйствования (предприятия) или общности субъектов (в частности, локализованных на одной территории). Такая трактовка требует уточнения: как в этом случае отличить термин «капитал» от близких понятий («ресурсы», «запасы» и т. п.); все ли типы ресурсов, благ и активов могут включаться в состав капитала?

Зачастую содержательная разница между капиталом и близкими к нему терминами остается за рамками проводимых исследований (например, отдельные ресурсы рассматриваются как составляющие капитала[2]), а понятия используются как взаимозаменяемые (еще А. Маршалл отмечал, что «термины „капитал“ и „богатство“ употребляются как синонимы почти волей-неволей»[3]). Однако капитал весьма существенно отличается от вышеназванных понятий: он обязательно имеет потенциал капитализации – способствует приращению ценности, генерирует положительные эффекты, позволяет получать доходы или иные блага (в отличие от запасов, ресурсов, благ, которые могут служить «непроизводительным» активом). Следует отметить при этом, что подобное терминологическое разделение легко осуществляется лишь в теории, когда речь идет о трактовках и определениях; на практике же четко отличить составляющие капитала, к примеру, от элементов потенциала не всегда представляется возможным, что заставляет некоторых исследователей сознательно отказываться от использования понятия «капитал» при осуществлении

[1] Составлено автором.

[2] Морева Е. Л. Интеллектуальные ресурсы vs интеллектуальный капитал // Россия: тенденции и перспективы развития: ежегодник, вып. 11, ч. 1. – М.: ИНИОН РАН, 2016. – С. 304−308.

[3] Маршалл А. Принципы экономической науки: пер. с англ.: в 3 т. – 2-е изд. – М.: Прогресс, 1993. – Т. 1. – С. 143.

количественных оценок[1]. В целом вопросы адекватной оценки имеющегося капитала, особенно когда речь идет о достаточно масштабной системе (например, территории), отличаются особой сложностью: наряду с неочевидностью ценности рассматриваемых объектов в перспективе, следует принимать во внимание их разнородность и невозможность использования единого подхода к анализу, обусловленную двойственностью природы капитала, которая позволяет осуществлять оценку как на этапе его накопления, так и на этапе его использования.

Ответ на второй вопрос может быть весьма спорным. Например, А. Маршалл предлагал относить к возможным составляющим капитала все вещи, приносящие доход, за исключением земли (природных ресурсов)[2]; классическая трактовка капитала как овеществленного труда также указывает на его материальный характер и «обязательность» приложения усилий со стороны субъекта для его производства. В то же время в современной научной литературе значительное внимание уделяется именно нематериальному капиталу – например, социальному[3], репутационному[4] и др.; весьма устоявшимся также можно считать словосочетание «природный капитал»[5], что несколько обесценивает восприятие капитала как результата приложения труда. Между тем даже такой расширенный подход к определению возможных элементов капитала вполне согласуется с тезисом о наличии тесной взаимосвязи между ним и трудом (человеком): только при условии использования капитала в ходе осуществления хозяйственной деятельности он способен содействовать получению благ. Еще одним аспектом этой взаимосвязи является зависи-

---

[1] Мокроносов А. Г., Крутин Ю. В. Человеческий капитал или человеческий потенциал // Идеи и идеалы. – 2017. – Т. 2, № 2 (32). – С. 80–89.

[2] Маршалл А. Принципы экономической науки: пер. с англ.: в 3 т. – 2-е изд. – М.: Прогресс, 1993. – Т. 1. – 414 с.

[3] Bhandari H., Yasunobu K. What is social capital? A comprehensive review of the concept // Asian journal of social science. – 2009. – Vol. 37, no. 3. – P. 480–510; Ghahtarani A., Sheikhmohammady M., Rostami M. The impact of social capital and social interaction on customers' purchase intention, considering knowledge sharing in social commerce context // Journal of innovation & knowledge. – 2019. – Vol. 5, no. 3. – P. 191–199; Hung N., Lau L. L. The relationship between social capital and self-rated health: a multilevel analysis based on a poverty alleviation program in the Philippines // BMC public health. – 2019. – Vol. 19. – Article no. 1641.

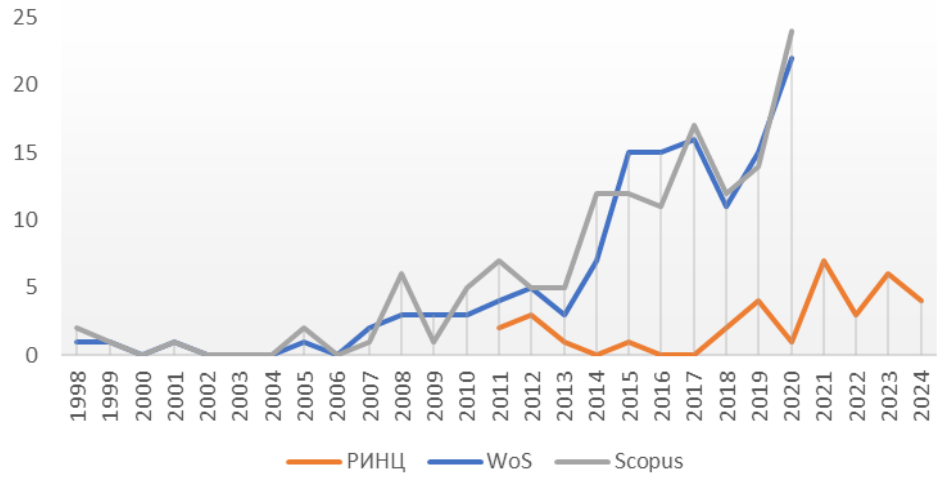
[4] Гришин О. Е., Морозова В. В. Репутационный капитал современной России: проблемы формирования и реализации // Проблемы постсоветского пространства. – 2015. – № 3. – С. 84–95; Loss F., Renucci A. Reputation capital, financial capital, and entrepreneurship // Oxford economic papers. – 2013. – Vol. 65, no. 2. – P. 352–371; Suh T., Amine L. Defining and managing reputational capital in global markets // The journal of marketing theory and practice. – 2007. – Vol. 15, no. 3. – P. 205–217.

[5] Белая М. Л. Природный капитал в современной экономике // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. – 2016. – № 2 (86). – С. 59–68; Bateman I. J., Mace G. M. The natural capital framework for sustainably efficient and equitable decision making // Nature sustainability. – 2020. – Vol. 3. – P. 776–783.

мость капитала от характера и особенностей организации общественных отношений, на которую в своих научных изысканиях обращал внимание К. Маркс.

С участием в хозяйственной деятельности связано такое важное свойство капитала, как самовоспроизводимость: получение новых благ в результате задействования капитала в воспроизводственном процессе выступает источником его наращивания, качественного преобразования. При этом не только производственная деятельность может служить основой подобного приращения, сбережение и накопление ресурсов также выступает значимым средством пополнения капитала.

Хотя проделанная работа позволяет сфокусировать внимание лишь на наиболее значимых (и в силу этого наиболее очевидных) характеристиках капитала, именно они могут способствовать формированию комплексного подхода к раскрытию содержания понятия «территориальный капитал». Это важно еще и потому, что термин «территориальный капитал», как свидетельствует библиометрический анализ, пока не получил широкого распространения в научной литературе: его концепция еще находится на начальных этапах своего развития (рисунок 6).

Примечание – Сведения о количестве публикаций, проиндексированных в WoS и Scopus в 2021–2024 гг., не представлены в связи с ограничением доступа к международным базам данных научного цитирования.

Рисунок 6 – Количество ежегодно выпускаемых публикаций, соответствующих тематике «территориальный капитал»[1]

[1] Составлено автором по данным научной электронной библиотеки eLibrary (https://elibrary.ru). Поиск осуществлялся по названию публикации, ее ключевым словам и аннотации.

Так, общее количество проиндексированных в международной базе Scopus публикаций, в названии, ключевых словах или аннотации которых используется данное сочетание, на начало 2021 г. составляло только порядка 150 работ. В отечественных же изданиях внимания данной категории уделяется еще меньше (в настоящее время в электронной базе eLibrary можно найти порядка 40 публикаций по данной тематике).

Самая первая публикация, оперирующая данным термином, вышла в 1981 г.[1] (в ней территориальный капитал выступает как собирательный образ ресурсов территории), однако интерес к данной тематике она не зародила, и следующие работы, в которых нашло применение рассматриваемое понятие, появились только в конце 1990-х годов, – это был цикл работ профессора С. Лина[2], акцент в которых был сделан на финансовые аспекты капитала, сконцентрированного на территории, в большей степени на его налогообложение.

Закрепление в понятийном аппарате исследователей, рассматривающих особенности развития стран, регионов и локалитетов, термина «территориальный капитал» (в современной трактовке) связано с работой, проводимой Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в интересах повышения эффективности региональной политики в Европе: концепция территориального капитала впервые была представлена в материалах ОЭСР «Территориальные перспективы» (Territorial Outlook[3]) в 2001 г. Впоследствии концепция получила развитие в политике Комиссии Евросоюза[4]: отмечалось, что каждый регион обладает собственным уникальным капиталом (набором ресурсов), специфика которого определяет уровень отдачи от разных видов инвестиций, тем самым задавая наиболее подходящие для развития сферы. Такая трактовка, несмотря на свою простоту, достаточно однозначно фиксирует главное отличие капитала от простой совокупности имеющихся в распоряжении субъекта (территории) активов – его способность обеспечивать получение положительных эффектов, причем на первый план в рамках работы с

---

[1] Mata Olmo R. Notes on the present situation of large landholdings in the plains of Jaen // Estudios geograficos. – 1981. – Vol. 42, iss. 163. – P. 139−165.

[2] Lin S. Capital taxation and external accounts in a small growing economy // Review of international economics. – 1998. – Vol. 6, iss. 1. – P. 59−73; Lin S. Tax reform and external balance // Journal of international money and finance. – 1999. – Vol. 18, iss. 6. – P. 891−909; Lin S., Zhang W. Welfare effects of capital taxation in a small open economy // Open economies review. – 1998. – Vol. 9, iss. 1. – P. 5−20.

[3] Territorial outlook / OECD. – Paris, 2001. – URL: https://www.oecd-ilibrary.org/urban-rural-and-regional-development/oecd-territorial-outlook_9789264189911-en (дата обращения: 18.11.2022).

[4] The Territorial State and Perspectives of the European Union. Towards a Stronger European Territorial Cohesion in the Light of the Lisbon and Gothenburg Ambitions. A Background Document for the Territorial Agenda of the European Union / European Commission. – Luxemburg, 2005. – URL: https://www.urenio.org/el/wp-content/uploa.ds/2009/01/the-territorial-state-and-perspectives-of-the-european-union.pdf (дата обращения: 14.02.2023).

территориальным капиталом выходит специфика отдельных территорий, их уникальность.

Возможно, именно поэтому большинство ученых, развивающих концепцию территориального капитала, фиксируя свою трактовку термина, упускают из внимания такой важный признак, как способность капитала приносить доход, игнорируют разницу между капиталом и потенциалом, акцентируют внимание на определении состава тех ресурсов, которые представляют собой важные элементы территориального капитала. Так, Р. Каманьи[1] определяет территориальный капитал как набор активов, локализованных на определенной территории и составляющих ее потенциал. Схожей позиции придерживаются и Ф. Вентура с коллегами[2], называя территориальным капиталом запас ресурсов, специфичных для данной локации и доступных тем, кто на ней живет и работает.

Вопрос о том, что уместно относить к элементам территориального капитала, также вызывает интерес в научном сообществе. Первую попытку обозначить и классифицировать активы, составляющие капитал территории, предпринял итальянский ученый Р. Каманьи, которого можно по праву считать основоположником концепции территориального капитала. Он выделял девять групп составляющих, отличающихся друг от друга степенью материальности (материальные, нематериальные и смешанные) и доступностью (общественные, клубные и частные блага)[3]. Так, традиционные ресурсы развития территории (природные богатства и имеющаяся инфраструктура) отнесены им к числу материальных общественных благ, а ресурсы «нового порядка» (предпринимательские способности и креативность жителей территории) – к нематериальным частным. Исследователь также обращал внимание на важность таких элементов, как отношенческий капитал (капитал взаимодействий), характеризующий возможность сотрудничества, организации коллективных действий, коллективные компетенции; социальный капитал – набор норм и ценностей, которые определяют необходимость взаимодействия между людьми, институтами, сетями взаимоотношений, свидетельствуют об общей сплоченности общества. Однако подход Р. Каманьи не единственно возможный: многие авторы, исследующие

[1] Camagni R. Territorial capital and regional development // Handbook of regional growth and development theories. – Cheltenham: Edward Elgar, 2009. – P. 118−132.

[2] Ventura F., Milone P., Berti G., Brunori G. The rural web: a synthesis // Unfolding webs: the dynamics of regional rural development. – Assen: Van Gorcum, 2008. – P. 149−174.

[3] Camagni R. Regional competitiveness: towards a concept of territorial capital // Advances in spatial science. – 2008. – Vol. 54. – P. 33−47.

природу и закономерности развития территориального капитала, предлагают свой набор его элементов, некоторые из вариаций представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Примеры подходов к выделению элементов территориального капитала[1]

Автор	Элементы территориального капитала
А. А. Шишкин, Ю. В. Савельев[2]	Материальные активы (земля, природные ресурсы, здания и сооружения, объекты инфраструктуры и др.). Финансовые активы (бюджетные средства, наличные денежные средства, банковские депозиты, фонды и др.). Нематериальные активы (торговые марки, патенты и другие виды интеллектуальной собственности, репутация компаний и имидж региона, социально-культурные особенности территории и др.)
Б. И. Тот[3]	Осязаемый капитал (природный капитал, инвестиционный капитал, основной капитал и др.). Неосязаемый капитал (человеческий капитал, культурный капитал, креативный капитал, отношенческий капитал, репутационный капитал и др.)
В. В. Боброва, П. А. Аношкин[4]	Материальные активы (пространственное расположение и организация города, экономические показатели предприятий, экономическая структура, климатические условия и природные ресурсы, человеческий капитал, инфраструктура и градостроительные условия). Нематериальные активы (социальный капитал города, позволяющий реализовать конкурентную стратегию его развития и осуществлять политику метрополизации)
Дж. Даниелевич, М. Турала[5]	Экономический потенциал (финансовый капитал, масштаб и структура рынков, предпринимательство и др.). Социальный потенциал (человеческий капитал, социальный капитал, подход жителей к экологии и т. д.). Потенциал пространства и окружающей среды (культурное наследие, природные ресурсы, пространственная доступность, структурные особенности населенных пунктов и др.). Институциональный потенциал (сети сотрудничества социальных и экономических институтов, позиции органов власти и др.)
М. П. Васильев[6]	Локализованные на территории человеческие ресурсы, природные ресурсы, бизнес, имидж и восприятие территории, ее культура и самоидентификация, локальные институты и региональные власти, рынки и внешние связи, межтерриториальное взаимодействие

[1] Составлено автором.

[2] Шишкин А. А., Савельев Ю. В. Активы как объект капитализации // Особенности воспроизводства регионального капитала: сущность, подходы к оценке, методы управления / Е. В. Жирнель, О. В. Зданович, Е. Г. Немкович и др. – Петрозаводск: ИЭ КарНЦ РАН, 2008. – С. 91.

[3] Toth B. I. Changing endogenous development: the territorial capital // Journal of economics and business research. – 2011. – Vol. XVII, no. 2. – P. 137−151.

[4] Боброва В. В., Аношкин П. А. Теоретико-методические основы развития территории города // Экономическое возрождение России. – 2014. – № 2 (40). – С. 111.

[5] Danielewicz J., Turala M. Territorial capital as a determinant of development processes in functional areas // Acta universitatis lodziensis folia oeconomica. – 2016. – Vol. 2, no. 319. – P. 55−68.

[6] Васильев М. П. Разработка алгоритмов повышения эффективности использования финансово-экономического потенциала регионов: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. – СПб., 2019. – 22 с.

Не претендуя на обобщение всех вариантов классификации составляющих территориального капитала и не пытаясь дать критическую оценку подходов, обозначенных выше, отметим, что перечень потенциальных компонентов весьма широк. В состав территориального капитала абсолютно все авторы включают как материальные, так и нематериальные активы[1]: наряду с традиционно обозначаемыми в качестве ресурсов развития территории человеческим потенциалом, объектами инфраструктуры и т. д., к числу составляющих территориального капитала относят нормы, правила, отношения, репутацию и иные характеристики территориального сообщества. В целом именно свойствам социума (например, знаниям[2]), а не свойствам места (непосредственно территории) придается особое значение.

Возвращаясь к вариантам трактовки территориального капитала, можно отметить, что также популярны определения, в которых подчеркивается функционал имеющихся активов: сумма ресурсов территорий, применимых для решений комплексной задачи наращивания потенциала регионов[3]; совокупность и переплетение различных форм капитала (ресурсов), мобилизованных и активно используемых в региональной экономике и обществе (и воспроизводимых ими)[4]. В них акцент делается на таком специфическом признаке капитала, как самовоспроизводимость.

Некоторые авторы дают определение территориального капитала, подчеркивая именно значимость его использования для получения желаемого результата (доходов, благ, социальных эффектов). Так, региональный (территориальный) капитал можно трактовать как стоимость локализованных на территории и приносящих доход активов или ресурсов, созданных людьми, для их включения в процессы производства товаров и услуг[5]. В. В. Боброва и П. А. Аношкин называют территориальным капиталом (крупнейшего города) «совокупность местных активов, составляющих конкурентный потен-

---

[1] Giffinger R. Territorial capital – understanding and challenges for a knowledge based strategic approach // Territorium. – 2008. – Vol. 8. – P. 7−15.

[2] Capello R., Caragliu A., Nijkamp P. Territorial capital and regional growth: increasing returns in knowledge use // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. – 2009. – Vol. 102, no. 4. – P. 385−405.

[3] Васильев М. П. Разработка алгоритмов повышения эффективности использования финансово-экономического потенциала регионов: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. – СПб., 2019. – 22 с.

[4] van der Ploeg J. D., van Broekhuizen R., Brunori G. et al. Towards a framework for understanding regional rural development // Unfolding webs: the regional rural development. – Assen: Van Gorcum, 2008. – P. 1−28.

[5] Экономическая энциклопедия / Е. И. Александрова, А. В. Аникин, А. И. Архипов и др.; гл. ред. Л. И. Абалкин и др. – М.: Экономика, 1999. – 1054 с.

циал города за счет снижения издержек и повышения отдачи от инвестиций по сравнению с условиями в других городах»[1].

В целом каждый автор выстраивает свою трактовку вокруг одного из определяющих признаков капитала, развивая положения, имеющие непосредственное отношение именно к этому признаку (например, изучая территориальный капитал как сложную систему, свойства которой во многом определяются ее структурой, или рассматривая его как фактор конкурентоспособности). Между тем имеет смысл учитывать все эти «родовые» признаки территориального капитала в совокупности, увязывая друг с другом специфику его текущего состояния (определяемого характеристиками отдельных составляющих и связями между ними), особенности его возникновения, приращения (своего рода стадию формирования), а также порождаемые им эффекты (стадию завершения цикла, этапа). Только такой – комплексный, интеграционный – подход делает возможной корректную оценку имеющегося у территории капитала, а значит, и разработку эффективного подхода к управлению территориальными системами, повышению их конкурентоспособности. Следовательно, под территориальным капиталом можно понимать систему используемых для развития территории ресурсов, наращивание и воспроизводство которых обеспечивается региональными и местными сообществами. В данной трактовке используется термин «система» вместо слов «совокупность», «сумма», которые зачастую применяются авторами других определений, поскольку представляется важным подходить к территориальному капиталу именно как к системе: очевидно, что активы и ресурсы, входящие в его состав, взаимосвязаны, определяют параметры капитализации друг друга, могут как усиливать, так и ослаблять прочие элементы. Кроме того, тезис о локализации составляющих территориального капитала в границах территории, встречающийся у некоторых из исследователей, видится не совсем корректным. В частности, нельзя говорить о привязке к территории нематериальных (неосязаемых) ресурсов; и хотя учет фактора локализации представляется важным, пусть и несколько условным, шагом при измерении территориального капитала, следует признать, что «замыкание» его составляющих внутри границ территории искусственно сокращает перечень важных для территориальной системы источников развития. В связи с этим предлагается опираться

[1] Боброва В. В., Аношкин П. А. Теоретико-методические основы развития территории города // Экономическое возрождение России. – 2014. – № 2 (40). – С. 111.

не на связь с физическими границами, а на вовлечение сообществ (населения, институций) – ключевых интересантов территориального развития.

Выводы по главе 1

Сформулированы теоретические положения исследования пространственного развития экономики разноуровневых территориальных систем, основанные на дополнении представлений теорий территориального развития и пространственных теорий концепцией территориального капитала.

Разработанный научный подход к исследованию (рисунок 7) предполагает: расширение содержания понятия «пространственное развитие» за счет определения его соотношения с близкими терминами: пространственное развитие является элементом территориального развития и связано с изменением особенностей локализации объектов в пространстве, а также с трансформацией тех эффектов, которые порождают особенности этой локализации; появлением (исчезновением или трансформацией) форм организации хозяйственной деятельности; преобразованием особенностей взаимодействия между отдельными пространственными составляющими; внесение корректив и уточнений в сущностно-содержательную характеристику понятия «территориальный капитал», существующие трактовки которого во всем своем многообразии базируются только на одном из его признаков (особенностях отдельных его составляющих и связях между ними, специфике его возникновения, благах, которые он позволяет получать), – в рамках авторского подхода представляется важной интеграция этих трех аспектов, позволяющая рассматривать территориальный капитал в трех временных позициях: на стадии формирования, существования, завершения – генерации эффектов, и определяет возможность выработки методологии пространственного развития экономики на основе наращивания территориального капитала.

Рисунок 7 – Научный подход к исследованию пространственного развития экономики[1]

[1] Составлено автором.

2 Методологические основы пространственного развития экономики

2.1 Наращивание территориального капитала как основа методологии пространственного развития экономики

В современных условиях постоянного увеличения масштабов конкурентных взаимодействий на всех уровнях хозяйственной деятельности, обострения вызовов и угроз поступательному и стабильному наращиванию ресурсов для осуществления дальнейших преобразований и роста динамики всех социально-экономических процессов вопросы поиска экономическими акторами источников своего развития представляют особую важность. Субъектами подобного поиска выступают не только отдельные хозяйствующие субъекты, но и более масштабные системы – города, регионы, государства. Выявление основ, перспектив, возможностей и ограничений позитивных преобразований территорий представляет собой непростую задачу: локализация в их границах большого количества субъектов, каждый из которых осуществляет свою деятельность, руководствуясь собственными представлениями об ориентирах наиболее желаемых изменений, разнородных ресурсов и активов, основные характеристики и эффективность использования которых может быть весьма дифференцированы, а также наличие между ними нелинейных и зачастую неочевидных взаимосвязей определяет сложность выбора фокуса приложения усилий, направленных на развитие территориальных систем. Этот фокус может определяться ориентацией на те запасы, которыми обладает территория (природные богатства, трудовые ресурсы и резервы и т. д.), на перспективы их наращивания и качественной трансформации (например, благодаря использованию специализированных институций или элементов инфраструктуры), на выбранные в качестве целевых установки трансформации территории (которые при этом также в немалой степени зависят от имеющихся активов), однако гораздо логичнее было бы рассматривать все эти разнородные параметры в комплексе, учитывая при этом специфику отдельных составляющих каждого из них. Следовательно, имеет смысл говорить об интегральной характеристике, которая позволяла бы комплексно смотреть на имеющийся у территории потенциал, возможности его использо-

вания, а также его способность содействовать получению желаемого результата, – территориальном капитале.

О своевременности развития концепции территориального капитала в качестве основы выбора ориентиров трансформации локальных, региональных и национальных систем свидетельствует увеличение числа и масштабов воздействующих на них сил, сопровождающееся усилением неопределенности социально-экономических процессов, усложнением причинно-следственных связей и требующее применения комплексного подхода к определению имеющихся у территорий активов, обладающих наибольшим потенциалом превращения в источник их развития.

При этом, как было отмечено ранее, пространственное развитие представляет собой важную часть развития территориального, во многом обуславливая его возможности и ограничения: именно то, как организованы в пространстве разнообразные активы, существуют ли ареалы, где их концентрация достигает наибольших масштабов, обеспечиваются ли возможности для высокой степени связанности отдельных ресурсов (и отдельных территорий), определяет эффективность капитализации всех тех преимуществ, которые есть у социально-экономических систем.

Таким образом, взаимосвязь между процессами наращивания территориального капитала и пространственным развитием экономики носит двойственный характер. С одной стороны, изменение характеристик экономического пространства напрямую влияет на параметры территориального капитала: поляризация ресурсов в одной локальной зоне выступает своеобразным активатором их более плодотворного использования (возможности капитализации этих ресурсов возрастают), в том числе за счет возникновения агломерационных эффектов[1], упрощения процессов взаимодействия между отдельными субъектами в ходе осуществления деятельности, направленной на их воспроизводство, и т. п. С другой стороны, именно наращивание территориального капитала придает импульс пространственному развитию: отдельные территориальные единицы, более эффективно использующие имеющиеся у них ресурсы, усиливают свою значимость для социально-экономической системы, трансформируя ее морфологию, меняя характер ее пространственной организации. Именно адекватная оценка имеющегося у территории капитала, его планомерное включение в хозяйственные процессы (с наибольшей отдачей) должны

[1] Лавриненко П. А., Михайлова Т. Н., Ромашина А. А., Чистяков П. А. Агломерационные эффекты как инструмент регионального развития // Проблемы прогнозирования. – 2019. – № 3 (174). – С. 50−59.

способствовать встраиванию каждой территориальной единицы в логику осуществляющихся пространственных преобразований. При этом возможность использования концепции территориального капитала в качестве основы пространственного развития экономики обуславливается целым рядом его свойств.

Во-первых, перспективность рассмотрения свойств территорий, характеризующих их роль в процессах пространственного развития, с точки зрения того капитала, которым они обладают, обеспечивается его системностью. Как отмечалось ранее, территориальный капитал – это комплексная категория, объединяющая все многообразие ресурсов территории вне зависимости от степени их осязаемости, особенностей их принадлежности и востребованности хозяйственной системой. Последнее обстоятельство тем более важно, что со временем значимость отдельных активов (отдельных типов активов) может меняться (например, при переходе хозяйственной системы от фокусировки на традиционных факторах экономического роста к ориентирам инновационного развития[1]).

Следует также отметить, что значимость активов неодинакова не только на разных стадиях развития социально-экономического комплекса (характеризующихся изменением факторов, которые имеют наибольшее влияние на специфику трансформационных процессов), но и для территориальных систем, ориентированных на достижение различных целевых ориентиров: например, материальные ресурсы (месторождения полезных ископаемых, инфраструктура) имеют особое значение для территорий, которые делают ставку на индустриализацию, а человеческий капитал – для территорий, которые предполагают развивать экономику знаний.

Во-вторых, территориальный капитал может служить весьма показательной характеристикой любой территории, демонстрируя как наличие у нее тех или иных активов, отличающихся своими свойствами и закономерностями трансформации, так и успешность их использования: как отмечалось ранее, важной отличительной чертой капитала является его способность капитализироваться – если ресурс не увеличивает свою ценность, элементом капитала его считать нецелесообразно. Продолжая эту мысль, а также развивая высказанный ранее тезис о неоднозначности ценности разных типов ресурсов для разных территориальных систем, можно заключить, что не любой ресурс, локализованный в границах территории или имеющий отношение к деятельности ее сообществ,

[1] Camagni R. Regional competitiveness: towards a concept of territorial capital // Advances in spatial science. – 2008. – Vol. 54. – P. 33−47.

может усиливать совокупную стоимость элементов капитала. Другими словами, системный характер взаимосвязей между отдельными составляющими территориального капитала определяет возможность возникновения между ними «конфликта», обусловленного невозможностью гармоничного сочетания целей, для реализации которых эти составляющие могут использоваться. Так, мощный индустриальный комплекс и связанные с ним экологические проблемы могут выступать своеобразным ограничителем развития туристско-рекреационного потенциала территории. В то же время разнообразие составляющих капитала территории и, как результат, наличие возможностей диверсификации путей ее развития может рассматриваться и как преимущество – в случае, если отдельные активы (даже существенно отличающиеся) могут эффективно капитализироваться без ущерба друг для друга.

В-третьих, именно территориальный капитал выступает мерилом уникальности территории: его описание и оценка могут служить средством идентификации как сильных, так и слабых ее сторон, определяя не только ее текущие позиции, но и возможности (ориентиры) их изменения. В связи с этим необходимо заметить, что имеющиеся у территории активы (и особенности их использования), с одной стороны, задают определенную траекторию дальнейшего развития (например, если регион обладает богатой металлургической базой, то его ориентация на индустриальный путь кажется вполне естественной), с другой стороны, могут выступать скрытым резервом, своевременное выявление которого способно трансформировать определенный ранее вектор.

Кроме того, игнорирование характеристик территориального капитала не позволяет субъектам, обеспечивающим развитие территориальной единицы, выстроить адекватную ситуации политику, организовать свою деятельность наилучшим образом. В результате территориальный капитал не может использоваться эффективно, территория теряет темп своего развития, а экономическое пространство теряет свою целостность из-за возникновения в нем «пустот», замещающих неэффективно функционирующие территориальные единицы.

Таким образом, территориальный капитал является комплексной характеристикой территории, учитывающей ее специфические черты (связанные как с природой имеющихся ресурсов, так и с параметрами их использования) и определяющей ее место в процессе организации экономического пространства. Это означает, что территориальный капитал логично рассматривать в качестве объекта управления (в первую очередь со сто-

роны властных структур, ответственных за развитие территории), при этом особенности управленческих процессов, связанных с территориальным капиталом, во многом зависят от уровня властных структур и масштабов территории. Более подробно об этом будет сказано далее, пока же имеет смысл обозначить некоторые фундаментальные аспекты управления территориальным капиталом.

В первую очередь следует понимать, что пространство любой территории, какой бы небольшой по площади она ни была, неоднородно – имеющиеся активы не могут быть распространены равномерно. Это означает, что, говоря о необходимости управления территориальным капиталом отдельного ареала (например, региона) в интересах обеспечения эффективного пространственного развития более масштабной территориальной системы (например, страны), необходимо учитывать пространственные аспекты организации хозяйственной системы этого ареала (например, принимая во внимание специфику отдельных муниципальных образований внутри него). Эта сложная система разномасштабных экономических пространств, в каждом из которых складывается собственная система разнородных, но при этом взаимосвязанных активов, обладает, ко всему прочему, распределенной (с точки зрения как уровней управления, так и трансформируемых сфер) системой регулирования. Это делает принципиально важной согласованность управленческих решений (как по вертикали, так и по горизонтали).

Эти аспекты – пространственная неоднородность территории и наличие у нее различных по своей природе и эффективности использования ресурсов – определяют и другие особенности управления ее капиталом (рисунок 8).

Так, территориальный капитал, как и любой другой объект управленческих воздействий, нуждается в постоянном мониторинге, что подразумевает также разработку алгоритмов его оценки. При этом универсальный, стандартизированный подход к характеристике его отдельных составляющих невозможен – они принципиально отличаются друг от друга. Например, методы, хорошо себя зарекомендовавшие для характеристики материальных активов, могут не работать в отношении неосязаемых ресурсов.

Кроме того, разнородность активов обуславливает их различный «жизненный цикл», что делает необходимым гармоничное сочетание отличающихся по срокам достижения и направлениям целевых ориентиров, каждый из которых тесно увязан с определенным набором активов, с одной стороны, и с определенным набором точек в пространстве, с другой стороны.

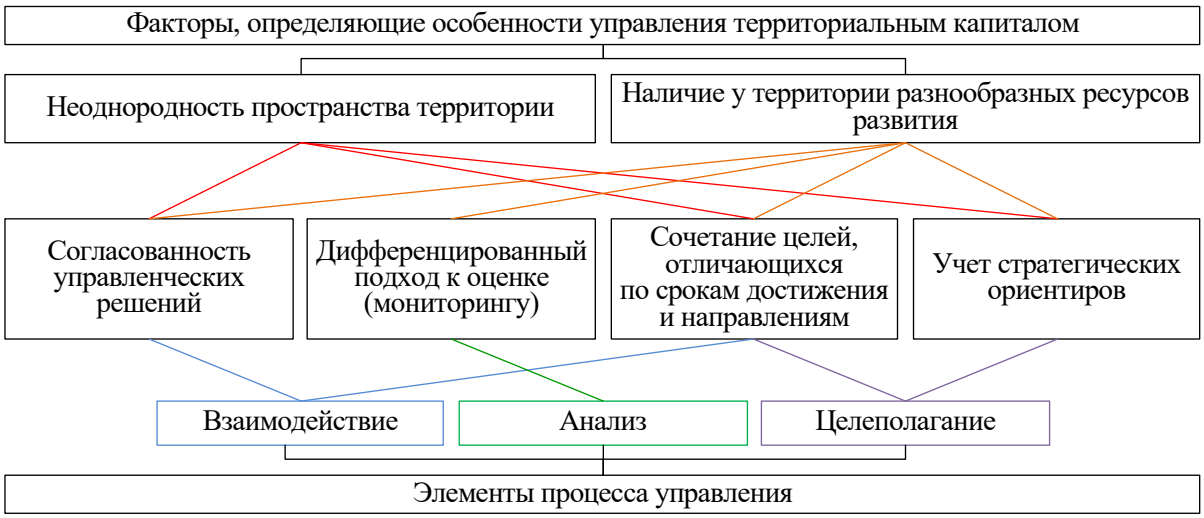

Рисунок 8 – Фундаментальные аспекты управления территориальным капиталом[1]

Еще одним важным аспектом является согласование стратегических ориентиров (векторов развития территории) и мер, которые направлены на преобразование территориального капитала (например, активизацию его отдельных составляющих). Как отмечалось ранее, определение наиболее востребованных и значимых его компонентов во многом связано с желаемым будущим, а не с текущей ситуацией (хотя образ этого желаемого будущего невозможно адекватно построить, не принимая во внимание имеющиеся в распоряжении резервы развития).

При этом следует отметить, что если теме преобразования пространства на данном этапе существования экономической науки уделяется достаточно много внимания (хотя далеко не на все вопросы пока что удалось найти ответы), то концепция территориального капитала в гораздо меньшей степени востребована научным сообществом, особенно российскими его представителями. Исследований же, связанных с использованием данной концепции для определения направлений преобразования пространственной организации хозяйства, до настоящего времени не было. Предложение обозначенных в данном разделе тезисов представляет собой только первые шаги на пути объединения широкого пула научных задач с тем методологическим подходом, который может помочь продвинуться в их решении: необходима фокусировка на методических аспектах измерения пространства, отражающего особенности активов, которыми обладает территория, на выборе

[1] Составлено автором.

направлений необходимых пространственных преобразований и определении механизмов, которые могут позволить достичь этих ориентиров.

2.2 Моделирование пространственной организации экономики: особенности теории и практики

Если концептуальной основой предлагаемой методологии пространственного развития экономики выступает наращивание территориального капитала, то ее методической основой служит процесс моделирования.

Моделирование – один из важнейших инструментов решения научных задач: оно находит применение в рамках различных дисциплин, позволяя получить достоверные знания об исследуемых объектах, особенностях их развития, возможных формах их изменения (особенности моделирования в ходе осуществления научных исследований представлены в ранее опубликованной автором диссертационного исследования работе[1]). Моделирование пространственного развития и пространственной организации экономики (социально-экономических систем) представляет особый интерес для исследователей масштабных территориальных комплексов, а также специалистов, ответственных за определение путей их дальнейших трансформаций.

Первые попытки создания комплексных моделей, детально описывающих закономерности именно пространственной организации хозяйства, были предприняты авторами классических теорий размещения производительных сил, чьи труды были весьма подробно рассмотрены ранее: модель изолированного государства И. Г. фон Тюнена[2], модель рационального штандорта промышленного предприятия В. Лаунхардта[3], модель промышленного штандорта А. Вебера[4]. Они разрабатывались в интересах определения наиболее выгодного (обеспечивающего наименьшие издержки) местоположения отдель-

---

[1] Пономарева А. И., Суворова А. В. Моделирование как метод научного познания: содержание и типология // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2020. – № 12-2 (70). – С. 233−237.

[2] Тюнен И. Г. фон. Изолированное государство. – М.: Экономическая жизнь, 1926. – 326 с.

[3] Launhardt W. Die Bestimmung des zweckmässigsten Standortes einer gewerblichen Anlage // Zeitschrift des Vereinesdeutscher Ingenieure. – 1882. – Bd. 26. – S. 106−115.

[4] Weber A. Über den Standort der Industrien. – Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1922. – 268 S.

ных хозяйственных единиц, а предлагаемые в их рамках модели были призваны решать вопросы, связанные с размещением.

Дальнейшие исследования вопросов пространственной организации экономических систем также подкреплялись значительным количеством наработок в сфере моделирования. Так, Х. Хотеллингом[1] была предложена модель линейного города, определяющая особенности конкуренции на пространственно распределенном рынке; А. Лёшем[2] – модель, описывающая специфику распределения в пространстве производителей и потребителей и представляющая собой, по сути, модель пространственного экономического равновесия, некоторые шаги на пути создания которой были предприняты еще в работах А. Пределя[3] и Г. Вайгмана[4]. Таким образом, внимание исследователей смещается с интересов отдельного хозяйствующего субъекта, который нуждается в наилучшем месте для осуществления своей деятельности, на проблемы пространственной организации масштабной территориальной системы, а на смену моделям размещения приходят модели районирования. Это, однако, не означает, что вопросы размещения отдельных субъектов и их групп в пространстве региона (города) теряют свою значимость и исключаются из поля зрения исследователей: развитие данного научного направления продолжается, а «классические» модели трансформируются и модернизируются. Например, предложенная И. Г. фон Тюненом для характеристики регионального землепользования модель концентрических зон послужила основанием для разработки модели концентрических зон города Э. Бёрджесса[5], объясняющей распределение социальных групп в отдельных районах, и была доработана У. Алонсо[6] с целью описания городского рынка земли.

С развитием региональной экономики, одним из ключевых вопросов которой является пространственная организация хозяйства, в разрабатываемых моделях начинают находить отражение все новые концепции и подходы. Так, появляются модели поляризо-

[1] Hotelling H. Stability in competition // The economic journal. – 1929. – Vol. 153, iss. 39. – P. 41−57.
[2] Лёш А. Пространственная организация хозяйства: пер. с нем. – М.: Наука, 2007. – 663 с.
[3] Predöhl A. Staatsraum und Wirtschaftsraum // Weltwirtschaftliches Archiv. – 1934. – Bd. 39. – S. 1−12.
[4] Weigmann H. Kritischer Beitrag zur Theorie des internationalen Handels. – Jena: Fischer, 1926. – 84 S.
[5] Бёрджесс Э. Рост города: введение в исследовательский проект // Чикагская социология: сб. пер. – М.: ИНИОН РАН, 2015. – С. 20−34.
[6] Alonso W. Location and land use. Towards a general theory of land rent. – Cambridge: Massachusetts, 1964. – 204 p.

ванного развития (основанные на трудах Ф. Перру[1], Г. Мюрдаля[2], Ж. Будвиля[3] и др.), ключевой предпосылкой которых выступает положение о неоднородности экономического пространства и возможности формирования таких условий, которые могли бы способствовать распространению эффектов, возникающих в центрах роста, на окружающие территории (например, модель «вулкана» Х. Гирша[4]); кластерная модель развития, базирующаяся на идеях М. Портера[5]; модели новой экономической географии, уделяющей особое внимание зависимости экономических результатов от масштабов хозяйственных комплексов в условиях несовершенной конкуренции, такие как модель Диксита – Стиглица – Кругмана[6], модель «центр – периферия» Дж. Фридмана[7]. Отдельные аспекты пространственного развития находят отражение в рамках моделей экономического роста, появление которых было обусловлено попытками исследователей определить предпосылки и причины опережающего развития отдельных территориальных единиц (модель Р. Солоу, модель Удзавы – Лукаса, модель Мэнкью – Ромера – Вейла и др.), к этой же группе можно отнести модель экспортирующего региона, предложенную Х. Хойтом и А. Веймером[8].

Инструментарий моделирования пространственного развития со временем претерпел некоторые изменения: если на этапе оформления научного направления особое значение имел стандартный экономико-математический аппарат, широко применялись гравитационные модели, лежащие в основе упоминавшейся ранее модели рационального штандорта промышленного предприятия В. Лаунхардта, модели Рейли – Конверса[9], то со временем (начиная с 1940−1950-х годов) в интересах оценки процессов пространственных преобразований сложился специальный методический инструментарий, ориентированный

---

[1] Перру Ф. Экономическое пространство: теория и приложения // Пространственная экономика. – 2007. – № 2. – С. 77–93.

[2] Мюрдаль Г. Современные проблемы «третьего мира»: сокр. пер. с англ. – М.: Прогресс, 1972. – 767 с.

[3] Boudeville J. Problems of regional economic planning. – Edinburgh: University Press, 1966. – 192 p.

[4] Giersch H. Aspects of growth, structural change, and employment a schumpeterian perspective // Review of world economics. – 1979. – Vol. 115, iss. 4. – P. 629−652.

[5] Porter M. On competition, updated and expanded edition. – Boston: Harvard Business Review Press, 2008. – 576 p.

[6] Кругман П. Возрастающая отдача, монополистическая конкуренция и международная торговля // Вехи экономической мысли: в 6 т. – СПб.: ВШЭ, 2000. – Т. 2: Теория фирмы. – С. 523−532; Dixit A., Stiglitz J. Monopolistic competition and optimum product diversity // American economic review. – 1977. – Vol. 67, no. 3. – P. 297−308.

[7] Friedmann J. Regional development policy: a case study of Venezuela. – Cambridge: MIT Press, 1966. – 279 p.

[8] Hoyt H., Weimer A. Principles of urban real estate. – New York: Roland Press, 1939. – 332 с.

[9] Converse P. D. New laws of retail gravitation // Journal of marketing. – 1949. – Vol. 141, iss. 3. – P. 379−384; Reilly W. J. The law of retail gravitation. – New York: W. J. Reilly, 1931. – 75 p.

на учет специфики локализации объектов в пространстве, оценку расстояния между ними, масштабов их концентрации и т. п. Современные математические методы пространственного моделирования базируются на трудах П. Морана, Ж. Палинка, Л. Классена, А. Клиффа, Дж. Орда, Л. Энслина, К. Кларка и др., а пул разрабатываемых с их помощью моделей весьма разнообразен: факторные и имитационные пространственные модели, модели пространственной кластеризации, эконометрические, сетевые и агент-ориентированные модели осуществления социально-экономических процессов в пространстве. В значительном числе научных работ сегодня пространственное моделирование выступает инструментом анализа, призванного охарактеризовать сложившиеся зависимости между отдельными территориальными единицами. Объектом такого анализа могут быть миграционные процессы[1], состояние окружающей среды[2], социальные проблемы[3] и другие значимые вопросы.

В целом модель может служить способом описания действительности, наглядно характеризовать те факторы и силы, которые оказывают существенное влияние на специфику пространственных преобразований, а может выступать инструментом отображения наилучшей (наиболее эффективной) формы организации пространства. Именно такие «модели будущего» представляют особый интерес в рамках проводимого исследования.

2.2.1 Европейский опыт моделирования пространственной организации экономики

Оптимизация процессов управления пространственным развитием выступает в качестве одного из ключевых приоритетов регулирования экономических трансформаций не только в Российской Федерации: наличие существенных межтерриториальных дисбалансов, пространственная дефрагментация, отсутствие (или утрата) связей между отдельными составляющими пространственных систем – это проблемы, с которыми вынуждены

[1] Cai Z., Kwak Y., Cvetkovic V. et al. Urban spatial dynamic modeling based on urban amenity data to inform smart city planning // Anthropocene. – 2023. – Vol. 42. – Article no. 100387.

[2] Feng S. L., Sui B., Liu H. M., Li G. X. Environmental decentralization and innovation in China // Economic modelling. – 2020. – Vol. 93. – P. 660−674.

[3] Lisowska-Kierepka A. How to analyse spatial distribution of crime? Crime risk indicator in an attempt to design an original method of spatial crime analysis // Cities. – 2022. – Vol. 120. – Article no. 103403.

бороться любые территориальные комплексы, обладающие значительными масштабами и многообразием действующих в их границах субъектов.

Масштабная работа по исследованию особенностей пространственного развития, определению направлений его осуществления, управлению этими процессами была проделана в Европейском союзе. Вопросам управления социально-экономическим пространством в нем придается особое значение: действует Европейская сеть обсерваторий пространственного планирования (European spatial planning observation network – ESPON[1]), реализуется Европейская пространственная перспектива развития (European spatial development perspective – ESDP[2]). Несмотря на то, что Евросоюз не представляет собой единое государство, являясь скорее сообществом значительного количества самостоятельных и достаточно разнообразных национальных комплексов, проведение членами объединения единой политики, направленной на решение целого ряда проблем, позволяет использовать богатый опыт Союза в части формирования пространственных моделей, призванных как охарактеризовать сложившиеся особенности организации экономического пространства, так и описать видение ее возможной (желаемой) трансформации.

Анализ опыта моделирования экономического пространства Еврозоны позволяет разделить, хотя и достаточно условно, множество предлагаемых научным и экспертным сообществом моделей на несколько типов (рисунок 9). К числу наиболее ярких примеров обозначенных выше представлений о европейском пространстве можно отнести модели «голубого банана», «грозди винограда», «дома с семью квартирами», «красного осьминога».

Модель «голубого банана» (blue banana) была предложена в 1980-е годы группой французских географов под руководством Р. Брюне[3]: она демонстрировала местоположение европейской «оси развития», объединяющей крупные экономические центры (от Лондона до Милана) и построенной с учетом разницы демографического, культурного и инфраструктурного уровней территорий. Можно найти значительное количество вариаций этой модели («желтый банан», «золотой банан»), а также иных моделей, основанных

[1] European spatial planning observation network. – URL: https://www.espon.eu/ (дата обращения: 15.02.2024).

[2] ESDP – European spatial development perspective. Towards balanced and sustainable development of the territory of the European union. – Luxembourg: European Commission, 1999. – 82 p.

[3] Brunet R. Les villes ‘européennes’. – Paris: Documentation française, 1989. – 337 p.

на выявлении конкретных локаций (населенных пунктов или регионов), являющихся центрами развития Еврозоны («золотой треугольник», «ось жизни» и др.[1]).

Рисунок 9 – Классификация моделей организации экономического пространства Европы[2]

Модель «грозди винограда» (bunch of grapes, green grape)[3] появилась в 1990-е годы и представляла собой попытку описать перспективы пространственных трансформаций тех территорий, которые не попали в ареал «голубого банана» и других подобных моделей. Ее авторы, К. Р. Кунцман и М. Вегенер, видели в качестве возможных центров европейского развития совокупности территориально распределенных городских кластеров, представляющих собой объединения урбанизированных территорий и выступающих в роли узлов сетевых структур разного уровня.

Моделью, также характеризующей возможности экономического роста оставшихся за пределами определенной Р. Брюне совокупности высокоразвитых территорий, является модель «дома с семью квартирами» (Europe of 7 apartments)[4], в рамках которой

[1] Szabo P. The pentagon and other geometrical figures of Europe's economic core // Romanian review of regional studies. – 2008. – Vol. 4, iss. 2. – P. 11−20.

[2] Составлено автором.

[3] Kunzmann K. R., Wegener M. The pattern of urbanization in Western Europe // Ekistics. – 1991. – Vol. 350−351. – P. 282−291.

[4] Metaxas T., Tsavdaridou M. From 'Blue banana' to 'Red octopus' and the development of eastern and southern European cities: Warsaw and Lisbon // Regional and sectoral economic studies. – 2013. – Vol. 13, no. 1. – P. 15−30.

в противовес одной оси (зоне) развития предполагается выделение семи зон, каждая из которых имеет свою социально-экономическую специфику и специализацию.

Модель «красного осьминога» (red octopus)[1] – еще один вариант, основанный на идее деконцентрации источников развития и рассеивания точек роста в пространстве. Модель предполагает включение в зоны интенсивных экономических процессов новых пространств благодаря их локализации внутри «коридоров развития», связывающих друг с другом отдельные полюса роста, что во многом перекликается с идеями П. Потье[2].

Очевидно, что явных противоречий между перечисленными моделями нет: отдельные их элементы могут успешно сочетаться друг с другом, способствуя выстраиванию организованного в единой логике пространства масштабной экономической системы. Актуальность этих ставших уже классическими моделей обуславливает интерес к их развитию и у современных исследователей, которые зачастую концентрируют свое внимание на попытке найти новые аспекты уже закрепленного[3] подхода к реализации модели полицентрического развития Европы: например, коллективом итальянских ученых[4] предлагается использование так называемых территориальных рамок (territorial frames, TFs) – инфраструктурной сети, объединяющей разномасштабные (с точки зрения своего вклада в социально-экономическое развитие всей системы) территориальные единицы.

При этом, как справедливо отмечает И. В. Дунаев[5], в основе европейского подхода к организации экономического пространства в настоящее время лежит сетевая, полицентрическая модель, находящая применение на всех территориальных уровнях. Это означает, что каждый узел подобной сети (город, агломерация) выполняет значительное количество функций, максимально реализуя имеющиеся возможности самообеспечения. Особую роль в реализуемой модели играют крупные региональные центры и их агломерации – функциональные городские районы (functional urban areas, FUA), концентрирующие финансовый, социальный, культурный капитал, имеющие большое значение для

---

[1] van der Meer, L. Red octopus // A new perspective for European spatial development policies. – Aldershot: Avebury, 1998. – P. 9−19.

[2] Pottier P. Axes de communication et développement economique // Revue économique. – 1963. – Vol. 14. – P. 58−132.

[3] ET2050 – Territorial scenarios and visions for Europe: final report / ESPON. – URL: https://archive.espon.eu/programme/projects/espon-2013/applied-research/et2050-territorial-scenarios-and-visions-europe (дата обращения: 04.09.2025).

[4] Di Ludovico D., D'Ascanio F. European cross-scale spatial planning and territorial frames in the Italian Median Macroregion // European planning studies. – 2019. – Vol. 27, iss. 7. – P. 1369−1390.

[5] Дунаев И. В. Ключевые принципы политики пространственного развития и модернизации региональных экономик в Евросоюзе // Перспективы науки и образования. – 2014. – № 2 (8). – С. 222−228.

национальных (и наднациональных) экономических систем. В то же время сетевой подход предполагает активное вовлечение в хозяйственные процессы и тех территориальных систем, которые локализованы за пределами функциональных городских районов, не обладают существенным уровнем концентрации активов и ресурсов развития.

2.2.2 Модели пространственной организации экономических систем: опыт региональных стратегий развития

Органы власти разного уровня, как отмечалось ранее, в настоящее время уделяют особое внимание вопросам пространственного развития разномасштабных территориальных комплексов – регионов и муниципалитетов: в стратегиях некоторых из них направления преобразований социально-экономического пространства раскрываются весьма подробно. Следовательно, документы стратегического планирования могут представлять собой перспективный объект исследования, ориентированного на выявление возможных направлений пространственного развития, а обобщение и систематизация опыта стратегического планирования пространственных преобразований отдельных территорий могут служить основой типологизации моделей пространственной организации экономических систем, находящих применение в российской практике (на региональном уровне).

Прежде всего следует отметить, что в отечественных исследованиях внимание моделям пространственной организации экономических систем уделяется не меньше, чем в трудах экспертов, моделирующих преобразования европейского пространства (хотя такого многообразия крайне образных и конкретных описаний пространственных трансформаций, как в работах зарубежных коллег, у представителей российского научного сообщества нет). При этом, как отмечает А. А. Урасова, «каждая группа моделей отличается от другой характером составных элементов, подходом к определению базовой единицы территориального развития и несет в себе определенный набор инструментов, применяемых для формирования экономического потенциала территории»[1]. Более того, модели,

[1] Урасова А. А. Условия цифровизации экономики как основа управления развитием пространственно-отраслевой структуры региона // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2022. – Т. 234, № 2. – С. 91.

получившие распространение в европейских исследованиях, базирующиеся на формировании системы разноуровневых центров, объединенных инфраструктурными коридорами, также популярны и среди отечественных авторов: они активно разрабатывались еще в советское время[1], и в сегодняшних работах[2] интерес к ним не ослабевает. В то же время модель поляризованного развития в различных ее вариациях – это не единственно возможный вариант организации пространства. С. С. Дзагова и Ф. А. Мамбетова, проводя детальное сопоставление модели данного типа с альтернативной ей моделью выравнивания уровня пространственного развития, отмечают наличие у каждого из этих двух подходов своих преимуществ и ограничений[3].

Принципиально иной вариант группировки пространственных моделей предлагает в своем исследовании С. И. Яковлева, выделяя функциональные модели (районирование, зонирование, выделение ареалов), каркасные модели (развитие территориальных каркасов, коридоров, центров и осей развития), кластерные модели (формирование территориальных комплексов с ядрами, ключевыми объектами и зонами развития конкурентоспособного предпринимательства)[4]. Схожей логикой руководствуются Д. Л. Напольских и А. Г. Фурин: они рассматривают полицентрическую модель (основана на формировании и приоритетном развитии поляризованного каркаса системы расселения на базе крупнейших агломераций), равномерно-иерархическую модель (предполагает создание иерархически структурированной в зависимости от масштаба центра расселения и равномерно распределенной по территории страны полосы расселения), кластерно-сетевую модель (базируется на приоритетной трансформации существующих и потенциальных урбанизированных территорий в надагломерационную структуру расселения на основе сетевых кластеров)[5].

---

[1] Лаппо Г. М. Концепция опорного каркаса территориальной структуры народного хозяйства: развитие, теоретическое и практическое значение // Известия Академии наук СССР. Серия географическая. – 1983. – № 5. – С. 16–28.

[2] Кожевников С. А. Пространственное и территориальное развитие Европейского Севера России: тенденции и приоритеты трансформации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2019. – Т. 12, № 6. – С. 91–109.

[3] Дзагова С. С., Мамбетова Ф. А. Оптимизация модели пространственного развития социально-экономических систем // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2018. – № 10 (96). – С. 105–113.

[4] Яковлева С. И. Пространственные модели в стратегиях социально-экономического развития регионов России // Псковский регионологический журнал. – 2014. – № 17. – С. 3–16.

[5] Напольских Д. Л., Фурин А. Г. Систематизация перспективных моделей пространственного развития Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. – 2018. – № 10 (128). – С. 49–55.

Все эти варианты заслуживают внимания, однако, как отмечалось ранее, обобщение и систематизация перспективного видения пространственной организации масштабных систем, предлагаемого в региональных документах стратегического планирования, могут помочь расширить спектр подходов к выделению возможных моделей, например, углубив градацию, основанную на принципе выявления центров развития, рассмотренную С. С. Дзаговой и Ф. А. Мамбетовой[1]. Следует отметить, что выделение функциональных, каркасных и кластерных моделей организации пространства было также предложено в результате работы С. И. Яковлевой с базовыми концепциями формирования территориальной структуры регионов, представленными в их стратегиях развития[2]. В то же время выделенные группы отличаются друг от друга спецификой тех инструментов (механизмов), которые могут лежать в основе различных моделей, тогда как недостаточно детально раскрытыми остались аспекты, связанные с выбранными регионами ориентирами преобразования их пространства. Кроме того, в работе С. И. Яковлевой внимание было сконцентрировано на стратегиях социально-экономического развития не всего массива регионов, а только двадцати из них, причем их оценка была осуществлена в 2014 г. (многие документы за это время были актуализированы и значительно переработаны), что позволяет рассчитывать на выявление новых закономерностей.

В ходе проведенного в рамках настоящего диссертационного исследования анализа были рассмотрены разработанные в рамках процесса целеполагания документы стратегического планирования 82 субъектов Российской Федерации (по состоянию на конец 2025 г.) для выявления особенностей определяемых в регионе перспектив его дальнейшего пространственного развития. Специфика поставленных задач определила исключение из числа изучаемых стратегий документов, созданных для городов федерального значение; кроме того, в обзор не попали новые территории, для которых стратегии социально-экономического развития пока не подготовлены. Следует отметить, что ни в одном из рассмотренных регионов нет отдельного документа, посвященного обозначению направлений трансформаций пространства, хотя встречаются упоминания о разработке стратегий пространственного развития отдельных муниципальных образований (например, Магадана) или их комплексов (например, Ижевской агломерации), однако преобра-

[1] Дзагова С. С., Мамбетова Ф. А. Оптимизация модели пространственного развития социально-экономических систем // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2018. – № 10 (96). – С. 105−113.

[2] Яковлева С. И. Пространственные модели в стратегиях социально-экономического развития регионов России // Псковский регионологический журнал. – 2014. – № 17. – С. 3−16.

зованиям пространственной организации внимание уделяется в большинстве региональных стратегий социально-экономического развития.

Таким образом, место пространственных аспектов развития было выявлено в каждой из 82 рассмотренных стратегий (или проектов стратегий) социально-экономического развития региона. Условно все документы можно разделить на три группы.

К первой группе следует отнести стратегии, в которых вопросы преобразования пространства не затрагиваются, хотя может присутствовать сравнительный анализ развития отдельных муниципальных образований.

Во вторую группу попадают стратегии, в которых определяются отдельные аспекты трансформации пространства, но целостной картины будущей пространственной организации не складывается (например, могут быть представлены ориентиры развития отдельных муниципальных образований или иной подход к формированию территориального «среза» стратегии социально-экономического развития).

Третья группа включает в себя стратегии, разработчики которых уделили пространственным аспектам развития достаточно внимания (хотя далеко не все попавшие в данную группу документы можно считать успешными примерами отображения перспективной пространственной организации территориальной системы).

Очевидно, что особый интерес представляют документы третьей и отчасти второй группы, далее имеет смысл более детально рассмотреть именно их. В частности, важно изучить целевые установки, которые обозначены в разделах, посвященных перспективам преобразования пространства. Анализ и сопоставление используемых формулировок позволяет, а с одной стороны, дать первичную оценку качества проработки данных разделов, а с другой – определить желаемый образ пространственной организации социально-экономического комплекса.

Далее следует уделить внимание тем трансформациям, на которые в процессе преобразования пространства региона предполагается сделать особую ставку, причем в контексте проводимого исследования интерес представляют не столько конкретные инструменты, которые могут быть использованы для изменения существующей пространственной организации, сколько характеристики «новой» пространственной системы. Их анализ и систематизация могут стать основой определения моделей пространственной организации территориальных социально-экономических систем, отличающихся друг от друга вектором стратегических преобразований, лежащих в их основе.

Из 82 рассмотренных стратегий социально-экономического развития в первую группу (документы, в которых пространственному развитию внимания не уделяется) попали 5 (6,1 %), во вторую (отражающие лишь отдельные аспекты трансформации пространства) – 19 (23,2 %), в третью (пытающиеся описать приоритетные направления развития пространства) – 58 (70,7%) (приложение А, рисунок 10).

Рисунок 10 – Локализация регионов,
стратегии развития которых относятся к трем выделенным группам[1]

Следует отметить, что явной корреляции между периодом, когда была разработана стратегия, и тем, к какой группе она была отнесена, нет: ряд разработанных относительно недавно документов был включен в первую (например, Стратегия Тамбовской области, принятая в 2018 г.) или вторую (например, Стратегия социально-экономического развития Пермского края, принятая в 2024 г.) группу. Также нет зависимости между площадью, занимаемой регионом, и тем вниманием, которое уделяется пространственным характе-

[1] Составлено автором.

ристикам в стратегии его развития. Еще одним любопытным наблюдением можно считать обращение разработчиков различных стратегий к одним и тем же инструментам развития: например, практически во всех документах говорится о необходимости создания и развития кластеров.

Раздел, посвященный перспективам преобразования пространства, содержится в стратегиях 72 регионов (рисунок 11).

Рисунок 11 – Локализация регионов, стратегии развития которых содержат раздел, посвященный перспективам преобразования пространства[1]

Наименования таких разделов различаются в разных документах, но наиболее частые формулировки: «Пространственное развитие», «Основные направления пространственного развития». Иногда в названии раздела может присутствовать указание на желаемый результат его реализации: «Эффективная пространственная организация» (Хаба-

[1] Составлено автором.

ровский край), «Сбалансированное пространственное развитие» (Московская область), «Сбалансированное развитие территорий» (Республика Башкортостан) и т. д. Между тем далеко не всегда стратегический документ содержит ответ на вопрос, что означает сбалансированное или эффективное пространственное развитие. Кроме того, не в каждом разделе, посвященном перспективам преобразования пространства, обозначена целевая установка планируемых преобразований (она присутствует в 68 документах).

Рассмотрение используемых в стратегиях социально-экономического развития формулировок для определения ориентира трансформации пространства позволяет сделать некоторые выводы о «востребованности» тех или иных изменений (приложение Б, таблица 3).

Таблица 3 – Соотношение количества региональных стратегий развития, ориентированных на отличающиеся друг от друга направления трансформации пространства[1]

Ориентир трансформации пространства	Число документов
Развитие всех территорий (муниципальных образований)	10
Выравнивание, гомогенизация пространства	8
Формирование (развитие) точек и зон роста	7
Повышение связанности территории	3
Комбинация нескольких из вышеобозначенных ориентиров	20
Отсутствие ярко выраженного вектора, касающегося пространства	24

В семи документах акцент делается на необходимости поляризованного развития – формировании и развитии полюсов роста (агломераций, центров экономической активности на базе ограниченного количества муниципальных образований или их комплексов), в восьми – на снижении межтерриториальных диспропорций, в трех стратегиях в центре внимания оказалась проблема повышения связанности пространства, развития инфраструктурного каркаса. 10 документов определяют в качестве ориентира пространственных преобразований развитие всех территорий (например, в стратегии Кабардино-Балкарской Республики говорится о важности «формирования в каждом муниципальном образовании зон опережающего развития, которые будут выступать в качестве локомотивов роста…

[1] Составлено автором.

для республики в целом»[1]); такой подход выглядит парадоксально, поскольку сама идея превращения всех территориальных сообществ в лидеров (причем не локального уровня) в условиях ограниченности ресурсов и отсутствия у некоторых систем ярко выраженного потенциала позитивных преобразований выглядит хоть и привлекательно, но нереалистично. Многие регионы (20) постарались объединить некоторые из обозначенных выше направлений в рамках одного целевого вектора: например, разработчики семи стратегий делают ставку на совмещение поляризованного развития с выравниванием ключевых параметров функционирования отдельных территориальных ареалов. Но в основном формулировки, характеризующие закрепленный в специализированном разделе ориентир трансформации пространства, весьма неконкретны и не дают четкого представления о желаемой пространственной организации региона. Например, в стратегии развития Рязанской области говорится об «обеспечении сбалансированного территориального развития»[2], в документе Республики Башкортостан – об «обеспечении сбалансированного развития территорий с учетом существующих и возможных специализаций»[3].

Содержательный анализ всех элементов региональных стратегий, которые связаны с организацией пространственного развития, позволяет выделить следующие модели организации социально-экономического пространства:

1) модель приоритетного развития территорий, обладающих наибольшим потенциалом (предполагает формирование региональных или национальных точек роста вокруг агломераций, инновационных комплексов, промышленных лидеров и т. п.);

2) модель содействия развитию отстающих территорий (использование инструментов развития для приоритетной поддержки тех элементов пространства, параметры функционирования которых свидетельствуют о наличии у них значительных проблем);

3) модель функционального зонирования (регион рассматривается как система, для отдельных зон которой определены собственные векторы развития, а каждый элемент пространства занимает определенное место в региональной системе);

---

[1] Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Кабардино-Балкарской Республики до 2040 г.: распоряжение Правительства Кабардино-Балкарской Республики от 30 апреля 2019 г. № 251-рп.

[2] Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Рязанской области до 2030 г.: постановление Правительства Рязанской области от 25 декабря 2018 г. № 418.

[3] О Стратегии социально-экономического развития Республики Башкортостан на период до 2030 г.: постановление Правительства Республики Башкортостан от 20 декабря 2018 г. № 624.

4) модель иерархической организации пространства (в пространстве региона выделяются разномасштабные «точки», связанные друг с другом и отличающиеся набором реализуемых ими задач).

Выделенные модели отличаются друг от друга своей «востребованностью» в проанализированных документах (приложение В, таблица 4).

Таблица 4 – Соотношение количества региональных стратегий развития, предполагающих реализацию одной из четырех выделенных моделей[1]

Модель организации социально-экономического пространства	Число документов
Модель приоритетного развития территорий, обладающих наибольшим потенциалом	57
Модель содействия развитию отстающих территорий	30
Модель функционального зонирования	30
Модель иерархической организации пространства	9

Самой популярной является модель приоритетного развития территорий, обладающих наибольшим потенциалом: разработчики 57 стратегий выделяют локальные территориальные системы, имеющие для развития региона наибольшее значение, обозначая инструменты и механизмы, которые способны ускорить их дальнейшее развитие. В 30 документах говорится о поддержке отстающих территорий: чаще всего к их числу относят моногорода и сельские территории, значительно уступающие другим элементам региональной системы в своем развитии. Модель функционального зонирования представлена в 30 стратегиях. В документах шести регионов говорится о иерархизации системы расселения (системы хозяйствования), формировании каркасов, объединяющих разномасштабные территориальные единицы. На практике выделенные модели могут комбинироваться, поэтому сумма количества документов, предполагающих реализацию каждой из обозначенных моделей, превышает количество рассмотренных стратегий.

Интуитивно может быть выделена еще одна близкая к первым двум (ориентированным на развитие лидеров и аутсайдеров) модель, предполагающая повышенный интерес к «середнячкам», не относящимся ни к сильным, ни к слабым элементам социально-экономической системы, однако ни один из рассмотренных документов в явном виде подоб-

[1] Составлено автором.

ный подход в своей основе не имеет. Несколько стратегий акцентируют внимание на необходимости развития территорий особого вида, в частности приграничных (Оренбургская область, Приморский край), некоторые – на значимости создания опорных населенных пунктов (Астраханская область, Республика Калмыкия), однако подобные акценты только дополняют ключевой вектор пространственных трансформаций, не становясь его основой.

Проведенное исследование позволило, с одной стороны, систематизировать значительный массив информации о нашедших отражение в документах стратегического планирования путях трансформации пространства региональных комплексов, с другой стороны, выделить ряд отличающихся друг от друга ориентирами преобразований моделей пространственной организации территориальных социально-экономических систем.

К сожалению, вопросам пространственного развития уделяется внимание не во всех рассмотренных документах, однако бóльшая их часть включает в себя тематические блоки, фиксирующие направления и механизмы изменений данной сферы. Предлагаемые в документах подходы к трансформации пространства достаточно разнообразны, однако самой востребованной оказалась ориентация на развитие наиболее конкурентоспособных центров социально-экономической активности. К перспективным направлениям воздействия также отнесены: снижение межтерриториальных диспропорций, повышение связанности пространства и качественные преобразования отдельных территориальных единиц (моногорода, приграничные зоны и т. п.).

Предложенные по итогам проведенного анализа модели условно можно разделить на две группы. Во-первых, модели, связанные с развитием отдельных элементов пространства. К данной категории можно отнести модель приоритетного развития территорий, обладающих наибольшим потенциалом, и модель содействия развитию отстающих территорий. Во-вторых, модели, предполагающие включение в процессы трансформации всех пространственных составляющих (модель функционального зонирования и модель иерархической организации пространства). На практике, как показывает анализ рассмотренных документов, возможно одновременное использование нескольких моделей.

2.3 Методологический подход к пространственному развитию экономики

Методология пространственного развития экономики, предполагающая пристальное внимание к различным моделям организации экономического пространства, требует ответственного отношения к процессу моделирования.

Единого алгоритма создания (или выбора) модели не существует: на особенности ее формирования влияет специфика объекта-оригинала, срок существования, область применения и т. п.; кроме того, важен тип модели. При этом общая логика моделирования может предполагать последовательное выполнение следующих шагов:

1) определение цели построения модели (формирование общего представления того, что именно она должна показывать);

2) изучение объекта-оригинала (в процессе которого может быть произведена деконструкция объекта, выявлены закономерности и проблемы его развития, определены факторы, их обуславливающие);

3) характеристика свойств объекта-оригинала, которые должны быть заложены в модель (это могут быть присущие ему свойства, если речь идет о формировании аналитической модели, или требуемые свойства – ориентиры развития, если модель должна показывать его желаемое состояние);

4) создание модели.

Между первым и вторым (либо между вторым и третьим) этапами может быть реализован еще один шаг, предполагающий рассмотрение уже разработанных ранее в интересах достижения поставленной цели моделей (их типологизация, обобщение имеющегося опыта). Кроме того, на протяжении всего процесса моделирования необходимо учитывать влияющие на него факторы (ограничения) и задаваемые логикой работы требования к самой модели.

Руководствуясь логикой обозначенной последовательности действий и целевыми установками проводимого исследования, можно задать базирующийся на концепции территориального капитала алгоритм моделирования пространственного развития экономики, составляющий суть предлагаемого методологического подхода (рисунок 12).

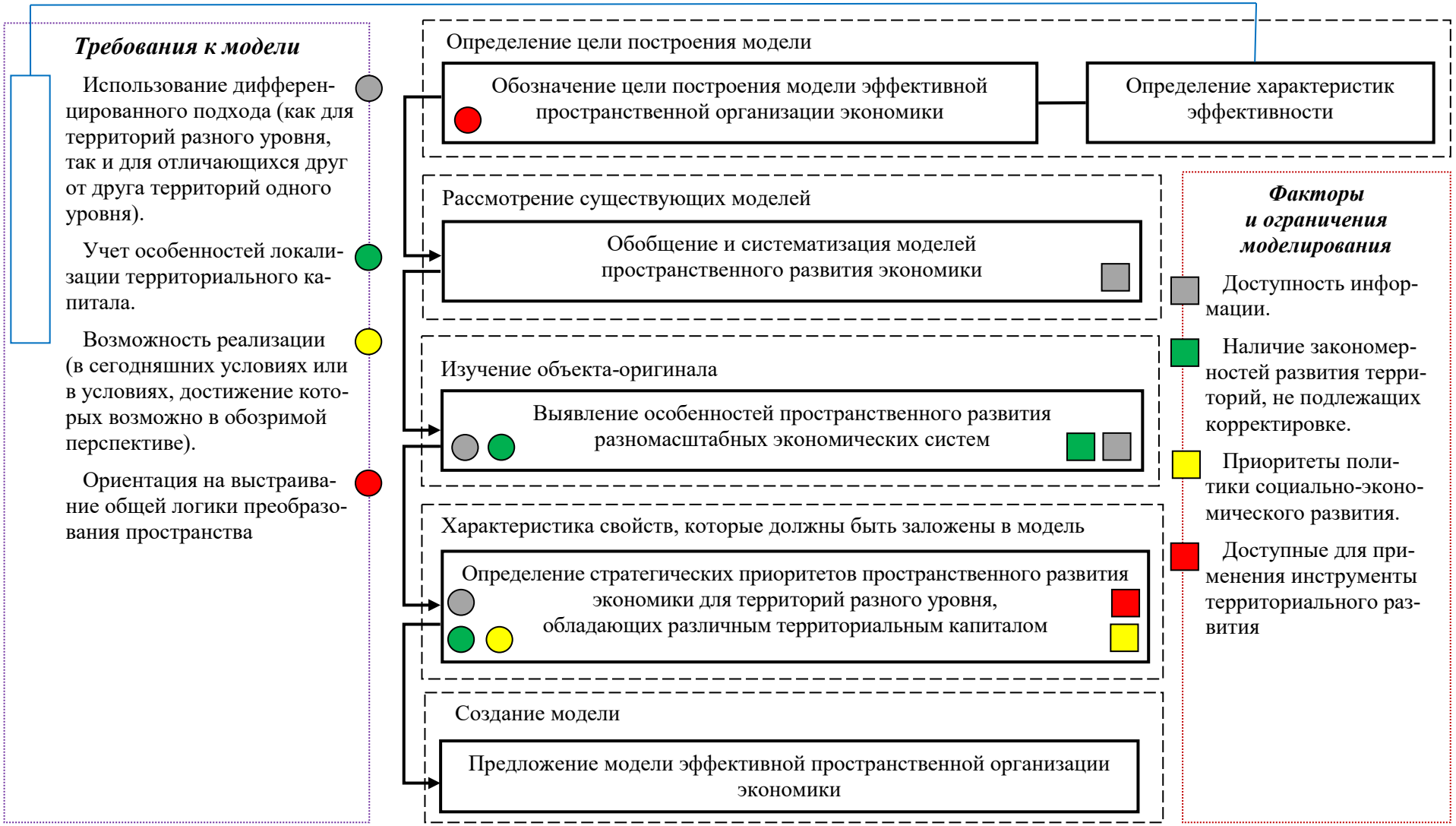

Рисунок 12 – Этапы моделирования пространственного развития экономики, лежащие в основе предлагаемого методологического подхода[1]

[1] Составлено автором.

1. **Определение цели построения модели**. Модель эффективной пространственной организации экономики, очевидно, должна описывать такой способ упорядочения пространства хозяйственной деятельности, а также социально-демографической системы, который позволяет наилучшим для всего комплекса образом выстроить все происходящие в нем процессы. По своей природе подобная модель вряд ли может быть физической: для описания социально-экономических процессов и явлений, как правило, используются идеальные модели, которые могут сочетать вербальные и математические средства отображения закономерностей и соотношений.

В то же время моделирование характеристик пространства путем предложения четких количественных пропорций или выявления нормативных значений параметров или показателей, определяющих пространственные свойства, не представляется возможным: сложность объекта, высокая динамичность определяющих его преобразование процессов не позволяют выйти на один или несколько индикаторов, способных описать все многообразие присущих территориальной системе черт на сколько-нибудь отдаленную перспективу; кроме того, далеко не все особенности пространства могут быть выражены с помощью количественных индикаторов.

Эффективность организации пространства, уровень которой в ходе реализации модели должен повыситься, следует трактовать достаточно широко: речь не может идти только об экономических преимуществах, хотя и рост экономического благополучия территориальных единиц крайне важен; необходимо также принимать во внимание социальные последствия (например, изменения, связанные с комфортом проживания населения). Здесь следует особо подчеркнуть, что эффективно организованное пространство[1] – это далеко не единственный термин, используемый авторами для обозначения наилучшей формы пространственной организации: в некоторых работах говорится об оптимизации[2]

[1] Дмитриева Т. Е. Опорный каркас как основа формирования эффективного пространства социального развития северного региона (на примере Республики Коми) // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2023. – Т. 26, № 4 (82). – С. 34−48; Shvetsov A. N. Structural transformations of the municipal space: substantiation of expediency and evaluation of efficiency // Regional research of Russia. – 2019. – Vol. 9, iss. 4. – P. 304−310.

[2] Раев Ю. В. Оптимизация пространственного развития макрорегиона (региона) на основе программноцелевого и кластерного подходов на примере центрального федерального округа российской федерации // Градостроительство. – 2023. – № 1−2 (83−84). – С. 22−36; Субботина Т. В. Направления оптимизации пространственного развития региона // Географический вестник. – 2010. – № 1 (12). – С. 4−12; Ogryzek M., Wisniewski R., Kauko T. On spatial management practices: revisiting the «optimal» use of urban land // Real estate management and valuation. – 2018. – Vol. 26, iss. 3. – P. 24−34.

пространства, в других – о повышении его рациональности[1]. При этом характеристики такого (организованного наилучшим образом) пространства достаточно дискуссионны, единого их стандарта не существует. Обычно упоминаются такие его свойства, как сбалансированность[2], открытость[3], многие авторы отмечают также важность недопущения высоких диспропорций развития его отдельных частей[4], значимость наличия возможности свободного обмена ресурсами между ними[5]; в то же время наилучшие значения ни для одного индикатора, способного охарактеризовать эти критерии, предложить нельзя. Это обусловлено не только сложностью измерения и оценки параметров пространства, но и неразрывной связью между социально-экономической системой и особенностями ее пространственной организации. Каждая территория обладает своей хозяйственной спецификой, что делает невозможным определение единого для всех пространственного стандарта. Вследствие этого важным требованием, предъявляемым к модели, является применение *дифференцированного подхода* к вопросам пространственной организации.

Одним из основополагающих параметров выступает масштаб территориальной системы. Так, для каждого из традиционно выделяемых уровней территориальных систем (национального, регионального и локального масштабов) характерны своя специфика организации и правила функционирования системы управления, что обязательно следует принимать во внимание при определении особенностей их пространственного развития. Субъекты каждого из уровней власти, чьи задачи связаны в том числе с регулированием процессов преобразования пространства, действуют в собственной системе приоритетов и полномочий, учитывая те вопросы, которые обязательно должны найти отражение в активизируемых ими процессах, и те проблемы, решение которых за ними не закреплено, хотя и может представлять предмет их непосредственного интереса. Так,

---

[1] Афанасьев Р. А. Пространственная организация региональной экономики Западной Арктики при освоении энергетических ресурсов: автореф. дис. … канд. экон. наук: 08.00.05. – Мурманск, 2013. – 22 с.; Nurkovic R. Contemporary aspects of spatial and urban planning in the Canton of Sarajevo // European journal of geography. – 2015. – Vol. 6, iss. 1. – P. 23−36.

[2] Белоусова С. В. Сбалансированность социально-экономического пространства // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 18 (347). – С. 33−40.

[3] Якушина О. И. Организация социального пространства современных городов в свете концепций «открытого» и «умного» города // Теория и практика общественного развития. – 2021. – № 4 (158). – С. 33−42.

[4] Пискун Е. И., Кудревич В. В. Анализ дисбалансов регионального развития // Современная экономика: проблемы и решения. – 2016. – № 1 (73). – С. 184−193.

[5] Гетманцев К. В., Атамась Е. В. Проблемы связанности экономического пространства региона // Регион: системы, экономика, управление. – 2021. – № 1 (52). – С. 10−17; Черкашина Т. Ю., Мосиенко Н. Л., Калашникова К. Н. Связанность регионов юга Западной Сибири в индикаторах пространственной мобильности населения // Регион: экономика и социология. – 2023. – № 4 (120). – С. 134−169.

в соответствии с Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 72-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»[1], разработка стратегии пространственного развития (ключевого документа целеполагания в сфере преобразований социально-экономического пространства) обязательна лишь на национальном (федеральном) уровне; регионы и муниципальные образования могут формировать отдельный документ, определяющий направления и приоритеты пространственных трансформаций, однако решение о его необходимости принимается самими органами власти. Как показывает практика, в некоторых регионах и муниципальных образованиях (особенно крупных и крупнейших) работе по определению направлений пространственных трансформаций уделяется достаточно много внимания, хотя и не всегда в рамках формирования самостоятельных документах целеполагания.

В научной литературе также много говорится о необходимости регулирования пространственного развития территориальных систем, отличающихся меньшими масштабами, чем национальные[2]. И действительно, в условиях нарастания интенсивности агломерационных процессов, формирования региональных точек роста управление пространственным развитием региона или муниципального образования может рассматриваться как одно из приоритетных направлений деятельности властных структур, отвечающих за их развитие[3]. Однако далеко не все территории регионального и локального уровней активно включаются в этот процесс. Это вполне объяснимо: с одной стороны, наличие целого ряда других обязательных к решению задач отвлекает внимание от целенаправленных действий, связанных со структурной трансформацией социально-экономических систем, с другой стороны, необходимость активной пространственной политики при переходе от более масштабных (как по площади, так и с точки зрения сложности организации) систем к менее масштабным снижается по объективным причинам (для небольших и, как

---

[1] О стратегическом планировании в Российской Федерации: федер. закон от 28 июня 2014 г. № 72-ФЗ.

[2] Гайнанов Д. А., Биглова Г. Ф., Атаева А. Г. Стратегическое управление ключевыми потенциалами развития разноуровневых территориальных социально-экономических систем // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10, № 2. – С. 77–89; Долинская И. М., Фадеев М. В., Федосова М. В. Стратегия пространственного развития малых переселенческих городов Новосибирской области // Universum: технические науки. – 2023. – № 11-3 (116). – С. 4–9; Хакимова Т. С. Соотношение стратегии пространственного и социально-экономического развития муниципального образования // Архитектон: известия вузов. – 2018. – № 2 (62). – С. 24.

[3] Дворядкина Е. Б., Кайбичева Е. И., Гончарова Н. И. Управление пространственным развитием региона: опыт, наследие и задачи на будущее // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. – 2017. – № 4. – С. 60–67.

правило, относительно однородных с точки зрения параметров развития территории, муниципальных образований отказ от воздействий такого рода гораздо менее критичен, чем для крупных территориальных систем, параметры отдельных составляющих которых могут быть весьма дифференцированными).

Кроме того, при переходе от одного уровня управления к другому трансформируется перечень сфер, пространственные аспекты развития которых могут представлять интерес для органов власти. Если на уровне отдельного муниципального образования ключевыми являются вопросы оптимизации размещения объектов социальной инфраструктуры (детские сады, школы, больницы) и транспортная связанность отдельных элементов территории (например, районов города), то для национальной территориальной системы особый интерес представляет пространственное преобразование хозяйственного комплекса; в регионах же основное внимание уделяется пространственным характеристикам сферы производства и миграционным потокам.

Еще один аспект, оказывающий воздействие на пространственное развитие территорий разного уровня и влияющий на особенности управления этим процессом, – различные возможности оценки и анализа их пространственных преобразований. Статистические данные, характеризующие особенности пространственной организации различающихся по своим масштабам территорий, обладают наибольшей полнотой (и доступностью) на национальном уровне (когда объектами анализа становятся отдельные регионы или их комплексы); если же речь идет об оценке пространства муниципального образования, возникает потребность в информации о локализации тех или иных объектов в конкретных точках на карте, сопоставлении параметров развития отдельных зон (административных районов, микрорайонов), которую практически невозможно найти в централизованном виде.

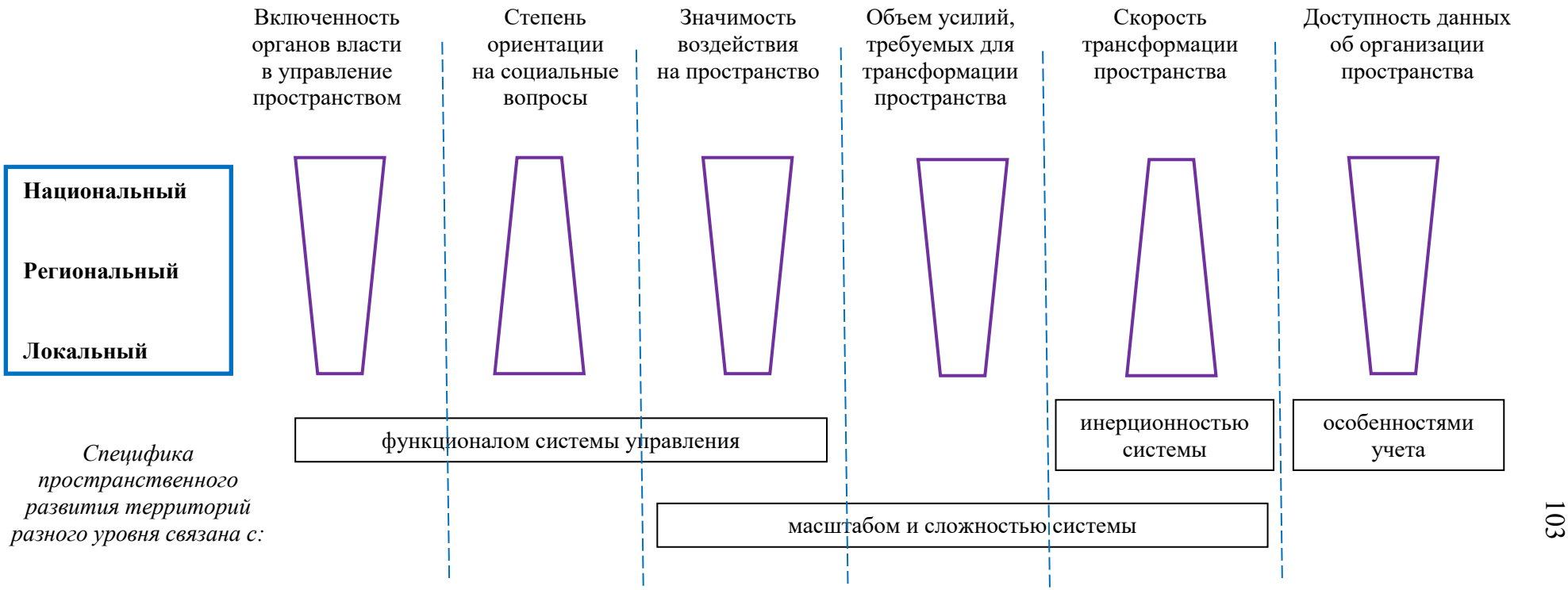
Разница в масштабах объектов управления (территориально локализованных социально-экономических систем, характеризующихся специфическим набором функций, условий и правил организации) определяет и различия в том комплексе усилий, которые необходимо приложить для их качественной трансформации. Хотя принципы организации пространства и используемые в интересах их реализации механизмы для территорий разного уровня кардинально не различаются (они в большей степени зависят от социально-экономических особенностей действующих на этих территориях систем), процесс

их применения имеет свою специфику. Меры, позволяющие изменить ситуацию на национальном уровне, требуют гораздо большего количества действий, ресурсов и компетенций, чем те, что способны снизить остроту проблем, касающихся пространственных особенностей региона или, тем более, муниципального образования.

Более высокий уровень сложности трансформации масштабных территориальных систем тесно взаимосвязан с еще одним их свойством – значительной инерционностью. Пространственные преобразования по своей природе не отличаются высокой скоростью (социально-экономические преобразования гораздо более динамичны), однако с увеличением масштабов территориальных систем трансформация их пространства еще больше замедляется. Это объясняется не только необходимостью приложения существенных усилий для проявления каких-либо изменений, но и запуском значительного количества не всегда предсказуемых «побочных» процессов при оказании на систему какого-либо воздействия. Они, в свою очередь, порождают новые цепочки деятельности, в которые вовлекается все больше акторов, что приводит к появлению дополнительных векторов преобразований, часть которых могут быть разнонаправленными, в том числе с тем ориентиром преобразований, активизация которого послужила причиной первоначального импульса изменений.

Обобщение отмеченных аспектов позволяет наглядно изобразить различия между особенностями пространственного развития территорий разного уровня (рисунок 13). При этом следует учитывать, что пространства локальных территорий являются элементами пространства территориальных систем более высокого уровня. Это, с одной стороны, делает выделение обозначенных уровней несколько условным, с другой стороны, определяет необходимость взаимодействия субъектов, ответственных за организацию пространственных трансформаций на разных уровнях, друг с другом.

Таким образом, несмотря на наличие ряда общих свойств, принципов и закономерностей реализации, особенности организации пространственного развития территорий разного уровня отличаются друг от друга, главным образом из-за разнящихся параметров масштабности и сложности территориальных систем и специфики функционала их систем управления.

Примечание – – значение рассматриваемого параметра максимально на национальном уровне; – значение рассматриваемого параметра максимально на локальном уровне.

Рисунок 13 – Различия между особенностями пространственного развития территорий разного уровня[1]

[1] Составлено автором.

Некоторые отличия могут быть характерны и для моделей, описывающих направления преобразования пространства отличающихся разнообразием территорий одного уровня. При этом ключевым критерием, позволяющим охарактеризовать отличительные черты территориальных единиц и разделить их на группы, является *специфика* их *территориального капитала*. Реализация этих требований, предъявляемых к модели, связана с ограниченностью возможностей познания всех значимых для объекта-оригинала свойств, определяющей масштабы доступности информации о нем (из-за неполноты данных, которые могут описать происходящее, неоднозначности методических аспектов оценки основных закономерностей, достаточно высокой динамики реализуемых в социально-экономической системе изменений).

Еще одним свойством модели должен быть ее *прикладной характер* – применимость на практике (в сегодняшних условиях или в условиях, достижение которых возможно в обозримой перспективе). Другими словами, модель не должна быть исключительно теоретическим конструктом, описывающим идеальную ситуацию: она не предполагает создание пространства «с нуля», а «ложится» на действительность, причем в условиях временных, финансовых, инфраструктурных и институциональных ограничений.

Это означает, что при формировании модели необходимо принимать во внимание наличие таких закономерностей развития территориальных систем, которые обуславливаются объективными причинами и не подлежат корректировке (следовательно, модель должна выстраиваться вокруг них, а не предполагать их трансформацию под воздействием управленческих процессов). Например, как справедливо отмечает П. А. Минакир, агломерационные процессы реализуются и будут реализовываться вне зависимости от принятия каких-либо стратегических решений, затрагивающих данную сферу (допустим, в случае взятия курса на деурбанизацию)[1]. В то же время приоритеты реализуемой (или планируемой к реализации) политики социально-экономического развития, инструменты и механизмы, посредством которых она реализуется, также напрямую влияют на возможность использования разработанной модели для определения шагов, способствующих изменению сложившейся ситуации, выступая фактором, который следует принимать во внимание при осуществлении процесса моделирования.

[1] Минакир П. А. Российское экономическое пространство: стратегические тупики // Экономика региона. – 2019. – Т. 15, № 4. – С. 967−980.

Модель, будучи упрощенным вариантом отображения реальности, не в состоянии описать абсолютно все аспекты пространственной организации экономики: она имеет дело не с конкретными территориальными единицами, а с их типами, оперирует их общими характеристиками и свойствами. Следовательно, модель не должна быть излишне сложной, ее задача – охарактеризовать *общую логику преобразования пространства*. Насыщение модели деталями, адаптирующими ее к использованию на уровне конкретной территориальной единицы, может быть осуществлено при уточнении объекта (переходе от типа территории к отдельной стране, региону или муниципальному образованию).

2. **Рассмотрение существующих моделей**. Как было отмечено ранее, в научной литературе можно найти значительное количество исследований, посвященных различным аспектам моделирования пространства: авторы предлагают собственные варианты оптимизации пространственных характеристик, определяя инструменты и механизмы трансформации территориальных систем[1]; анализируют и систематизируют опыт других ученых в данной сфере[2]; обращают внимание на национальные и региональные практики пространственного развития, нашедшие отражение в стратегических и программных документах[3]. Проведенное исследование показало, что за прошедшие десятилетия было предложено множество моделей, как описывающих закономерности организации пространства в условиях, когда каждый хозяйствующий субъект пытается реализовать свои цели, максимизировав получаемые в процессе осуществления экономической деятельности эффекты, так и характеризующих способы пространственных преобразований, позволяющих увеличить полезность функционирования всей территориальной системы.

---

[1] Кожевников С. А. Пространственное и территориальное развитие Европейского Севера России: тенденции и приоритеты трансформации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2019. – Т. 12, № 6. – С. 91−109; Минакир П. А. Российское экономическое пространство: стратегические тупики // Экономика региона. – 2019. – Т. 15, № 4. – С. 967−980; Yılmaz O., Alkan M. The joint spatial planning data model // The International archives of the photogrammetry, remote sensing and spatial information sciences. – 2023. – Vol. XLVIII-4. – P. 387−390.

[2] Манаева И. В., Ткачева А. С., Канищева А. В. Модели пространственного развития территорий: анализ зарубежной литературы // Теоретическая экономика. – 2020. – № 2 (62). – С. 74−83.

[3] Антипин И. А. Современные тренды стратегирования социально-экономического развития территории: пространственный аспект // Общество: политика, экономика, право. – 2019. – № 12 (77). – С. 30−34; Яковлева С. И. Пространственные модели в стратегиях социально-экономического развития регионов России // Псковский регионологический журнал. – 2014. – № 17. – С. 3−16.

Обобщение и систематизация моделей пространственного развития, рассматриваемых в настоящее время как интегрирующие наиболее жизнеспособные идеи прошлого и способные найти применение на практике, позволяет обозначить их основные типы[1].

1. Функциональная модель (модель функционального зонирования). Предполагает разделение пространства на отдельные части, каждая из которых специализируется на выполнении собственных задач, занимает собственное место в системе организации хозяйственной деятельности (не только в части ориентации на определенные отрасли, но и с точки зрения формирования особых условий реализации экономических процессов). Реализация модели может предполагать выделение отдельных участков пространства с присвоением им некоторого набора функций (например, особых экономических зон, зон трансграничного сотрудничества и т. п.) или назначение каждой территориальной единицу (их группе) некоторой роли.

2. Каркасная модель. В основе модели лежит идея выявления и объединения (увязки друг с другом) наиболее развитых и важных элементов территориальной структуры (ареалов, осей, коридоров развития), что позволяет сформировать своеобразный «скелет» хозяйственной системы. При этом модель не предполагает формирование единого комплексного каркаса, правильнее будет говорить об отдельных самостоятельных структурах[2] (например, транспортном, природно-экологическом, расселенческом и других видах каркаса).

3. Кластерная модель. Базируется на формировании отраслевых и межотраслевых систем технологически и организационно связанных предприятий, инфраструктурных элементов, компактно локализованных в границах единой территориальной системы. Такой подход коррелирует с классическим представлением о сути концепции кластерного развития, базирующейся на идеях М. Портера, М. Энрайта. В то же время в современных условиях идея кластерного подхода к организации экономики претерпевает

---

[1] Гатауллин Р. Ф. Формирование новой каркасной модели пространственного развития как результат трансформации разноуровневых территориальных систем // Вестник евразийской науки. – 2020. – Т. 12, № 2. – URL: https://esj.today/PDF/32ECVN220.pdf (дата обращения: 15.02.2025); Юрина Е. А., Иванова Е. В. Кластерные модели развития региональных систем // Социально-экономические явления и процессы. – 2015. – Т. 10, № 10. – С. 189−194; Яковлева С. И. Модели пространственного развития регионов России: методическое обеспечение процесса стратегического планирования // Россия: тенденции и перспективы развития: ежегодник: материалы XX Нац. науч. конф. с междунар. участием (Москва, 14−15 декабря 2020 г.), вып. 16, ч. 1. – М.: ИНИОН РАН, 2021. – С. 1135−1138.

[2] Герасимов А. Н., Громов Е. И., Левченко С. А. Региональные особенности развития пространственных социально-экономических систем. – Ставрополь: АГРУС, 2012. – 172 с.

определенные изменения: кластеры больше не замыкаются на пространство одной страны (региона), а скорее «локализуют процесс глобализации производства по отдельным географическим ареалам и тем самым придают ему новую, глокальную упорядоченность»[1]. Следует также отметить, что повышенный интерес к тематике кластеризации хозяйства обусловил некоторое «размытие» термина «кластер», его восприятие в качестве универсального инструмента приоритетного развития ряда «избранных» для этого территорий. Однако в соответствии с кластерной моделью развития опорными элементами пространственной структуры должны выступать особые производственные агломерации – концентрирующие и эффективно использующие ресурсы, а не их номинальные подобия.

4. Сетевая модель. В основе модели лежат идеи сетевой экономики, в соответствии с которыми пространство, организованное по сетевому принципу, трактуется как «среда, в которой любая компания или индивид, находящиеся в любой точке экономической системы, могут контактировать легко и с минимальными затратами с любой другой компанией или индивидом по поводу совместной работы, для торговли, для обмена идеями и ноу-хау или просто для удовольствия»[2]. Таким образом, модель строится на принципах децентрализации (отсутствие единого центра или оси развития), связанности (причем связи носят преимущественно горизонтальный характер и охватывают все элементы пространства). Как отмечал М. Кастельс, сетевая структура – это «комплекс взаимосвязанных узлов»[3], т. е. отдельные составляющие сети – сложные многофункциональные образования; сетевая структура также характеризуется открытостью и готовностью к присоединению новых элементов. Модель предполагает выявление (и объединение – с помощью гибких, периодически меняющих архитектуру взаимосвязей) в пространстве множества центров развития, выступающих в роли элементов сетевых структур разного уровня. Именно сетевая форма организации хозяйства (и пространства) в настоящее время трактуется

[1] Смородинская Н. В., Катуков Д. Д. Когда и почему региональные кластеры становятся базовым звеном современной экономики // Балтийский регион. – 2019. – Т. 11, № 3. – С. 73.

[2] Звирко М. В. Сетевая экономика: понятие, преимущества и недостатки // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 1. – С. 218.

[3] Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на западе: антология / под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – С. 470.

многими исследователями как наиболее перспективная[1]; сетевая модель развития, построенная на принципах полицентризма и иерархичности, лежит в основе принятого в Евросоюзе подхода к развитию пространства[2].

Каждая из обозначенных моделей имеет свои ограничения и условия применения, что делает невозможным признание однозначного приоритета использования одной из них, скорее уместно говорить о значимости разумного выбора наиболее подходящего (как с точки зрения пригодности для достижения поставленных целей, так и с позиции применимости в сложившейся на данный момент ситуации) варианта. Хотя принципы, лежащие в основе некоторых из выделенных типов моделей, противоречат друг другу (например, каркасная модель предполагает формирование жестких и однозначным образом локализованных в пространстве связей и потоков, тогда как сетевая основывается на выстраивании подвижных, меняющихся под воздействием динамично трансформирующихся ориентиров и факторов развития взаимодействий), некоторые из них могут достаточно успешно сочетаться друг с другом. Например, исследователи часто говорят о кластерно-сетевой модели организации социально-экономического пространства, в рамках которой кластеры представляются субъектами сетевых процессов (выступают элементами масштабных территориальных сетей) и сами строятся на сетевых принципах[3].

Кроме того, если речь идет о развитии пространства, отдельные части которого отличаются высоким уровнем дифференциации, возможно одновременное применение не-

---

[1] Измалкова С. А. Сетевая модель интеграции территорий опережающего развития на принципах преференциального сотрудничества // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2016. – № 3-1. – С. 3−10; Сапир Е. В. Глобальная геоэкономическая среда: сетевая организация и инновационная культура // Интеграция России в мировую экономику: новые парадигмы экономической культуры: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. по международному менеджменту, посвящ. памяти профессора Леонида Евгеньевича Стровского (Екатеринбург, 1–3 декабря 2011 г). – Екатеринбург: УрФУ, 2011. – С. 297−306; Суглобов А. Е., Смирнова Е. В. Сетевая модель российской национальной инновационной системы: формирование и развитие. – 2-е изд. – М.: ИНФРА-М, 2022. – 145 с.; Тополева Т. Н. Экономическая интеграция в системе пространственного развития региона // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. – 2020. – Т. 17, № 3 (111). – С. 49−60.

[2] ET2050 – Territorial scenarios and visions for Europe: final report / ESPON. – URL: https://archive.espon.eu/programme/projects/espon-2013/applied-research/et2050-territorial-scenarios-and-visions-europe (дата обращения: 04.09.2025).

[3] Киселев Д. Н. Кластерно-сетевая модель организации социально-экономического пространства как инновационный драйвер развития российской экономики // Региональное развитие. – 2018. – № 1. – URL: https://regrazvitie.ru/klasterno-setevaya-modelorganizatsii-sotsialno-ekonomicheskogoprostranstva-kak-innovatsionnyj-drajverrazvitiya-rossijskoj-ekonomiki (дата обращения: 15.02.2023); Красноярова Б. А., Биче-Оол Т. Н. Кластерно-сетевая модель развития Республики Тыва // Регионализация и кластеризация в условиях переформатирования мирового порядка: сб. ст. – М.: Белый ветер, 2023. – С. 50−56; Плотникова Т. Н., Шибаева Т. А. Кластерно-сетевая модель регионального развития // Фундаментальные исследования. – 2016. – № 2-1. – С. 193−196.

скольких типов моделей, выбор которых определяется особенностями ситуации, сложившейся в каждом отдельном ареале. Проведенный ранее анализ, направленный на определение специфики приоритетов пространственных преобразований субъектов РФ, провозглашенных в стратегиях их социально-экономического развития, показал, что некоторые из регионов предполагают обращаться именно к сочетанию этих моделей (например, в документе Республики Татарстан[1] находят отражение функциональная и каркасная модели), а выбор территориями подходов, базирующихся на использовании различных видов моделей, означает высокую степень разнообразия применяемых инструментов с точки зрения национального масштаба.

Обозначенные типы моделей можно считать универсальными – они могут найти применение на межстрановом, национальном, региональном уровнях, отдельные их идеи можно использовать и при проведении политики трансформации городской среды. В то же время на уровне городов традиционно выделяют иные виды моделей, по своей сути представляющих частные случаи модели функционального зонирования и описывающих особенности размещения отличающихся по своим задачам и месту, занимаемому в социально-экономической системе населенного пункта, территорий: модель концентрических зон Э. Берджесса[2] (описывает развитие городской среды как набора концентрических кругов, каждый из которых отличается от других способом использования имеющихся ресурсов), секторная модель Х. Хойта[3] (отличается тем, что функциональные зоны развиваются вдоль сектора по направлению от центра к границе города), многоядерная модель Ч. Харриса и Э. Уллмана[4] (город развивается не вокруг единого центра, а вокруг нескольких отдельных ядер).

Выбор наиболее подходящей к каждой конкретной ситуации модели (или определение тех ее аспектов, которые необходимо скорректировать перед применением) обуславливается спецификой развития территории, параметрами сформировавшейся в ее границах хозяйственной системы, характером имеющихся у нее проблем, что делает крайне важным изучение ее текущего состояния.

---

[1] Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 г.: закон Республики Татарстан от 10 июня 2015 г. № 40-ЗРТ.

[2] Burgess E. W. The growth of the city: an introduction to a research project // The city / ed. by R. E. Park, E. W. Burgess, R. D. McKenzie. – Chicago: University of Chicago press, 1925. – P. 47−62.

[3] Hoyt H. The structure and growth of residential neighborhoods in American cities. – Chicago: University of Chicago Press, 1939. – 178 p.

[4] Harris C. D., Ullman E. L. The nature of cities // The annals of the American academy of political and social science. – 1945. – Vol. 242. – P. 7−17.

3. **Изучение объекта-оригинала**. Исследование особенностей пространственного развития экономических систем предполагает выявление характеристик организации их пространства; кроме того, могут быть выделены специфические черты отдельных типов территориальных единиц, идентифицированы проблемы и перспективы трансформации, обусловленные параметрами локализации в границах территорий объектов и субъектов.

Без адекватного отражения процессов, которые характеризуют пространственные особенности экономических систем в текущий момент времени, предложение модели эффективной пространственной организации (описание реализуемого и при этом «оптимального» будущего состояния) не представляется возможным: именно понимание имеющихся ограничений и возможностей (в сочетании с выбранными ориентирами трансформации) позволяет обозначить контуры будущих трансформаций.

4. **Характеристика свойств объекта-оригинала, которые должны быть заложены в модель.** В связи с тем, что модель эффективной пространственной организации экономики по своей сути является целевой, т. е. ориентирована на описание характеристик пространства, которые позволяют хозяйственному комплексу, сформировавшемуся в его границах, развиваться в более комфортных, чем в настоящий момент, условиях, особого внимания заслуживают те приоритеты пространственного развития, на достижение которых направлена реализация модели.

Ориентиры изменения пространственных характеристик национальной хозяйственной системы обозначены в одном из ключевых документов стратегического планирования федерального уровня – Стратегии пространственного развития Российской Федерации[1], представляющей собой попытку описать особенности текущей организации пространства страны, определить направления ее преобразований и способы воздействия на нее. Приоритеты пространственного развития определяются весьма однозначно (хотя и сформулированы недостаточно корректно). К ним отнесены: «система опорных населенных пунктов, которые формируют системы расселения, инфраструктуры и экономики Российской Федерации и обеспечивают развитие прилегающих к ним территорий; основные направления развития федеральных округов Российской Федерации, Арктической зоны Российской Федерации и новых субъектов Российской Федерации, а также геостратегических территорий Российской Федерации, которые учитывают их специфику, новые вызовы

[1] Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г.: распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2024 г. № 4146-р.

и возможности для их развития»[1]. Подобная трактовка в целом дает представление о том, каким пространственным компонентам предполагается уделить особое внимание при реализации управленческих воздействий, однако не позволяет идентифицировать образ желаемого будущего – того пространства, которое должно «сложиться» на территории страны в результате всех запланированных трансформаций.

Некоторое понимание требований, предъявляемых разработчиками к организации экономического пространства Российской Федерации, дает характеристика принципов пространственного развития страны. В их числе:

– «закрепление территориальных приоритетов при формировании документов стратегического планирования;

– дифференцированный подход к развитию различных территорий и населенных пунктов, предусматривающий устранение ограничений для экономического роста территорий с относительно высоким уровнем социально-экономического развития и поддержку территорий с относительно низким уровнем социально-экономического развития;

– обеспечение инфраструктурного развития, основанного на показателях экономической эффективности;

– мобеспечение приоритетного развития социальной, энергетической, коммунальной, транспортной и информационно-телекоммуникационной инфраструктур, объектов связи и инженерной защиты опорных населенных пунктов;

– предоставление в приоритетном порядке мер поддержки в отношении мероприятий, соответствующих приоритетным направлениям развития федеральных округов Российской Федерации и Арктической зоны Российской Федерации;

– повышение уровня самостоятельности территорий в решении задач социально-экономического развития за счет роста собственных доходов и сбалансированной политики в сфере межбюджетных отношений;

– формирование системы административно-территориального и муниципального устройства, способствующей эффективному использованию бюджетных средств при сохранении доступности образования, медицинской помощи, услуг в сфере культуры, государственных (муниципальных) услуг для всех жителей;

[1] Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г.: распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2024 г. № 4146-р.

– обеспечение приоритетности интересов российских граждан, постоянно проживающих на территории Российской Федерации, при реализации миграционной политики, а также недопущение возникновения пространственной сегрегации и этнических анклавов, маргинализации находящихся на территории Российской Федерации иностранных граждан;

– реализация страновых приоритетов внешнеэкономической политики Российской Федерации, содействие развитию международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации, обеспечение эффективного продвижения национальных экономических интересов в системе мирового хозяйства;

– учет предложений населения и бизнеса при планировании социально-экономического развития территорий»[1].

Таким образом, пространство, по мнению разработчиков Стратегии пространственного развития Российской Федерации, не должно быть однородным (при его трансформации следует принимать во внимание имеющийся у территории потенциал, особенности и стратегическую значимость), а его ключевыми свойствами должны стать открытость (содействующая укреплению внешнеэкономических связей страны), полицентричность (особая роль в ее обеспечении отводится опорным населенным пунктам), связанность (главным образом инфраструктурная). Учет этих принципов, по мнению авторов документа, позволит обеспечить эффективное использование всех имеющихся у территориальных единиц ресурсов, а также приведет к сокращению межтерриториальных диспропорций.

Следует, однако, отметить, что из новой (утвержденной в 2024 г.) версии Стратегии пространственного развития страны пропали некоторые важные акценты, звучавшие в предыдущем варианте документа[2]. Так, свое значение утратил принцип обеспечения территориальной целостности страны, единства ее правового и экономического пространства; гораздо меньше внимания в новой Стратегии уделяется и интеграционным процессам (ранее связанность пространства не сводилась только к инфраструктурному развитию – отмечалась необходимость укрепления межрегионального и межмуниципального сотрудничества).

---

[1] Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г.: распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2024 г. № 4146-р.

[2] Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г.: распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р.

В то же время в какой-то степени обозначенный в актуальной Стратегии пространственного развития Российской Федерации подход к организации пространства перекликается с теми принципами, которые закреплены в планах и программах Европейского союза, на протяжении нескольких десятилетий уделяющего серьезное внимание вопросам регулирования пространственных преобразований всей еврозоны. Наиболее четко они обозначены в таком документе, как «Основополагающие принципы устойчивого пространственного развития Европейского континента» (другое название – «Принципы СЕМАТ»[1]), принятом в 2000 г. на 12-й сессии Европейской конференции министров регионального планирования стран – членов Совета Европы (Conférence europeenne des ministres responsables de l'aménagement du territoire): целью его создания является определение условий ликвидации дисбалансов между европейскими государствами (и составляющими их регионами), которые на протяжении долгого времени входят в Евросоюз и которые приняты в его состав недавно. В соответствии с данным документом ключевым приоритетом преобразования пространства является ликвидация существенных диспропорций развития европейских регионов (государств и их отдельных частей), в том числе дисбалансов между недавно вошедшими в Евросоюз членами и территориями, которые уже длительное время являются его участниками. При этом акцент также делается на необходимости развития городов, совершенствовании взаимоотношений между городом и деревней, создании условий для доступа к инфраструктурным объектам, сохранении природных богатств, приумножении культурного наследия.

В научной литературе также можно обнаружить вариации перечня принципов, которые могут быть положены в основу пространственного развития. Например, И. Ю. Швец, говоря о принципах формирования стратегии пространственного развития региона, отмечает важность принципа устойчивого развития территорий (предполагающего наличие баланса между экономическими, социальными, пространственными и экологическими приоритетами); принципа повышения эффективности использования пространственного потенциала (включающего все многообразие ресурсов, представленных на территории); принципа паритета интересов всех субъектов, вовлеченных в процесс реализации стратегии пространственного развития, в том числе населения; принципа системности (обусловленного многообразием факторов трансформации пространства и ре-

[1] Основополагающие принципы устойчивого пространственного развития Европейского континента = Guiding Principles for Sustainable Development of the European Continent. – Strasbourg, 2000, 2002. – URL: https://rm.coe.int/168070018c (дата обращения: 18.02.2023).

зультатами пространственных преобразований); принципа согласованности стратегических приоритетов территориального и отраслевого развития; принципа создания полицентричной структуры на базе множества зон опережающего развития, обладающих сетевым эффектом; принципа развития различного рода партнерств на территории; принципа единства, системности, взаимосвязи и взаимозависимости различных видов стратегического планирования; принципа преемственности программных документов; принципа открытости и публичности принятия решений в сфере территориального развития; принципа сегментации территорий на типы и дифференциации подходов к их развитию; принципа концентрации ресурсов и градостроительной активности в точках роста; принципа субсидиарности и обоюдности[1]. Пространство, организованное в соответствии с данными принципами, полицентрично, имеет сетевую организацию (что предполагает активное взаимодействие между его отдельными составляющими), гетерогенно, а его отдельные компоненты отличаются друг от друга с точки зрения концентрации в их границах ресурсов и той активности, которая связана с использованием этих ресурсов.

При этом очевидно, что говорить об эффективно (или недостаточно эффективно) организованном пространстве невозможно без соотнесения его параметров с уровнем и характеристиками социально-экономического развития территориальной системы: степень «проявления» отдельных параметров пространства может варьироваться для различных комплексов (они могут определяться не только на качественном уровне – есть или нет, но и иметь количественное или относительное выражение – больше или меньше, чем у сравниваемой или принятой в качестве эталона территории). Например, оптимальный уровень полицентричности, количество центров роста, в том числе потенциальных, может быть неодинаковым в разных условиях.

5. **Создание модели**. Завершающий этап процесса – предложение модели эффективной пространственной организации экономики. Данная модель должна быть построена с учетом всех тех требований, целевых установок и ограничений, о которых говорилось ранее, а в ее основе должно лежать как понимание разработчиками текущего состояния территориальной системы, так и видение ими желаемого образа ее развития в будущем. Таким образом, очевидно, что прежде чем, руководствуясь предложенным алгоритмом, дать характеристику модели, описывающей эффективную организацию простран-

[1] Швец И. Ю. Методические подходы к обоснованию целей, задач, принципов и приоритетов устойчивого пространственного развития России // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. – 2016. – № 2. – С. 36–46.

ства Российской Федерации, следует оценить сложившиеся к настоящему времени особенности организации пространства страны и ее отдельных частей, а также определить стратегические приоритеты пространственных трансформаций экономики для отличающихся друг от друга территориальных систем.

Выводы по главе 2

Разработана методология пространственного развития экономики, концептуальной основой которой выступает наращивание территориального капитала, комплексно характеризующего территорию, учитывающего ее специфические черты (связанные как с природой имеющихся ресурсов, так и с параметрами их использования) и определяющего ее место в процессе организации экономического пространства. Методическую основу данной методологии составляет разработка модели пространственной организации экономики территории, в числе требований к которой – использование дифференцированного подхода, учет особенностей локализации территориального капитала, возможность реализации, ориентация на выстраивание общей логики преобразования пространства. Алгоритм моделирования включает в себя следующие шаги:

1) определение цели построения модели;

2) рассмотрение существующих моделей пространственного развития;

3) изучение объекта-оригинала (выявление особенностей пространственного развития разномасштабных экономических систем, различающихся спецификой имеющихся у них территориального капитала);

4) характеристика свойств объекта-оригинала, которые должны быть заложены в модель (определение стратегических приоритетов пространственного развития экономики для территорий разного уровня, обладающих различным территориальным капиталом);

5) создание модели.

3 Научно-методическое обеспечение оценки пространственного развития экономики

3.1 Особенности измерения экономического пространства

Несмотря на возросшее в последние годы внимание к пространственной проблематике, многие составляющие инструментария необходимых изменений до сих пор имеют весьма нечеткий вид: не ясно, какими именно характеристиками должно обладать пространство после всех трансформаций, какие механизмы при этом могут показать наибольшую эффективность; более того, дискуссионным остается вопрос о том, каким образом может быть проведена оценка пространственных преобразований. Очевидно, что изменения пространственной организации – это средство, а не цель, поэтому логично судить об успешности или неуспешности реализуемых мероприятий с помощью определения динамики значений тех показателей, которые свидетельствуют об уровне качества жизни населения, проживающего на территории, масштабе производства, величине привлеченных инвестиций и т. п.; однако в оценке нуждается и само пространство: измерение его характеристик необходимо не только для фиксации текущих (и ретроспективных) особенностей и дефицитов, но и для определения его желаемого образа в будущем.

Результаты подобной оценки могут быть представлены по-разному.

Во-первых, характеристика рассматриваемого экономического пространства может сводиться к качественной оценке его ключевых особенностей, что подразумевает текстовое описание особенностей размещения объектов, характера взаимосвязей между ними, специфики потоков, которые их объединяют, и т. п. Зачастую в научных публикациях и документах стратегического планирования текущая характеристика экономического пространства (или ви́дение его состояния в будущем) ограничивается

именно качественной оценкой: «единое»[1], «сбалансированное»[2], «эффективно организованное»[3] и т. д.

Во-вторых, средством выражения целого ряда аспектов пространственной организации может выступать карта. Использование картографического анализа позволяет наглядно представить полученные результаты. Карта способна выступать как пространственная модель действительности, иллюстрирующая сложившиеся (прогнозные, планируемые) в экономическом пространстве структуры и взаимоотношения, а ее изменение путем добавления новой информации (нанесение символов и пиктограмм, характеризующих локализацию объектов, использование линий разной толщины для отображения силы взаимосвязей между отдельными территориями, выделение отдельных участков карты с помощью различных цветов и т. д.) может помочь выявить неочевидные тенденции, взаимосвязи и закономерности.

В-третьих, исследование специфики организации экономического пространства страны (региона, муниципального образования) может быть сведено к количественной оценке. Очевидно, что данный вариант представляет особый интерес для исследователей-экономистов: определение значений показателей, характеризующих те или иные свойства экономического пространства, позволяет быстро и однозначно интерпретировать как сложившуюся ситуацию, так и происходящие изменения, сопоставить территории между собой, выявить их позиции в общем рейтинге. В то же время могут возникнуть определенные сложности с поиском статистических данных, характеризующих те или иные свойства пространства и при этом пригодных для использования в рамках таких оценок.

Количественная характеристика свойств экономического пространства может осуществлять в контексте одного из двух подходов.

Наиболее простым и распространенным подходом к оценке особенностей пространства как фактора развития экономики территориальной системы является рассмотрение интересующих исследователя показателей в разрезе отдельных территориальных

---

[1] Бухвальд Е. М. Единое инновационное пространство как приоритет пространственного развития российской экономики // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2019. – № 4. – С. 9–25.

[2] Бенц Д. С. Управление пространственным развитием Челябинской области. – Челябинск: ЧелГУ. – 115 с.; Ускова Т. В., Патракова С. С. Сбалансированность регионального экономического пространства по линии «город – село» // Проблемы прогнозирования. – 2024. – № 1 (202). – С. 196–207.

[3] Артамонов В. С., Лукин В. Н., Мусиенко Т. В. Эффективная организации экономического пространства в Арктической зоне Российской Федерации: стратегия и практика // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2020. – № 2 (30). – С. 5–16.

единиц (например, регионов, муниципальных образований): сопоставление их значений друг с другом или со значениями, принятыми в качестве эталона. Основой такого подхода является межтерриториальное сравнение: сопоставление сегментов социально-экономического пространства друг с другом может позволить идентифицировать целый ряд пространственных особенностей экономического развития (например, наличие значительных межрегиональных диспропорций является свидетельством пространственной неоднородности государства[1]). Много возможностей для диагностики пространственного развития дает анализ территориальной структуры: например, определение позиции каждого муниципального образования в экономической системе региона позволяет сделать выводы о сбалансированности распределения ресурсов и результатов экономических процессов, равномерности размещения активов.

Однако наиболее значимыми для оценки пространственных факторов экономики являются специальные показатели и методы, призванные определить характер пространственного развития изучаемого явления или процесса. Основа такого анализа – характеристика отдельных свойств экономического пространства, при этом каждое из них может быть оценено с помощью набора специфических параметров.

Чаще всего исследователи, избравшие подобный подход к оценке пространственных факторов экономического развития, отталкиваются от перечня характеристик пространства, который в своих трудах обозначал А. Г. Гранберг: плотность (количество жителей, природных ресурсов, произведенной продукции и других активов, которое приходится на единицу площади анализируемой территории), размещение (его специфику определяют особенности локализации населения и субъектов экономической деятельности – равномерность, концентрация, дифференциация) и связанность (интенсивность экономических связей между отдельными составляющими пространства, развитие сетей, объединяющих пространственные элементы)[2].

Так, Н. Т. Аврамчикова, предлагая методический подход к оценке качества экономического пространства региона, уточняет эти характеристики, отбирая те параметры, которые наиболее полно могли бы охарактеризовать каждую из них. По мнению исследователя, плотность пространства может быть выражена через показатели численности населения, протяженности путей сообщения, величины валового регионального продукта

---

[1] Региональные диспропорции: оценка и пути их преодоления / Н. М. Ратнер, В. А. Ятнов, О. Н. Нестеренко, Л. М. Капустина. – Екатеринбург: УрГЭУ, 1996. – 112 с.

[2] Гранберг А. Г. Основы региональной экономики. – М.: НИУ ВШЭ, 2000. – 495 с.

и объема платных услуг населению, приходящихся на 1 км^2 территории; особенности размещения – через коэффициенты вариации, характеризующие равномерность распределения населения, предприятий и отраслей по территории; связанность – через показатели грузооборота (в пересчете на единицу площади) и охвата территории сотовой связью и сетью Интернет[1]. М. Н. Чувашова, развивая идеи Н. Т. Аврамчиковой, дополняет этот набор индикаторов показателями оценки качества региона сырьевой направленности (показатели экономического потенциала, показатели инфраструктурного комплекса, показатели сырьевого потенциала, показатели восприятия территории населением и инвесторами)[2], характеризующими уже не столько пространственные особенности, сколько социально-экономический комплекс такого региона. Аналогичного подхода придерживается И. А. Секушина, включая в перечень параметров для оценки качества экономического пространства (наряду с плотностью, размещением и связанностью) характеристики экономического развития территории, а также уровня и качества жизни[3]. При этом размещение, с точки зрения исследователя, имеет смысл оценивать с двух позиций: посредством определения степени концентрации объектов (если речь идет о размещении населения) и посредством оценки равномерности распределения по территории (если речь идет о ресурсах и результатах экономической деятельности).

Интересен также способ, предлагаемый для оценки свойств экономического пространства региона М. В. Шмаковой: она относит к числу основных параметров, подлежащих измерению, плотность (удельные значения социально-экономических параметров составных частей пространства на единицу их площади), однородность (коэффициенты вариации), связанность (удельные значения характеристик масштабов и интенсивности сложившихся экономических взаимосвязей), саморазвитие (отклонение бюджетного баланса территории от баланса России)[4].

На первый взгляд, в некоторое противоречие с перечнем характеристик, обозначаемых А. Г. Гранбергом, вступают параметры оценки, о которых в рамках развития концеп-

---

[1] Аврамчикова Н. Т. Теоретические аспекты оценки качества экономического пространства // Региональная экономика: теория и практика. – 2012. – № 35. – С. 2−13.

[2] Чувашова М. Н. Оценка качества экономического пространства региона сырьевой направленности: дис. … канд. экон. наук: 08.00.05. – Красноярск, 2016. – 235 с.

[3] Секушина И. А. Оценка качества экономического пространства регионов Европейского Севера России // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. – 2020. – № 4 (96). – С. 38−50.

[4] Шмакова М. В. Оценка свойств экономического пространства региона в контексте разработки основных стратегических документов // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2020. – Т. 9, № 3 (32). – С. 410−412.

ции новой экономической географии говорили М. Фуджита, П. Кругман и Э. Венейблс (плотность, экономическое расстояние и разобщенность)[1]: признавая важность оценки степени насыщенности пространства различными активами и ресурсами, эти исследователи уделяют особое внимание параметрам, характеризующим сложность взаимодействия отдельных элементов пространства друг с другом. В то же время наличие барьеров для осуществления межтерриториального взаимодействия, слаборазвитая инфраструктура и экономическая удаленность от рынков сбыта, о которых говорят ученые, по своей сути являются обратной стороной такого параметра, как связанность. Подобной логикой руководствуется и А. Х. Хакимов, рассматривая в исследовании, посвященном в том числе определению факторов пространственного неравенства регионов, такие факторы, как плотность (особенности концентрации населения и наличие агломерационных эффектов), расстояние (экономическое расстояние, которое обусловлено слаборазвитой инфраструктурой, удаленностью от потенциальных рынков, транспортными издержками), наличие границ (институциональных барьеров, национальных, региональных, локальных границ, которые препятствуют проникновению товаров и услуг)[2].

Принципиально иной вариант (по сравнению с рассмотренными ранее) оценки качества экономического пространства на мезоуровне обозначают А. А. Урунов с соавторами: предлагаемые индексы (индексы инвестиций в основной капитал, инвестиций в человеческий капитал, инфляции, бюджетной обеспеченности, уровня занятости населения, ожидаемой продолжительности жизни, качества жизни, средней цены рабочей силы, ВРП на душу населения и др.)[3] игнорируют особенности размещения элементов социально-экономической системы в пространстве, в большей степени давая оценку среде, сложившейся в границах рассматриваемой территории. Такое методологическое расхождение обуславливается неоднозначностью самого термина «экономическое пространство». Если А. Г. Гранберг называл экономическим пространством «насыщенную территорию, вмещающую множество объектов и связей между ними»[4], концентрируя внимание на особенностях локализации пространственных элементов, то А. А. Урунов определяет данный тер-

---

[1] Fujita M., Krugman P., Venables A. J. The spatial economy: cities, regions, and international trade. – Cambridge: The MIT Press, 1999. – 367 p.

[2] Хакимов А. Х. Факторы пространственного неравенства регионов и региональная экономическая политика // Россия: тенденции и перспективы развития: ежегодник, вып. 12, ч. 2. – М.: ИНИОН РАН, 2017. – С. 975−978.

[3] Урунов А. А., Левина Л. Ф., Остапенко В. А. Качество экономического пространства: проблемы измерения на мезоуровне // Вестник университета. – 2020. – № 4. – С. 144−151.

[4] Гранберг А. Г. Основы региональной экономики. – М.: НИУ ВШЭ, 2000. – С. 25.

мин как «сферу деятельности экономических агентов и их отношений в рамках функционирующей институциональной среды, связанных с удовлетворением их растущих потребностей»[1], отмечая тем самым специфику сложившихся на территории условий.

Следует также отметить целый ряд исследований, авторы которых не пытаются дать комплексную оценку различным свойствам пространства, а делают акцент на измерении одной из его характеристик. Например, Б. Т. Моргоев фиксирует внимание на асимметричности пространства, предлагая оценивать ее путем определения разницы между максимальным и минимальным значениями анализируемых параметров развития отдельных пространственных составляющих[2]; И. С. Симарова в своей работе уделяет внимание оценке пространственной связанности, характеризуя ее посредством измерения степени интенсивности хозяйственных, социальных и иных взаимодействий между территориями с помощью выявления масштабов притока, оттока (и связанных с ними коэффициентов) товаров и населения (мигрантов)[3]; Е. М. Бухвальд, обозначая пространственные факторы создания в России инновационной экономики, подчеркивает значимость анализа такого свойства, как степень однородности экономического пространства[4].

В современной зарубежной литературе авторы также отдают предпочтение исследованию отдельных свойств или характеристик экономического пространства, используя при этом методы математического моделирования[5] и специальные инструменты пространственного анализа[6], позволяющие объединить компьютерное моделирование в геоинформационных системах с пространственной эконометрикой и математической статистикой. Много внимания, в частности, уделяется вопросам оценки масштабов концентра-

---

[1] Урунов А. А. Оценки качества российского экономического пространства в условиях глобализации экономики: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05, 08.00.14. – М., 2009. – С. 5.

[2] Моргоев Б. Т. Межуровневая асимметричность российского экономического пространства // Финансы и кредит. – 2006. – № 27 (231). – С. 69−71.

[3] Симарова И. С. Обоснование регионального развития с учетом связанности экономического пространства: дис. … канд. экон. наук: 08.00.05. – Тюмень, 2014. – 146 с.

[4] Бухвальд Е. М. Пространственные факторы формирования инновационной экономики в России // Федерализм. – 2010. – № 2 (58). – С. 55−68.

[5] Touitou M., Yacine L., Ahmed B. Spatial disparity and inequality of education domain in Algeria: a spatial econometric approach // International journal of social economics. – 2020. – Vol. 47, iss. 9. – P. 1161−1180; Furkova A. Spatial patterns of European innovation: a spatial econometric approach with technological proximity weights // Review of applied socio-economic research. – 2024. – Vol. 27. – P. 5−17.

[6] Cupido K., Jevtic P., Paez A. Spatial patterns of mortality in the United States: a spatial filtering approach // Insurance: mathematics and economics. – 2020. – Vol. 95. – P. 28−38; Kadusic A., Smajic S., Kunosic S., Smajic N. Spatial analysis of mortality in Bosnia and Herzegovina: a preliminary analysis // Journal human research in rehabilitation. – 2023. – Vol. 13. – P. 52−61.

ции объектов в отдельных точках пространства[1], а также определению степени пространственной неоднородности и неравномерности размещения ресурсов по территории[2].

Обобщая все вышесказанное (таблица 5), можно заключить, что единого подхода к измерению экономического пространства в науке не сложилось. Причиной тому является как сложность самого объекта исследования (предметом дискуссий выступает и терминологический аппарат, и перечень параметров, которые необходимо оценивать), так и некоторые ограничения статистического инструментария (например, отсутствие в открытом доступе информации о перемещении ресурсов между территориями).

В то же время идеи исследователей, положенные в основу каждого из рассмотренных подходов, во многом перекликаются: все ученые обращают внимание на значимость насыщенности пространства активами и ресурсами, предлагая соотносить их количество с такими базовыми характеристиками территории, как площадь (что позволяет сделать выводы о плотности пространства) или число ее пользователей-жителей (тем самым можно оценить некоторые аспекты сложившихся на территории условий). Таким образом, характеристика социально-экономической ситуации и анализ плотности пространства содержательно весьма близки друг к другу, хотя и описывают пространственные особенности насыщенности территории в разных контекстах: географическом (когда пространство имеет физическую размерность) – в случае с оценкой плотности; экономическом или социально-экономическом – в случае с оценкой ее средовых особенностей.

Важной характеристикой являются особенности размещения объектов в пространстве (а также специфика развития отдельных пространственных составляющих, во многом обусловленная этими особенностями): их анализ позволяет обнаружить пространственные «разрывы» и зоны концентрации, выявить проявления процессов дефрагментации пространства.

---

[1] Feng X., Hu M., Somenahalli S. et al. Study on the spatial morphology of Ando Tibetan traditional villages in China: a case of traditional villages in huangnan prefecture // Sustainability. – 2025. – Vol. 17. – Article no. 1353; Lang G., Marcon E., Puech F. Distance-based measures of spatial concentration: introducing a relative density function // The annals of regional science. – 2020. – Vol. 64. – P. 243−265.

[2] Liu Y. Unequal spaces, unequal minds: how spatial inequality drives excessive educational consumption // Psychology & marketing. – 2025. – Vol. 42, iss. 9. – P. 2317−2333, Marquez M. A., Lasarte-Navamuel E., Lufin M. The role of neighborhood in the analysis of spatial economic inequality / M. A. Marquez // Social indicators research. – 2019. – Vol. 141, iss. 1. – P. 245−273; Woods M. Rural-urban inequalities and spatial justice in Europe // Europa XXI. – 2024. – Vol. 44. – P. 37−56.

Таблица 5 – Обобщение подходов к оценке характеристик экономического пространства[1]

Оцениваемая характеристика	Интерпретация	Способы оценки (показатели, индикаторы)
Плотность (обеспеченность, насыщенность)	Потенциал единицы площади территории	Число жителей, объем производимой продукции, количество материальных объектов и т. д. на 1 км^2
Степень концентрации или равномерности	Уровень локализации объектов или деятельности в одной территориальной зоне	Коэффициент вариации. Соотношение максимального и минимального значений показателя. Доля населения, поживающего в самом крупном населенном пункте. Количество населенных пунктов на 1 тыс. км^2. Другие
Однородность (дифференциация, асимметричность как обратные характеристики)	Масштаб отличий отдельных элементов пространства друг от друга	
Связанность (экономическое расстояние, разобщенность как обратные характеристики)	Уровень развития взаимосвязей (как инфраструктурных, так и социально-экономических) между отдельными территориями	Грузооборот на единицу территории. оценка уровня развития транспортной инфраструктуры (коэффициент Успенского). Доля населения, использующего интернет. Сальдо товарообмена между территориями. Другие
Социально-экономическая ситуация, сложившаяся на территории	Качество среды, характеризующей территорию	ВРП на душу населения. Уровень безработицы. Объем платных услуг на душу населения. Количество преступлений на душу населения. Ожидаемая продолжительность жизни. Другие

[1] Составлено автором по: Аврамчикова Н. Т. Теоретические аспекты оценки качества экономического пространства // Региональная экономика: теория и практика. – 2012. – № 35. – С. 2–13; Моргоев Б. Т. Межуровневая асимметричность российского экономического пространства // Финансы и кредит. – 2006. – № 27 (231). – С. 69–71; Секушина И. А. Оценка качества экономического пространства регионов Европейского Севера России // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. – 2020. – № 4 (96). – С. 38–50; Симарова И. С. Обоснование регионального развития с учетом связанности экономического пространства: дис. … канд. экон. наук: 08.00.05. – Тюмень, 2014. – 146 с.; Урунов А. А., Левина Л. Ф., Остапенко В. А. Качество экономического пространства: проблемы измерения на мезоуровне // Вестник университета. – 2020. – № 4. – С. 144–151; Хакимов А. Х. Факторы пространственного неравенства регионов и региональная экономическая политика // Россия: тенденции и перспективы развития: ежегодник, вып. 12, ч. 2. – М.: ИНИОН РАН, 2017. – С. 975–978; Чувашова М. Н. Оценка качества экономического пространства региона сырьевой направленности: дис. … канд. экон. наук: 08.00.05. – Красноярск, 2016. – 235 с.; Шмакова М. В. Оценка свойств экономического пространства региона в контексте разработки основных стратегических документов // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2020. – Т. 9, № 3 (32). – С. 410–412; Fujita M., Krugman P., Venables A. J. The spatial economy: cities, regions, and international trade. – Cambridge: MIT Press, 1999. – 367 p.

Связанность выступает еще одной возможной метрикой степени пространственной разобщенности, причем для ее оценки могут быть использованы как данные о наличии условий, упрощающих взаимодействие между отдельными пространственными составляющими (транспортная инфраструктура, информационные сети), так и сведения об интенсивности потоков (товаров, ресурсов) между ними.

Однако прежде чем делать окончательный вывод о тех характеристиках пространства, которые имеет смысл подвергать оценке в интересах определения особенностей его организации, необходимо провести анализ способов измерения экономического (или социально-экономического) пространства, применяемых в документах стратегического планирования: утилитарный подход к характеристике пространства может способствовать как выявлению неучтенных параметров, также нуждающихся в рассмотрении, так и подтверждению значимости уже обнаруженных благодаря анализу, проведенному ранее.

Систематизации подверглись комплексы целевых показателей региональных стратегий социально-экономического развития, связанные с разделом, который посвящен пространственным преобразованиям. Полигон исследования – 82 субъекта Российской Федерации (их перечень представлен в приложении А; о причинах исключения из анализа документов городов федерального значения и новых территорий говорилось ранее). Как уже было отмечено, не во всех проанализированных документах находят отражение вопросы пространственного развития, однако даже в тех случаях, когда о направлениях пространственной трансформации говорится, способы ее измерения зачастую игнорируются. Исключение составляют 37 стратегий (приложение Г). Можно заметить, что в ряде случаев к показателям, которые «привязаны» к разделам, характеризующим изменения организации пространства, отнесены параметры, более подходящие для описания состояния инфраструктурного комплекса (удельный вес автомобильных дорог с твердым покрытием, индекс качества транспортной инфраструктуры и т. д.), цифровой среды (доля домохозяйств, имеющих широкополосный доступ к сети Интернет, «цифровая зрелость» исполнительных органов власти и т. д.), а также всей социально-экономической системы (среднегодовой индекс физического объема ВРП, индекс качества городской среды и т. д.) или ее отдельных компонентов (количество семей, улучшивших жилищные условия, доля ветхого и аварийного жилья и т. д.). Зачастую это объясняется логикой организации структуры документа: например, включением в пространственный блок тематических направлений, определяющих изменения транспортно-логистического или энергетического комплекса,

процессы цифровизации и т. п. Между тем в результате проведенного анализа был обнаружен ряд документов, определяющих в числе целевых показателей развития специфические индикаторы состояния социально-экономического пространства. Их систематизация позволяет выявить те пространственные характеристики регионов и параметры их оценки, которые разработчики документов стратегического планирования в контексте предлагаемых преобразований относят к наиболее значимым (таблица 6).

Таблица 6 – Параметры оценки социально-экономического пространства, выявленные в результате анализа региональных стратегий развития[1]

Оцениваемая характеристика	Примеры способов оценки (показатели, индикаторы)	Субъекты РФ, в стратегиях развития которых обозначены данные индикаторы
Степень однородности пространства (уровень межтерриториальной дифференциации)	Межмуниципальная дифференциация (по среднемесячной заработной плате; по объему отгруженных товаров собственного производства, выполненным работам и услугам собственными силами; по средней обеспеченности жильем одного жителя области)	Волгоградская область
	Коэффициент вариации муниципальных районов, муниципальных округов, городских округов области по среднемесячной номинальной начисленной заработной плате	Вологодская область
	Соотношение наилучших и наихудших показателей уровня безработицы в муниципальных районах и городских округах	Воронежская область
	Отношение максимального значения показателя к минимальному в разрезе муниципальных образований (по объему отгруженной продукции на 1 чел.; по объему налоговых и неналоговых доходов местного бюджета на 1 чел.; по среднемесячной начисленной заработной плате; по уровню зарегистрированной безработицы; по естественному приросту (убыли) населения; по миграционному приросту (убыли) населения)	Республика Башкортостан
Характеристика структурных особенностей пространства	Количество центров развития региона	Кировская область
	Количество ядер 1-го порядка; количество ядер 2-го порядка; количество ядер 3-го порядка	Краснодарский край
	Количество городов с благоприятной городской средой	Оренбургская область
	Удельный вес городского/сельского населения в общей численности населения	Орловская область
	Количество муниципальных образований Ростовской области, характеризующихся ростом населения	Ростовская область
	Количество созданных рабочих мест на предприятиях, осуществляющих деятельность в индустриальных парках, особых экономических зонах и ТОСЭР	Свердловская область

[1] Составлено автором.

Продолжение таблицы 6

Оцениваемая характеристика	Примеры способов оценки (показатели, индикаторы)	Субъекты РФ, в стратегиях развития которых обозначены данные индикаторы
Уровень связанности пространства (развитость транспортной инфраструктуры)	Индекс качества транспортной инфраструктуры	Московская область
	Доля населенных пунктов, обеспеченных бесперебойным общественным транспортным сообщением	Республика Карелия
	Объем маятниковой миграции в рамках Саранско-Рузаевско-Лямбирского узла расселения	Республика Мордовия
Характеристика качества отдельных составляющих пространства	Количество разработанных мастер-планов для городской агломерации и опорных населенных пунктов	Кировская область
	Миграционный прирост (убыль) в сельской местности и малых городах	Липецкая область
	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении сельского населения	Новосибирская область
	Доля дорожной сети в крупнейших городских агломерациях, соответствующей нормативам	Омская область
	Уровень заработной платы на приграничных территориях (от среднего уровня по региону)	Приморский край
	Удельный вес общей площади жилых помещений в сельских населенных пунктах, оборудованной всеми видами благоустройства	Тюменская область

Особое внимание во многих из рассмотренных стратегий уделяется проблеме пространственной неоднородности и существенной межтерриториальной дифференциации; в некоторых документах, содержащих целевые показатели пространственного развития, это нашло отражение в перечне индикаторов: к их числу можно отнести коэффициенты межмуниципальных различий и соотношения между максимальными и минимальными значениями целого комплекса важных социально-экономических параметров.

Выявление масштабов диспропорций между отдельными элементами пространства может быть осуществлено с помощью еще одной группы параметров, также оказавшихся в центре внимания целого ряда региональных стратегий. Их задача – охарактеризовать структурные особенности пространства, например, путем соотнесения имеющихся у территориальных единиц ресурсов разного типа (об этом, в частности, может свидетельствовать такой показатель, как «доля городского населения», предложенный в документе Новосибирской области) или качества этих ресурсов (показатель «количество городов с благоприятной городской средой», оцениваемый в Оренбургской области), путем определения числа (показатель «количество сформированных точек роста регионального значения», заявленный в стратегии Псковской области) и масштабов (показатель «объем при-

влеченных инвестиций для развития индустриальных парков, особых экономических зон и ТОСЭР», измеряемый в Свердловской области) центров развития.

Кроме того, четко идентифицируемой характеристикой, подлежащей оценке, является уровень связанности пространства, определяемый главным образом посредством измерения степени развитости транспортной инфраструктуры. Для выявления масштабов связанности предлагается оценивать как уровень доступности элементов транспортно-логистического комплекса, так и качество объектов инфраструктуры.

В отдельную группу могут быть сведены предлагаемые в стратегиях индикаторы, характеризующие качество отдельных пространственных составляющих. Как правило, акцент делается на наиболее перспективных точках или ареалах, выделяемых в региональном пространстве, – агломерациях (Вологодская, Кировская, Липецкая, Новосибирская, Омская, Псковская, Томская области, Республика Коми), опорных населенных пунктах (Кировская область) или, напротив, на территориях, нуждающихся в особом внимании – сельских населенных пунктах (Липецкая, Новосибирская, Свердловская, Тюменская области), малых городах (Липецкая область), монопрофильных муниципалитетах (Приморский край), приграничных территориях (Приморский край).

Целевые показатели пространственного развития страны, отраженные в Стратегии пространственного развития Российской Федерации, также встраиваются в логику обозначенных параметров оценки. Особое внимание уделяется характеристикам качества отдельных составляющих пространства (опорных населенных пунктов, новых субъектов РФ, а также территорий Сибири, Дальнего Востока, Арктики). Показатели, отражающие масштаб межтерриториальных диспропорций, также занимают важное место среди индикаторов реализации целей пространственного развития страны, при этом в качестве способа оценки этих диспропорций используется расчет отклонения между показателями 10 наиболее и 10 наименее успешных субъектов РФ. Связанность пространства так же, как и в региональных документах, предлагается оценивать с помощью параметров развития транспортной инфраструктуры (в числе ее характеристик – транспортная подвижность населения и объем перевозок по международным транспортным коридорам).

Таким образом, следует отметить значительную степень разнообразия параметров и связанных с ними индикаторов, предлагаемых в различных источниках для применения в интересах оценки экономического пространства. В то же время явного противоречия между используемыми подходами нет: наиболее значимыми характеристиками пространственного развития можно считать обеспеченность пространства дающими ему возмож-

ность трансформации ресурсами; специфику их размещения, позволяющую судить о степени однородности, равномерности, а также масштабы взаимосвязи между отдельными пространственными компонентами. Индикаторы качества отдельных составляющих пространства, часто встречаемые в стратегических документах территорий разного уровня, носят в большей степени «конъюнктурный» характер: интерес к ним определяется выбранным вектором развития, в связи с чем использование подобных параметров представляется важным не столько для оценки ситуации на этапе, предваряющем предложение модели эффективной пространственной организации экономики, сколько для контроля происходящих изменений на стадии претворения ее в жизнь.

3.2 Идентификация характеристик пространственного развития экономики: параметры и индикаторы

Проведенный анализ показал, что измерение экономического пространства имеет смысл проводить путем оценки трех характеристик: его обеспеченности активами, его однородности и уровня его связанности (рисунок 14).

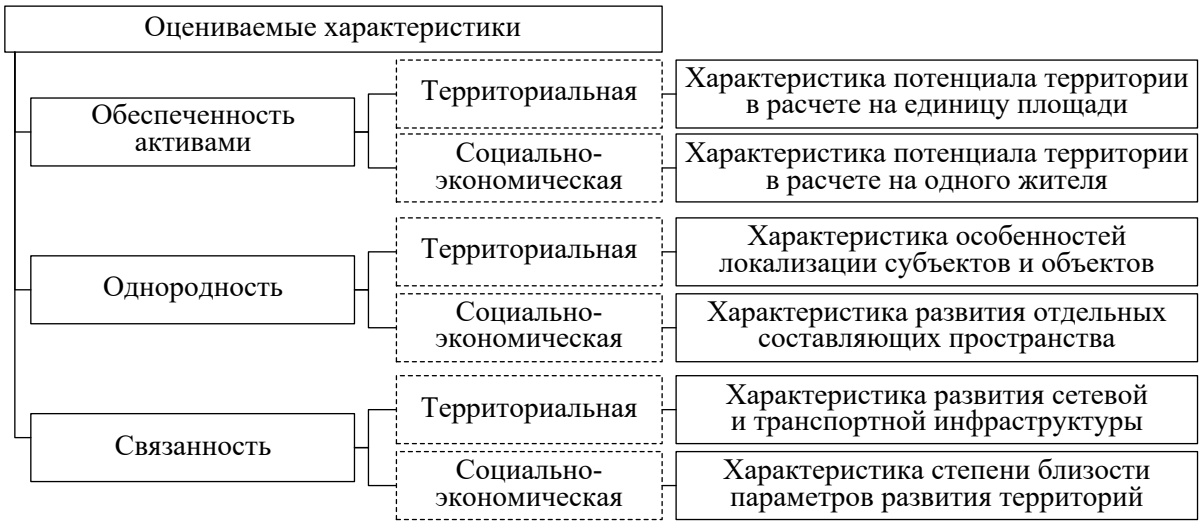

Рисунок 14 – Составляющие оценки экономического пространства и их интерпретация[1]

[1] Составлено автором.

При этом каждая из характеристик может быть представлена в двух проекциях, которые условно можно назвать «социально-экономическая» и «территориальная». Одна из них определяет специфику процессов, которые происходят в исследуемом пространстве, другая – особенности «приземления» этих процессов (их результатов) в конкретные зоны или ареалы. Для оценки предложенных характеристик могут быть использованы следующие параметры (таблица 7).

Таблица 7 – Параметры оценки экономического пространства[1]

Оцениваемая характеристика	Интерпретация	Способы оценки (показатели, индикаторы)
Обеспеченность активами	Характеристика потенциала территории в расчете на единицу площади	Количество активов на единицу площади
	Характеристика потенциала территории в расчете на одного жителя	Количество активов на одного жителя
Однородность	Характеристика особенностей локализации субъектов и объектов	Индекс Холла – Тайдмана (оценка степени концентрации)
		Локальный индекс Морана (выявление зон концентрации)
	Характеристика развития отдельных составляющих пространства	Коэффициент Джини (оценка уровня неравенства)
		Индекс Тейла (оценка степени энтропии)
Связанность	Характеристика развития сетевой и транспортной инфраструктуры	Коэффициент Энгеля
	Характеристика степени близости параметров развития территорий	Коэффициенты пространственной корреляции

Если особенности расчетов таких параметров, как «количество активов на единицу площади (на одного жителя)» и «объем межтерриториальных потоков», вопросов не вызывают, то прочие индикаторы нуждаются в пояснении.

Индекс Холла – Тайдмана[2] представляет собой ранговый индекс концентрации и традиционно используется для характеристики рынков с точки зрения специфики сложившейся на них конкуренции, хотя вполне применим и для территориального анализа[3].

[1] Составлено автором.

[2] Hall M., Tideman N. Measures of concentration // Journal of the American statistical association. – 1967. – Vol. 62. – P. 162−168.

[3] Kostyaev A. I. Rural areas of Russia's north-west borderland: problems and development paths // Baltic region. – 2019. – Vol. 11, iss. 4. – P. 93−113.

Рассчитывается на основе сопоставления рангов объектов (территориальных единиц), выявленных на основе ранжирования величин рассматриваемого показателя, и их долей в анализируемой совокупности по этому же показателю:

$$HT = \frac{1}{2\left(\sum_{i=1}^{n} R_i y_i\right) - 1}, \quad (1)$$

где HT – индекс Холла – Тайдмана; R_i – ранг i-й территории в рассматриваемой совокупности; y_i – доля i-й территории в рассматриваемой совокупности по анализируемому показателю.

Выявление зон концентрации объектов в пространстве может базироваться на использовании специальных методов пространственного анализа. В настоящей работе нашел применение метод **пространственной автокорреляции, базирующийся на оценке индексов Морана**[1], являющийся методической основой целого ряда как отечественных[2], так и зарубежных[3] исследований. Его использование позволяет обнаружить зоны концентрации (совокупности расположенных вблизи друг от друга территорий, концентрирующих внутри себя значительные объемы анализируемых объектов); кроме того, оценка пространственной корреляции может использоваться для оценки масштабов влияния территорий друг на друга, что позволяет обращаться к итогам расчетов при характе-

[1] Moran P. The interpretation of statistical maps // Journal of the royal statistical society. – 1948. – Vol. 10, iss. 2. – P. 243−251.

[2] Акбердина В. В., Наумов И. В., Красных С. С. Цифровое пространство регионов Российской Федерации: оценка факторов развития и взаимного влияния на социально-экономический рост // Journal of applied economic research. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 294−322; Дорошенко С. В., Васильева Р. И. Пространственная оценка неоднородности регионального экономического роста в 2014−2021 гг. // Регионология. – 2024. – Т. 32, № 3 (128). – С. 484−503; Павлов Ю. В., Королева Е. Н. Пространственные взаимодействия: оценка на основе глобального и локального индексов Морана // Пространственная экономика. – 2014. – № 3. – С. 95−110; Тимирьянова В. М., Зимин А. Ф., Жилина Е. В. Пространственная составляющая в изменении розничного рынка товаров // Экономика региона. – 2018. – Т. 14, № 1. – С. 164−175.

[3] Dastenaei M. H., Niknami K. A. Application of Moran's I statistics in spatial analysis of archaeological sites of the Sarfirouzabad plain, Central Zagros, Iran // Journal of ancient history and archaeology. – 2024. – Vol. 10, no. 4. – P. 41–54; Luo Q., Griffith D., Wu H. Spatial autocorrelation for massive spatial data: verification of efficiency and statistical power asymptotics // Journal of geographical systems. – 2019. – Vol. 21. – P. 237–269; Koro A. B., Eliyanti U., Lianawati. Exploring the spatial relationship between COVID-19 and poverty in Indonesia: a Moran's I approach // Journal of health economic and policy research (JHEPR). – 2025. – Vol. 3. – P. 40−47.

ристике степени близости параметров развития территорий, осуществляемой в интересах определения масштабов связанности экономического пространства.

Определение масштабов пространственной корреляции предполагает осуществление следующих шагов.

На первом этапе необходимо построить матрицу расстояний, содержащую сведения о расстояниях между всеми исследуемыми территориальными единицами (регионы, муниципальные образования и т. д.). Существуют различные подходы к определению значений для матрицы: например, они могут приниматься равными нулю (если территории не имеют общей границы) или единице (если такая граница существует), могут определяться на основании данных о расстоянии «по воздуху», о протяженности автомобильных дорог или железнодорожных путей между рассматриваемыми территориями.

Второй шаг заключается в расчете значения глобального индекса Морана и определении наличия (или отсутствия) пространственной автокорреляции.

Формула для расчета глобального индекса Морана выглядит следующим образом:

$$I = \frac{n\sum_{i=1}^{n}\sum_{j=1}^{n} w_{ij}(x_i - \overline{x})(x_j - \overline{x})}{S_0 \sum_{i=1}^{n}(x_i - \overline{x})^2}, \qquad (2)$$

где I – глобальный индекс Морана; x – рассматриваемый показатель; S_0 – совокупность всех пространственных весов $\left(S_0 = \sum_{i=1}\sum_{j=1} w_{ij} \right)$; n – число анализируемых территорий.

Значения индекса могут лежать в интервале от −1 до +1, а его сопоставление с математическим ожиданием (формула (3)) позволяет сделать вывод о наличии и характере пространственной автокорреляции:

$$E(I) = \frac{-1}{n-1}, \qquad (3)$$

где $E(I)$ – математическое ожидание индекса; n – число анализируемых территорий.

Интерпретировать полученные значения можно следующим образом. Если величина индекса Морана превышает математическое ожидание, то наблюдается положительная пространственная автокорреляция (значения наблюдений для соседних территорий близки друг к другу); если же математическое ожидание превышает величину индекса Морана, то можно сделать вывод о наличии отрицательной пространственной автокорреляции (значения рассматриваемого показателя расположенных вблизи друг от друга территорий отличаются). Если же индекс Морана совпадает по своему значению с математическим ожиданием, то это свидетельствует об отсутствии пространственной автокорреляции[1].

Проверка значимости полученных результатов может быть осуществлена с помощью традиционного для эконометрических исследований метода статистической проверки гипотез (*z*-теста), который проводится с помощью определения величины *Z*-статистики:

$$z\text{-статистика} = \frac{I - E(I)}{\sqrt{E(I^2) - E(I)^2}}. \quad (4)$$

Найденное значение говорит о том, на какое количество стандартных отклонений удалено от ожидаемого значения фактическое значение индекса Морана. Чем больше значение, тем менее вероятно, что фактическое распределение случайно.

Третий шаг – расчет значений локального индекса Морана и определение тесноты взаимосвязей между отдельными территориями.

Локальный индекс Морана позволяет идентифицировать наличие и характер связи конкретной территории со всеми остальными[2]. Расчет его значения может быть осуществлен с помощью формулы (5):

---

[1] Балаш О. С. Статистическое исследование пространственной кластеризации регионов России // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2012. – № 2-1. – С. 56−65.

[2] Русановский В. А., Бровкова А. В., Марков В. А. Моделирование эффекта пространственной локализации в городских агломерациях России // Экономическая политика. – 2018. – Т. 13, № 6. – С. 136−163.

$$I_{L_i} = z_i \sum w_{ij} z_j, \quad (5)$$

где I_{L_i} – локальный индекс Морана для *i*-й территории; w_{ij} – стандартизированная дистанция между *i*-й и *j*-й территориями; z_i, z_j – стандартизированные значения изучаемого показателя для *i*-й и *j*-й территорий.

Полученные величины могут принимать значения от −1 до +1, а логика их интерпретации совпадает с логикой оценки значений глобального индекса Морана.

Интерес могут представлять и отдельные составляющие локального индекса (формула (6)), значения которых характеризуют силу взаимовлияния между двумя конкретными территориями:

$$LISA_{ij} = z_i z_j w_{ij}, \quad (6)$$

где $LISA_{ij}$ – сила взаимовлияния между *i*-й и *j*-й территориями.

Четвертый шаг предполагает группировку территорий в соответствии с соотношением характерных для них стандартизированных значений рассматриваемого показателя и значений пространственного фактора, что позволяет определить место каждой территориальной единицы в анализируемой пространственной системе, выявить ее лидеров (точки экстремума) и периферийную зону, осуществить пространственную кластеризацию.

Если объединить стандартизированные значения оцениваемого показателя (z) с его пространственно взвешенными центрированными значениями (w_z) для каждой анализируемой территории в одной системе координат, то можно заметить, что точки, характеризующие территориальные единицы, локализуются в одном из четырех квадрантов[1] (рисунок 15).

[1] Lv K., Lin Y., Kang J. Spatial econometric analysis on industrial structure and environmental pollution // International conference on frontiers of energy, environmental materials and civil engineering. – Lancaster: DEStech Publications, 2013. – P. 76−89.

Рисунок 15 – Выделяемые на основе использования индексов Морана группы территорий[1]

Для территорий, отличающихся достаточно высокими значениями рассматриваемого показателя и при этом соседствующих с территориями, обладающими похожими величинами рассматриваемого параметра, значения z и w_z будут положительны (квадрант *HH* – экстремумы). Отрицательные значения z и w_z (квадрант *LL*) свидетельствуют о том, что территории расположены поблизости от схожих по масштабам анализируемой сферы субъектов, а величина рассматриваемого параметра относительно невысока. Если значение z положительно, а w_z отрицательно (квадрант *HL*), территория отличается от своих соседей, опережая их по оцениваемому показателю. Если, напротив, при отрицательном z величина w_z больше нуля (квадрант *LH*), то территория отстает от соседей. Таким образом, территории с положительной автокорреляцией попадают в квадранты *HH* и *LL*, с отрицательной – в квадранты *HL* и *LH*. Итоги расчетов позволяют охарактеризовать степень близости параметров развития территорий в рамках оцениваемого параметра их социально-экономического развития.

Идентификация зон концентрации требует уточнения группировки анализируемых территорий, связанной с выделением лидеров, опережающих прочие ареалы по значениям рассматриваемого параметра и формирующих ареалы концентрации друг с другом и площадками, которые попадают в зону их влияния в силу своего местоположения: учету подлежат только те территории, для которых значения локального индекса существенны ($\left|I_{L_i}\right|$ превышает среднее значение $\left|I_L\right|$ по рассматриваемому показателю) (рисунок 16).

[1] Составлено автором.

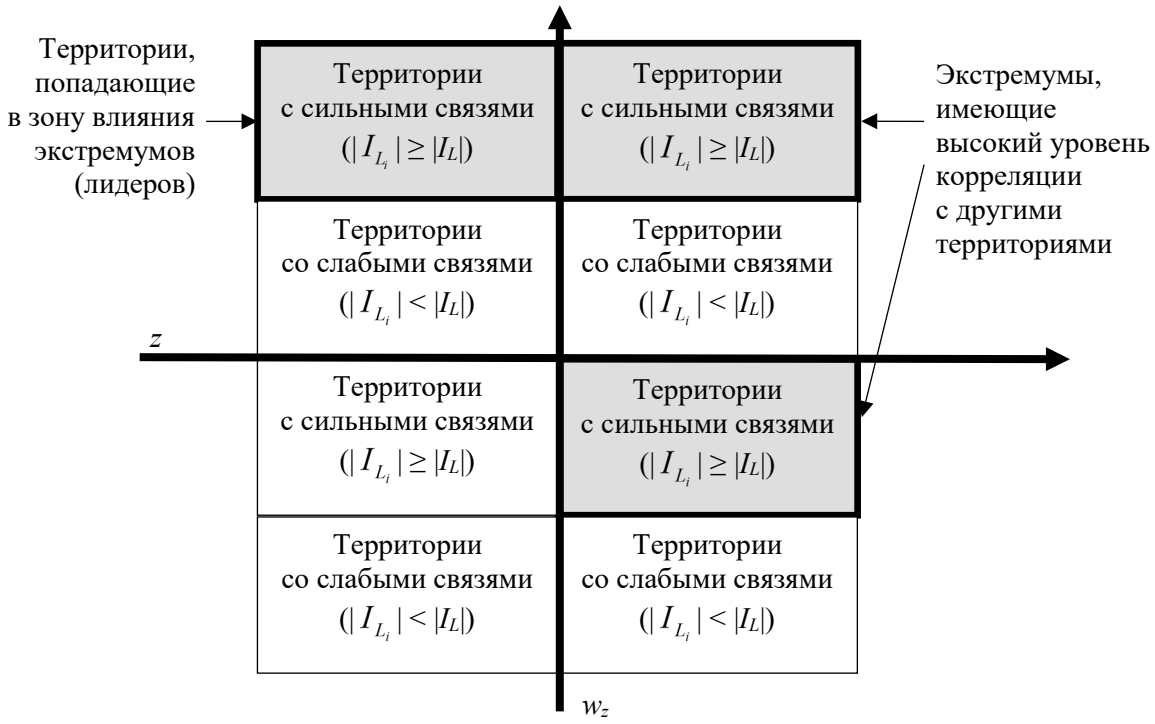

Рисунок 16 – Выделяемые на основе использования индексов Морана группы территорий, объединяемые в зоны концентрации[1]

Коэффициент Джини[2] обычно используется для характеристики неравенства доходов (позволяет определить степень отклонения фактически сложившегося распределения доходов среди общественных групп от их теоретически возможного равномерного распределения), но применим и для оценки специфики пространственного развития[3]:

$$G = 1 - 2\sum_{i=1}^{n} x_i cumy_i + \sum_{i=1}^{n} x_i y_i, \quad (7)$$

где G – коэффициент Джини; n – число территорий; x_i – доля i-й территории; y_i – доля от общего объема ресурсов, приходящаяся на i-ю территорию; $cumy_i$ – накопленная доля от общего объема ресурсов, приходящаяся на i-ю территорию.

[1] Составлено автором.

[2] Ceriani L., Verme P. The origins of the Gini index: extracts from Variabilità e mutabilità (1912) by Corrado Gini // The journal of economic inequality. – 2012. – Vol. 10. – P. 421−443.

[3] Ding G., Xie Y., Zhao P. Spatial inequality of regional fiscal expenditure on science and technology based on Gini coefficient decomposition and polarization measurement // Boletin tecnico/technical bulletin. – 2017. – Vol. 55, iss. 9. – P. 132−139; Kharazmi E., Bordbar N., Bordbar S. Distribution of nursing workforce in the world using Gini coefficient // BMC Nursing. – 2023. – Vol. 22. – P. 1−7.

Индекс Тейла[1] представляет собой показатель энтропии (хаотичности, неопределенности) и в основном используется для оценки экономического неравенства в обществе[2]. Индекс может быть интерпретирован как мера предсказуемости результата при выборе случайного объекта (территории) из рассматриваемой совокупности таких объектов, что позволяет расценивать его как характеристику степени неравномерности распределения активов (ресурсов) между территориями:

$$T = \frac{1}{n}\sum_{i=1}^{n}\frac{x_i}{x_{\text{ср}}}\ln\left(\frac{x_i}{x_{\text{ср}}}\right), \tag{8}$$

где T – индекс Тейла; n – количество рассматриваемых объектов (территорий); x_i – значение рассматриваемого показателя для i-й территории; $x_{\text{ср}}$ – среднее значение рассматриваемого показателя.

Коэффициент Энгеля (формула (9)) представляет собой один из наиболее распространенных параметров, позволяющих оценить уровень развития транспортной инфраструктуры (путей сообщения) территории, учитывая наряду с густотой сети обеспеченность ею населения. Следовательно, коэффициент может применяться и для характеристики степени насыщенности пространства другими типами сетевой инфраструктуры (не только транспортной).

$$KE = \frac{\alpha \times L}{\sqrt{P \times S}}, \tag{9}$$

где KE – коэффициент Энгеля; L – протяженность сети; P – численность населения; S – площадь территории; $\alpha = 100$ – калибровочный размерный множитель.

Большое значение для исследования, связанного с оценкой характеристик экономического пространства, имеет также использование картографических средств визуали-

[1] Theil H. Economics and information theory. – Amsterdam: North-Holland, 1967. – 488 p.

[2] Камалетдинов А. Ш., Ксенофонтов А. А. Налоговые доходы субъектов РФ как инструмент оценки межрегионального неравенства // Самоуправление. – 2023. – № 2 (135). – С. 606−609; Реутов В. Е., Ильичева В. Р. Подходы к оценке территориальной конвергенции с учетом пространственных эффектов // Экономические науки. – 2024. – № 238. – С. 192−203.

зации. Картографический анализ позволяет наглядно продемонстрировать особенности местоположения отличающихся друг от друга территорий.

Предлагаемый подход достаточно универсален: он может использоваться как для комплексной оценки экономического пространства, так и для характеристики пространственных аспектов развития отдельных составляющих социально-экономических комплексов территорий разного уровня (в этом случае некоторые характеристики или их проекции могут исключаться из анализа). Выбор объекта исследования, а также доступность данных определяют и набор тех показателей или индикаторов, которые могут быть использованы в расчетах.

3.3 Интегральная методика оценки пространственного развития экономики (с учетом параметров территориального капитала)

Измерение территориального капитала представляет собой сложную задачу. С одной стороны, как отмечалось ранее, территориальный капитал представляет собой комплексную систему, состоящую из значительного количества разнородных элементов – активов и ресурсов развития территории. Каждый такой элемент имеет свою специфику: его развитие характеризуется собственным набором показателей, может оцениваться с помощью специфических инструментов оценки. В силу этого методика измерения территориального капитала может быть только интегральной – основанной на объединении способов определения параметров как материальных, так и нематериальных объектов исследования, агрегировании показателей, описывающих ключевые признаки места (территории) и сообществ, функционирующих в этом месте. Очевидно, что опираться исключительно на данные официальной статистики в этом случае невозможно: показательными являются итоги социальных опросов, результаты экспертных оценок, наблюдения специализированных институтов оценки (например, рейтинговых агентств). При этом сложности возникают и на этапе интеграции выводов о состоянии отдельных компонентов капитала: их несоизмеримость друг с другом, проявляющаяся даже в части используемых для характеристики этих компонентов единиц измерения, и «плавающее» соотношение их

ценностей делают любой подход к объединению результатов измерений дискуссионным. С другой стороны, любой капитал невозможно оценить однозначно: его ключевое свойство – способность капитализироваться, наращивать свою ценность, следовательно, ценность одного и того же объекта на этапе его появления и на этапе получения эффекта от его использования будет неодинаковой. Это значит, что применение подходов, отличающихся друг от друга с точки зрения оцениваемой стадии трансформации территориального капитала, даст разные результаты.

Таким образом, территориальный капитал не может быть измерен с помощью одного (даже очень емкого) показателя, а его характеристику необходимо осуществлять в двух плоскостях: с одной стороны, учитывая специфику входящих в его состав элементов, с другой стороны, принимая во внимание наличие нескольких вариаций оценки капитала.

Во-первых, как было отмечено ранее, в научных публикациях можно найти значительное количество подходов к выделению его элементов. В рамках настоящего исследования имеет смысл остановиться на такой классификации элементов территориального капитала, в которой различающиеся по специфике своего измерения ресурсы четко отделяются друг от друга, а все перечисленные группы активов играют большое значение для фиксации места территории в экономическом пространстве (рисунок 17).

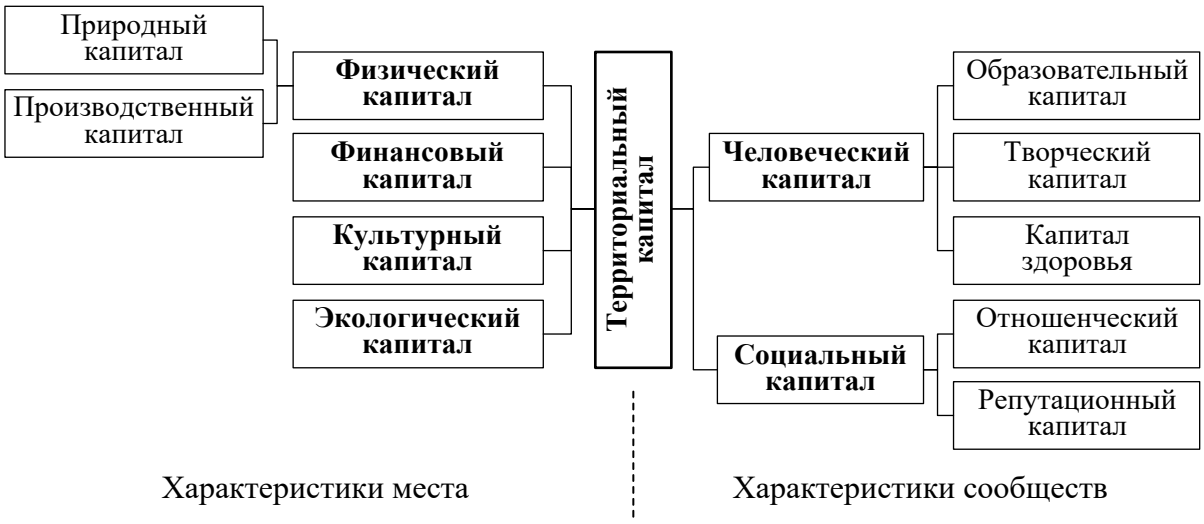

Рисунок 17 – Составляющие территориального капитала[1]

[1] Составлено автором.

Во-вторых, оценка территориального капитала на разных стадиях его функционирования может давать разные результаты. Это несоответствие итогов оценки может выступать не только основанием для их усреднения и корректировки, но и источником информации о том, что происходит с капиталом при переходе из одной стадии в другую, – это может позволить выявить несоответствия между стадиями трансформации капитала, определив тем самым «проблемные поля» в сфере управления им. Для определения возможных подходов имеет смысл обратиться к традиционно использующимся в рамках экономического анализа способам оценки капитала организации (таблица 8).

Таблица 8 – Дифференциация подходов к оценке капитала[1]

Подходы к оценке территориального капитала	Подходы к оценке капитала организации
Затратный/инвестиционный (оценка инвестиций, требуемых для формирования территориального капитала)	Затратный (оценка затрат, необходимых для воспроизводства или замены активов организации)
Ресурсный (оценка отдельных характеристик территории и ее сообществ, определяющих ценность активов)	Имущественный (оценка стоимости активов организации)
Доходный (оценка эффектов, получаемых от использования территориального капитала)	Доходный (оценка будущих доходов организации)

Так, территориальный капитал можно оценить на этапе его формирования, опираясь на масштабы затрат, которые необходимо понести, чтобы он появился. В рамках этого подхода особый интерес представляет имеющийся у территории финансовый капитал: именно он выступает источником тех вложений – бюджетных средств, инвестиций и т. д., которые могут быть использованы для формирования и развития прочих форм территориального капитала. На этапе функционирования капитала необходимо комплексно подходить к оценке каждой из его составляющих (при этом, как отмечалось ранее, способы и индикаторы измерения будут разниться). Наконец, при определении эффектов, возникающих вследствие использования территориального капитала, необходимо принимать во внимание те успехи (или неудачи), которых достигает территория в своем развитии.

Объединение двух обозначенных плоскостей измерения – комплексная оценка отличающихся по своей природе составляющих территориального капитала и оценка капи-

[1] Составлено автором.

тала на разных стадиях его функционирования – в рамках одной методики позволяет учесть множество нюансов, характеризующих как территориальный капитал в целом, так и его отдельные компоненты. При этом если на этапе формирования и функционирования территориального капитала каждую его составляющую в силу ее специфичности имеет смысл рассматривать отдельно, то оценка результатов его использования гораздо труднее поддается индивидуализации: здесь особое значение имеют такие обобщенные параметры развития территории, как ВРП, объем привлеченных инвестиций, доходы населения и т. п., – четко соотнести их с тем или иным типом капитала можно только искусственно, хотя применительно к конкретным территориям может быть выявлен вклад отдельных составляющих в совокупный результат.

Дополнение получившейся матрицы третьим измерением – определением характеристик экономического пространства – позволяет говорить о формировании интегральной методики оценки пространственного развития экономики, объединяющей три вектора – три аспекта исследования (рисунок 18).

Интегральная методика оценки пространственного развития экономики позволяет разложить весь процесс оценки пространственной специфики развития территориального капитала на простые элементы – мини-исследования, позволяющие получить представление о пространственных особенностях размещения отдельных составляющих территориального капитала, определить эффективность его использования в разных точках пространства, соотнести осуществляемые в них вложения в наращивание активов с их отдачей. Они могут реализовываться автономно друг от друга (в любой выбранной исследователем последовательности), однако объединение полученных в рамках нескольких из них (или всех их) результатов позволяет составить наиболее комплексное представление об особенностях пространственного развития экономики.

Апробация интегральной методики для оценки особенностей пространственного развития экономики требует детальной проработки содержания обозначенных параметров. И если показатели, позволяющие оценить особенности пространственного развития экономики, были весьма подробно описаны ранее, то параметры измерения территориального капитала нуждаются в уточнении. Во многом это связано с тем, что обозначенные в качестве составляющих территориального капитала группы активов могут трактоваться достаточно неоднозначно.

Рисунок 18 – Схематическое изображение интегральной методики оценки пространственного развития экономики, включающей в себя параметры измерения территориального капитала[1]

Следовательно, имеет смысл уделить особое внимание содержанию каждого выделенного элемента, обозначив также набор показателей, пригодных для их оценки (на макроуровне). Но прежде чем переходить к обоснованию выбора наиболее подходящих для целей проводимого исследования индикаторов, следует отметить несколько важных аспектов.

Во-первых, выявление особенностей локализации территориального капитала не требует использования большого количества показателей: в рамках проводимого иссле-

[1] Составлено автором.

дования не стоит задача провести детальную оценку того капитала, которым обладает каждая исследуемая территория; важным представляется сопоставить параметры размещения отдельных активов, определив закономерности, диспропорции, перспективы развития.

Во-вторых, внимание следует уделять таким показателям, которые описывают наличие на территории того или иного актива (специфику его формирования и трансформации в ценность) в абсолютном выражении, что обуславливается спецификой применения выбранных для характеристики экономического пространства индикаторов. Это, однако, не исключает возможность использования значений выбранных показателей для их перевода в относительный вид (более того, для некоторых анализируемых сфер такой перевод с последующим анализом является принципиально важным). Кроме того, необходимо учитывать, что некоторые показатели могут демонстрировать не наличие того или иного ресурса на территории, а его нехватку (например, высокий уровень загрязнения окружающей среды свидетельствует о том, что экологический капитал рассматриваемой территории меньше, чем у соседей, масштабы выбросов в границах которых не так существенны). Это обязательно следует учитывать при интерпретации полученных результатов.

В-третьих, некоторые составляющие территориального капитала могут быть оценены весьма условно: количественные показатели не всегда подходят для комплексной характеристики тех свойств территории, которые формируют ее ценность на перспективу (особенно когда речь идет о нематериальных ресурсах или активах, зависящих от большого количества факторов). Это обуславливает важность обращения к интегральным характеристикам (экспертным оценкам, рейтингам, а также косвенным индикаторам), что вносит свои коррективы в использование параметров, характеризующих особенности организации пространства.

В-четвертых, специфичность отдельных составляющих территориального капитала означает необходимость формирования для каждой из них собственного перечня индикаторов (что не исключает возможности использования одного и того же показателя для характеристики нескольких типов капитала). Очевидно, что некоторые из выбранных показателей будут коррелировать друг с другом, однако предлагаемая методика не предполагает их использование для расчета интегральной характеристики (выявление особенностей локализации каждой составляющей будет проводиться обособленно от других),

что позволяет исключить из поля исследования проведение корреляционного анализа или отсева некоторых из отобранных показателей.

В-пятых, отличаться друг от друга будут и наборы параметров, характеризующих территориальный капитал на разных стадиях его функционирования (в рамках затратного, ресурсного, доходного подходов).

В-шестых, акцент на использовании концепции наращивания территориального капитала в качестве основы методологии пространственного развития экономики предопределяет необходимость фиксации изменений особенностей локализации активов с течением времени. Это означает, что методология расчета показателей, используемых для выявления пространственных аспектов функционирования территориального капитала, не должна меняться со временем, по крайней мере в рамках выбранных для наблюдения периодов, а значения этих показателей для данных периодов должны быть доступны.

Очевидно, что формирование перечня индикаторов для каждой составляющей комплексного объекта анализа требует выявления ее специфики – анализа ключевых понятий, предлагаемых в научной литературе способов оценки. При этом наиболее обширным и дифференцированным представляется набор показателей, характеризующих территориальный капитал на этапе его использования (в рамках ресурсного подхода). Следовательно, имеет смысл дать подробную характеристику каждому из выделенных элементов территориального капитала, особо отметив те индикаторы, которые можно использовать для описания специфики имеющихся на территории (в регионах) ресурсов, далее акцентировав внимание на показателях, способных найти применение в рамках доходного и затратного подходов.

1. **Ресурсный подход**.

Природный капитал – это понятие, которое достаточно часто используется исследователями при определении источников развития территории[1]. Его традиционно отождествляют с совокупностью природных ресурсов, расположенных в границах территории и пригодных для использования в хозяйственной деятельности в интересах обеспечения

[1] Белая М. Л. Природный капитал в современной экономике // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. – 2016. – № 2 (86). – С. 59−68; Иванова Д. Г. Природный капитал как фактор устойчивости экономического роста: анализ мировой динамики // Теория и практика общественного развития. – 2023. – № 5 (181). – С. 48−56.

экономического роста[1]. При этом состав элементов природного капитала в подходах разных авторов несколько отличается. Например, Р. Констанца и Г. Дэйли относят к ним почву, воду, воздух, полезные ископаемые[2]; коллектив ученых, подготовивших монографию «Новый взгляд на богатство народов. Индикаторы экологически устойчивого развития», называют среди них сельскохозяйственные земли, пастбища, леса, охраняемые природные территории, металлы и минералы, уголь, нефть и природный газ[3]; Н. В. Малиновская – воздух, воду, землю, полезные ископаемые, леса, биологическое разнообразие и здоровье экосистемы[4]. Множественность подходов к структурированию природного капитала, а также дискуссионность включения в его состав элементов искусственного происхождения[5] определяют сложность его оценки в отношении конкретной территории. Следует также учитывать, что некоторые природные ресурсы (например, воздух) не могут являться товаром и в силу этого «выпадают» из системы рыночных отношений, что также затрудняет их измерение.

В интересах решения проблемы оценки взаимодействия природной среды и экономики в 2012 г. Статистической комиссией ООН была принята «Центральная основа Системы природно-экономического учета»[6]. Данный документ представляет собой международный статистический стандарт, основанный на тех же методологических положениях и классификациях, что и Система национальных счетов, а его внедрение позволяет увязать друг с другом информацию о состоянии природных ресурсов и развитии хозяйственного комплекса. Использование Системы природно-экономического учета для характеристики природного капитала страны (ее отдельных регионов) представляется весьма пер-

---

[1] Бобылев С. Н. Природный капитал для новой экономики // Устойчивое развитие и новые модели экономики: Междунар. науч. конф., посвящ. 40-летию кафедры экономики природопользования экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, 21–22 ноября 2019 г.). – М.: МГУ, 2019. – С. 16−18; Мельник М. В., Когденко В. Г. Анализ интегрированной отчетности: природный капитал // Экономический анализ: теория и практика. – 2016. – № 4 (451). – С. 72−84; Пухова У. М. «Природный капитал» как часть составляющего природных ресурсов // Фундаментальные исследования. – 2008. – № 2. – С. 130−132.

[2] Costanza R., Daly H. Natural capital and sustainable development // Conservation biology. – 1992. – No. 6. – P. 37−46.

[3] Новый взгляд на богатство народов. Индикаторы экологически устойчивого развития / Дж. Диксон, Ж. Бэккес, К. Гамильтон и др. – 2-е изд. – М.: Весь мир, 2003. – 127 с.

[4] Малиновская Н. В. Концепция множественности капиталов в интегрированной отчетности // Международный бухгалтерский учет. – 2018. – Т. 21, № 6 (444). – С. 700−713.

[5] Мишулина С. И. К вопросу об экономической оценке природного капитала региона рекреационно-туристской специализации // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2008. – № 3. – С. 65−70.

[6] Центральная основа Системы природно-экономического учета, 2012 г. – Нью-Йорк: ООН, 2017. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/WMZATXIc/seea_cf_final_ru.pdf (дата обращения: 15.02.2023).

спективным, однако процесс ее внедрения в российскую статистическую практику еще не завершен[1], что не позволяет обратиться к показателям счетов в рамках данного исследования.

В то же время доступны данные об особенностях локализации некоторых видов природных ресурсов: земельных, лесных, водных (информация Федеральной службы государственной статистики[2]), а также полезных ископаемых (государственный доклад «О состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации»[3]). Поскольку, как отмечалось ранее, ресурсы, составляющие основу природного капитала, достаточно разнообразны (что определяет возможность наличия специфики размещения каждого из них), имеет смысл уделить внимание сразу нескольким их типам, использовав в рамках анализа следующие показатели:

– земельная площадь сельскохозяйственных угодий, тыс. га;

– общий запас древесины, млн м^3;

– запасы нефти, млрд т;

– запасы железных руд, млрд т.

Производственный капитал. Трактовка производственного капитала тесно связана с понятием «воспроизводственный процесс»[4], специфика реализации которого во многом определяет экономическую эффективность хозяйственной системы. Так, в самом общем виде производственный капитал может пониматься как основа воспроизводственного процесса – совокупность тех ресурсов производства (их качественных и количественных параметров), которые определяют возможности общества в сфере создания благ; в числе таких ресурсов – орудия труда, элементы инфраструктуры[5]. В рамках такого подхода акцент делается на постоянно используемых в ходе производственной деятельности активах, постепенно переносящих свою стоимость на создаваемый продукт. Схожего понимания придерживаются и авторы, рассматривающие производственный капи-

---

[1] Фоменко Г. А., Фоменко М. А. Основные подходы и особенности разработки информационно-аналитических систем обеспечения устойчивого развития территорий на основе стандарта природно-экономического учета // Географическая среда и живые системы. – 2023. – № 1. – С. 32−43.

[2] Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 15.02.2025).

[3] Государственные доклады / Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации. – URL: https://www.mnr.gov.ru/docs/gosudarstvennye_doklady/ (дата обращения: 14.02.2025).

[4] Зенкина Е. В. Капитал в современном общественном воспроизводстве: эволюция понимания и управление им // Международный научный журнал. – 2023. – № 1 (88). – С. 52−59.

[5] Шафран А. М. Производственный капитал регионов России как фактор формирования их инвестиционного потенциала // Вопросы новой экономики. – 2011. – № 3 (19). – С. 89−95.

тал на мезо- и макроуровне: к его составляющим относят физические объекты[1], служащие материально-технической основой процесса производства, – основные производственные фонды[2].

Несколько шире производственный капитал трактуется в случаях, когда речь идет об отдельных хозяйствующих субъектах: под производственным капиталом понимают «совокупность производственных, материально-вещественных ценностей, участвующих в процессе производства длительное время и выступающих в роли предметов и средств труда»[3], совокупность «основных производственных фондов, оборотных средств и их структурных элементов»[4]. В этом случае к элементам производственного капитала относят не только здания, машины, единицы оборудования, включенные в хозяйственные процессы, но и сырье, топливо и т. п.

В рамках проводимого исследования особого внимания заслуживают именно основные фонды, которые находятся в распоряжении действующих на рассматриваемой территории участников хозяйственных процессов. При этом необходимо отметить, что качественные характеристики используемых в ходе осуществления экономической деятельности основных фондов могут отличаться друг от друга. Наиболее показательной характеристикой состояния объектов является степень их износа, поэтому имеет смысл исключить из анализа полностью изношенные основные фонды, несколько трансформировав показатель, традиционно используемый для оценки величины производственного капитала, – стоимость основных фондов (за вычетом стоимости полностью изношенных), млн р.

Финансовый капитал. В научный оборот понятие «финансовый капитал» было введено еще в начале XX века: Р. Гильфердинг понимал под ним капитал, находящийся в распоряжении банков и применяемый в процессе производства[5]. Комментируя данный

---

[1] Денисова О. А. Физический капитал регионов России: диагностика и перспективы развития // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. – 2012. – № 44 (303). – С. 33−43.

[2] Кетова К. В., Касаткина Е. В., Насридинова Д. Д. Прогнозирование показателей социально-экономического развития региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 4 (28). – С. 104−120; Особенности воспроизводства регионального капитала: сущность, подходы к оценке, методы управления / Е. В. Жирнель, О. В. Зданович, Е. Г. Немкович и др. – Петрозаводск: ИЭ КарНЦ РАН, 2008. – 136 с.

[3] Киселева А. В. Производственный капитал организации и его модернизация // Управленческий учет. – 2023. – № 12-1. – С. 125.

[4] Алферина О. Н. Комплексная оценка использования производственного капитала предприятия // Управленческий учет. – 2021. – № 3-2. – С. 394.

[5] Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма. – М.: Либроком, 2016. – 480 с.

подход, В. И. Ленин отмечал значимость финансового капитала для концентрации производства, обуславливающую формирование монополий, и неразрывность его связи с промышленным капиталом[1]. При этом авторы классических работ, делая в своих исследованиях акцент на то значение, которое финансовый капитал (и другие виды капитала) имеет для хозяйственной системы и особенностей распределения ресурсов в обществе, уделяли гораздо меньше внимания содержательным характеристикам рассматриваемой категории (в качестве ее основы представали денежные средства, ценные бумаги и банковские активы).

Современные трактовки зачастую не вступают в противоречие со звучавшими ранее определениями. Так, Л. И. Черникова и А. В. Суворов понимают под финансовым капиталом «капитал банковских и небанковских финансовых институтов, консолидированный с капиталом промышленности и других отраслей экономики»[2], Е. А. Баркова называет финансовым капиталом «сращенную форму монополистического банковского и монополистического промышленного капитала»[3], Н. В. Кулаков обращает внимание на денежную форму ресурсов, составляющих финансовый капитал, отмечая также, что он «формируется за счет разнообразных источников, которыми могут выступать собственные средства, средства, генерируемые на фондовом рынке, учредительные и паевые взносы, бюджетные средства и т. п., полученные безвозмездно, заемные средства на условиях срочности, возвратности и платности, а также на фондовом и страховом рынках»[4]. Таким образом, подход к идентификации составляющих финансового капитала тоже не претерпел значительных изменений (содержание во многом определяется сущностью понятия «финансы»): в его состав включают все многообразие финансовых ресурсов (общественного и корпоративного секторов экономики, а также домохозяйств)[5].

Такое широкое понимание сути финансового капитала оправдано при его рассмотрении в качестве одного из элементов территориального капитала: представляется важ-

---

[1] Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. – 5-е изд. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1969. – Т. 27. – 643 с.

[2] Черникова Л. И., Суворов А. В. Финансовый капитал как составляющая современного национального капитала // Российское предпринимательство. – 2009. – № 9-1. – С. 31−35.

[3] Баркова Е. А. Формирование финансового капитала в российской экономике: функциональный подход: автореф. дис. … канд. экон. наук: 08.00.01. – Оренбург, 2016. – С. 6.

[4] Кулаков Н. В. Система управления финансовым капиталом предприятий и ее основные элементы // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2022. – № 2 (36). – С. 18.

[5] Печаткин В. В. Инструментарий оценки регионального богатства и возможность его использования в практике территориального управления // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2014. – № 2 (149). – С. 59.

ным учесть различные типы активов, принадлежащих физическим и юридическим лицам, аккумулированных в территориальных бюджетах. Следовательно, имеет смысл обратиться к следующим индикаторам:

– доходы консолидированного бюджета, млн р.;

– сальдированный финансовый результат деятельности организаций, млн р.;

– вклады (депозиты) юридических и финансовых лиц в рублях, привлеченные кредитными организациями, млн р.

Культурный капитал. Понятие культурного капитала территории неразрывно связано с характеристиками локализованных на ней сообществ: именно люди обеспечивают сохранение нематериального культурного наследия, выполняют функции его носителей[1]. Однако в контексте рассмотрения территориального капитала культурная составляющая имеет привязку не столько к характеристикам населения, сколько к параметрам окружающей их среды[2]: территория выступает местом локализации комплекса культурных и исторических объектов, несущих в себе частицу культурного кода места, а также позволяющих оценить культурный потенциал сообщества.

Следует учитывать, что понятие «культура» представляется весьма многогранным, имеющим отношение к различным аспектам творческой деятельности, ценностям и нормам поведения[3], и в силу этого с трудом поддается количественному выражению. При этом, говоря о «культурном поле» города, региона или страны в целом и тех институтах, которые его формируют, авторы отмечают особую роль образовательных учреждений, театров, библиотек и других объектов[4], способствующих сохранению культурного наследия, воспитанию художественного вкуса населения, развитию его креативности, духовного и интеллектуального потенциала. На значимость учета базовых элементов культурной инфраструктуры при оценке территориального капитала также обращает внимание

---

[1] Мартыненко И. Э. Правовая охрана нематериального культурного наследия государств – участников СНГ на международном и национальном уровнях // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2017. – № 2 (29). – С. 282−293.

[2] Danielewicz J., Turala M. Territorial capital as a determinant of development processes in functional areas // Acta universitatis lodziensis folia oeconomica. – 2016. – Vol. 2, no. 319. – P. 55−68.

[3] Сергеев С. К. Культура и творчество: о современной методологии исследования // Творчество и современность. – 2016. – № 1 (1). – С. 134−139.

[4] Трифонова З. А. Социокультурный потенциал городов России (на примере центров национальных субъектов Федерации): автореф. дис. … д-ра геогр. наук: 25.00.24. – Пермь, 2014. – 36 с.

М. А. Антонова в своем исследовании, посвященном рассмотрению методологического инструментария измерения социокультурного потенциала региона[1].

Действительно, наличие (и востребованность) на территории таких институций, как театры, музеи (выступающие в том числе трансляторами локального культурного наследия), можно рассматривать как индикаторы, подходящие для получения представления об имеющемся культурном капитале, однако представляется важным также уделить внимание тому интересу, который проявляют к территории жители других регионов или стран. Туристический потенциал места во многом определяется наличием объектов и явлений культурного наследия, имеющих как материальные (памятники истории, архитектурные сооружения и т. п.), так и нематериальные формы существования (обряды, традиции и т. д.)[2], что делает возможным отнесение количества туристов, которые посещают эту территорию, к числу характеристик состояния ее культурного капитала.

Таким образом, в перечень показателей, заслуживающих внимания в контексте проводимого исследования, следует включить:

– численность зрителей театров, тыс. чел.;

– число посещений музеев, тыс. чел.;

– численность размещенных в коллективных средствах размещения лиц, тыс. чел.

Экологический капитал чаще всего понимается как структурный элемент природного капитала[3], характеристики которого определяются параметрами окружающей среды. При этом его составляющими могут быть названы такие ресурсы экосистемы, которые способны сохранять и воспроизводить экологическое равновесие и связанные с ним экологические блага[4]. В то же время в центре внимания исследователей могут нахо-

---

[1] Антонова М. А. Подходы к оценке социокультурного потенциала региона // Вопросы территориального развития. – 2013. – № 3 (3). – С. 1−10.

[2] Климанова О. А., Тельнова Н. О. Природный и историкокультурный потенциал региона как основа формирования туристского образа территории // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2008. – № 4. – С. 49−55.

[3] Неверов А. В., Масилевич Н. А., Равино А. В. Воспроизводство экологического капитала: концепция и стоимостные инструменты реализации // Труды БГТУ. Серия 5: Экономика и управление. – 2020. – № 1 (232). – С. 48−56; Bahedh H. A., Yatsukhno V. M. Ecosystem accounting of forests in sustainable environmental management: basic content and development // Journal of the belarusian state university. Ecology. – 2024. – № 2. – P. 79−85.

[4] Масилевич Н. А. Экологический капитал как экономическая категория // Культура и экология – основы устойчивого развития России. Зеленый мост через поколения материалы междунар. форума (Екатеринбург, 12−15 апреля 2019 г.). – Екатеринбург: УрФУ, 2019. – Ч. 1. – С. 190−192; Barbier E. B. Sustainability and development // Annual review of resource economics. – 2016. – Vol. 8, iss. 1. – P. 261−280.

диться экологические факторы, оказывающие воздействие на развитие социально-экономических комплексов (например, экологическое благополучие территорий)[1].

Следовательно, оценивать экологический капитал тоже можно по-разному: через стоимость природных ресурсов (с использованием теории экологической ренты)[2] или на основе измерения показателей, позволяющих определить состояние окружающей среды и выявить взаимосвязь между экологическими проблемами и социально-экономическими характеристиками[3]. Второй подход получил распространение в разработках специализированных учреждений ООН и Всемирного банка: основой значительного количества методик, призванных служить инструментом мониторинга особенностей развития национальных систем, является учет экологического фактора (индекс экологической эффективности[4], индекс «живой планеты»[5] и т. д.).

В рамках проводимого исследования особый интерес представляет именно оценка состояния окружающей среды в разных точках пространства (специфике локализации природных ресурсов, хотя и без обращения к теории экологической ренты, внимание уделяется при анализе природного капитала). При этом использование в качестве основы такой оценки одной (или нескольких) из разработанных международными организациями методик затруднено несопоставимостью масштабов объектов исследования, что влияет и на доступность необходимых показателей. Однако перспективным видится обращение к данным, опубликованным в бюллетене «Основные показатели охраны окружающей среды»[6]: они позволяют получить представление об экологических проблемах российских территорий, в том числе характерных для отдельных субъектов Российской Федерации. Внимания заслуживают различные типы сред, что определяет набор рассматриваемых индикаторов:

– объем выбросов загрязняющих атмосферу веществ стационарными источниками, тыс. т;

---

[1] Глазырина И. П. Природный капитал в экономике переходного периода. – М.: НИА-Природа, 2001. – 204 с.

[2] Порядок проведения стоимостной оценки экосистемных услуг и определения стоимостной ценности биологического разнообразия: технический кодекс установившейся практики ТКП 17.02-10-2013. – URL: http://www.ecoinv.by/images/pdf/ tkp_fond/_17.02-10-2012_.pdf (дата обращения: 15.02.2025).

[3] Эколого-экономический индекс регионов РФ. Методика и показатели для расчета / С. Н. Бобылев, В. С. Минаков, С. В. Соловьева, В. В. Третьяков. – М.: РИА Новости, 2012. – 147 с.

[4] Environmental performance index. – URL: https://epi.yale.edu/ (дата обращения: 03.07.2024).

[5] Living planet index. – URL: https://www.livingplanetindex.org/home/index (дата обращения: 03.07.2024).

[6] Основные показатели охраны окружающей среды / Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13294 (дата обращения: 15.02.2025).

– сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты, млн м^3;

– образование отходов производства и потребления, тыс. т.

Образовательный капитал, как правило, относят к числу составляющих человеческого капитала[1], понимая его как множество «экономических, культурных, социальных и символических ресурсов, являющихся основой формирования образовательных стратегий определенных групп населения»[2]. Такое системное и широкое понимание образовательного капитала обуславливает значительный интерес к его измерению в контексте выявления закономерностей трансформации социально-экономических параметров территорий[3] и территориальных сообществ[4].

Определяя параметры, характеризующие состояние ресурсов, включаемых в состав образовательного капитала стран и регионов, исследователи принимают во внимание два аспекта. С одной стороны, акцент делается на степени развитости образовательной системы, которая отражает масштаб формирования образовательного капитала, а с другой – на величине кадрового потенциала рабочей силы, который характеризует особенности использования имеющегося капитала. Так, И. А. Гурбан включает в число индикаторов, определяющих параметры развития образовательного капитала регионов России в рамках ресурсного подхода, охват населения профессиональным образованием и кадровый капитал системы профессионального образования[5]; О. В. Забелина и ее коллеги обозначают такие показатели, как «доля студентов высшего профессионального образования в общей численности жителей» и «численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками в общем количестве занятых»[6]; о необходимости

---

[1] Кетова К. В., Русяк И. Г., Вавилова Д. Д. Математическое моделирование и нейросетевое прогнозирование структуры и динамики человеческого капитала Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. Управление, вычислительная техника и информатика. – 2020. – № 53. – С. 13−24.

[2] Буланова М. Б. Теоретико-методологические подходы к изучению образовательного капитала интеллигенции // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. – 2017. – № 3 (9). – С. 28.

[3] Capello R., Fratesi U. Modelling regional growth: an advanced MASST model // Spatial economic analysis. – 2012. – Vol. 7, iss. 3. – P. 293−318.

[4] Приходько Е. А. Образовательный капитал: методологические и методические особенности исследования // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. – 2025. – № 17. – С. 59−64; Basit T. N. Educational capital as a catalyst for upward social mobility amongst British Asians: a three-generational analysis // British educational research journal. – 2013. – Vol. 39, iss. 4. – P. 714−732.

[5] Гурбан И. А. Состояние образовательного капитала регионов России: анализ, проблемы и пути решения // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. – 2012. – № 6. – С. 116−127.

[6] Забелина О. В., Козлова Т. М., Романюк А. В. Человеческий капитал региона: проблемы сущности, структуры и оценки // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. – 2013. – № 4. – С. 59−64.

учета показателей, отражающих ситуацию в сфере высшего образования[1] и уровень квалификации рабочих[2], при оценке образовательного капитала территории также говорят зарубежные исследователи.

Эти составляющие – количество лиц, получающих высшее образование, и количество лиц, имеющих высшее образование, – представляется важным учесть и в рамках проводимого исследования, тогда как параметры, связанные с готовностью населения (или отдельных групп людей) к научной или творческой деятельности (например, число исследователей), уместнее рассматривать при оценке других составляющих территориального капитала (они связаны не столько с уровнем образования, сколько с творческими способностями и научно-исследовательским потенциалом общества). Таким образом, к числу рассматриваемых индикаторов следует отнести:

– численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры (на начало учебного года), тыс. чел.;

– численность занятых с высшим образованием, тыс. чел.

Творческий (креативный) капитал в современных условиях многими авторами признается важнейшим фактором конкурентоспособности[3]. Именно идеи, являющиеся результатом творческих процессов, лежат в основе инновационного развития, позволяют определять оптимальные пути решения проблем во всех сферах хозяйственной деятельности и представляют собой ценный ресурс любого территориального сообщества. При этом ценность идей на этапе их появления, их значимость для социального и экономического развития территории не очевидны: их сложно зафиксировать, измерить, ими сложно управлять. Это делает творческий капитал сложным для изучения объектом. Ученые пока не пришли к единому мнению о том, из каких элементов он состоит, какая методика может стать основой для его оценки, какую политику следует осуществлять в интересах его развития.

---

[1] Wu S., Tang W., Fu Q., Xu Y. The “educational capital” of corporate boards and initial public offering pricing: evidence from the US initial public offerings // Managerial and decision economics. – 2024. – Vol. 45. P. 1756−1772.

[2] Chau N. H., Stark O. Migration under asymmetric information and human capital formation // Review of international economics. – 1999. – Vol. 7, iss. 3. – P. 455−483.

[3] Меленкин В. Л. Концепция креативного капитала: от элитарности к универсальности // Экономика и экология территориальных образований. – 2024. – Т. 8, № 1. – С. 13−18; Растворцева С. Н., Корбанкова А. П. Оценка и перспективы развития креативного капитала в регионах Франции // Современная Европа. – 2021. – № 1 (101). – С. 74−85; Cerisola S., Panzera E. Cultural and creative cities and regional economic efficiency: context conditions as catalyzers of cultural vibrancy and creative economy // Sustainability. – 2021. – Vol. 13. – Article no. 7150.

Тезис о тесной связи творческого капитала сообществ с развитием экономических систем, в рамках которых они действуют, был подробно раскрыт в целом комплексе работ, закрепивших в экономической науке такие термины, как «креативная экономика», «творческие (креативные) индустрии», «творческий (креативный) класс». Так, Дж. Хоукинс, размышляя об особенностях экономики будущего, выделил знаковые для нее отрасли и сферы, отнеся к ним те, итогом функционирования которых являются оригинальные разработки, новые технологии, интеллектуальная собственность (наука, искусство, культура, цифровые технологии и т. п.)[1]. Ч. Лэндри подчеркнул важность использования творческих подходов в процессе развития мест локализации сообществ – городов, превратив тем самым креативность в атрибут пространства, сделав ее свойством среды, сложившейся в границах определенной территории[2]. В исследованиях Р. Флориды творческая способность выступила не просто категорией, позволяющей по-новому взглянуть на особенности организации процессов воспроизводства в меняющихся условиях, а объектом количественной оценки: им была предложена концепция «трех Т» – параметров, позволяющих охарактеризовать уровень креативности территориальных единиц (метрополитенских ареалов). Под «тремя Т» понимались талант (образовательный и исследовательский потенциал сообщества), технологии (уровень развития инноваций) и толерантность (уровень терпимости к социальным и национальным меньшинствам)[3]. Хотя ряд выводов Р. Флориды, а также предложенные им показатели вызвали вполне обоснованную критику в научном сообществе[4], сама идея «оцифровки» творческого капитала представляет несомненный интерес, а подход получил развитие не только в значительном количестве научных работ[5], но и в комплексных методиках, призванных оценить креативность территории. Например, с использованием концепции «трех Т» была разработана методология индекса креативного капитала (creative capital index), подготовленная фондом Calvert

[1] Howkins J. The creative economy. How people make money from ideas. – London: Penguin Global, 2002. – 288 p.

[2] Landry C. The creative city. A toolkit for urban innovators. – Abingdon: Routledge, 2008. – 352 p.

[3] Florida R. The rise of the creative class. – New York: Basic Books, 2014. – 512 p.

[4] Shearmur R. The new knowledge aristocracy: the creative class, mobility and urban growth // Work, organization and labour. – 2006. – Vol. 1. – P. 31−47.

[5] Володина Л. В. Индексы креативного капитала в структуре имиджа территории // Социогуманитарные коммуникации. – 2024. – № 4 (10). – С. 106−111; Fritsch M., Stuetzer M. The geography of creative people in Germany / M. Fritsch // International journal of foresight and innovation policy. – 2009. – Vol. 5. – P. 7−23; Jablonski M. Interdependence among creativity, education, and job experience: a municipal company in Poland // Central European management journal. – 2019. – Vol. 27. – P. 48−70.

22 и PwC[1]. Разработчики дополнили параметры, позволяющие оценить образовательный, инновационный потенциал территориальных сообществ, характеристики их открытости, показателями, учитывающими степень развития культурной, социальной, бизнес-инфраструктуры, особенности политики, проводимой местными властями, а также имидж территории.

Говоря о наиболее значимых для оценки творческого капитала параметрах, исследователи уделяют внимание степени развитости креативных индустрий (таких как искусство, культура, дизайн, медиа, цифровые технологии), несущих в себе потенциал создания добавленной стоимости и рабочих мест путем производства и эксплуатации интеллектуальной собственности[2], или индикаторам, свидетельствующим о высокой творческой активности сообществ, таким как патентная активность[3], доля высокопрофессиональных сотрудников[4] и др. Перспективным также является объединение двух этих подходов в интересах получения более комплексного представления об особенностях происходящих на территории креативных процессов (это предполагает включение в базу данных информации, содержащейся в сборнике «О численности и потребности организаций в работниках по профессиональным группам»[5], который содержит сведения о количестве высокопрофессиональных работников – руководителей и специалистов высшего уровня квалификации). Следовательно, к числу показателей, которым необходимо уделить внимание, могут быть отнесены:

– подано патентных заявок (на изобретения и полезные модели), ед.;

– численность персонала, занятого исследованиями и разработками, чел.;

– количество высокопрофессиональных работников, чел.

---

[1] Creative capital index. – URL: https://www.pwc.ru/en/publications/creative-capital-index.html (дата обращения: 14.02.2024).

[2] Каверина Н. А., Гретченко А. И., Гретченко А. А. Современное развитие креативных индустрий в России (опыт столицы и регионов) // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2019. – № 1 (75). – С. 58−64.

[3] Kozina J., Bole D. The impact of territorial policies on the distribution of the creative economy: tracking spatial patterns of innovation in Slovenia // Hungarian geographical bulletin. – 2018. – Vol. 67, iss. 3. – P. 259−273.

[4] Kravchenko L. A., Troyan I. A., Liu X. Theoretical aspects of the formation and development of creative capital // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. – 2023. – No. 2 (63). – P. 139−150; Montalto V., Panella F., Sacco P. L. What does Brexit mean for UK cultural and creative cities? // European urban and regional studies. – 2021. – Vol. 28, iss. 1. – P. 47−57.

[5] О численности и потребности организаций в работниках по профессиональным группам / Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13266 (дата обращения: 15.02.2025).

Капитал здоровья – еще одна важная составляющая человеческого капитала[1], которую, тем не менее, имеет смысл рассматривать отдельно от него: как справедливо отмечает И. В. Розмаинский со ссылкой на М. Гроссмана, «запас знания, которым обладает человек, влияет на его производительность, в то время как запас его здоровья определяет суммарное количество времени, которое он сможет потратить, зарабатывая деньги и производя товары»[2]. При таком подходе капитал здоровья может трактоваться как условие использования человеческого капитала. Однако здоровье имеет смысл понимать и как потребительское благо (оно может быть получено благодаря обращению к услугам организаций сферы здравоохранения), выступающее средством получения прибыли[3], т. е. как ресурс, который обладает своей нормой капитализации.

Оценка запасов данного типа ресурса представляет сложность даже в отношении отдельного индивида. Если же речь идет о характеристике территориальной системы, в границах которой локализовано множество лиц, отличающихся друг от друга уровнем здоровья, измерения могут быть выполнены только с помощью косвенных индикаторов. Определяя параметры капитала здоровья страны или региона, исследователи фокусируют внимание на таких показателях, как естественный прирост населения[4], уровень смертности (по основным классам заболеваний)[5], ожидаемая продолжительность жизни[6], заболе-

---

[1] Рожкова Е. В., Сухарев С. О., Качагин А. А. Капитал здоровья как основа человеческого капитала: социально-культурные аспекты регенерации // Финансовый бизнес. – 2024. – № 7 (253). – С. 49–51; Прохорова В. В., Медведева О. В. Капитал здоровья как первооснова человеческого капитала // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. – 2019. – № 3 (245). – С. 84–92.

[2] Розмаинский И. Почему капитал здоровья накапливается в развитых странах и «проедается» в постсоветской России? (Опыт посткейнсианского анализа) // Вопросы экономики. – 2011. – № 10. – С. 113−131.

[3] Карпова Г. В., Судова Т. Л., Ширшикова М. С. Здоровье как капитал: проблемы сущности или терминологии? // Проблемы современной экономики. – 2024. – № 3 (91). – С. 72–74.

[4] Федонина О. В. Состояние человеческого капитала (капитал здоровья) как фактор инновационного развития территории // Общество: политика, экономика, право. – 2015. – № 1. – С. 33–35; Форрестер С. В., Веревкина Д. С. Капитал здоровья как составляющая человеческого капитала в современных условиях // Интернет-журнал «Науковедение». – 2016. – Т. 8, № 6 (37). – URL: http://naukovedenie.ru/PDF/18EVN616.pdf (дата обращения: 14.11.2024).

[5] Форрестер С. В., Веревкина Д. С. Капитал здоровья как составляющая человеческого капитала в современных условиях // Интернет-журнал «Науковедение». – 2016. – Т. 8, № 6 (37). – URL: http://naukovedenie.ru/PDF/18EVN616.pdf (дата обращения: 14.11.2024).

[6] Егорова Е. О. Капитал здоровья как компонента человеческого капитала // Экономика России в XXI веке: сб. науч. тр. XII Всерос. науч.-практ. конф. (Томск, 17–21 ноября 2015 г.): в 2 т. – Томск: ТПУ, 2015. – Т. 1. – С. 387–392; Ишмуратов Р. Р., Мальганова И. Г., Хабибуллин Т. М., Ермаков А. М. Капитал здоровья как стратегическая составляющая экономической безопасности России // Вестник экономики, права и социологии. – 2013. – № 3. – С. 46–51; Розмаинский И. Почему капитал здоровья накапливается в развитых странах и «проедается» в постсоветской России? (Опыт посткейнсианского анализа) // Вопросы экономики. – 2011. – № 10. – С. 113–131; Федонина О. В. Состояние человеческого капитала (капитал здоровья) как фактор инновационного развития территории // Общество: политика, экономика, право. – 2015. – № 1. – С. 33–35.

ваемость[1]; внимание также уделяется расходам, которые направляются на сохранение здоровья населения[2]. При этом в поле зрения ученых не попадают индикаторы оценки степени развития системы здравоохранения (мощность амбулаторно-поликлинических учреждений, число больничных коек и т. д.): они характеризуют условия, способствующие (или препятствующие) сохранению и накоплению капитала здоровья, однако их связь с его величиной носит слишком опосредованный характер. Параметры естественного прироста, как и масштабы убыли населения без учета причин, приведших к смерти, также сложно назвать показательными в отношении имеющегося на территории капитала здоровья: на их значения влияет целый ряд факторов, не связанных с самочувствием населения и имеющимися у людей заболеваниями.

Исходя из всего вышесказанного, имеет смысл обратить внимание на следующие показатели:

– количество заболевших (диагноз, установленный впервые в жизни), тыс. чел.;

– количество умерших (без учета смертности от внешних причин), тыс. чел.

Отношенческий капитал, репутационный капитал. Об отношенческом капитале исследователи чаще всего говорят в контексте обсуждения структурных элементов интеллектуального капитала системы[3], который, в свою очередь, может трактоваться как нематериальный ресурс ее инновационного развития[4]. При этом понятие «отношенческий капитал» понимается достаточно однозначно – через совокупность тех отношений, которые связывают изучаемый объект с внешней средой[5]: «отношенческий капитал региона основывается на формировании и поддержании высококачественных отношений

---

[1] Егорова Е. О. Капитал здоровья как компонента человеческого капитала // Экономика России в XXI веке: сб. науч. тр. XII Всерос. науч.-практ. конф. (Томск, 17–21 ноября 2015 г.): в 2 т. – Томск: ТПУ, 2015. – Т. 1. – С. 387−392; Федонина О. В. Состояние человеческого капитала (капитал здоровья) как фактор инновационного развития территории // Общество: политика, экономика, право. – 2015. – № 1. – С. 33−35.

[2] Егорова Е. О. Капитал здоровья как компонента человеческого капитала // Экономика России в XXI веке: сб. науч. тр. XII Всерос. науч.-практ. конф. (Томск, 17–21 ноября 2015 г.): в 2 т. – Томск: ТПУ, 2015. – Т. 1. – С. 387−392.

[3] Андреева Т., Гаранина Т. Влияние интеллектуального капитала на результаты деятельности российских производственных компаний // Форсайт. – 2017. – Т. 11, № 1. – С. 31−40; Макаров П. Ю. Системная модель интеллектуального капитала региона // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2015. – № 24 (258). – С. 45−55.

[4] Розе Н. Ш. Структурно-функциональная модель интеллектуального капитала на микро-, мезо- и макроуровнях // Российские регионы в фокусе перемен: сб. докл. XII Междунар. конф. (Екатеринбург, 16−18 ноября 2017 г.). – Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2018. – Ч. 2. – С. 31−45.

[5] Строев В. В., Ломовцева О. А. Санкционная экономика: сила «слабых связей» российского менеджмента // Вестник университета. – 2023. – № 2. – С. 174−180.

с внешними и внутренними контрагентами региона»[1], «отношенческий капитал фирмы представляет собой систему отношений с клиентами и потребителями, направленную на максимально полное удовлетворение их потребностей»[2].

Ряд авторов отождествляет отношенческий капитал с социальным[3], клиентским[4], репутационным[5]. Это может быть оправдано в контексте предложения некоторых вариаций классификации элементов территориального капитала, однако разница между обозначенными типами очевидна: отношенческий капитал представляет собой ценность, которая создается за счет развития отношений системы с ее окружением (вне зависимости от специфики тех субъектов, которые включены в эти отношения).

Такой подход обуславливает сложность количественной интерпретации отношенческого капитала. Если речь идет о микроуровне (например, об оценке отношенческого капитала отдельной фирмы), то в качестве возможных индикаторов могут выступать расходы хозяйствующего субъекта на организацию взаимодействия с клиентами, поставщиками и иными партнерами, в том числе потенциальными. Например, к ним могут быть отнесены затраты на поддержание и развитие сайта организации, на поддержание системы внешнего документооборота, оплата подписки на услуги формирования налоговой отчетности[6] и др.

Измерение отношенческого капитала территории представляется гораздо более сложной задачей. П. Ю. Макаров объясняет это тем, что отдельные составляющие отношенческого капитала самостоятельно не влияют на ситуацию, складывающуюся в регионе (стране): чаще всего они характеризуют результаты развития территориального социально-экономического комплекса и, следовательно, могут быть измерены с помощью интегральных характеристик привлекательности территории (например, уровня инвестици-

---

[1] Хузина Н. Ш. Структура интеллектуального капитала региона // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2016. – № 5. – С. 54.

[2] Экономика и управление интеллектуальным капиталом / А. Э. Сулейманкадиева, И. А. Садырин, О. Ю. Сыроватская и др. – СПб.: СПбЭГУ, 2020. – С. 14.

[3] Киреева В. В. Оценка интеллектуального капиталакак фактора развития региона // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2015. – Т. 191, № 2. – С. 239−254.

[4] Экономика и управление интеллектуальным капиталом / А. Э. Сулейманкадиева, И. А. Садырин, О. Ю. Сыроватская и др. – СПб.: СПбЭГУ, 2020. – 183 с.

[5] Rodrigues H. S., Jardon C. M. F., Dorrego P. F. Relation between intellectual capital and the product process innovation // International journal of knowledge-based development. – 2015. – Vol. 6, iss. 1. – P. 15−33.

[6] Деглес Хани С. М., Кельчевская Н. Р. Оценка инвестиций в интеллектуальный капитал промышленного предприятия на основе показателей результативности и расширенного VAIC // Лидерство и менеджмент. – 2020. – Т. 7, № 4. – С. 509−530.

онной привлекательности)[1]. К параметрам, определяющим состояние отношенческого капитала территории, также относят количество ее постоянных экономических партнеров и качество отношений с ними[2], долю экспорта высокотехнологичной продукции в ВРП и долю получающих дополнительное образование за рубежом[3]. Перспективным также представляется учет показателей, характеризующих совместные с другими территориями проекты (хотя очевидно, что в случае акцента на долгосрочные межрегиональные и межмуниципальные связи из поля зрения исследователей выпадает множество форм взаимодействия между отдельными хозяйствующими субъектами; кроме того, особого внимания при таком подходе заслуживает выработка критериев отбора проектов, которые следует проанализировать).

С отношенческим капиталом тесно связан репутационный: репутация субъекта представляет собой важный актив развития, создавая основу для его позитивного восприятия окружающими, определяет заинтересованность потенциальных партнеров во взаимодействии с ним. Как отмечает Е. А. Шабанова, репутация под воздействием ряда факторов способна создавать дополнительную стоимость, влияя тем самым на конкурентоспособность своего носителя[4] и выступая в роли значимой составляющей того капитала, которым этот носитель владеет.

Особое развитие концепция репутационного капитала получила в исследованиях деятельности бизнес-структур[5], также целый комплекс работ посвящен репутационному капиталу высших учебных заведений[6]. При этом предлагаемые дефиниции репутационного капитала весьма близки друг к другу: авторы отмечают его нематериальность, спо-

---

[1] Макаров П. Ю. Механизм управления интеллектуальным капиталом региона как фактором экономического роста // XVI Всероссийский конкурс научных работ молодежи «Экономический рост России». – 2013. – URL: https://veorus.ru/деятельность/всероссийский-конкурс-научных-работ-молодежи/XVI-конкурс-в-2013-году/Makarov%20P.Yu.-EGR-2013.pdf (дата обращения: 18.04.2024).

[2] Хузина Н. Ш. Структура интеллектуального капитала региона // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2016. – № 5. – С. 52−57.

[3] Макаров П. Ю. Механизм управления интеллектуальным капиталом региона в интересах инновационного развития: автореф. дис. … канд. экон. наук: 08.00.05. – Владимир, 2012. – 23 с.

[4] Шабанова Е. А. Репутационный капитал компании: объем и содержание понятия // Университетские чтения – 2016: материалы науч.-метод. чтений ПГЛУ (Пятигорск, 14–15 января 2016 г.), ч. X. – Пятигорск: ПГЛУ, 2016. – С. 121–125.

[5] Озеров С. Л., Филина Ю. С., Жусипова Э. Е. Репутационный капитал и менеджмент репутационного капитала компании // Региональная экономика. Юг России. – 2024. – Т. 12, № 1. – С. 127–139; Якушев А. Ж., Филина Ю. С., Айтымбетова А. Н., Мельников А. С. Система корпоративной репутации компании // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2023. – Т. 3, № 11 (140). – С. 11–28.

[6] Камалова А. А. Репутационный капитал научно-образовательных организаций в современных условиях: управленческий аспект // Экономика и менеджмент систем управления. – 2022. – № 4 (46). – С. 22–28; Резник С. Д., Юдина Т. А. Репутационный менеджмент в системе управления высшим образованием России: проблемы и решения. – Пенза: ПГУАС, 2019. – 164 с.

собность повышать эффективность деятельности субъекта, который обладает этим капиталом. Так, И. И. Решетникова отождествляет его с «результатом восприятия, знания и доверия к действиям компании в рыночных условиях, который вырастает из ее имиджа, репутации, социальной ответственности бизнеса, отношений потребительской лояльности и внутрифирменных отношений персонала»[1], Т. А. Юдина определяет репутационный капитал вуза как совокупность нематериальных активов, увеличивающих его доход и обеспечивающих высокий уровень конкурентоспособности[2]. Однако перечень составляющих капитала, а также набор параметров, которые позволяют эти составляющие оценить, весьма вариативны. Например, акцент может быть сделан на «знание рынка, наличие собственных коммуникационных технологий, учет лояльности стейкхолдеров и повышение качества услуг (товаров, процессов)»[3]; специфику деловой репутации, имиджа и организационной культуры[4]; позиции субъекта в рейтингах, отражающие уровень его конкурентоспособности[5], и т. д.

Репутационный капитал территории также может пониматься как значимый нематериальный актив, способный обеспечить ее устойчивое положение среди прочих территориальных единиц, выступить гарантом привлечения инвестиций в ее экономику[6]. Говоря о репутационном капитале территории, исследователи акцентируют внимание на репутации ее институций (в первую очередь, органов власти[7]), его тесной взаимосвязи с такими категориями, как «доверие», «имидж», «бренд»[8] (при этом его содержание не сво-

---

[1] Решетникова И. И. Репутационный капитал как фактор обеспечения конкурентоспособности российского бизнеса: теория, методология исследования, проблемы формирования и управления в условиях глобализации рынков: автореф. дис. … д-ра экон. наук: 08.00.05. – Волгоград, 2011. – С. 8.

[2] Юдина Т. А. О компонентах и формах репутационного капитала вуза // Журнал исследований по управлению. – 2018. – Т. 4, № 10. – URL: https://naukaru.ru/ru/nauka/article/23730/view (дата обращения: 15.02.2025).

[3] Карпова К. В., Александренко П. Н. Репутационный капитал как основа конкурентных преимуществ // Молодежь и наука: сб. материалов X Юбил. Всерос. науч.-техн. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых с междунар. участием, посвящ. 80-летию образования Красноярского края. – Красноярск: СФУ, 2014. – С. 131−135.

[4] Шабанова Е. А. Репутационный капитал компании: объем и содержание понятия // Университетские чтения – 2016: материалы науч.-метод. чтений ПГЛУ (Пятигорск, 14–15 января 2016 г.), ч. X. – Пятигорск: ПГЛУ, 2016. – С. 121−125.

[5] Базуева Е. В., Сюккя А. А. Активность студенческой молодежи в социально значимой деятельности как репутационный капитал вуза (на примере ПГНИУ) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2020. – № 2 (58). – С. 92−100.

[6] Розанова Н. Н. Репутационный капитал власти как ресурс регионального развития // Вестник государственного и муниципального управления. – 2016. – № 3 (22). – С. 63−68.

[7] Гришин О. Е., Морозова В. В. Репутационный капитал современной России: проблемы формирования и реализации // Проблемы постсоветского пространства. – 2015. – № 3. – С. 84−95.

[8] Важенина И. С. Имидж и репутация территории // Региональная экономика: теория и практика. – 2010. – № 23. – С. 2−12.

дится ни к одной из них), его вкладе в повышение инвестиционной привлекательности территории[1]. Также исследователями предпринимаются попытки формализации репутационного капитала, например, посредством использования контент-анализа для выявления уровня отражения репутационного фона территории в информационном веб-пространстве[2], учета значительного количества показателей, отражающих разные стороны происходящих в ее границах социально-экономических процессов, которые оказывают влияние на восприятие территориальной системы теми, кто ее окружает[3], а также интегральных характеристик, фиксирующих привлекательность территории для инвесторов или ее кредитоспособность[4].

Принимая во внимание тесную связь репутационного и отношенческого капитала и предлагаемые подходы к их измерению, а также учитывая отмеченные ранее аспекты отбора показателей для рассмотрения в рамках проводимого исследования, следует заключить, что особого внимания заслуживает интегральная характеристика всех тех взаимоотношений и статусов, которые определяют развитие территориальных единиц. В качестве такой характеристики может выступать уровень инвестиционной привлекательности региона (о значимости его учета при определении параметров отношенческого и репутационного капитала речь уже шла ранее): она создает «фундамент» для формирования и развития экономических отношений, способствующих наращиванию ценности региональной хозяйственной системы, определяет особенности ее позиционирования. Источником информации о состоянии инвестиционного климата в субъектах РФ могут выступать материалы Агентства стратегических инициатив (АСИ)[5]. Агентство совместно с представителями крупнейших деловых объединений ежегодно формирует рейтинг российских регионов, оценивая усилия властных структур по созданию благоприятных условий ведения бизнеса, привлечению средств в экономику территориальных систем.

---

[1] Розанова Н. Н. Репутационный капитал власти как ресурс регионального развития // Вестник государственного и муниципального управления. – 2016. – № 3 (22). – С. 63−68.

[2] Груничев А. С., Абдукаева А. А. Методологические подходы к формализованной оценке влияния репутационного капитала региона на параметры его инвестиционной активности (на примере Республики Татарстан) // Теоретическая и прикладная экономика. – 2019. – № 2. – С. 10−23.

[3] Сафиуллин М. Р., Груничев А. С., Ельшин Л. А., Курбангалиева Д. Л. Факторный анализ влияния репутационного капитала на экономическую динамику региона // Экономика, предпринимательство и право. – 2020. – Т. 10, № 7. – С. 1989−2004.

[4] Кравчук А. Ю., Тихомирова Е. С. Репутационный капитал региона: вопросы создания и оценки // Ярославский педагогический вестник. – 2010. – Т. 1, № 4. – С. 112−115.

[5] Агентство стратегических инициатив. – URL: https://asi.ru/ (дата обращения: 18.03.2025).

Таким образом, интегральным показателем, характеризующем отношенческий и репутационный капитал регионов, является позиция в национальном рейтинге состояния инвестиционного климата в субъектах РФ.

2. **Затратный подход**. Оценка территориального капитала на этапе его формирования (в рамках затратного подхода) предполагает определение масштабов тех средств, которые необходимо вложить, чтобы на территории появились необходимые для ее дальнейшего развития активы. К таким вложениям в первую очередь относят инвестиции[1], которые по своей природе служат средствами, направляемыми в экономику для сохранения или приращения капитала.

Действительно, сведения об объемах инвестиционных вложений (по сферам, на поддержание функционирования которых они направлены) должны быть подвергнуты анализу в рамках проводимого исследования. Так, для оценки средств, направленных на развитие природного капитала, могут быть использованы данные об объемах инвестиций в такие виды деятельности, как «сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство», «добыча полезных ископаемых»; о вложениях в наращивание финансового капитала территории могут свидетельствовать масштабы инвестиций по виду деятельности «финансовая и страховая деятельность» и т. д.

Учитывая, что важную роль в структуре территориального капитала играют ресурсы, имеющие непосредственное отношение к социальной сфере, внимание следует уделить не только инвестиционным вложениям, но и отдельным статьям бюджетных расходов, связанных, в частности, с удовлетворением потребностей общества, развитием тех активов, которые составляют его основу. Например, данные о расходах бюджета на образование характеризуют масштабы средств, направляемых на развитие образовательного капитала территории; данные о расходах бюджета на здравоохранение – развитие капитала здоровья территории, а данные о расходах на общегосударственные вопросы, связанные с обеспечением деятельности органов власти, действующих на территории, коррелируют с наращиванием отношенческого и репутационного капитала.

Отдельно необходимо отметить важность рассмотрения сведений о расходах, направляемых на охрану окружающей среды (как об индикаторе затрат, призванных со-

---

[1] Арабян К. К. Измерение человеческого капитала // Российское предпринимательство. – 2007. – Вып. 2 (89), № 4. – С. 105−109; Победоносцева В. В., Победоносцева Г. М. Инвестиции в развитие территории Арктической зоны // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2014. – № 5(42). – С. 62а−65.

действовать накоплению экологического капитала территории), – данный показатель учитывает весь объем выделяемых для этих целей средств вне зависимости от источника финансирования.

3. **Доходный подход**. Для оценки эффекта, возникающего вследствие использования территориального капитала, может быть применен достаточно широкий перечень показателей. Значительное количество исследований, посвященных оценке результатов, достигнутых территориальной социально-экономической системой, фокусируется на измерении объемов произведенной продукции[1]; в поле зрения ученых попадают также индикаторы уровня и качества жизни населения[2], характеристики демографических процессов[3]. Учет каждого аспекта (экономического, социального, демографического) представляется значимым: только комплексный взгляд на итоги реализуемых процессов позволяет сделать обоснованный вывод об эффективности использования имеющихся активов.

Все вышесказанное определяет возможность использования в качестве набора индикаторов, характеризующих территориальный капитал на стадии получения результатов от функционирования территориального капитала, следующих показателей:

– валовой региональный продукт, млн р.;

– денежные доходы населения (в месяц), млн р.;

– численность населения, тыс. чел.

Представленные параметры не соотносятся с конкретными составляющими территориального капитала, однако характеризуют совокупный эффект от наличия тех или иных ресурсов на территории и особенностей их использования. Следовательно, их учет позволяет сделать некоторые важные выводы о ценности активов разного типа в современных российских условиях, а также идентифицировать специфические черты организации экономического пространства.

Общий перечень показателей, позволяющих оценить территориальный капитал, представлен в таблице 9.

---

[1] Карпунина Е. К., Колесниченко Е. А. Валовой региональный продукт как основной показатель развития региона // Социально-экономические явления и процессы. – 2008. – № 1 (9). – С. 35−41; Михеева Н. Н. Возможные альтернативы показателю валового регионального продукта // Проблемы прогнозирования. – 2020. – № 1 (178). – С. 32−42.

[2] Слинкова О. К. Уровень и качество жизни населения как результирующие показатели социально-экономического развития регионов // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2012. – № 9 (68). – С. 307−311.

[3] Миролюбова Т. В., Зубарев Н. Ю. Смертность населения как индикатор замедления социально-экономического развития региона // Ars Administrandi (Искусство управления). – 2017. – Т. 9, № 1. – С. 16−31.

Таблица 9 – Показатели для оценки территориального капитала[1]

Показатель	Затратный подход	Ресурсный подход	Доходный подход
Природный капитал	Инвестиции в основной капитал по видам деятельности «сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство», «добыча полезных ископаемых», млн р.	Земельная площадь сельскохозяйственных угодий, тыс. га. Общий запас древесины, млн м^3. Запасы нефти, млрд т. запасы железных руд, млрд т	Валовой региональный продукт, млн р. Денежные доходы населения (в месяц), млн р. Численность населения, тыс. чел.
Производственный капитал	Инвестиции в основной капитал по видам деятельности «обрабатывающие производства», «обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха», млн р.	Стоимость основных фондов (за вычетом стоимости полностью изношенных), млн р.	
Финансовый капитал	Инвестиции в основной капитал по виду деятельности «финансовая и страховая деятельность», млн р.	Доходы консолидированного бюджета, млн р. Сальдированный финансовый результат деятельности организаций, млн р. Вклады (депозиты) юридических и финансовых лиц в рублях, привлеченные кредитными организациями, млн р.	
Культурный капитал	Инвестиции в основной капитал по видам деятельности «деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений», «деятельность гостиниц и ресторанов», млн р.	Численность зрителей театров, тыс. чел. Число посещений музеев, тыс. чел. Численность размещенных в коллективных средствах размещения лиц, тыс. чел.	
Экологический капитал	Расходы на охрану окружающей среды, млн р.	*Объем выбросов загрязняющих атмосферу веществ стационарными источниками, тыс. т.* *Сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты, млн м^3.* *Образование отходов производства и потребления, тыс. т*	
Образовательный капитал	Расходы консолидированного бюджета на образование, млн р. Инвестиции в основной капитал по виду деятельности «образование», млн р.	Численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры (на начало учебного года), тыс. чел. Численность занятых с высшим образованием, тыс. чел.	

[1] Составлено автором.

Продолжение таблицы 9

Показатель	Затратный подход	Ресурсный подход	Доходный подход
Творческий капитал	Инвестиции в основной капитал по виду деятельности «деятельность профессиональная, научная и техническая», млн р.	Подано патентных заявок (на изобретения и полезные модели), ед. Численность персонала, занятого исследованиями и разработками, чел. Количество высокопрофессиональных работников, чел.	
Капитал здоровья	Расходы консолидированного бюджета на здравоохранение, млн р. Инвестиции в основной капитал по виду деятельности «деятельность в области здравоохранения и социальных услуг», млн р.	Количество заболевших (диагноз, установленный впервые в жизни), тыс. чел. Количество умерших (без учета смертности от внешних причин), тыс. чел.	
Отношенческий капитал Репутационный капитал	Расходы консолидированного бюджета на общегосударственные вопросы, млн р. Инвестиции в основной капитал по виду деятельности «деятельность в области информации и связи», млн р.	Позиция в национальном рейтинге состояния инвестиционного климата в субъектах РФ	
Примечание – Курсивом обозначены показатели, большее значение которых означает негативное воздействие на величину территориального капитала.			

Значения каждого обозначенного индикатора имеются в открытом доступе, источниками информации выступают данные Федеральной службы государственной статистики (сборники «Регионы России. Социально-экономические показатели»[1], «О численности и потребности организаций в работниках по профессиональным группам»[2], «Охрана окружающей среды в России»[3], «Инвестиции в России»[4]), а также сведения, содержащи-

[1] Регионы России. Социально-экономические показатели / Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://www.rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204 (дата обращения: 18.03.2025).

[2] О численности и потребности организаций в работниках по профессиональным группам / Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13266 (дата обращения: 18.03.2025).

[3] Охрана окружающей среды в России / Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13209 (дата обращения: 18.03.2025).

[4] Инвестиции в России / Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://www.rosstat.gov.ru/folder/210/document/13238 (дата обращения: 18.03.2025).

еся в государственном докладе «О состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации»[1].

Следует, однако, отметить, что использование перечисленных показателей в интересах оценки пространственного развития экономической системы возможно только на макроуровне (когда единицей анализа выступает субъект РФ), при необходимости исследования пространства отдельного региона (или отдельного муниципалитета) набор индикаторов потребует пересмотра из-за особенностей организации статистического учета.

Выводы по главе 3

Разработана и обоснована интегральная методика оценки пространственного развития экономики, объединяющая методику оценки экономического пространства и методический инструментарий измерения территориального капитала, применение которой позволяет выявить проблемы и перспективы пространственного развития экономических систем разного уровня, систематизировать отдельные территориальные единицы, отличающиеся друг от друга тем местом, которое каждый из них занимает в экономическом пространстве страны.

Методика оценки пространственного развития экономики включает в себя измерение таких характеристик экономического пространства, как его обеспеченность активами, его однородность и уровень его связанности. Особенностью методики является учет как параметров локализации объектов, так и специфики сложившихся на территории социально-экономических условий: каждая характеристика может быть представлена в двух проекциях – социально-экономической и территориальной. Методический инструментарий измерения территориального капитала учитывает наличие в его составе разнородных элементов, требующих использования отличающихся друг от друга подходов к их оценке, а также его способность капитализироваться, что обуславливает изменчивость ценности каждого его актива на разных стадиях его функционирования.

[1] Государственные доклады / Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации. – URL: https://www.mnr.gov.ru/docs/gosudarstvennye_doklady/ (дата обращения: 14.02.2025).

4 Особенности пространственного развития Российской Федерации

Развитие любой системы во многом определяется ее масштабами: они тесно коррелируют с ее структурными свойствами, параметрами управляемости, динамичностью ее изменений. Особенности пространственного развития тоже зачастую обусловлены уровнем сложности той территориальной системы, структура которой подвергается трансформациям.

В рамках настоящей работы под территориями разного уровня понимаются именно разномасштабные системы, отличающиеся уровнем той системы управления, которая призвана обеспечивать их развитие (без учета уровня успешности реализуемых пространственных изменений или уровня социально-экономического развития этих систем), что определяет важность учета действующего в настоящее время подхода к административно-территориальному делению и логики российского законодательства. Политологи обычно выделяют четыре уровня власти: мега- (международные, межгосударственные объединения), макро- (государство), мезо- (субъекты государства) и микро- (муниципии)[1], что в целом соответствует отечественной практике, в которой действуют органы государственной власти (федеральные и региональные) и органы местного самоуправления (уровень муниципальных образований). Таким образом, имеет смысл придерживаться представленного в теоретическом блоке исследования подхода к выделению трех уровней территорий:

– национальный уровень (страна);

– региональный уровень (субъект РФ);

– локальный уровень (муниципальное образование).

В практике российского административно-территориального деления также присутствуют образования, объединяющие несколько субъектов РФ и формирующие, по сути, еще один уровень территорий, которые имеют свои органы управления, – федеральные округа. Хотя их создание не предусмотрено Конституцией России, они не противоречат основному документу страны, и их можно назвать административно-территориальными

[1] Усягин А. В. Проблема уровней в территориальном управлении // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2004. – № 4. – С. 96.

единицами политико-управленческого типа[1]. В то же время их ключевое должностное лицо – полномочный представитель Президента РФ в федеральном округе – отвечает лишь за координацию работы тех федеральных органов исполнительной власти, которые действуют в округе, не осуществляя при этом управление его территорией и, следовательно, не образуя еще один срез территориального управления. В связи с этим добавление уровня макрорегиона (объединения нескольких региональных структур) к трем ранее обозначенным не представляется необходимым, хотя вопросы межмуниципальных и межрегиональных взаимодействий, равно как и вопросы экономического районирования, имеющие непосредственное отношение к формированию и функционированию макрорегионов, имеют большое значение для тематики пространственного развития.

4.1 Проблемы и перспективы пространственного развития национальной экономики

Для Российской Федерации, обладающей колоссальной территорией, отдельные части которой существенно отличаются друг от друга, пространственные аспекты организации хозяйства имеют особое значение. В интересах выявления их специфики возможно использование предложенной ранее интегральной методики оценки пространственного развития экономики.

В качестве анализируемого периода в рамках проводимого исследования принимается 2023 г. Выбор обусловлен доступностью для этого года статистических данных по всем обозначенным индикаторам (в случае, если сбор информации для определения величины показателя ведется не на регулярной основе и данные за 2023 г. недоступны, база для расчетов формируется путем усреднения предшествующего и последующего периодов – 2022 и 2024 гг.). При этом следует отметить, что исследуемый период при рассмотрении всего перечня показателей не меняется (используется статистика за 2023 г.), таким образом, анализ не предполагает выявления особенностей трансформации ресурсов на

[1] Федорец М. Н. Федеральные округа: значимость и роль в государственно-территориальном устройстве Российской Федерации // Государство и право. – 2018. – № 10. – С. 138.

протяжении их жизненного цикла (от вложений в территориальный капитал до эффекта от применения тех активов, которые появились благодаря этим вложениям), а фокусируется на изменении особенностей локализации капитала при характеристике разных стадий его функционирования в один момент времени. В то же время следует уделить самое пристальное внимание изменениям пространственных характеристик экономической системы в интересах определения ряда ключевых трендов трансформации российского пространства, выявления специфики наращивания отдельными ареалами их территориального капитала, что требует учета данных более раннего (по сравнению с исследуемым) периода – за такой «базовый» период в исследовании принимается 2019 г.

Анализ особенностей размещения составляющих территориального капитала (по показателям, выделяемым в рамках затратного подхода) (таблица 10) свидетельствует о неодинаковом внимании держателей финансов к разным типам активов: масштабы обеспеченности российской территории финансовыми ресурсами, направляемыми на формирование (накопление) капитала для осуществления дальнейшего развития, отличаются друг от друга в десятки раз.

Очевидно, что это связано с разной «емкостью» капитала и различной потребностью в финансировании со стороны различающихся отраслей. Однако весьма тревожным является тот факт, что обеспеченность инвестиционными средствами видов деятельности, тесно связанных с творческим потенциалом общества, новыми технологиями и инновациями, существенно уступает масштабам вложений в более «традиционные» сферы.

Следует также констатировать, что коэффициент Джини и индекс Тейла имеют достаточно высокие значения для всех рассмотренных показателей (например, ряд авторов[1] говорит о «нормальном» уровне неравенства в случае, если коэффициент Джини равен 0,3), что не позволяет сделать вывод о равномерности размещения в пространстве тех вложений, которые направляются на формирование и развитие территориального капитала.

При этом и экстремально высокими их также назвать нельзя (за некоторым исключением): так, для большинства параметров значения коэффициента Джини колеблются в границах 0,4−0,6 (в первую очередь это касается социально ориентированных расходов – на образование, здравоохранение охрану окружающей среды).

---

[1] См., например: Айвазян С. А. Анализ качества и образа жизни населения (эконометрический подход). – М.: Наука, 2012. – 432 с.; Шевяков А. Ю., Кирута А. Я. Неравенство, экономический рост и демография: неисследованные взаимосвязи. – М.: М-Студио, 2009. – 187 с.

Таблица 10 – Оценка пространственного развития экономики Российской Федерации с учетом особенностей локализации элементов территориального капитала (показатели, выделяемые в рамках затратного подхода) в 2023 г.[1]

Показатель	Обеспеченность активами, тыс. р.		*Справочно:* число регионов, значения которых превышают среднероссийскую обеспеченность активами		Однородность			
	на единицу площади	на одного жителя	на единицу площади	на одного жителя	Индекс Холла – Тайдмана	Индекс Морана*	Индекс Джини	Индекс Тейла
Природный капитал								
Инвестиции в основной капитал по видам деятельности «сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство», «добыча полезных ископаемых»	310,21	36,31	32	21	0,050	0,038	0,762	1,382
Производственный капитал								
Инвестиции в основной капитал по видам деятельности «обрабатывающие производства», «обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха»	360,08	42,15	51	25	0,029	0,034	0,593	0,626
Финансовый капитал								
Инвестиции в основной капитал по виду деятельности «финансовая и страховая деятельность»	43,71	5,12	7	1	0,264	−0,029	0,955	3,735
Культурный капитал								
Инвестиции в основной капитал по видам деятельности «деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений», «деятельность гостиниц и ресторанов»	30,71	3,60	45	19	0,038	−0,026	0,685	1,067
Экологический капитал								
Расходы на охрану окружающей среды	59,98	7,02	49	30	0,029	0,026	0,587	0,625

[1] Составлено автором.

Продолжение таблицы 10

Показатель	Обеспеченность активами, тыс. р.		*Справочно:* число регионов, значения которых превышают среднероссийскую обеспеченность активами		Однородность			
	на единицу площади	на одного жителя	на единицу площади	на одного жителя	Индекс Холла – Тайдмана	Индекс Морана*	Индекс Джини	Индекс Тейла
Образовательный капитал								
Расходы консолидированного бюджета на образование	295,75	34,62	59	33	0,023	0,011	0,480	0,438
Инвестиции в основной капитал по виду деятельности «образование»	40,07	4,69	52	32	0,027	−0,007	0,562	0,626
Творческий капитал								
Инвестиции в основной капитал по виду деятельности «деятельность профессиональная, научная и техническая»	95,20	11,14	17	9	0,117	0,013	0,898	2,417
Капитал здоровья								
Расходы консолидированного бюджета на здравоохранение	109,30	12,79	53	18	0,029	0,017	0,588	0,799
Инвестиции в основной капитал по виду деятельности «деятельность в области здравоохранения и социальных услуг»	33,74	3,95	55	29	0,027	0,031	0,565	0,673
Отношенческий капитал, репутационный капитал								
Расходы консолидированного бюджета на общегосударственные вопросы	76,99	9,01	57	25	0,025	0,009	0,528	0,647
Инвестиции в основной капитал по виду деятельности «деятельность в области информации и связи»	75,30	8,81	21	9	0,075	−0,023	0,841	2,347

Примечание – * Значения индекса Морана, выделенные зеленым цветом, свидетельствуют о наличии положительной пространственной автокорреляции; персиковым цветом отмечены значения, свидетельствующие об отрицательной автокорреляции.

Наиболее существенным является уровень неоднородности для показателей, которые характеризуют затраты, связанные с такими элементами территориального капитала, как финансовый, творческий, природный, отошенческий и репутационный, что свидетельствует о неравномерном стимулировании развития составляющих их активов в отношении различных территориальных единиц.

Вложения в развитие территориального капитала не сосредотачиваются в ограниченном количестве центров (значения индекса Холла – Тайдмана гораздо ближе к нулю, чем к единице), однако вновь можно наблюдать более высокую степень «стягивания» экономического пространства в отдельные точки в случаях, когда речь идет о финансовом (0,264) и творческом (0,117) капитале. Это может свидетельствовать о наличии тенденции к дальнейшему усилению межрегиональной неоднородности: формирование на территории прочной финансовой базы и развитого научно-технологического, креативного потенциала в современных условиях представляет собой мощный стимул для ее дальнейшего развития (не гарантируя при этом трансляции позитивных импульсов для преобразования окружающих ее социально-экономических систем).

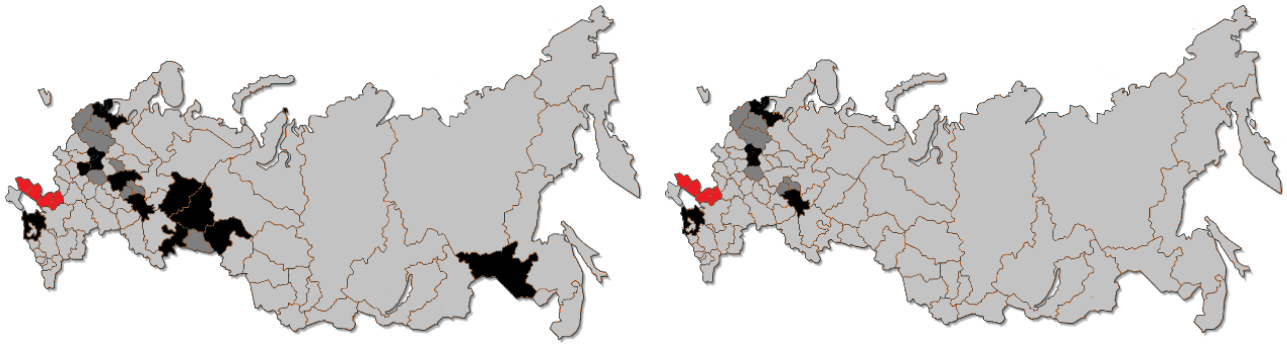
Действительно, со временем уровень неравенства, характеризующего распределение в пространстве средств, которые направляются на формирование или накопление активов, растет: сопоставление полученных значений с данными 2019 г. (приложение Д) свидетельствует об увеличении межтерриториальных диспропорций, причем в той или иной степени эта тенденция присуща всем составляющим территориального капитала. И вновь финансовый, творческий, отношенческий и репутационный капитал выделяются (наряду с образовательным капиталом и капиталом здоровья – в части инвестиций) из числа прочих компонентов: масштабы этого повышения для них наиболее существенны, что свидетельствует об «укоренении» характерного для данных сфер межрегионального неравенства.

Отдельно стоит отметить наличие отрицательной пространственной автокорреляции для показателей, характеризующих масштабы инвестиций в отношенческие, репутационные, культурные и финансовые активы территории. Это означает близкое соседство регионов, существенно отличающихся друг от друга по уровню таких инвестиций, и выступает одним из свидетельств того, что экономическое пространство характеризуется «разорванностью», не отличается целостностью.

Для визуализации особенностей концентрации составляющих территориального капитала в пространстве Российской Федерации по каждому рассматриваемому параметру были построены картограммы (на основе значений, полученных при расчете индексов Морана – ссылка на них представлена в приложении Е. Анализ тех из них, которые касаются индикаторов, выделяемых в рамках затратного подхода, позволяет сделать вывод о «повторяемости» размещенческих особенностей средств, направляемых на развитие большей части элементов территориального капитала. Почти всегда в число зон концентрации ресурсов попадают Москва и Санкт-Петербург с прилегающими к ним территориями (единственным исключением являются активы, направляемые на развитие природного капитала, которые в большей степени «привязаны» к добывающим и сельскохозяйственным регионам), часто в числе лидеров оказываются Краснодарский край и Нижегородская область, иногда точками экстремума становятся отдельные регионы Урала и Сибири. При этом получившиеся зоны весьма невелики, расположены относительно близко друг к другу (преимущественно в западной части страны), а также окружены территориями, существенно отстающими от них по значениям рассматриваемого показателя.

Сопоставление картограмм за разные периоды (2019 и 2023 гг.) вновь позволяет сделать вывод об усилении межтерриториальных диспропорций и «стягивании» экономической активности в ограниченное количество центров: в большинстве случаев (явное исключение – экологический капитал) со временем их число уменьшается, а сами центры становятся наиболее выраженными. Один из примеров – трансформация зон концентрации инвестиций в основной капитал по видам деятельности «обрабатывающие производства», «обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха» (рисунок 19).

Опасение вызывает наличие ареалов, не обладающих преимуществами владения ресурсами разных типов, при этом удаленных от зон концентрации активов и в силу этого не способных пользоваться выгодой от подобного соседства. К таким территориям, например, могут быть отнесены регионы, расположенные на юге Сибири. Подобная «периферийность» (скорее экономическая, нежели географическая) угрожает исключением этих ареалов из интенсивных хозяйственных взаимодействий, что, в свою очередь, влечет за собой утрату ими имеющегося потенциала и их превращение в своеобразные «пустоты», угрожающие целостности экономической ткани страны.

а – 2019 г. *б* – 2023 г.

П р и м е ч а н и е – Черным цветом отмечены экстремумы, имеющие высокий уровень корреляции с другими территориями, темно-серым – регионы, попадающие в зону влияния экстремумов (лидеров), серым – регионы, для которых характерен низкий уровень корреляции с соседними территориями, красным – территории, не подвергшиеся анализу.

Рисунок 19 – Пространственная корреляция между российскими регионами (параметр – инвестиции в основной капитал по видам деятельности «обрабатывающие производства», «обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха»)[1]

Схожие выводы можно сделать, анализируя особенности пространственного развития страны через призму показателей, которые выделяются в рамках ресурсного подхода (таблица 11, приложение Ж).

Насыщенность ресурсами разных частей пространства страны неодинакова, причем, как правило, можно выделить ограниченное количество лидеров (обладающих наибольшими запасами территориального капитала) при достаточно существенном числе регионов, значения показателей которых отстают от среднероссийского уровня обеспеченности активами.

Значения параметров неоднородности близки к величинам, рассчитанным на предыдущем этапе исследования (при анализе показателей, выделяемых в рамках затратного подхода): существенная степень дифференциации характерна для финансового и творческого капитала, однако наибольшее значение присуще параметрам природного капитала – в части характеристик размещения полезных ископаемых, а также экологического капитала – в части особенностей локализации площадок образования отходов производства и потребления.

[1] Составлено автором.

Таблица 11 – Оценка пространственного развития экономики Российской Федерации с учетом особенностей локализации элементов территориального капитала (показатели, выделяемые в рамках ресурсного подхода) в 2023 г.[1]

Показатель	Обеспеченность активами		*Справочно*: число регионов, значения которых превышает среднероссийскую обеспеченность активами		Однородность			
	на единицу площади	на одного жителя	на единицу площади	на одного жителя	Индекс Холла – Тайдмана	Индекс Морана*	Индекс Джини	Индекс Тейла
Природный капитал								
Земельная площадь сельскохозяйственных угодий, км^2	0,13	0,015	62	38	0,024	0,087	0,497	0,419
Общий запас древесины, м^3	4802,25	562,14	43	31	0,043	0,097	0,721	1,034
Запасы нефти, т	1728,43	202,33	13	16	0,138	0,025	0,914	0,757
Запасы железных руд, т	6903,51	808,11	11	13	0,196	0,032	0,939	1,351
Производственный капитал								
Стоимость основных фондов (за вычетом стоимости полностью изношенных), тыс. р.	14 534,35	1 701,35	55	18	0,033	0,021	0,636	0,925
Финансовый капитал								
Доходы консолидированного бюджета, тыс. р.	1 263,75	147,93	56	24	0,026	0,004	0,534	0,658
Сальдированный финансовый результат деятельности организаций, тыс. р.	2 065,85	241,82	33	16	0,055	−0,012	0,785	1,301
Вклады (депозиты) юридических и финансовых лиц в рублях, привлеченные кредитными организациями, тыс. р.	3 320,09	388,64	41	8	0,047	−0,016	0,747	1,710

[1] Составлено автором.

Продолжение таблицы 11

Показатель	Обеспеченность активами		*Справочно*: число регионов, значения которых превышает среднероссийскую обеспеченность активами		Обеспеченность активами			
	на единицу площади	на одного жителя	на единицу площади	на одного жителя	Индекс Холла – Тайдмана	Индекс Морана*	Индекс Джини	Индекс Тейла
Культурный капитал								
Численность зрителей театров, чел.	2,43	0,28	55	25	0,027	−0,024	0,559	0,678
Число посещений музеев, чел.	7,72	0,90	52	22	0,034	0,025	0,652	0,984
Численность размещенных в коллективных средствах размещения лиц, чел.	4,88	0,57	56	22	0,030	0,014	0,607	0,792
Экологический капитал								
Объем выбросов загрязняющих атмосферу веществ стационарными источниками, т	0,99	0,12	54	26	0,032	0,059	0,631	0,791
Сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты, тыс. $м^3$	0,62	72,46	51	33	0,027	0,057	0,567	0,584
Образование отходов производства и потребления, т	511,90	59,92	14	16	0,097	0,032	0,878	2,020
Образовательный капитал								
Численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры (на начало учебного года), чел.	0,25	0,03	54	20	0,029	−0,036	0,587	0,785
Численность занятых с высшим образованием, чел.	1,53	0,18	54	15	0,027	0,012	0,558	0,694

Продолжение таблицы 11

Показатель	Обеспеченность активами		*Справочно*: число регионов, значения которых превышает среднероссийскую обеспеченность активами		Обеспеченность активами			
	на единицу площади	на одного жителя	на единицу площади	на одного жителя	Индекс Холла – Тайдмана	Индекс Морана*	Индекс Джини	Индекс Тейла
Творческий капитал								
Подано патентных заявок (на изобретения и полезные модели), ед.	0,002	0,0002	49	16	0,037	0,005	0,675	1,054
Численность персонала, занятого исследованиями и разработками, чел.	0,04	0,005	34	10	0,060	0,041	0,801	1,552
Количество высокопрофессиональных работников, чел.	0,59	0,07	57	22	0,025	0,013	0,532	0,600
Капитал здоровья								
Количество заболевших (диагноз, установленный впервые в жизни), чел.	7,01	0,82	62	41	0,022	0,025	0,468	0,386
Количество умерших (без учета смертности от внешних причин), челю	0,09	0,01	61	65	0,022	0,053	0,455	0,358

Примечание – * Значения индекса Морана, выделенные зеленым цветом, свидетельствуют о наличии положительной пространственной корреляции; персиковым цветом отмечены значения, свидетельствующие об отрицательной корреляции.

С одной стороны, это ожидаемо: размещение уникальных, связанных с развитием одной сферы ресурсов (характеризуемых, например, с помощью таких параметров, как запасы нефти или численность исследователей), отличается наибольшей неравномерностью. Однако сохранение особенностей размещения территориального капитала на разных стадиях его жизненного цикла также влечет за собой «консервацию» либо дальнейшее усиление такой неоднородности: явно прослеживается перспектива сохранения активов в тех точках пространства, где они концентрируются на данный момент. Например, сопоставление картограмм, характеризующих пространственную корреляцию между регионами по выделяемым в рамках затратного и ресурсного подходов индикаторам финансового капитала, демонстрирует их практически полную идентичность (рисунок 20).

а – инвестиции в основной капитал по виду деятельности «финансовая и страховая деятельность»

б – сальдированный финансовый результат деятельности организаций

Примечание – Черным цветом отмечены экстремумы, имеющие высокий уровень корреляции с другими территориями, темно-серым – регионы, попадающие в зону влияния экстремумов (лидеров), серым – регионы, для которых характерен низкий уровень корреляции с соседними территориями, красным – территории, не подвергшиеся анализу.

Рисунок 20 – Пространственная корреляция между российскими регионами по параметрам финансового капитала в 2023 г.[1]

При этом снова можно отметить, что в большинстве случаев (особенно это касается креативной, культурной составляющих) элементы территориального капитала локализованы недостаточно оптимально: формируемые полюса роста «теряются» на карте (в масштабах всей страны), не позволяя имеющимся у территории ресурсам играть роль, значимую на макроуровне.

[1] Составлено автором.

Интересны также особенности локализации факторов, оказывающих деструктивное воздействие на территориальный капитал (с помощью характеризующих их параметров описывается размещение экологического капитала и капитала здоровья). Получаемые в данном случае зоны концентрации формируют не потенциальные полюса роста, а наиболее проблемные ареалы. Например, при рассмотрении особенностей пространственной корреляции составляющих экологического капитала можно четко идентифицировать масштабную зону негативного воздействия: она представляет значительную угрозу в масштабах всей национальной социально-экономической системы, поскольку концентрирует в себе схожие по масштабам влияния территориальные комплексы, тем самым усиливая их воздействие на окружение, увеличивая масштаб этого воздействия. Дополнительным негативным фактором является некоторое наложение друг на друга подобных проблемных зон, определенных на основе анализа данных в разрезе различных показателей (рисунок 21).

а – объем выбросов загрязняющих атмосферу веществ стационарными источниками

б – образование отходов производства и потребления

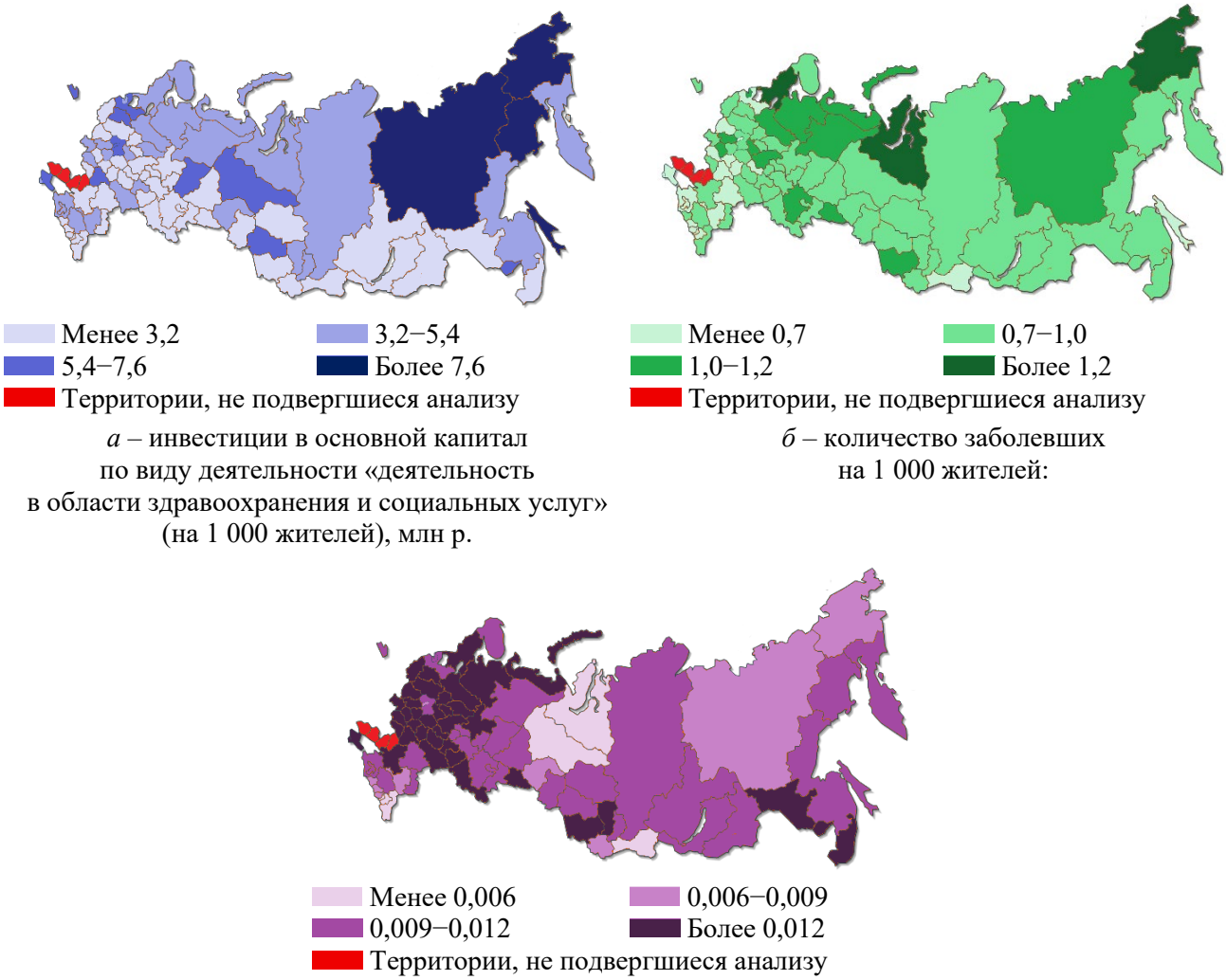
Примечание – Черным цветом отмечены экстремумы, имеющие высокий уровень корреляции с другими территориями, темно-серым – регионы, попадающие в зону влияния экстремумов (лидеров), серым – регионы, для которых характерен низкий уровень корреляции с соседними территориями, красным – территории, не подвергшиеся анализу.

Рисунок 21 – Пространственная корреляция между российскими регионами по параметрам экологического капитала в 2023 г.[1]

Границы зон концентрации вложений, направляемых на охрану окружающей среды (приложение Е), во многом повторяют очертания найденного масштабного проблемного ареала, что, безусловно, является положительным фактором и дает надежду на

[1] Составлено автором.

исправление ситуации в будущем. Для капитала здоровья, напротив, такая закономерность не свойственна: контуры территориальных комплексов, отличающихся значениями показателей, которые характеризуют его состояние на разных стадиях жизненного цикла, не совпадают. При этом в связи с тем, что характеристики данного элемента территориального капитала тесно связаны с параметрами численности населения, имеет смысл обратить внимание на относительные – пересчитанные на душу населения – параметры (рисунок 22).

а – инвестиции в основной капитал по виду деятельности «деятельность в области здравоохранения и социальных услуг» (на 1 000 жителей), млн р.

б – количество заболевших на 1 000 жителей:

в – количество умерших от естественных причин на 1 000 жителей

Рисунок 22 – Локализация регионов России, отличающихся относительными параметрами развития (2023 г.)[1]

[1] Составлено автором.

Это может свидетельствовать о том, что решающие факторы, обуславливающие распределение средств на формирование и развитие данного типа капитала, не совпадают с факторами локализации условий, негативно влияющих на здоровье населения. Очевидно, что единого паттерна в распределении финансовых средств и локализации регионов с наихудшими показателями нет, но прослеживается зависимость между выделяемыми ресурсами и экономическим благополучием региона, причем данная взаимосвязь характерна и для иных составляющих территориального капитала.

Активы репутационного и отношенческого капитала размещаются в пространстве страны без ярко выраженной «привязки» к отдельным ее ареалам: как лидеры, так и аутсайдеры рейтингов локализованы в разных частях карты (рисунок 23).

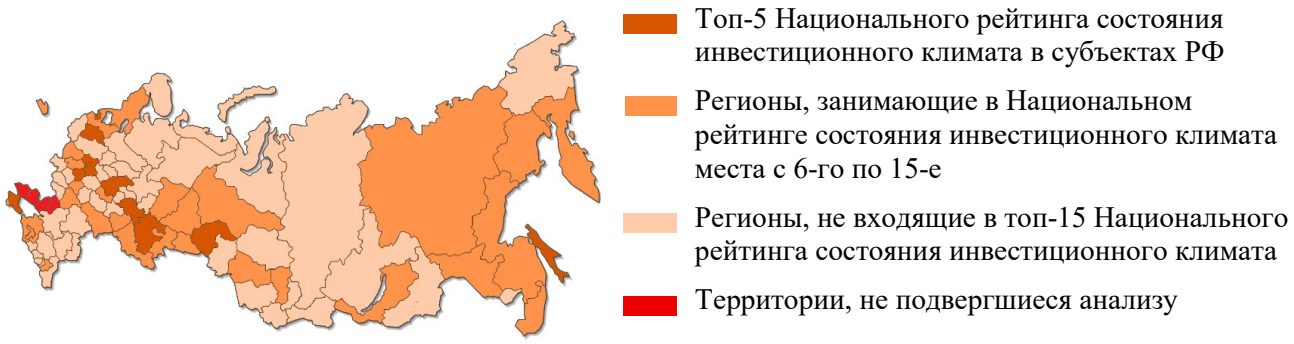

Рисунок 23 – Локализация регионов России, отличающихся масштабами репутационного и отношенческого капитала (2023 г.)[1]

В то же время можно идентифицировать скопления территориальных единиц, концентрирующих внутри себя большую часть активов, имеющих отношение к рассматриваемым типам капитала. Небольшим по занимаемой площади и количеству составляющих, но масштабным с точки зрения величины потенциала является комплекс, включающий в себя Москву и Московскую область; зоны концентрации также можно увидеть на юге страны, в совокупностях регионов Урало-Поволжья и Сибири.

Сопоставление проанализированных значений комплекса показателей, выделяемых в рамках ресурсного подхода, с данными 2019 г. (приложение Ж) позволяет сделать вывод об отсутствии между ними существенной разницы: за прошедший период некото-

[1] Составлено автором.

рые величины несколько выросли, другие – несколько уменьшились, однако изменения нельзя назвать весомыми.

Параметры результативности использования территориального капитала также свидетельствуют о достаточно высокой степени пространственной неоднородности итогов социально-экономического развития страны (таблица 12), хотя следует отметить, что рассчитанные для показателей, выделяемых в рамках доходного подхода, значения как коэффициента Джини, так и индекса Тейла в среднем несколько ниже, чем для тех индикаторов, которые были рассмотрены ранее (для показателей, выделяемых в рамках ресурсного подхода). И вновь значительных отличий от параметров, которые отражают ситуацию, сложившуюся в 2019 г. (приложение И), не наблюдается.

Таблица 12 – Оценка пространственного развития экономики Российской Федерации с учетом особенностей локализации территориального капитала (показатели, выделяемые в рамках доходного подхода) в 2023 г.[1]

Показатель	Обеспеченность активами		*Справочно:* число регионов, значения которых превышает среднероссийскую обеспеченность активами		Однородность			
	на единицу площади	на одного жителя	на единицу площади	на одного жителя	Индекс Холла – Тайдмана	Индекс Морана	Индекс Джини	Индекс Тейла
Валовой региональный продукт, тыс. р.	9 172,00	1 073,65	54	17	0,031	0,003	0,617	0,835
Денежные доходы населения (в месяц), тыс. р.	457,72	53,58	55	18	0,027	0,016	0,558	0,711
Численность населения, чел.	8,54	–	61	–	0,022	0,024	0,463	0,392
Примечание – * Значения индекса Морана, выделенные зеленым цветом, свидетельствуют о наличии положительной пространственной корреляции.								

Анализ поляризации пространства снова демонстрирует наличие ярко выраженных центров концентрации активов, локализованных преимущественно в западной части страны (приложение Е). Так, столичные территории (Москва, Санкт-Петербург) вместе

[1] Составлено автором.

с Краснодарским краем, получившим новый импульс развития после проведения в нем в 2014 г. Олимпийских игр, выступают центрами зон концентрации стоимости произведенной продукции (рисунок 24). При этом для двух крупнейших городов страны и северных субъектов, обеспеченных востребованным на мировых рынках сырьем, также характерен наибольший объем среднедушевого валового регионального продукта.

Рисунок 24 – Особенности распределения произведенной продукции в пространстве Российской Федерации в 2023 г.[1]

Сопоставление присущих разным регионам показателей численности населения позволяет выявить еще одну зону концентрации – она располагается на Урале, который, отличаясь высокой плотностью населения и концентрацией крупных городов, занимает важное место в российской системе расселения.

Следует особо отметить, что изучение процессов, определяющих трансформацию этой системы, заслуживает самого пристального внимания. Особенности распределения

[1] Составлено автором.

жителей страны в ее пространстве, а также сложившиеся к настоящему моменту тенденции его изменения – это результат комплекса сложных социально-экономических процессов и закономерностей: система расселения формируется под влиянием характеристик развития отдельных территорий.

С другой стороны, особенности размещения населения во многом определяют потенциал территории, наличие у нее возможностей для развития (население может рассматриваться как трудовой ресурс, как потребители результатов осуществляемой хозяйственной деятельности), что предопределяет значимость учета специфики расселения при определении характера и перспектив преобразования социально-экономических систем.

Характерные для текущего периода особенности российского пространства во многом сложились под влиянием процессов урбанизации, которая начиная с середины XX века стала представлять собой явление, протекающее с той или иной скоростью во всех государствах мира[1]. В общем виде урбанизация представляет собой «исторический процесс повышения роли городов в развитии общества, охватывающий изменения в размещении производительных сил, прежде всего в расселении населения, его социально-профессиональной, демографической структуре, образе жизни, культуре и т. д.»[2]. В более узком смысле под урбанизацией можно понимать «рост городов, особенно больших, повышение удельного веса городского населения в стране, регионе, мире»[3].

Систематизация и анализ данных официальной статистики позволяют сделать выводы об отсутствии в последние годы существенного прироста в значениях таких показателей, как «количество городов» и «доля городского населения в общей численности граждан Российской Федерации». Так, по данным переписи населения 2002 г.[4], общее количество российских городов составляло 1 098, по данным переписи 2010 г.[5] – 1 100,

---

[1] Бахтизин А. Р. Урбанизация и вопросы пространственного развития // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2024. – Т. 250, № 6. – С. 69−88; Моргунов Е. В., Ростовцев А. И. Урбанизация в странах мира: потенциал и динамика за 1960−2022 гг. // Народонаселение. – 2025. – Т. 28, № 1. – С. 64−75; Hu Y., Connor D. S., Stuhlmacher M. et al. More urbanization, more polarization: evidence from two decades of urban expansion in China // Urban sustainability. – 2024. – Vol. 4. – P. 1−11.

[2] Антонюк В. С., Погонин В. В. Теоретические основы процесса урбанизации и его влияния на региональный рынок жилья // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2015. – Т. 1, № 2. – С. 145.

[3] Берова Ф. Ж., Сабанчиев А. Х. Региональные особенности процессов урбанизации и дезурбанизации // Terra Economicus. – 2010. – Т. 8, № 1-3. – С. 211.

[4] Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. / Федеральная служба государственной статистики. – URL: http://perepis2002.ru/index.html?id=9 (дата обращения: 15.03.2025).

[5] Всероссийская перепись населения 2010 г. / Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/ results.html (дата обращения: 14.02.2025).

в 2015 г. число городов выросло до 1 117 (такой прирост был вызван вхождением Крыма в состав Российской Федерации), в 2020 г. – до 1 118[1]. К настоящему времени количество городов вновь несколько увеличилось (преимущественно за счет появления в составе страны новых территорий). Доля городского населения в общей численности граждан Российской Федерации на протяжении последних 25 лет также практически не меняется, оставаясь на уровне 73−75 %[2].

Но процесс урбанизации себя не исчерпал, изменилась лишь форма его проявления: население концентрируется в крупных городах, «стягивая» пространство социальной и экономической активности в отдельные точки, зоны. Это позволяет исследователям говорить о крупногородской стадии урбанизации[3], мегаполисной урбанизации[4], свидетельством которой является стабильное увеличение доли населения Российской Федерации, проживающего в 16 наиболее крупных городах (рисунок 25).

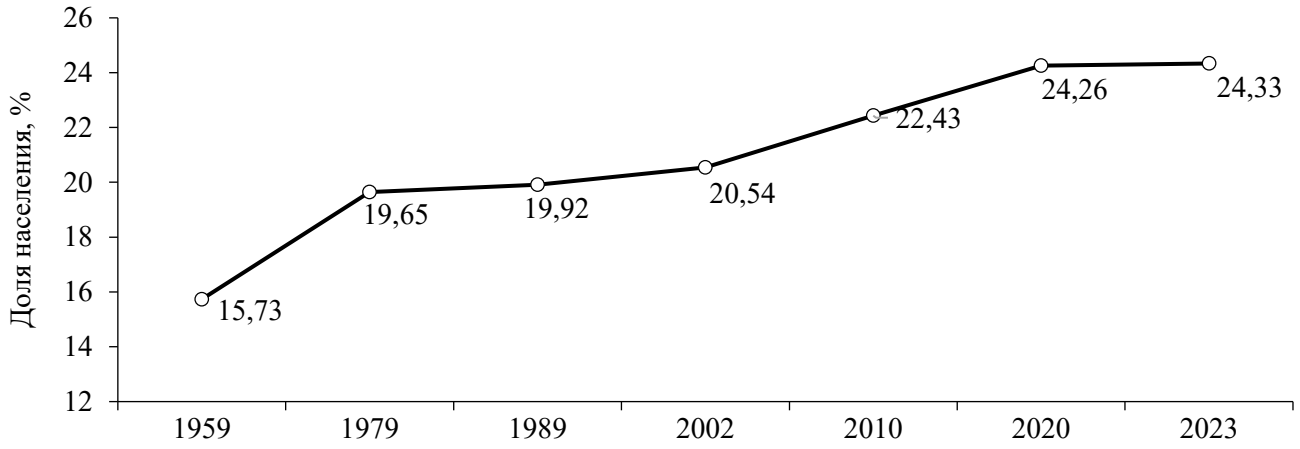

Рисунок 25 – Доля населения России, проживающего в 16 наиболее крупных городах[5]

[1] Итоги Всероссийской переписи населения 2020 г. / Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020 (дата обарещиня: 14.03.2025).

[2] Регионы России. Социально-экономические показатели / Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://www.rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204 (дата обращения: 18.03.2025).

[3] Микрюков Н. Ю. Факторы, проблемы и модели развития моногородов России: автореф. дис. … канд. геогр. наук: 25.00.24. – М., 2016. – 22 с.

[4] Государственная политика вывода России из демографического кризиса / В. И. Якунин, А. С. Аникеева, И. Р. Ахметзянова и др. – 2-е изд. – М.: Экономика, 2007. – 888 с.

[5] Составлено автором по: База данных показателей муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/MUNST.htm (дата обращения: 15.03.2025); Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. / Федеральная служба государственной статистики. – URL: http://perepis2002.ru/index.html?id=9 (дата обращения: 15.03.2025); Всероссийская перепись населения 2010 г. / Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results.html (дата обращения: 14.02.2025); Население СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. – М.: Финансы и статистика, 1990. – 45 с.

Процесс роста уровня централизации пространства отягощается неравномерностью распределения городов (в том числе наиболее крупных) по территории страны: количество городов, приходящееся на единицу площади, в юго-западной части Российской Федерации значительно выше, чем в северных и восточных регионах (рисунок 26).

Примечание – ○ Наиболее крупные города Российской Федерации. Более насыщенным цветом на карте обозначены субъекты РФ, имеющие большее количество городов на единицу площади.

Рисунок 26 – Распределение городов по территории Российской Федерации по состоянию на 2024 г.[1]

Отдельные территории, утрачивая ресурсы для дальнейшего развития и не находя в своих границах новых точек роста, лишаются способности поддержания экономической активности и эффективного участия в хозяйственной деятельности, их человеческий капитал истощается (в первую очередь вследствие усиления миграционного оттока), что способствует их выбытию из системы элементов пространственного каркаса страны.

Наглядным проявлением этого процесса может служить исчезновение с российской карты целого ряда населенных пунктов. Количество муниципальных образований за 2008−2023 гг. уменьшилось более чем на 26 % (рисунок 27), причем наибольшее влияние

[1] Составлено автором по: База данных показателей муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/MUNST.htm (дата обращения: 15.03.2025).

на этот процесс оказало сокращение числа сельских поселений[1]: только за последние пять лет их стало меньше на 3 388 ед.[2] При этом необходимо принимать во внимание, что некоторые из учитываемых в статистике сельских населенных пунктов могут представлять уже заброшенные поселения (так, в результате Всероссийской переписи населения 2020 г. было выявлено, что почти 25 тыс. российских деревень существовали на карте, однако фактически уже потеряли свое население[3]).

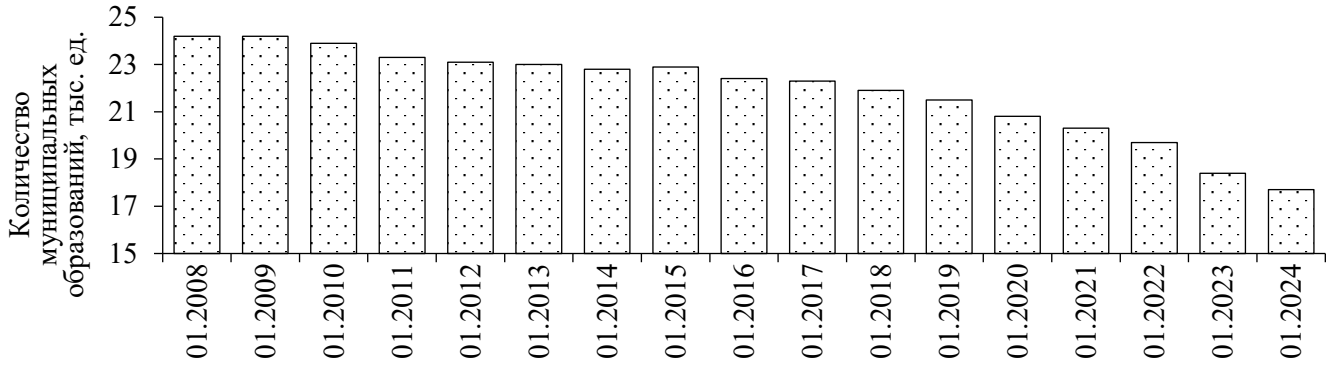

Рисунок 27 – Общее количество муниципальных образований в Российской Федерации[4]

Еще одним свидетельством проявления тенденции сужения пространства является процесс «опустынивания» территорий. Весьма ярким примером данного тренда, который отмечается многими авторами[5], является утрата территориями Дальнего Востока имеющегося социального и экономического капитала под влиянием крупномасштабного миграционного оттока населения в европейскую часть страны. В то же самое время не мень-

[1] Ускова Т. В., Патракова С. С. Развитие сельских территорий в условиях пространственного сжатия северного региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2021. – Т. 14, № 5. – С. 34–52.

[2] База данных показателей муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/MUNST.htm (дата обращения: 15.03.2025).

[3] Итоги Всероссийской переписи населения 2020 г. / Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020 (дата обращения: 14.03.2025).

[4] Составлено автором по: База данных показателей муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/MUNST.htm (дата обращения: 15.03.2025).

[5] Кочетков В. В., Ли А. В. Демографические изменения и влияние миграции на численность и состав населения Дальнего Востока // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – № 3. – С. 111–115; Михеева Н. Н. Дальний Восток как модель геостратегического региона в стратегии пространственного развития // Проблемы прогнозирования. – 2025. – № 4 (211). – С. 58–69; Храмова М. Н., Зорин Д. П. Межрегиональная миграция на Дальнем Востоке России и ее влияние на демографическую безопасность // ДЕМИС. Демографические исследования. – 2024. – Т. 4, № 4. – С. 152–164.

шие (а отчасти и бóльшие) потери несут регионы центральной части страны – субъекты РФ, расположенные рядом с Московской областью.

Сопоставление данных удаленных друг от друга периодов (1959 и 2023 гг.) о численности населения, проживающего в российских регионах, позволило выявить субъекты РФ с наиболее существенным масштабом утраты человеческого капитала. Получившийся рейтинг возглавили именно регионы Центральной России, часть которых за рассматриваемый период потеряла более 1/3 своего населения (таблица 13).

Таблица 13 – Лидеры рейтинга регионов по масштабам убыли населения[1]

Позиция в рейтинге	Субъект РФ	Численность населения, тыс. чел.		Темп убыли населения, %
		1959 г.	2023 г.	
1	Кировская область	1 886	1 134	39,9
2	Псковская область	953	584	38,7
3	Костромская область	921	569	38,2
4	Тамбовская область	1 549	961	37,9
5	Тверская область	1 805	1 206	33,2
6	Ивановская область	1 288	910	29,3
7	Сахалинская область	649	459	29,3
8	Магаданская область	189	134	29,2
9	Курская область	1 483	1 064	28,3
10	Брянская область	1 550	1 148	26,0
11	Орловская область	929	696	25,0
12	Рязанская область	1 445	1 086	24,9

Стоит также отметить, что динамика искажения пространства в масштабах страны уступает скорости трансформации пространства внутри регионов: процессы концентрации населения в наиболее крупных городах протекают более интенсивно, чем переток жителей из одного региона в другой. При этом оба эти процесса, накладываясь друг на друга, усиливают создаваемый из-за пространственных трансформаций эффект.

В целом выявленные по итогам проведенного анализа системы расселения тенденции трансформации российского пространства (рост уровня его централизации, его суже-

[1] Составлено автором по: Демографический ежегодник России. 2002: стат. сб. / Госкомстат России. – М., 2002. – 525 с.; Демографический ежегодник России. 2023: стат. сб. / Росстат. – М., 2023. – 256 с.

ние, сопровождаемое частичным разрушением пространственного каркаса) подтверждают паттерны, о существовании которых позволяет судить исследование специфики локализации в пространстве страны элементов ее территориального капитала.

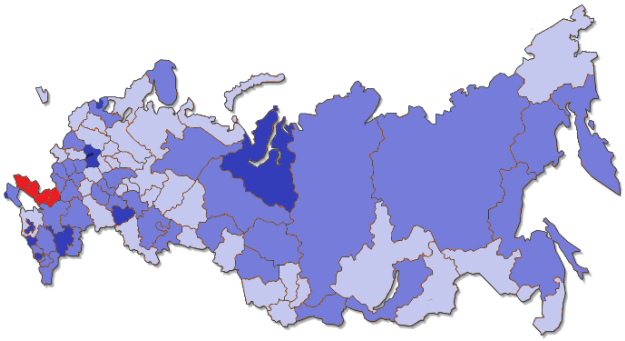
Возвращаясь к анализу особенностей этой локализации, нельзя не отметить разницу в параметрах размещения ресурсов, отражающих разные этапы жизненного цикла территориального капитала. На рисунке 28 представлены карты, построенные с использованием переведенных в относительный (сопоставимый) вид данных по четырем параметрам, с помощью которых проводится оценка образовательного капитала. Можно заметить, что на начальных этапах жизненного цикла рассматриваемого типа капитала характеристики отдельных территорий не отличаются друг от друга в таких масштабах, как на последующих, когда распределение активов в пространстве становится более неравномерным.

а – доля расходов на образование в общей величине расходов консолидированного бюджета

б – численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, на 10 000 чел.

в – доля занятых, имеющих высшее образование

г – валовой региональный продукт на душу населения

Примечание – Более темным цветом обозначены регионы с наибольшими значениями рассматриваемых параметров; красным цветом – территории, не подвергшиеся анализу.

Рисунок 28 – Локализация регионов России, отличающихся относительными параметрами развития образовательного капитала в 2023 г.[1]

[1] Составлено автором.

Так, дифференциация регионов по доле студентов в числе жителей и доле занятых с высшим образованием в их общем количестве (рисунок 28*б* и 28*в*) прослеживается гораздо более явно, чем в случае с долей расходов на образование в общей величине расходов консолидированного бюджета региона (рисунок 28*а*).

При этом особенности локализации резервов (студентов) и ресурсов (высококвалифицированных кадров) образовательного потенциала страны друг с другом не совпадают, на специфику их распределения в пространстве влияют различные факторы: в одном случае – размещение крупных образовательных центров, в другом – распределение по территории масштабных хозяйственных систем, предъявляющих спрос на рынке труда. Наибольшая степень межрегионального неравенства характеризует параметры, связанные с результатами хозяйственной деятельности территорий (рисунок 28*г*), причем явной взаимосвязи между продуктивностью социально-экономических процессов и наличием у регионов элементов образовательного капитала не наблюдается, что подтверждает сделанные ранее выводы о высокой степени дифференциации отдачи от использования разных составляющих территориального капитала.

Следует также отметить достаточно слабую степень связанности российского пространства: взаимодействие между отдельными частями страны затруднено из-за разделяющих их значительных расстояний (в сочетании с неразвитостью инфраструктуры), высокой степени межтерриториальной дифференциации, обуславливающей отсутствие общих интересов и неготовность к вступлению в долгосрочные партнерские отношения.

Так, значения коэффициента Энгеля, позволяющего оценить уровень развития сетевой и транспортной инфраструктуры путем характеристики степени насыщенности территории ее элементами, свидетельствуют об отставании России от большей части зарубежных государств, также подвергшихся анализу (таблица 14).

По общей протяженности железнодорожных путей Россия входит в первую тройку мировых лидеров, однако с точки зрения обеспеченности ими всего количества жителей страны и покрытия ими всей ее территории явно прослеживается «догоняющий» характер развития отечественной транспортной системы. При этом если отставание России от небольших государств (в первую очередь развитых европейских стран) представляется достаточно закономерным, то соотношение параметров ее транспортного комплекса с показателями сопоставимых с ней по масштабам территориальных систем свидетельствует о серьезных проблемах в отрасли.

Таблица 14 – Значения коэффициента Энгеля для Российской Федерации и ряда зарубежных государств в 2023 г.[1]

Страна	Железнодорожные пути	Автомобильные дороги
Российская Федерация	**0,174**	**3,158**
Австрия	0,638	0,200
Азербайджан	0,234	3,139
Армения	0,234	2,477
Беларусь	0,398	7,525
Бельгия	0,607	0,301
Болгария	0,475	2,362
Бразилия	0,071	4,660
Венгрия	0,836	23,365
Германия	0,707	0,240
Индия	0,101	9,905
Испания	0,335	13,853
Италия	0,399	0,180
Казахстан	0,217	1,286
Канада	0,349	5,207
Китай	0,133	4,602
Норвегия	0,292	7,171
Польша	0,565	12,425
Республика Молдова	0,386	3,333
Румыния	0,497	0,047
Соединенное Королевство (Великобритания)	0,404	10,463
США	0,448	12,281
Турция	0,131	0,046
Финляндия	0,429	8,277
Франция	0,428	16,954
Швеция	0,501	9,506
Япония	0,397	17,860

Примечание – Зеленым цветом отмечены значения коэффициента Энгеля, превышающие величину данного показателя для Российской Федерации.

[1] Составлено автором по: Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 15.02.2025); Union internationale des chemins de fer. – URL: https://uic.org/ (дата обращения: 15.02.2025).

Анализу и разработке предложений по исправлению сложившейся ситуации посвящено значительное количество научных работ[1], однако в рамках проводимого исследования особого внимания заслуживает наличие значительных территориальных диспропорций в развитии системы железнодорожных путей[2]. В частности, ряд авторов обращают внимание на недостаточную густоту железнодорожной сети регионов Сибири и Дальнего Востока[3], существование тенденции формирования транспортно изолированных территорий, характеризующихся дефицитом в части пригородного железнодорожного сообщения[4], и т. д.

Автодорожная сеть Российской Федерации также испытывает на себе влияние целого комплекса проблем, связанных как с высокой степенью износа дорожной инфраструктуры, так и с недостаточным уровнем ее качества (они определяются увеличением интенсивности эксплуатации автомобильно-дорожной сети, недостаточностью финансовых ресурсов, направляемых на содержание и ремонт дорог, нормативным и кадровым дефицитом)[5]. Система автомобильных дорог характеризуется крайне высокой степенью межтерриториальных диспропорций: разница между значениями «крайних» регионов по показателю плотности автодорог превышает 780 раз[6] даже при исключении из расчетов городов федерального значения, что во многом объясняется нецелесообразностью использования автотранспорта в ряде регионов (в связи с климатическими условиями или экономическими ограничениями, препятствующими развитию в них масштабного автодорожного комплекса).

---

[1] См., например: Винокуров С. И., Журавлева С. А. Современное состояние и тенденции развития транспортной системы России // Журнал монетарной экономики и менеджмента. – 2025. – № 2. – С. 273–279; Пирогов А. И., Свечников Н. С., Устинович И. В. Динамика развития железнодорожной и автомобильной транспортных сетей России // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2019. – № 2 (22). – С. 30–40; Поспелова Л. Н., Рыжова Л. А. Современное состояние и прогнозы развития транспортного комплекса России // Транспорт: наука, техника, управление. Научный информационный сборник. – 2024. – № 5. – С. 52–56.

[2] Петров М. Н., Петров И. М., Лещин М. В. Территориальные диспропорции в развитии инфроструктуры железнодорожного транспорта // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2012. – № 2. – С. 41–42.

[3] Бардаль А. Б. Транспортная составляющая экономического суверенитета России: региональный аспект // Друкеровский вестник. – 2023. – № 2 (52). – С. 229−240.

[4] Требушкова И. Е., Полякова Н. О. Географический анализ государственной политики на железнодорожном транспорте России // Географическая среда и живые системы. – 2021. – № 1. – С. 110−130.

[5] Ленкова А. А., Суворова А. П. Проблемы и перспективы развития автодорожного хозяйства РФ // Альманах современной науки и образования. – 2014. – № 2 (81). – С. 94−100.

[6] Регионы России. Социально-экономические показатели / Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://www.rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204 (дата обращения: 18.03.2025).

Обеспеченность России трубопроводами, напротив, сопоставима с характеристиками зарубежных стран, что обуславливается отраслевой спецификой государства, высокой степенью зависимости его экономического комплекса от добычи углеводородов. Так, значение коэффициента Энгеля для сети магистральных нефтепроводов и нефтепродуктопроводов в России составляет 0,15; в Норвегии – 0,12; во Франции – 0,11; в Испании – 0,10; в Азербайджане – 0,17. Очевидно, что распределение инфраструктуры трубопроводного транспорта по территории страны не может быть равномерным: ее объекты «привязаны» к каналам сбыта сырья и его производных.

В целом следует отметить, что сам факт неоднородности распределения в пространстве элементов инфраструктуры не следует считать свидетельством наличия проблем в сфере обеспеченности региона или муниципалитета средствами связи с прочими территориями. Особенности локализации объектов определяются в том числе потребностями отдельных территориальных единиц (которые, очевидно, не могут быть одинаковыми), спецификой имеющихся у них активов и ресурсов развития. Однако настораживающей является недостаточная степень развитости сложившейся системы (одно из ее проявлений – серьезное отставание уровня развития российской инфраструктуры от параметров преобразования инфраструктурных комплексов схожих с ней по климатическим и хозяйственным особенностям государств, например Канады), особенно остро проявляющаяся именно на уровне отдельных территориальных единиц (как правило, расположенных на периферии) и угрожающая усилению их «оторванности» от центров экономической активности и принятия решений.

При этом позитивной тенденцией является развитие российского сектора информационно-коммуникационных технологий (ИКТ): как отмечают специалисты Высшей школы экономики, в последние годы значительно выросла доля домохозяйств с доступом к интернету (если в 2010 г. она составляла 48,4 %, то в 2023 г. – уже 88 %)[1]. В целом уровень развития виртуальных взаимодействий в Российской Федерации весьма близок к показателям развитых государств, о чем свидетельствуют достаточно высокие ее позиции в международных рейтингах, которые строятся на основе таких параметров, как «глобальный индекс сетевого взаимодействия», «цифровая конкурентоспособность» и т. д. Это позволяет сделать вывод о том, что степень связанности цифрового пространства

[1] Индикаторы цифровой экономики: 2025: стат. сб. / В. Л. Абашкин, Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневский, Л. М. Гохберг и др. – М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. – 296 с.

страны вызывает меньше опасений, чем степень связанности пространства физического. Между тем и в данной сфере межрегиональная дифференциация прослеживается достаточно четко[1]. И хотя ее масштабы по некоторым параметрам нельзя назвать значительными (например, величина коэффициента вариации по показателю «доля организаций, использующих фиксированный интернет, в общем числе обследованных организаций» составляет менее 10 %), отчетливо видно несоответствие уровня развития разных составляющих страны друг другу: регионы центральной части России характеризуются более высоким уровнем использования цифровых технологий, чем территории, расположенные на севере, в Сибири и на Дальнем Востоке[2].

Завершая характеристику параметров связанности российского пространства, следует отметить еще один аспект, имеющий отношение к специфике ориентации хозяйственных связей российских регионов. Безусловно, географическая близость представляет собой важный фактор при выборе партнера для организации долговременного взаимодействия. Например, органами власти Хабаровского края отмечается, что активное торгово-экономическое сотрудничество региона с прочими субъектами, входящими в состав Дальневосточного федерального округа, объясняется в первую очередь его территориальной удаленностью от центра страны[3].

Однако невозможно игнорировать также наличие прочных межрегиональных связей, объединяющих российские территории со столицей. Так, результаты оценки пространственной корреляции регионов по таким показателям, как «численность постоянного населения» и «валовой региональный продукт», позволяют однозначно идентифицировать территориальный комплекс, состоящий из Москвы и Московской области, в качестве своеобразного полюса взаимодействия, тесно связанного со значительным количеством субъектов Российской Федерации, в том числе отдаленных.

Например, группировка регионов в соответствии с их ролью в национальной системе расселения (рисунок 29) свидетельствует о существенном влиянии Московской агломерации на прилегающие территории. При этом большая часть этих связей носит об-

---

[1] Растворцева С. Н., Бахвалова А. Н. Цифровой разрыв в регионах России: оценка и приоритеты в контексте решения национальных целей развития страны // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2026. – Т. 19, № 1. – С. 73−93.

[2] Регионы России. Социально-экономические показатели / Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://www.rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204 (дата обращения: 18.03.2025).

[3] Межрегиональное сотрудничество Хабаровского края / Министерство экономического развития Хабаровского края. – URL: https://minec.khabkrai.ru/Deyatelnost/ Mezhregionalnoe-sotrudnichestvo/ (дата обращения: 15.06.2025).

ратный характер (они показаны на рисунок 29 с помощью линий). Это означает, что наращивание потенциала Москвы (и Подмосковья) в перспективе не будет приводить к усилению связанных с ней регионов (расположенных вокруг Московской области), а наоборот, повлечет за собой отток имеющихся у них ресурсов. Состоятельность данного тезиса подтверждает и проведенный ранее ретроспективный анализ, показавший, что масштабы сокращения численности населения в центральной части страны в долгосрочной ретроспективе не уступают параметрам утраты имеющегося человеческого капитала территориями Дальнего Востока (таблица 13).

Рисунок 29 – Влияние субъектов Российской Федерации друг на друга (показатель – численность постоянного населения) в 2023 г.[1]

[1] Составлено автором.

Очевидно, что наблюдаемые в настоящее время процессы «стягивания» социально-экономического пространства в отдельные точки, о которых говорили такие исследователи, как А. И. Татаркин[1] и Н. В. Зубаревич[2], характерны не только для центральной части страны.

Однако роль в данных процессах Московского региона наиболее значительна: как отмечали в своих исследовниях Ж. А. Зайончковская и Г. В. Иоффе, с 1960-х годов миграция была главным фактором роста населения Москвы и Подмосковья (даже при том, что ее реальные масштабы превышают официально регистрируемые цифры)[3]. Следует также отметить, что, по мнению специалистов-демографов, «притяжение большой Москвы, как и Московской области, распространяется на весь регион СНГ, но, несмотря на это, их миграционный прирост на три четверти представлен прибывшими из российских регионов, вплоть до Дальнего Востока»[4].

В то же время наибольшую силу «притяжения» Москвы и Подмосковья ощущают именно расположенные поблизости субъекты. По результатам исследования, проведенного редакцией Strelka Mag (выпускается Институтом медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка», специализирующимся на урбанистике, вопросах городского развития) совместно с компанией Socialdatahub, был построен рейтинг российских городов, жители которых чаще всего переезжают в Москву[5]. Возглавили его Санкт-Петербург, Екатеринбург и Нижний Новгород, а расположенные рядом с Московским регионом Рязань и Тула хоть и вошли в топ-20, но заняли лишь 16-е и 19-е места соответственно. Однако если пересчитать используемые для ранжирования муниципальных образований значения, характеризующие количество жителей, переехавших в Москву, в относительный вид, определив их отношение к общему числу проживающих в данных городах, то можно убедиться, что показатели Рязани (4 %) и Тулы (3,6 %) превышают параметры Санкт-Петербурга (3,1 %), Екатеринбурга (2,9 %) и Нижнего Новгорода (3,2 %).

---

[1] Татаркин А. И. Развитие экономического пространства регионов России на основе кластерных принципов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – № 3 (21). – С. 28−36.

[2] Зубаревич Н. В. Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики // Мир новой экономики. – 2017. – № 2. – С. 46−57.

[3] Зайончковская Ж. А., Иоффе Г. В. Динамика расселения в Московском регионе как отражение постсоветских трансформаций // Вопросы географии, сб. 135: География населения и социальная география. – М.: Кодекс, 2013. – С. 188−223.

[4] Там же. – С. 198.

[5] Столичный дрейф: из каких городов чаще всего переезжают жить в Москву / StrelkaMag. – URL: https://strelkamag.com/ru/article/stolichnyi-dreif-iz-kakikh-gorodov-priezzhayut-zhit-v-moskvu (дата обращения: 15.02.2025).

Московский регион является лидером, имеющим наиболее тесные связи с соседями, и по объему произведенного продукта. Анализ особенностей размещения регионов, попавших в разные группы (*HH*, *HL*, *LH*, *LL*), по территории страны (рисунки 30 и 31) свидетельствует о достаточно высокой степени поляризации экономической активности в европейской части России. Полученные результаты могут быть интерпретированы следующим образом.

Рисунок 30 – Влияние субъектов РФ друг на друга (показатель – валовой региональный продукт; отображаемые межтерриториальные связи – прямые) в 2023 г.[1]

Большая часть регионов Сибири хотя и характеризуется весьма существенными значениями рассматриваемого показателя (ВРП), но слабо связана с окружающими их

[1] Составлено автором.

территориями, что во многом объясняется значительными расстояниями между центрами экономической активности данных субъектов РФ.

Рисунок 31 – Влияние субъектов РФ друг на друга (показатель – валовой региональный продукт; отображаемые межтерриториальные связи – обратные) в 2023 г.[1]

Территория Дальнего Востока и части Юга России не испытывает существенного влияния со стороны своих соседей (при этом приграничное расположение данных регионов обосновывает необходимость анализа степени их взаимосвязи с близкорасположенными зарубежными странами и регионами – вполне возможно, что они попадают в зону влияния экстремумов экономического развития, находящихся за границами Российской Федерации), а регионы Урала, характеризующиеся достаточно высокими значениями ВРП (главным образом автономные округа), имеют в рамках рассматриваемого параметра бо-

[1] Составлено автором.

лее тесные взаимосвязи с Москвой, чем друг с другом, о чем свидетельствуют результаты расчетов значений показателя $LISA_{ij}$, определенных для регионов Урала и Москвы.

Выявленная закономерность находит подтверждение в итогах анализа статистических данных, характеризующих межрегиональный товарооборот. Так, товарооборот Тюменской области (включая Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа) с Москвой более чем в четыре раза превышает товарооборот со Свердловской областью, более чем в 10 раз – с Челябинской областью, более чем в 160 раз – с Курганской областью[1]. В структуре межрегионального торгового оборота Челябинской области лидирующие позиции также занимает Москва, хотя доли Свердловской области и Ямало-Ненецкого автономного округа достаточно высоки[2]. Несколько иная ситуация сложилась в Свердловской области: А. А. Глумов в своем исследовании хозяйственных связей уральских территорий[3] отмечает, что Челябинская область опережает Москву по масштабам торгового оборота с данным регионом; более того, если объединить статистику по югу Тюменской области и входящим в ее состав автономным округам, Москва в получившейся структуре торгово-экономических связей Свердловской области окажется лишь на третьем месте. В то же время «тяготение» северных территорий Урала к административному центру страны не вызывает сомнения: сходство масштабов экономических систем и перспективность рынков сбыта определяет высокую заинтересованность территорий друг в друге. Не случайно в научной литературе получает распространение подход, в соответствии с которым особое внимание при определении перспектив успешного взаимодействия субъектов уделяется не географической, а «организованной» (основанной на их сходстве, принадлежности к единой системе отношений) близости[4]. Ориентация территориальных социально-экономических систем, даже расположенных на периферии, на Москву не случайна: многие транспортно-логистические цепочки замыкаются именно на столичном регионе, некоторые организационные особенности осуществления хозяй-

---

[1] Департамент национальной политики и межрегиональных связей города Москвы. Отдел межрегиональных связей. – URL: https://www.mos.ru/ depnpol/function/deiatelnost/otdel-mezhregionalnykh-svyazei/ (дата обращения: 15.04.2025); Межрегиональный товарообмен УрФО / Инвестиционный портал Свердловской области. – URL: http://invest-in-ural.ru/img/%D0%A3%D1%80%D0%A4%D0%9E.pdf (дата обращения: 25.02.2025).

[2] Яковлева Н. В., Ишунькина Е. А. Межрегиональное экономическое сотрудничество Челябинской области // Региональная экономика: теория и практика. – 2018. – Т. 16, № 5. – С. 839.

[3] Глумов А. А. Исследование хозяйственных связей Свердловской области с регионами Урала // Управленец. – 2018. – Т. 9, № 1. – С. 8−13.

[4] Пожидаев Р. Г. Эволюция концепции близости и актуальная кластерная политика // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2019. – № 3. – С. 26−34.

ственной деятельности (связанные, например, с осуществлением таможенных, регистрационных процедур) также требуют включения административного центра в реализуемые процессы.

При этом замыкание межрегиональных связей в одной точке пространства сложно считать свидетельством эффективно организованной системы: скорость перемещения ресурсов невелика, тогда как их стоимость по большей части выше, чем в случае применения иного подхода к организации цепочек взаимодействия; проблемы, связанные с высокой нагрузкой извне, испытывает и центр притяжения. Кроме того, вновь можно констатировать наличие сильных обратных межтерриториальных связей с Москвой для всех территорий, «опоясывающих» Московский регион (см. рисунок 31). Подобные наблюдения позволяют сделать вывод о неоднозначном влиянии масштабных социально-экономических систем на окружающее пространство: территории, расположенные вблизи таких комплексов, зачастую не только не получают от них значительного импульса собственному развитию, но и утрачивают имеющиеся ресурсы. Такое положение вещей закономерно: опережающее развитие субъекта приводит к нехватке активов для дальнейшего наращивания темпов роста, которые необходимо откуда-то привлечь, а наиболее доступным источником недостающих средств становятся расположенные поблизости системы, не способные удержать ресурсы из-за своего заведомо проигрышного положения.

Обобщив все сказанное ранее, можно обозначить следующие проблемы, характеризующие пространственное развитие Российской Федерации:

– подтверждено существование значительного межрегионального неравенства и высокого уровня поляризации российского пространства, причем наличие существенных рисков характерно для развития как ареалов, не обладающих преимуществами владения ресурсами разных типов и удаленных от зон концентрации активов, так и для тех территорий, которые расположены вблизи от таких зон, но проигрывают им по масштабам имеющегося территориального капитала;

– для более поздних стадий жизненного цикла элементов, составляющих территориальный капитал, характерно повышение степени неравномерности распределения таких элементов в пространстве (это может являться свидетельством постепенного «стягивания» составляющих капитала по мере изменения их формы в ограниченное число территориальных единиц, что делает перспективу привлечения отстающими территориями из других регионов недостающих ресурсов весьма сложно осуществимой);

– наблюдается ограниченное количество зон концентрации активов, состав которых при переходе от одной составляющей территориального капитала к другой практически не меняется, при этом специфика их локализации ограничивает возможности развития восточной части страны;

– выявлено существование ареалов, не обладающих преимуществами во владении активами и удаленных от зон концентрации ресурсов, для которых остро стоит угроза «выпадения» из экономического пространства страны;

– наименее оптимально организовано пространство функционирования творческого и финансового капитала: для него характерна высокая степень «стягивания» в отдельные точки на территории страны, что препятствует превращению этих составляющих капитала (имеющих ключевое значение в современных условиях) в существенный фактор экономического роста на макроуровне;

– особенности локализации природного капитала достаточно сильно отличаются от специфики размещения прочих составляющих территориального капитала, для которых во многом прослеживаются общие закономерности тяготения к наиболее населенным и экономически благополучным пространственным ареалам, что затрудняет возможности его эффективного использования;

– российское экономическое пространство характеризуется достаточно слабой степенью связанности: по ряду параметров обеспеченности инфраструктурой страна отстает от экономически успешных зарубежных государств, причем недостаточная развитость инфраструктурного комплекса особенно остро проявляется на уровне отдельных территориальных единиц, что позволяет сделать вывод о наличии существенных межтерриториальных диспропорций с точки зрения условий для организации взаимодействия;

– наряду с централизацией ресурсов наблюдается централизация потоков: значительная часть межрегиональных связей ориентирована на одну точку пространства.

Опираясь на выявленные проблемы, можно отметить ряд важных закономерностей и перспектив пространственного развития национальной экономики, связанных в том числе с процессами наращивания (или утраты) отдельными регионами своего территориального капитала.

Во-первых, прослеживается тенденция к «консервации» либо дальнейшему усилению неоднородности развития: очевидна перспектива сохранения активов в тех точках пространства, где они концентрируются на данный момент. Это может повлечь за собой

разрыв существующих межтерриториальных связей (и отказ от формирования новых), утрату регионами-аутсайдерами имеющихся у них ресурсов вследствие их оттока на те площадки, где их можно более эффективно капитализировать, что в итоге угрожает целостности всей национальной экономической системы.

Во-вторых, значительный и при этом растущий уровень поляризации экономического пространства, проявляющийся как на уровне отдельных активов и их комплексов, так и на уровне процессов и взаимоотношений, делает весьма вероятной перспективу дальнейшего наращивания потенциала в ограниченном числе территориальных единиц (способных быстрее и эффективнее, чем другие, превратить его в капитал развития), оттягивания ими ресурсов у соседей (в первую очередь ближайших). Это создает угрозы дальнейшему функционированию не только тех регионов, которые рискуют утратить имеющиеся у них активы, но и самих центров притяжения: ухудшается качество среды проживания, появляются новые проблемы, связанные с транспортной и экологической нагрузкой на территорию.

В-третьих, трансформируется пространство взаимодействий, в том числе объединяющих представителей разных территорий: увеличивается роль виртуальных связей (характеризующим их показателям присущ существенный рост), повышается значимость цифровых технологий при осуществлении коммуникаций, реализации управленческих и координационных процессов. Так, по информации специалистов Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ[1], с 2016 по 2024 г. российские значения индекса развития электронного правительства, оценивающего готовность стран использовать ИКТ для предоставления госуслуг, стабильно росли (с 0,72 до 0,85), аналогичные тенденции характерны и для индекса мобильного взаимодействия (с 75,9 в 2018 г. его величина возросла до 80,9 в 2023 г.). Наблюдается также рост масштабов доступа к интернету домашних хозяйств (доля домохозяйств, имеющих доступ, увеличилась с 67,2 % в 2013 г. до 87,9 % в 2023 г.) и стабильно высокий уровень использования интернета организациями (77 %); 87 % населения используют интернет практически каждый день. Может показаться, что процессы цифровизации и виртуализации делают возможным эффективное развитие страны или ее отдельных регионов даже при наличии некоторых межтерриториальных дисбалансов или недостаточно оптимальном взаиморасположении акти-

[1] Индикаторы цифровой экономики: 2025: стат. сб. / В. Л. Абашкин, Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневский, Л. М. Гохберг и др. – М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. – 296 с.

вов, что позволяет допустить снижение значимости вопросов пространственной организации хозяйства. Однако делать такой вывод было бы неправильно. Безусловно, эти процессы воздействуют на проблематику пространственных преобразований, однако уместнее говорить не о снятии некоторых вопросов, касающихся повышения оптимальности организации пространства, а об их трансформации. Так, новые аспекты приобретает проблема обеспечения пространственной связанности: особое внимание следует уделять не только транспортной, но и информационной инфраструктуре, обеспечивающей доступ к цифровым технологиям в отдельных точках пространства.

Все вышесказанное определяет необходимость использования дифференцированного подхода к управлению различными территориальными системами, причем особого внимания заслуживают зоны, рискующие выпасть из экономического пространства из-за отсутствия у них активов для дальнейшего развития (или высокого риска их утраты); принципиальное значение имеет разработка механизмов, позволяющих вовлекать такие территории в хозяйственные отношения с другими регионами. Кроме того, при реализации региональной политики принципиальное значение имеет учет особенностей размещения в пространстве территориального капитала: попытки нарастить его без четкого представления о том, где следует размещать активы, что должно располагаться рядом с ними, вряд ли обеспечат достижение желаемого эффекта, способствуя лишь еще большему искажению экономического пространства.

4.2 Проблемы и перспективы пространственного развития экономики региональных систем разных типов

Тезис о необходимости использования дифференцированного подхода к управлению различными территориальными системами предполагает выявление специфических черт каждой такой системы. В то же время очевидно, что формирование детализированного профиля каждого региона (или муниципального образования) требует глубокого исследования, масштабы и предмет которого выходят за рамки проводимой работы. Таким образом, имеет смысл говорить скорее о систематизации рассмотренных территорий, выявлении их специфических типов (некоторые аспекты типологизации регионов рассмот-

рены в ранее опубликованной автором диссертационного исследования работе[1]), отличающихся друг от друга тем местом, которое каждый из них занимает в экономическом пространстве страны (в том числе с точки зрения сосредоточения там активов развития).

Интерес представляет рассмотрение групп регионов, отличающихся как масштабами вклада в территориальный капитал страны, так и спецификой ресурсной составляющей их развития, во многом определяющей природу этого вклада.

4.2.1 Регионы, отличающиеся масштабами вклада в территориальный капитал страны

Для идентификации групп регионов, отличающихся масштабами вклада в территориальный капитал страны, следует обратиться к нашедшему применение в рамках проводимого исследования методу пространственной корреляции, базирующемуся на оценке индексов Морана. С его помощью в интересах определения особенностей локализации субъектов и объектов в рамках каждого из рассматриваемых параметров были определены зоны концентрации и ареалы, попадающие в сферу влияния этих зон концентрации, однако внимание было уделено только тем регионам, связи которых с соседями достаточно сильны. Но в случае, когда речь идет не столько о выявлении полюсов национального масштаба, сколько об определении места каждого региона в системе распределения активов разных типов, силой взаимосвязей можно пренебречь (акцент делается на масштабах имеющегося у территории потенциала).

Следовательно, имеет смысл обратить внимание на позиции каждого региона в системе координат, полученной благодаря соотношению стандартизированных значений рассматриваемого показателя и пространственно взвешенных центрированных значений (особенности такой группировки были представлены на рисунке 17).

Определение места каждой рассматриваемой территории в данной системе по каждому из рассматриваемых показателей позволяет построить масштабные матрицы (приложение К), наглядно представляющие вклад региона в функционирование той или иной со-

[1] Суворова А. В. Особенности типологизации регионов: подходы и варианты критериев // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2019. – № 11-3 (57). – С. 71–74.

ставляющей территориального капитала. Каждой из выделенных групп присваивается свое цифровое обозначение: с литерой «а» – для территорий, обладающих сильными связями с соседями, с литерой «б» – для территорий со слабыми связями:

1) для *HL*;

2) для *HH*;

3) для *LH*;

4) для *LL*.

Такая подробная группировка может быть полезна при более детальном анализе особенностей развития отдельных составляющих территориального капитала, однако в рамках проводимого исследования требуется объединение индикаторов состояния каждой территории с одновременным сокращением количества рассматриваемых групп. Так, в первой группе (в материалах по ссылке, представленной в приложении К, обозначена зеленым цветом) объединены территории, попавшие в квадранты *HL* и *HH*, во второй группе (обозначена желтым цветом) – квадранта *LH*, в третьей группе (обозначена красным цветом) – квадранта *LL*. Если речь идет о показателях с обратными значениями (большая величина которых свидетельствует о проблемах с соответствующей составляющей территориального капитала), логика отнесения к укрупненным группам меняется: территории из квадрантов *HL* и *HH* попадают в третью группу, из квадранта *LL* – в первую.

В свою очередь, типологизация рассматриваемых территорий может быть проведена путем соотнесения частоты повторения каждой из трех выделенных групп среди индикаторов, характеризующих особенности развития каждой территории (отдельно для каждой стадии функционирования территориального капитала). В результате каждый регион может быть включен в состав одной из групп (таблица 15).

Вторая группа объединяет территории, отстающие от своих соседей по масштабам запасов территориального капитала, имеющие вблизи мощный «магнит», способный оттянуть их собственные активы и представляющий угрозу их развитию, если в его границах процессы капитализации реализуются более успешно, либо позволяющий получить импульс позитивных преобразований благодаря трансляции своих лучших практик, вовлечению в собственные масштабные проекты. Они могут выступать лидерами (или аутсайдерами) накопления или использования ресурсов, составляющих основу отдельных элементов территориального капитала, однако, как правило, такие примеры единичны; в большинстве случаев регионы этой группы попадают в число элементов пояса зоны концентрации ресурсов развития.

Таблица 15 – Группировка российских регионов по специфике локализации в них элементов территориального капитала (2023 г.)[1]

Первая группа	Вторая группа	Третья группа
г. Москва; г. Санкт-Петербург; Иркутская область; Краснодарский край; Красноярский край; Ленинградская область; Московская область; Нижегородская область; Новосибирская область; Пермский край; Республика Башкортостан; Республика Татарстан; Ростовская область; Самарская область; Свердловская область; Ханты-Мансийский автономный округ – Югра; Челябинская область	Архангельская область; Белгородская область; Брянская область; Владимирская область; Волгоградская область; Вологодская область; Воронежская область; г. Севастополь; Ивановская область; Калининградская область; Калужская область; Кемеровская область; Кировская область; Костромская область; Курганская область; Курская область; Липецкая область; Мурманская область; Новгородская область; Омская область; Оренбургская область; Орловская область; Пензенская область; Приморский край; Псковская область; Республика Адыгея; Республика Алтай; Республика Карелия; Республика Коми; Республика Марий Эл; Республика Мордовия; Рязанская область; Саратовская область; Смоленская область; Тамбовская область; Тверская область; Томская область; Тульская область; Тюменская область; Удмуртская Республика; Ульяновская область; Чувашская Республика; Ямало-Ненецкий автономный округ; Ярославская область	Алтайский край; Амурская область; Астраханская область; Еврейская автономная область; Забайкальский край; Кабардино-Балкарская Республика; Камчатский край; Карачаево-Черкесская Республика; Магаданская область; Республика Бурятия; Республика Дагестан; Республика Ингушетия; Республика Калмыкия; Республика Крым; Республика Саха (Якутия); Республика Северная Осетия – Алания; Республика Тыва; Республика Хакасия; Сахалинская область; Ставропольский край; Хабаровский край; Чеченская Республика; Чукотский автономный округ

[1] Составлено автором.

В первую группу попадают регионы, аккумулирующие значительные запасы территориального капитала: как правило, они сочетают на своей территории ресурсы разных типов и отличаются достаточно высокими значениями показателей, характеризующих итоги социально-экономического развития. Представители этой группы весьма эффективно капитализируют имеющиеся активы, что позволяет сохранять их на территории (или не допускать значительного их оттока), а также обладают способностью привлекать ресурсы извне, выступая своего рода точкой притяжения для элементов территориального капитала соседних, а в некоторых случаях и более отдаленных регионов.

К третьей группе отнесены регионы, чаще всего обладающие относительно невысокими запасами активов территориального капитала и располагающиеся при этом вблизи от территорий, также испытывающих дефицит ресурсов развития данного типа. Они удалены от зон концентрации территориального капитала и, как правило, находятся на периферии страны, занимая приграничное (или близкое к нему) положение. Такие регионы в отдельных случаях могут выступать площадками, которые аккумулируют активы (в том числе уникальные), способные брать на себя роль основы потенциала развития всей территории, определяя тем самым специфику капитала ее социально-экономических преобразований, но в целом можно констатировать присущее им отставание от регионов других групп как в сбережении ресурсов (особенно отличающихся высокой мобильностью), так и в части их притяжения.

Состав выделенных групп достаточно устойчив: они практически не отличаются от результатов группировки территорий, осуществленной на основе данных 2019 г. (позиции регионов в системе координат $z{-}w_z$ по параметрам, характеризующим территориальный капитал, для данного периода представлены по ссылке, приведенной в приложении К; особенности размещения регионов, попавших в разные группы, проиллюстрированы в приложении Л). К числу исключений могут быть отнесены Республика Хакасия, переместившаяся из второй группы в третью, и Приморский край, усиливший свои позиции за счет существенного увеличения средств, направляемых на наращивание территориального капитала, что позволило ему перейти из третьей группы во вторую.

Специфика локализации регионов, входящих в разные группы, относительно друг друга может быть наглядно представлена с помощью карты (рисунок 32).

Рисунок 32 – Размещение регионов, отличающихся спецификой локализации в них элементов территориального капитала, в пространстве страны в 2023 г.[1]

Прослеживается достаточно явная положительная пространственная корреляция территориального капитала: регионы, входящие в одну и ту же группу, располагаются рядом друг с другом, формируя масштабные кластеры. При этом единого паттерна наличия или отсутствия у территорий какого-либо признака, коррелирующего с логикой их распределения по выделенным группам, не отмечается. Так, попавшие в одну группу территории существенно отличаются друг от друга по занимаемой ими площади, плотности населения, специфике хозяйственной деятельности (и наоборот, эти характеристики могут совпадать у регионов, относимых к разным группам).

Весьма дифференцированными являются выделенные группы и по специфике организации пространства входящих в их состав региональных систем: они отличаются друг от друга логикой взаиморасположения ресурсов развития, масштабами их концентрации в отдельных точках. В то же время сопоставление особенностей пространственного разви-

[1] Составлено автором.

тия регионов, представляющих различные группы, позволяет выявить некоторые интересные закономерности. В качестве информационной базы такого анализа могут быть использованы данные о численности населения, проживающего в муниципальных образованиях (обобщенная характеристика сообществ – носителей элементов территориального капитала), и об объемах отгрузки товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами (обобщенная характеристика результатов использования составляющих территориального капитала). Определение особенностей локализации человеческих и производственных ресурсов на территории региона позволяет получить достаточно четкое представление о специфике его пространственной организации.

В приложении М агрегированы данные, характеризующие степень пространственной неоднородности регионов, входящих в состав каждой из выделенных групп. Можно отметить, что во всех трех группах присутствуют как территории, обладающие ярко выраженным центром социальной и хозяйственной жизни, так и субъекты РФ, в которых четко прослеживается наличие полицентрической социально-экономической системы (в которой, тем не менее, один из узлов чаще всего явно доминирует над «вторым» или «третьим» муниципалитетом). В ряде регионов наблюдается интересная ситуация, когда центр системы расселения и центр хозяйственной системы не совпадают друг с другом. Как правило, это характерно для регионов, лидирующих по наличию элементов природного капитала, имеющих жесткую привязку к отдельным точкам пространства (зачастую локализованных в суровых климатических условиях, неблагоприятных для жизни); большая часть таких регионов оказалась во второй или третьей группе. В свою очередь, большинство субъектов РФ, на территории которых расположены крупнейшие города и городские агломерации, оказались в составе первой группы (хотя не во всех случаях наличие города-миллионника обусловило вхождение региона в число лидеров). Это кажется весьма закономерным: значительная часть активов, в особенности обладающих существенной степенью мобильности, сосредоточена именно в крупных населенных пунктах, позволяющих им участвовать в хозяйственных процессах с максимально возможной эффективностью.

Показательным является также сопоставление параметров неоднородности пространства регионов, входящих в разные группы (таблица 16).

Усредненные величины индекса Тейла, характеризующего уровень дифференциации территорий по значениям рассматриваемых показателей, являются наименьшими для регионов третьей группы, следовательно, именно в них как человеческие, так и производственные ресурсы распределены наиболее равномерно.

Таблица 16 – Характеристики неоднородности пространства российских регионов, отличающихся спецификой наличия у них элементов территориального капитала в 2023 г.[1]

Группа	Индекс Тейла		Доля МО, лидирующего	
	Численность населения	Объем отгрузки	по численности населения	по величине отгрузки
Первая	0,911	1,392	32,61	33,67
Вторая	0,825	1,399	39,24	46,82
Третья	0,585	1,057	36,89	43,91

В свою очередь, степень концентрации ресурсов в одном региональном центре принимает наименьшие значения для территорий первой группы, что кажется несколько парадоксальным, поскольку, как отмечалось ранее, именно среди них велика доля регионов, в которых локализованы города-миллионники. Это связано с тем, что в рамках проведенных расчетов каждый субъект РФ учитывался отдельно от других.

Если же скорректировать подход, рассматривая Москву и Московскую область, а также Санкт-Петербург и Ленинградскую область как части единого масштабного территориального комплекса (агломерации), то результаты поменяются весьма существенно (таблица 17).

Таблица 17 – Характеристики неоднородности пространства российских регионов, отличающихся спецификой наличия у них элементов территориального капитала (с учетом влияния Московской и Санкт-Петербургской агломераций) в 2023 г.[2]

Группа	Индекс Тейла		Доля МО, лидирующего	
	Численность населения	Объем отгрузки	по численности населения	по величине отгрузки
Первая	1,105	1,640	39,25	41,93
Вторая	0,825	1,399	39,24	46,82
Третья	0,585	1,057	36,89	43,91

[1] Составлено автором по: База данных показателей муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/MUNST.htm (дата обращения: 15.03.2025).

[2] Составлено автором по: База данных показателей муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/MUNST.htm (дата обращения: 15.03.2025).

Так, наибольший уровень неоднородности будет характерен для регионов именно первой группы, отличающихся также достаточно высокой степенью поляризации в части формирования системы расселения.

Показательной также является оценка степени связанности внутрирегионального пространства территорий, входящих в состав каждой группы. Коэффициенты Энгеля, характеризующие обеспеченность регионов транспортной инфраструктурой, ожидаемо свидетельствуют об относительно неблагоприятной ситуации, сложившейся в регионах третьей группы (таблица 18).

Таблица 18 – Значения коэффициента Энгеля для российских регионов, отличающихся спецификой наличия у них элементов территориального капитала в 2023 г.[1]

Группа	Коэффициент Энгеля	
	Автомобильные дороги	Железнодорожные пути
Первая	2,710	0,151
Вторая	4,946	0,267
Третья	2,346	0,130

Для этих территорий характерна достаточно низкая степень развитости транспортной сети (как автомобильных, так и железных дорог), что может быть объяснено местоположением регионов (некоторые из них локализованы в той части страны, для которой характерны достаточно неблагоприятные климатические условия), а также параметрами обеспеченности их бюджетов. Отставание территорий третьей группы от регионов первой и второй групп наблюдается и в части доступа к виртуальному взаимодействию, который может быть оценен с помощью характеристики развития сектора ИКТ (таблица 19). Данная закономерность вызывает опасение в свете того, что именно регионы третьей группы испытывают особую потребность в наличии возможности включения во взаимосвязи и ресурсные потоки, участниками которых являются центры сосредоточения активов территориального капитала.

[1] Составлено автором по: Регионы России. Социально-экономические показатели / Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://www.rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204 (дата обращения: 18.03.2025).

Таблица 19 – Параметры развития сектора ИКТ российских регионов, отличающихся спецификой наличия у них элементов территориального капитала в 2023 г.[1]

Группа	Удельный вес организаций, использующих мобильный интернет, в общем числе организаций, %	Удельный вес организаций, использующих фиксированный интернет, в общем числе организаций, %	Число активных абонентов фиксированного широкополосного доступа к сети Интернет (физические лица) на 100 чел., ед.	Число активных абонентов мобильной связи, использующих услуги доступа к сети Интернет, на 100 чел., ед.
Первая	42,56	77,48	26,16	150,14
Вторая	40,85	79,11	23,35	107,96
Третья	36,62	74,01	16,30	92,01

Подводя итог данной части исследования, можно отметить некоторые проблемы и перспективы пространственного развития каждой из трех выделенных групп регионов.

Хотя регионы, включаемые в состав первой группы, в большинстве случаев аккумулируют основную часть элементов территориального капитала, обладая преимуществами, позволяющими максимально эффективно (по сравнению с прочими территориями) использовать имеющиеся ресурсы, именно для них характерна наибольшая степень межмуниципальной неоднородности, а наличие в их границах крупномасштабных территориальных единиц (крупнейших городов и агломераций) обуславливает высокий уровень поляризации экономического пространства. Несмотря на то, что обладание подобными центрами концентрации активов дает территории значительный импульс развития, можно отметить и наличие связанных с их функционированием ряда проблем, касающихся как качества жизни в самих крупнейших городах и агломерациях, так и наличия перспектив позитивных трансформаций у окружающих их территорий, утрачивающих свой потенциал из-за его стягивания в зоны концентрации.

Схожая проблема, но в несколько иных масштабах, характеризует регионы второй группы. Они обладают определенным запасом активов для дальнейшего развития, способны их наращивать, однако близость к субъектам, более эффективно капитализирующим эти активы, создает угрозу их утраты, что в перспективе может повлечь за собой снижение потенциала отдельных территориальных единиц, их выпадение из социально-

[1] Составлено автором по: Регионы России. Социально-экономические показатели / Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://www.rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204 (дата обращения: 18.03.2025).

экономических процессов, реализуемых в регионах, нарушение сети взаимодействий и в конечном итоге разрушение каркаса развития территории. В то же время подобное соседство может нести и весомые преимущества, связанные с возможностями использования резервов центров концентрации активов, которые, однако, требуют определенных усилий, в первую очередь имеющих отношение к выстраиванию взаимовыгодных партнерских отношений между территориями.

Для регионов третьей группы, как отмечалось ранее, достаточно остро стоит проблема удаленности (не только и не столько географической, сколько социально-экономической) от центров концентрации активов, сопряженная с относительно невысоким уровнем связанности пространства. При этом, несмотря на «оторванность» регионов этой группы от центральной части страны, процессы утраты мобильных элементов территориального капитала из-за их стягивания к зонам наиболее эффективной капитализации реализуются в них с не меньшей степенью интенсивности, чем в пространстве других групп. Эти регионы наиболее уязвимы к угрозе отделения (не столько в геополитическом, сколько в экономическом смысле) от основной части страны, превращению в обособленные хозяйственные комплексы, перспективы развития которых связаны с попытками максимизировать эффективность использования собственных ресурсов или повысить масштабы взаимодействия с территориями, локализованными поблизости.

В целом очевидно, что выявленные ранее проблемы и перспективы пространственного развития национальной экономики обнаруживаются и на уровне отдельных региональных систем, характеризуясь разной значимостью и разной степенью масштаба проявления для различных групп территорий.

4.2.2 Регионы, отличающиеся спецификой ресурсной составляющей их развития

В основе типологии регионов, которая учитывает специфику ресурсной составляющей их развития, может лежать определение тех конкурентных преимуществ территориальных систем, которые связаны с обеспеченностью ресурсами разных видов. Данный подход, концентрирующий внимание на имеющихся ресурсах, не предполагает опреде-

ление уровня эффективности их использования или оценки требуемых для их наращивания средств: главным параметром типологизации является наличие на территории различных активов. При этом следует отойти от предложенной ранее классификации элементов территориального капитала, предполагающей достаточно дробную и основанную на анализе содержательных характеристик его составляющих градацию, неизбежно приводящую к выделению значительного количества групп регионов, перейдя к комплексному алгоритму типологизации (рисунок 33).

В первую очередь необходимо провести сравнительную оценку территорий с точки зрения их обеспеченности ресурсами (в разрезе отдельных видов ресурсов). В рамках первого этапа типологизации представляется уместным рассмотрение уровня обеспеченности регионов «традиционными» ресурсами, такими как человеческий потенциал – труд, природные ресурсы – земля, ранее произведенные блага – капитал (обеспеченность ресурсами более высокого порядка – предпринимательской способностью сообществ и информацией – будет рассмотрена далее). Для оценки каждой названной составляющей из числа параметров, значения которых регулярно определяются статистической службой, были отобраны несколько показателей (таблица 20).

Выбор показателя для характеристики человеческого потенциала не представляет сложности: поскольку население в данном случае рассматривается в первую очередь как трудовой ресурс, наиболее удачным параметром для его оценки является численность экономически активного населения.

Природные ресурсы – это весьма обширная категория, включающая в себя земельные, лесные, водные ресурсы, полезные ископаемые, о чем достаточно подробно говорилось ранее.

Такое многообразие не позволяет подобрать единый показатель, пригодный для их совокупной оценки: в целях характеристики объемов разных типов природных ресурсов используются различные единицы измерения, при этом масштабы этих объемов зачастую несопоставимы. Поэтому в интересах проведения первичной сравнительной оценки регионов с точки зрения их обеспеченности природными ресурсами предлагается использовать сведения о площади территорий – интегральном показателе, позволяющем получить общее понимание размерности территориального комплекса и косвенно (хотя и не всегда с высокой точностью) оценить объемы таких имеющихся в регионе запасов, которые обусловлены особенностями географического положения.

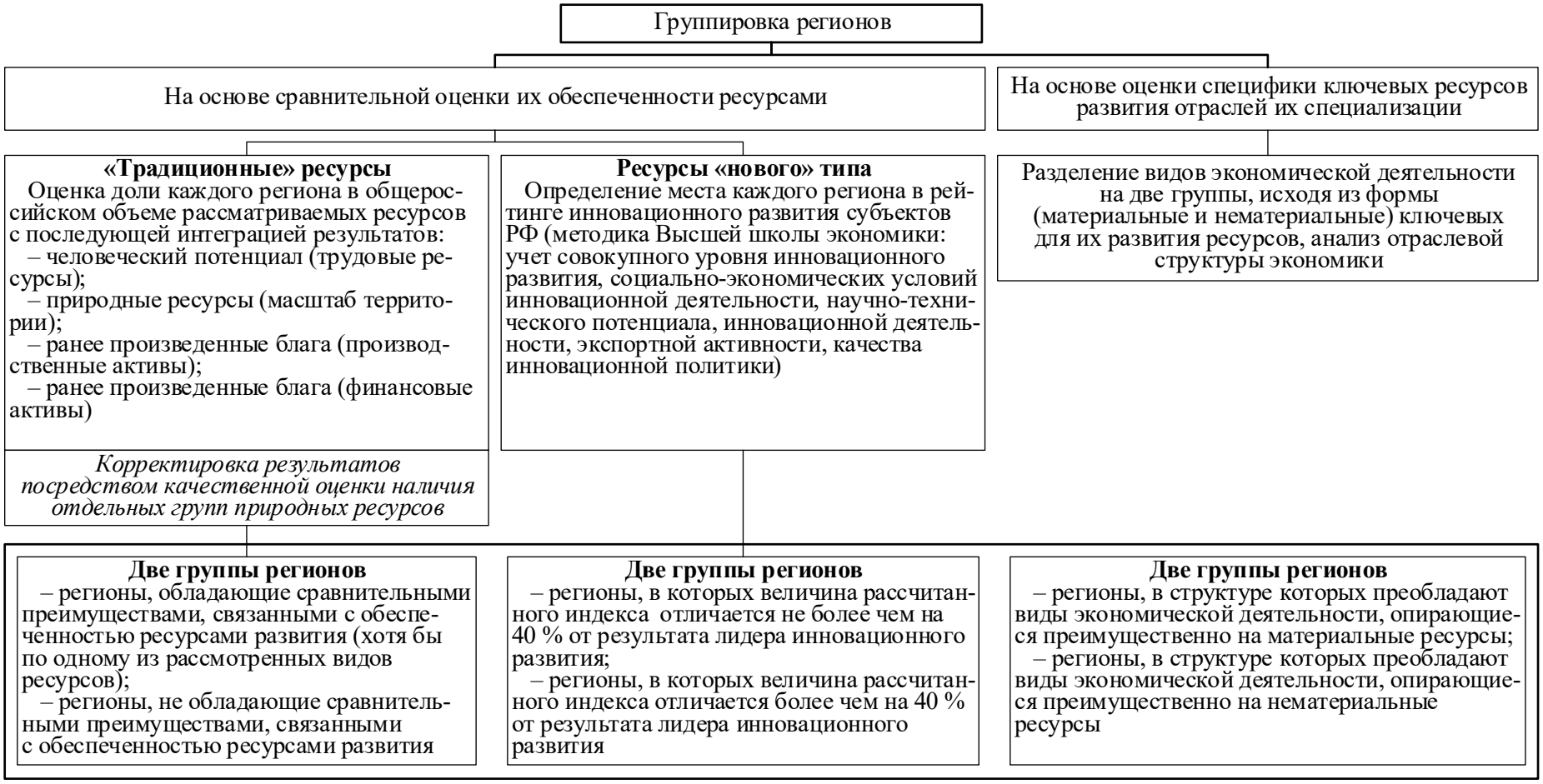

Рисунок 33 – Авторский алгоритм типологизации регионов, учитывающей специфику ресурсной составляющей их развития[1]

[1] Составлено автором.

Таблица 20 – Показатели оценки некоторых из ресурсов[1]

Оцениваемый ресурс	Показатель	Сущность показателя
Человеческий потенциал	Численность экономически активного населения, тыс. чел.	Часть населения, обеспечивающая предложение рабочей силы для производства товаров и услуг[2]
Природные ресурсы	Площадь, тыс. км^2	Характеристика масштабов занимаемой регионом территории
Ранее произведенные блага (производственные активы)	Стоимость основных фондов, млн р.	Совокупность производственных, материально-вещественных ценностей, которые действуют в процессе производства в течение длительного периода времени, сохраняют при этом на протяжении всего периода времени натурально-вещественную форму и переносят их стоимость на продукцию[3]
Ранее произведенные блага (финансовые активы)	Инвестиции в основной капитал, млн р.	Совокупность затрат, направленных на создание и воспроизводство основных средств[4]

Очевидно, что для более точной оценки параметров обеспеченности территорий теми ресурсами, которые относятся к категории природных, результаты группировки впоследствии следует скорректировать, приняв во внимание наличие в регионах таких объемов полезных ископаемых и лесного фонда, которые существенно превышают аналогичные значения прочих субъектов РФ.

Для оценки обеспеченности территории ранее произведенными благами предлагается использовать два показателя: стоимость основных фондов (характеризует масштаб производственных активов территории) и инвестиции в основной капитал (позволяет выявить объем финансовых ресурсов, обеспечивающих экономическое развитие).

При этом значение имеет не абсолютная величина имеющихся у региона ресурсов, а их доля, приходящаяся на каждую из рассматриваемых территорий: после проведения расчетов по всем оцениваемым ресурсам (на основе отобранных показателей) можно выстроить подвергшиеся анализу субъекты РФ в порядке убывания их удельного веса в общероссийском объеме (приложение Н).

---

[1] Составлено автором.

[2] Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 15.02.2025).

[3] Гусаков В. Г., Дереза Е. И. Аграрная экономика: термины и понятия: энцикл. справ. – Минск: Белорус. наука, 2008. – 576 с.

[4] Об утверждении Методики расчета показателя «Привлечение инвестиций в основной капитал, в том числе внебюджетных»: приказ Минэкономразвития России от 26 мая 2017 г. № 252.

Затем каждый из получившихся рейтингов делится на четыре части:

– группа 1 – лидеры по обеспеченности рассматриваемым ресурсом;

– группа 4 – регионы, не обладающие сравнительными преимуществами, связанными с обеспеченностью данным ресурсом.

Алгоритм группировки следующий: на основе определения среднего арифметического значения между максимальной и минимальной величиной рассматриваемого параметра (доли, приходящейся на каждый регион) выявляется группа территорий, значения которых превышают найденную величину (группа 1); оставшиеся регионы снова делятся на две части (исходя из соотношения присущего им значения показателя и среднего арифметического значения между максимумом и минимумом); далее процедура повторяется еще один раз (для территорий, обладающих наименьшими значениями рассматриваемого параметра).

После этого результаты расчетов по четыре оцениваемым ресурсам сводятся вместе (приложение П): регионы, попавшие в группы 1, 2 или 3 хотя бы в одном из рейтингов, – территории, обладающие сравнительными преимуществами, связанными с обеспеченностью ресурсами развития (их 43); прочие регионы – территории, не обладающие сравнительными преимуществами, связанными с обеспеченностью ресурсами развития (их 42).

Однако, как отмечалось выше, полученные результаты нуждаются в уточнении: требуется более подробно рассмотреть каждый из регионов, попавших в группу территорий, не обладающих сравнительными преимуществами, приняв во внимание наличие на их территории полезных ископаемых и лесного фонда, которые не были учтены при проведенных ранее расчетах. В том случае, если регион существенно опережает большинство территорий по объемам полезных ископаемых (запасам лесного фонда), его позицию в рамках получившейся группировки необходимо скорректировать.

Исходя из анализа официальных статистических данных[1] и Государственного доклада «О состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации в 2023 г.»[2] такой корректировке подверглись позиции Еврейской автономной области (графит), Курской области (железо), Мурманской области (никель, титан и редко-

[1] Регионы России. Социально-экономические показатели / Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://www.rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204 (дата обращения: 18.03.2025).

[2] Государственные доклады / Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации. – URL: https://www.mnr.gov.ru/docs/gosudarstvennye_doklady/ (дата обращения: 14.02.2025).

земельные металлы), Республики Карелия (хромовые руды) и Республики Тыва (уран, цирконий, литий, ниобий). Итоги группировки с учетом проведенных корректировок представлены в таблице 21.

Таблица 21 – Группировка регионов на основе сравнительной оценки их обеспеченности «традиционными» ресурсами (с учетом корректировки) (2023 г.)[1]

Регионы, обладающие сравнительными преимуществами, связанными с обеспеченностью ресурсами развития (хотя бы по одному из рассмотренных видов ресурсов)	Регионы, не обладающие сравнительными преимуществами, связанными с обеспеченностью ресурсами развития
Алтайский край, Амурская область, Архангельская область, Белгородская область, Волгоградская область, Воронежская область, г. Москва, г. Санкт-Петербург, Еврейская автономная область, Забайкальский край, Иркутская область, Камчатский край, Кемеровская область – Кузбасс, Краснодарский край, Красноярский край, Курская область, Ленинградская область, Магаданская область, Московская область, Мурманская область, Нижегородская область, Новосибирская область, Омская область, Оренбургская область, Пермский край, Приморский край, Республика Башкортостан, Республика Бурятия, Республика Дагестан, Республика Карелия, Республика Коми, Республика Крым, Республика Саха (Якутия), Республика Татарстан, Республика Тыва, Ростовская область, Самарская область, Саратовская область, Свердловская область, Ставропольский край, Томская область, Тульская область, Тюменская область, Хабаровский край, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Челябинская область, Чукотский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ	Астраханская область, Брянская область, Владимирская область, Вологодская область, г. Севастополь, Ивановская область, Кабардино-Балкарская Республика, Калининградская область, Калужская область, Карачаево-Черкесская Республика, Кировская область, Костромская область, Курганская область, Липецкая область, Ненецкий автономный округ, Новгородская область, Орловская область, Пензенская область, Псковская область, Республика Адыгея, Республика Алтай, Республика Ингушетия, Республика Калмыкия, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Республика Северная Осетия-Алания, Республика Хакасия, Рязанская область, Сахалинская область, Смоленская область, Тамбовская область, Тверская область, Удмуртская Республика, Ульяновская область, Чеченская Республика, Чувашская Республика, Ярославская область

Для характеристики особенностей распределения по регионам ресурсов «нового» типа (к данной категории следует отнести такие ресурсы, как «предпринимательская способность» и «информация», о наличии которых у территорий свидетельствует творческая и инновационная активность действующих в их пространстве субъектов, научный потенциал, развитость экономики знаний) предлагается использовать итоги оценки инноваци-

[1] Составлено автором.

онного развития субъектов РФ[1], проведенной Институтом статистических исследований и экономики знаний Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в рамках деятельности Российской кластерной обсерватории. Методика, на которой базируется оценка, позволяет определить значение регионального инновационного индекса для каждой из рассматриваемых территорий на основе учета значительного количества параметров, характеризующих различные аспекты обеспеченности регионов ресурсами «нового» типа, – уровня инновационного развития, социально-экономических условий инновационной деятельности, научно-технического потенциала, инновационной деятельности, экспортной активности, качества инновационной политики. При этом следует учитывать, что уровень инновационного развития субъектов характеризует наличие у территорий не только ресурсов «нового» типа, но и предпосылок для эффективного использования имеющегося потенциала, позволяет сделать выводы о его качественных характеристиках.

На основании расчетов, проведенных экспертами Высшей школы экономики, возможно разделить всю совокупность регионов на две большие группы (таблица 22):

– регионы, обладающие сравнительными преимуществами, связанными с обеспеченностью ресурсами развития «нового» типа (регионы, в которых величина рассчитанного инновационного индекса отличается не более чем на 40 % от результата лидера инновационного развития);

– регионы, не обладающие сравнительными преимуществами, связанными с обеспеченностью ресурсами развития «нового типа» (регионы, в которых величина рассчитанного инновационного индекса отличается более чем на 40 % от результата лидера инновационного развития).

Наряду с проведением сравнительной оценки обеспеченности регионов ресурсами разных типов, представляется крайне важным определить специфику формы ресурсов, которые имеют ключевое значение для развития экономики каждой территории, т. е. тех ресурсов, на которые в настоящее время делается ставка в региональном хозяйственном комплексе. Так, ресурсы условно можно разделить на две группы: материальные (изменение их местоположения – достаточно трудоемкая задача) и нематериальные (не имеющие такой значимой привязки к конкретным точкам пространства).

---

[1] Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации, вып. 10 / В. Л. Абашкин, Г. И. Абдрахманова, С. В. Артемов и др. – М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. – URL: https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/1068200858.pdf (дата обращения: 15.06.2025).

Таблица 22 – Группировка регионов на основе сравнительной оценки их обеспеченности ресурсами «нового» типа (2023 г.)[1]

Регионы, обладающие сравнительными преимуществами, связанными с обеспеченностью ресурсами развития «нового типа»	Регионы, не обладающие сравнительными преимуществами, связанными с обеспеченностью ресурсами развития «нового типа»
Белгородская область, Владимирская область, Волгоградская область, г. Москва, г. Санкт-Петербург, Иркутская область, Калининградская область, Калужская область, Краснодарский край, Красноярский край, Липецкая область, Московская область, Нижегородская область, Новгородская область, Новосибирская область, Омская область, Пермский край, Республика Башкортостан, Республика Карелия, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Республика Татарстан, Ростовская область, Рязанская область, Самарская область, Саратовская область, Свердловская область, Смоленская область, Томская область, Тульская область, Тюменская область, Ульяновская область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Челябинская область, Чувашская Республика, Ярославская область	Алтайский край, Амурская область, Архангельская область, Астраханская область, Брянская область, Вологодская область, Воронежская область, г. Севастополь, Еврейская автономная область, Забайкальский край, Ивановская область, Кабардино-Балкарская Республика, Камчатский край, Карачаево-Черкесская Республика, Кемеровская область – Кузбасс, Кировская область, Костромская область, Курганская область, Курская область, Ленинградская область, Магаданская область, Мурманская область, Ненецкий автономный округ, Оренбургская область, Орловская область, Пензенская область, Приморский край, Псковская область, Республика Адыгея, Республика Алтай, Республика Бурятия, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Республика Калмыкия, Республика Коми, Республика Крым, Республика Саха (Якутия), Республика Северная Осетия – Алания, Республика Тыва, Республика Хакасия, Сахалинская область, Ставропольский край, Тамбовская область, Тверская область, Удмуртская Республика, Хабаровский край, Чеченская Республика, Чукотский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ

Разделение всей совокупности субъектов РФ на те, которые в большей степени зависят от материальных ресурсов, и те, для которых ключевыми являются нематериальные ресурсы, требует анализа отраслевых особенностей экономических систем регионов: именно оценка вклада каждой из отраслей в развитие территории позволяет охарактеризовать важность того или иного ресурса для хозяйственной системы. Таким образом, необходимо разделить все виды экономической деятельности на два типа – виды деятельности, ключевыми ресурсами для развития которых являются материальные ресурсы, и виды деятельности, ключевыми ресурсами для развития которых являются нематериальные ресурсы (таблица 23), и провести анализ отраслевой структуры экономики рассматриваемых регионов, определив долю, приходящуюся на каждый из выделенных типов видов деятельности.

[1] Составлено автором.

Таблица 23 – Соотнесение видов экономической деятельности с ресурсами, являющимися ключевыми для их развития[1]

Раздел	Вид деятельности (по ОКВЭД 2)	Ключевые ресурсы развития вида деятельности
A	Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	Материальные (возобновляемые природные ресурсы)
B	Добыча полезных ископаемых	Материальные (полезные ископаемые)
C	Обрабатывающие производства	Материальные (производственные мощности)
D	Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	Материальные (производственные мощности)
E	Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	Материальные (производственные мощности)
F	Строительство	Нематериальные
G	Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	Нематериальные
H	Транспортировка и хранение	Материальные (элементы транспортно-логистической инфраструктуры)
I	Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	Нематериальные
J	Деятельность в области информации и связи	Нематериальные
K	Деятельность финансовая и страховая	Нематериальные
L	Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	Нематериальные
M	Деятельность профессиональная, научная и техническая	Нематериальные
N	Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	Нематериальные
O	Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	Нематериальные
P	Образование	Нематериальные
Q	Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	Нематериальные
R	Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	Нематериальные
S	Предоставление прочих видов услуг	Нематериальные
T	Деятельность домашних хозяйств как работодателей; недифференцированная деятельность частных домашних хозяйств по производству товаров и оказанию услуг для собственного потребления	Нематериальные
U	Деятельность экстерриториальных организаций и органов	Нематериальные

[1] Составлено автором.

Определение (в укрупненном виде) отраслевой структуры валовой добавленной стоимости субъектов РФ (приложение Р) позволяет выделить регионы, опирающиеся преимущественно на материальные ресурсы, и регионы, опирающиеся преимущественно на нематериальные ресурсы (таблица 24).

Таблица 24 – Группировка регионов на основе оценки специфики ключевых ресурсов развития отраслей их специализации (2023 г.)[1]

Регионы, в структуре которых преобладают виды экономической деятельности, опирающиеся преимущественно на материальные ресурсы	Регионы, в структуре которых преобладают виды экономической деятельности, опирающиеся преимущественно на нематериальные ресурсы
Астраханская область, Белгородская область, Брянская область, Вологодская область, Забайкальский край, Иркутская область, Калужская область, Кемеровская область – Кузбасс, Кировская область, Красноярский край, Курская область, Ленинградская область, Липецкая область, Магаданская область, Мурманская область, Ненецкий автономный округ, Новгородская область, Оренбургская область, Орловская область, Пермский край, Республика Карелия, Республика Коми, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Республика Саха (Якутия), Республика Татарстан, Республика Хакасия, Самарская область, Саратовская область, Сахалинская область, Тамбовская область, Томская область, Тульская область, Тюменская область, Удмуртская Республика, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Челябинская область, Чукотский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ	Алтайский край, Амурская область, Архангельская область, Владимирская область, Волгоградская область, Воронежская область, г. Москва, г. Санкт-Петербург, г. Севастополь, Еврейская автономная область, Ивановская область, Кабардино-Балкарская Республика, Калининградская область, Камчатский край, Карачаево-Черкесская Республика, Костромская область, Краснодарский край, Курганская область, Московская область, Нижегородская область, Новосибирская область, Омская область, Пензенская область, Приморский край, Псковская область, Республика Адыгея, Республика Алтай, Республика Башкортостан, Республика Бурятия, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Республика Калмыкия, Республика Крым, Республика Тыва, Ростовская область, Рязанская область, Свердловская область, Северная Осетия – Алания, Смоленская область, Ставропольский край, Тверская область, Ульяновская область, Хабаровский край, Чеченская Республика, Чувашская Республика, Ярославская область

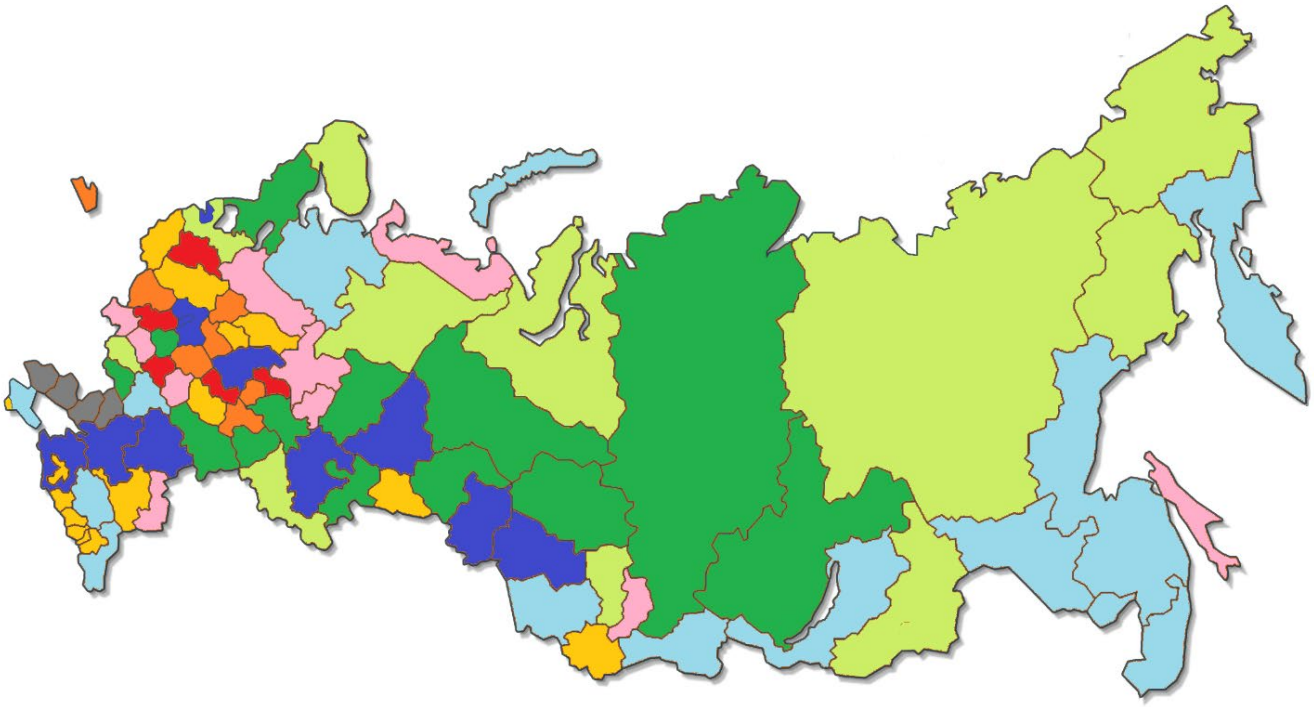
Разделение совокупности российских регионов на две части с помощью каждого из трех вариантов классификации позволяет выделить восемь групп территорий (таблица 25, рисунок 34).

[1] Составлено автором.

Таблица 25 – Типология регионов, учитывающая специфику ресурсной составляющей их развития (2023 г.)[1]

Группа	Регионы, опирающиеся преимущественно на **нематериальные** ресурсы		Регионы, опирающиеся преимущественно на **материальные** ресурсы	
	Регионы, обладающие сравнительными преимуществами («традиционные» ресурсы)	Регионы, не обладающие сравнительными преимуществами («традиционные» ресурсы)	Регионы, обладающие сравнительными преимуществами («традиционные» ресурсы)	Регионы, не обладающие сравнительными преимуществами («традиционные» ресурсы)
Регионы, обладающие сравнительными преимуществами (ресурсы «нового» типа)	Волгоградская область, г. Москва, г. Санкт-Петербург, Краснодарский край, Московская область, Нижегородская область, Новосибирская область, Омская область, Республика Башкортостан, Ростовская область, Свердловская область	Владимирская область, Калининградская область, Рязанская область, Смоленская область, Ульяновская область, Чувашская Республика, Ярославская область	Белгородская область, Иркутская область, Красноярский край, Пермский край, Республика Карелия, Республика Татарстан, Самарская область, Саратовская область, Томская область, Тульская область, Тюменская область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Челябинская область	Калужская область, Липецкая область, Новгородская область, Республика Марий Эл, Республика Мордовия
Регионы, не обладающие сравнительными преимуществами (ресурсы «нового» типа)	Алтайский край, Амурская область, Архангельская область, Воронежская область, Еврейская автономная область, Камчатский край, Приморский край, Республика Бурятия, Республика Дагестан, Республика Крым, Республика Тыва, Ставропольский край, Хабаровский край	г. Севастополь Ивановская область, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Костромская область, Курганская область, Пензенская область, Псковская область, Республика Адыгея, Республика Алтай, Республика Ингушетия, Республика Калмыкия, Республика Северная Осетия – Алания, Тверская область, Чеченская Республика	Забайкальский край, Кемеровская область – Кузбасс, Курская область, Ленинградская область, Магаданская область, Мурманская область, Оренбургская область, Республика Коми, Республика Саха (Якутия), Чукотский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ	Астраханская область, Брянская область, Вологодская область, Кировская область, Ненецкий автономный округ, Орловская область, Республика Хакасия, Сахалинская область, Тамбовская область, Удмуртская Республика

[1] Составлено автором.

Примечание – Цветовая индикация каждого из восьми типов субъектов РФ соответствует цветовой индикации типов, обозначенных в таблице 25. Серым цветом обозначены территории, не подвергшиеся анализу.

Рисунок 34 – Типология регионов,
учитывающая специфику ресурсной составляющей их развития (2023 г.)[1]

Предложенная типология учитывает наличие у региона конкурентных преимуществ, связанных с обеспеченностью «традиционными» ресурсами (к которым можно отнести человеческий потенциал, природные ресурсы и ранее произведенные блага) и ресурсами «нового» типа (позволяющих территориям быть конкурентоспособными в условиях инновационной, информационной экономики, определяющих качество имеющегося у них потенциала), а также специфику формы ресурсов, имеющих для экономики регионов ключевое значение и отличающихся друг от друга в том числе степенью их привязки к конкретным точкам пространства.

Для оценки сложившихся к настоящему времени особенностей пространственной организации экономики регионов внутри выделенных групп вновь могут быть использованы такие интегральные показатели, как «численность постоянного населения» и «отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами (без субъектов малого предпринимательства)».

[1] Составлено автором.

При этом очевидно, что региональные системы отличаются значительным разнообразием, что позволяет идентифицировать различные вариации пространственной организации социально-экономических совокупностей. В то же время детальное рассмотрение каждого из 85 проанализированных субъектов РФ (82, если исключить из анализа города федерального значения, рассмотрение которых в контексте предлагаемой методики оценки затруднено) представляется весьма трудоемкой и ресурсозатратной задачей, представляющейся избыточной в рамках проводимого исследования, в ходе которого все российские регионы были поделены на группы в соответствии со спецификой ресурсной составляющей их развития, во многом (хотя и не во всем) определяющей логику организации пространства. Таким образом, для детального анализа было отобрано 10 субъектов Российской Федерации (таблица 26).

Таблица 26 – Отобранные для исследования регионы разных типов[1]

Группа	Регионы, опирающиеся преимущественно на **нематериальные** ресурсы		Регионы, опирающиеся преимущественно на **материальные** ресурсы	
	Регионы, обладающие сравнительными преимуществами («традиционные» ресурсы)	Регионы, не обладающие сравнительными преимуществами («традиционные» ресурсы)	Регионы, обладающие сравнительными преимуществами («традиционные» ресурсы)	Регионы, не обладающие сравнительными преимуществами («традиционные» ресурсы)
Регионы, обладающие сравнительными преимуществами (ресурсы «нового» типа)	Краснодарский край, Свердловская область	Смоленская область	Республика Татарстан, Челябинская область	Новгородская область
Регионы, не обладающие сравнительными преимуществами (ресурсы «нового» типа)	Республика Крым	Ивановская область	Оренбургская область	Вологодская область

Главными критериями отбора стали: представленность в выборке участников всех выделенных групп (по одному представителю из каждой, по два представителя из двух групп, обладающих наибольшими сравнительными преимуществами); сопоставимость

[1] Составлено автором.

регионов друг с другом с точки зрения занимаемой ими площади (площадь территории выступает своеобразной мерой территориального ресурса, которым каждый из регионов распоряжается по-своему) и наличие в их границах значительного количества единиц административно-территориального деления[1] (достаточного для выявления на основе оценки разницы в их развитии особенностей организации регионального пространства); кроме того, каждый выбранный регион отличается от других выраженной хозяйственной спецификой.

Так, Краснодарский край – территория, специализирующаяся на производстве сельскохозяйственной продукции, имеющая важное транспортно-логистическое значение и существенный туристско-рекреационный потенциал. Свердловская область, как и Челябинская, – это уральский старопромышленный регион, основной вклад в развитие которого вносит черная металлургия, однако если Челябинская область обладает при этом развитым аграрным сектором, то Свердловская область характеризуется высокой долей сервисной экономики (за счет развитой торговли). Республика Татарстан – пример успешного, экономически и инновационно развитого региона, основой экономики которого является нефтегазохимический комплекс. Новгородская область – субъект РФ, специализирующийся на химическом производстве. Экономика Смоленской области базируется на развитой промышленности, включая машиностроение, химическую, пищевую, электроэнергетику и ювелирное производство.

Четыре региона, относимые к категории субъектов, не обладающих сравнительными преимуществами в ресурсах «нового» типа, также весьма специфичны с точки зрения своей хозяйственной системы. Республика Крым – территория, к основным отраслям экономики которой можно отнести промышленность (пищевую, химическую, а также судостроение), туризм, сельское хозяйство (при этом ярко выраженной отрасли специализации у региона нет). Ивановская область является лидером Российской Федерации по доле, занимаемой легкой промышленностью в структуре экономики, также развиты электроэнергетика, машиностроение и пищевая промышленность. Оренбургская область специализируется на добывающем производстве: здесь развиты газовый, нефтяной, энергетический, металлургический, машиностроительный комплексы промышленности. На долю Вологодской области приходятся значительные объемы производства готового про-

[1] К единицам административно-территориального деления в рамках данного исследования были отнесены только муниципальные районы и городские округа, без выделения отдельных городских и сельских поселений.

ката черных металлов, стали, выплавки чугуна, регион также сохраняет некоторые традиционные художественные промыслы.

Хозяйственная специфика обуславливает и межрегиональную разницу в уровнях обеспеченности субъектов активами (таблица 27).

Таблица 27 – Обеспеченность исследуемых регионов активами в 2023 г.[1]

Субъект РФ	Плотность населения, чел./км^2	Плотность отгрузки, тыс. р./км^2	Объем отгрузки, приходящийся на 1 жителя, тыс. р..
Краснодарский край	76,98	43 606,33	566,45
Свердловская область	21,79	22 576,81	1 036,28
Смоленская область	17,44	106 60,47	611,26
Республика Татарстан	59,03	82 151,95	1 391,62
Челябинская область	38,39	33 253,12	866,16
Новгородская область	10,53	6 964,60	661,63
Республика Крым	73,30	14 161,41	193,20
Ивановская область	42,54	14 132,94	332,24
Оренбургская область	14,83	13 419,66	904,63
Вологодская область	7,79	9 380,92	1 204,86

Результаты оценки уровня концентрации населения и хозяйственной деятельности в отобранных для анализа субъектах (таблица 28, рисунок 35) свидетельствуют о различной степени поляризации как в системе расселения, так и хозяйственной сфере.

Наибольший уровень концентрации человеческих ресурсов и экономической активности в нескольких наиболее масштабных точках характерен для Вологодской (полюсами социально-экономической активности выступают Вологда и Череповец, причем на долю Череповца приходится более 70 % отгруженных товаров и выполненных услуг региона), Новгородской областей (явным лидером здесь является Великий Новгород, в котором проживает порядка 38 % жителей региона и производится почти 65 % продукции).

[1] Составлено автором по: База данных показателей муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/MUNST.htm (дата обращения: 15.03.2025).

Таблица 28 – Значения индекса Холла – Тайдмана по показателям, характеризующим распределение населения и экономической активности в исследуемых регионах в 2023 г.[1]

Субъект РФ	Численность постоянного населения	Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами (без субъектов малого предпринимательства)
Краснодарский край	0,042	0,064
Свердловская область	0,040	0,088
Смоленская область	0,095	0,134
Республика Татарстан	0,064	0,125
Челябинская область	0,062	0,132
Новгородская область	0,118	0,262
Республика Крым	0,069	0,104
Ивановская область	0,088	0,179
Оренбургская область	0,055	0,160
Вологодская область	0,096	0,316

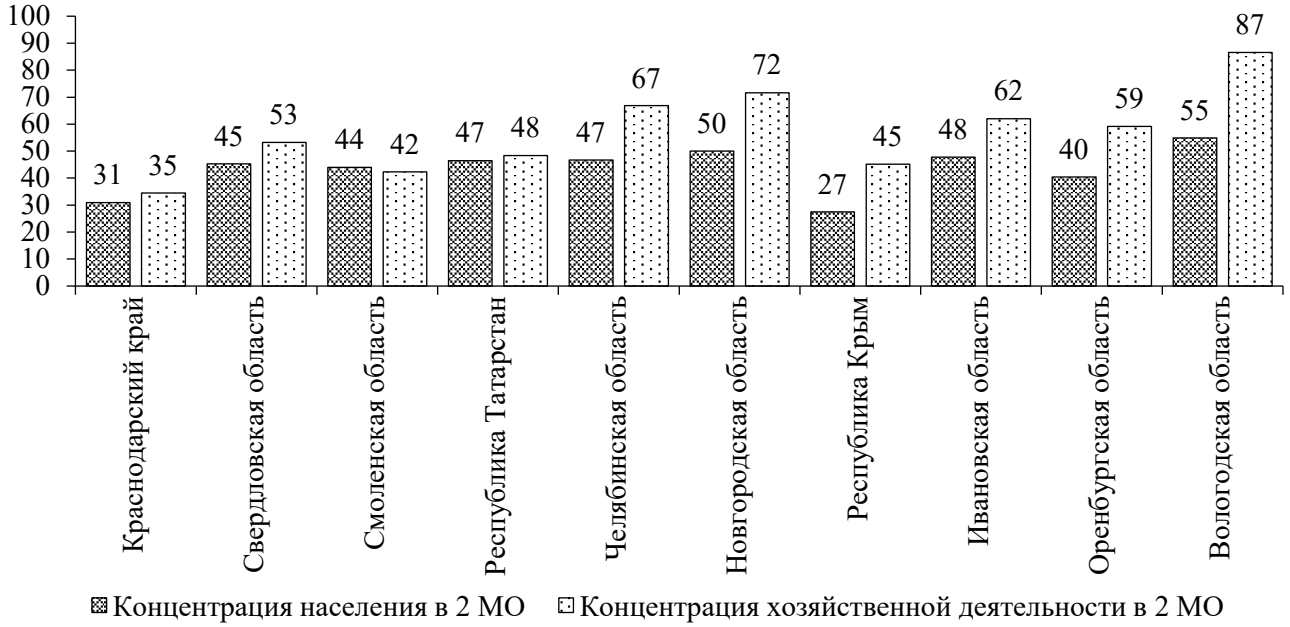

Рисунок 35 – Соотношение уровня концентрации населения и хозяйственной деятельности в исследуемых регионах в 2023 г.[2]

[1] Составлено автором по: База данных показателей муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/MUNST.htm (дата обращения: 15.03.2025).

[2] Составлено автором по: База данных показателей муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/MUNST.htm (дата обращения: 15.03.2025).

Наименее масштабный уровень концентрации демографического и экономического потенциала характерен для Краснодарского края, в котором, тем не менее, также есть свои лидеры – Краснодар и Новороссийск (в городе-курорте Сочи проживает практически 10 % жителей региона, однако в число муниципалитетов, вносящих наибольший вклад в результат хозяйственной деятельности субъекта РФ, он не входит), а также для Республики Крым (относительно крупный центр сосредоточения имеющихся активов – Симферополь).

Следует отметить, что некоторое несоответствие между особенностями локализации элементов систем расселения и размещения субъектов хозяйственной деятельности характерно не только для Вологодской области и Краснодарского края, но и для Республики Татарстан: практически половина населения региона проживает в Казани и Набережных Челнах, тогда как 29 % продукции производится в Альметьевском муниципальном районе – крупнейшем центре нефтяной промышленности республики.

Некоторые схожие закономерности видны при сопоставлении уровней межмуниципальной дифференциации рассматриваемых регионов (таблица 29, рисунок 36).

Таблица 29 – Характеристика межмуниципальной дифференциации исследуемых регионов в 2023 г.[1]

Субъект РФ	Показатель «численность постоянного населения»		Показатель «отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами»	
	Индекс Тейла	Коэффициент Джини	Индекс Тейла	Коэффициент Джини
Краснодарский край	0,492	0,457	0,810	0,644
Свердловская область	1,237	0,655	1,821	0,842
Смоленская область	0,791	0,612	1,035	0,724
Республика Татарстан	1,023	0,655	1,578	0,823
Челябинская область	0,965	0,622	1,604	0,810
Новгородская область	0,796	0,616	1,663	0,826
Республика Крым	0,310	0,419	0,774	0,616
Ивановская область	0,799	0,580	1,397	0,793
Оренбургская область	0,781	0,571	1,682	0,848
Вологодская область	0,887	0,626	2,208	0,887

[1] Составлено автором по: База данных показателей муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/MUNST.htm (дата обращения: 15.03.2025).

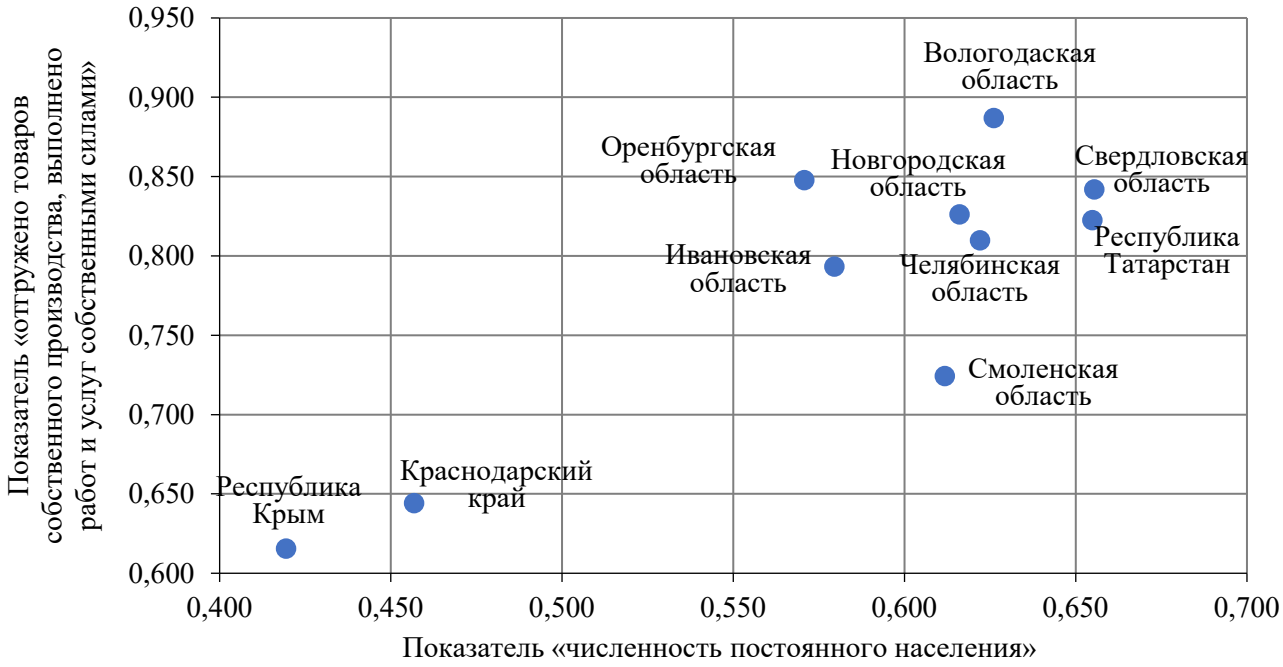

Рисунок 36 – Соотношение значений коэффициента Джини в исследуемых регионах в 2023 г.[1]

В Республике Крым и Краснодарском крае межмуниципальная дифференциация наименее масштабна, наиболее существенна – в Свердловской, Вологодской, Челябинской, Новгородской областях, Республике Татарстан, достаточно неравномерно распределена экономическая активность в Оренбургской области.

Обобщение результатов проведенного анализа позволяет наглядно продемонстрировать различия между характеристиками однородности пространства регионов. Для этого следует трансформировать итоги оценки каждого рассчитанного параметра в баллы (таблица 30): значение, присущее каждому региону, сопоставляется со средней величиной анализируемого показателя и затем трансформируется в 1 балл (если данное значение выше средней величины) или в 0 баллов (если ниже). Наиболее фрагментированным является пространство тех регионов, интегральный балл которых максимален, наиболее целостным – пространство регионов с наименьшим интегральным баллом.

[1] Составлено автором по: База данных показателей муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/MUNST.htm (дата обращения: 15.03.2025).

Таблица 30 – Обобщение итогов оценки уровня однородности пространства исследуемых регионов в 2023 г.[1]

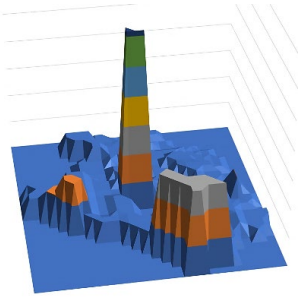
Субъект РФ	Индекс Холла – Тайдмана		Уровень концентрации населения/производства в двух МО		Коэффициент Джини		Индекс Тейла		Итого
	Н*	О	Н	О	Н	О	Н	О	
Краснодарский край	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Свердловская область	0	0	1	0	1	1	1	1	5
Смоленская область	1	0	1	0	1	0	0	0	3
Республика Татарстан	0	0	1	0	1	1	1	1	5
Челябинская область	0	0	1	1	1	1	1	1	6
Новгородская область	1	1	1	1	1	1	0	1	7
Республика Крым	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Ивановская область	1	1	1	1	0	1	0	0	5
Оренбургская область	0	1	0	1	0	1	0	1	4
Вологодская область	1	1	1	1	1	1	1	1	8

Примечание – Условные обозначения показателей: Н – численность постоянного населения; О – отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами.

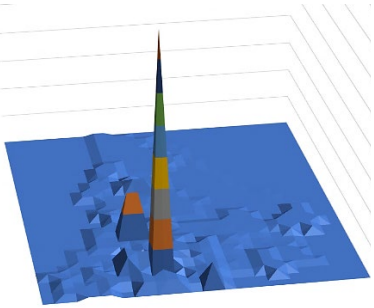
Диспропорции развития отдельных элементов социально-экономического пространства регионов могут быть визуализированы с помощью картограмм (рисунки 37 и 38), позволяющих сопоставить степень интенсивности «освоения» различных муниципальных образований (чем сильнее различаются значения рассматриваемых показателей, тем больше разница величин соответствующих им высот на построенных 3D-картах).

Анализ картограмм подтверждает ранее сделанные выводы: наиболее существенный уровень пространственной фрагментированности, неоднородности и наименьший уровень связанности присущи Новгородской и Вологодской областям (особенно наглядно это демонстрирует визуализация характеристик экономического пространства исследуемых регионов), тогда как пространства Краснодарского края и Республики Крым отличаются наименьшей степенью фрагментации. Следует также отметить, что межмуниципальные различия, связанные с особенностями локализации центров экономической активности, во всех регионах более существенны, чем дифференциация территорий по демографическим параметрам.

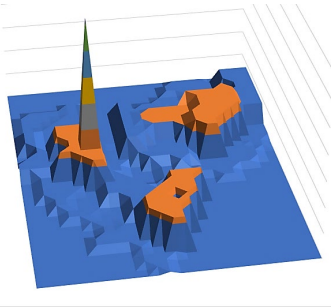
[1] Составлено автором по: База данных показателей муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/MUNST.htm (дата обращения: 15.03.2025).

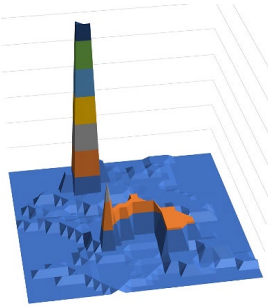
Краснодарский край

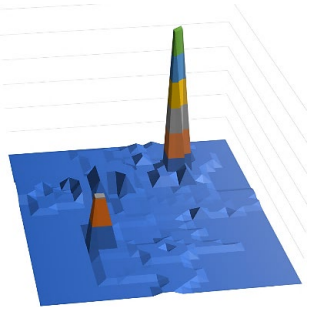
Свердловская область

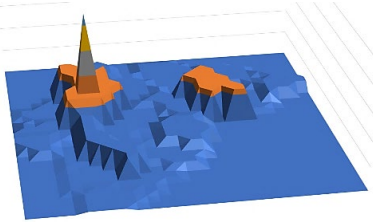
Смоленская область

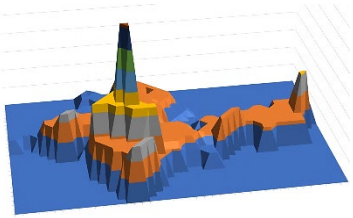
Республика Татарстан

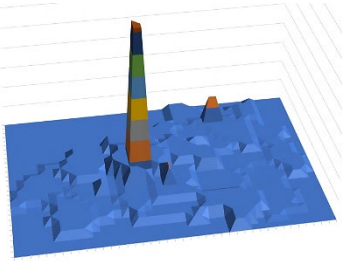
Челябинская область

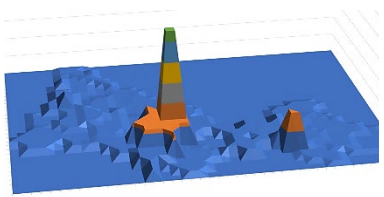
Новгородская область

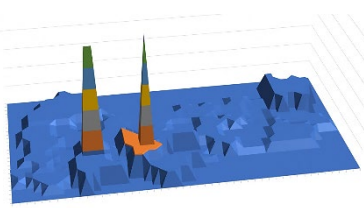
Республика Крым

Ивановская область

Оренбургская область

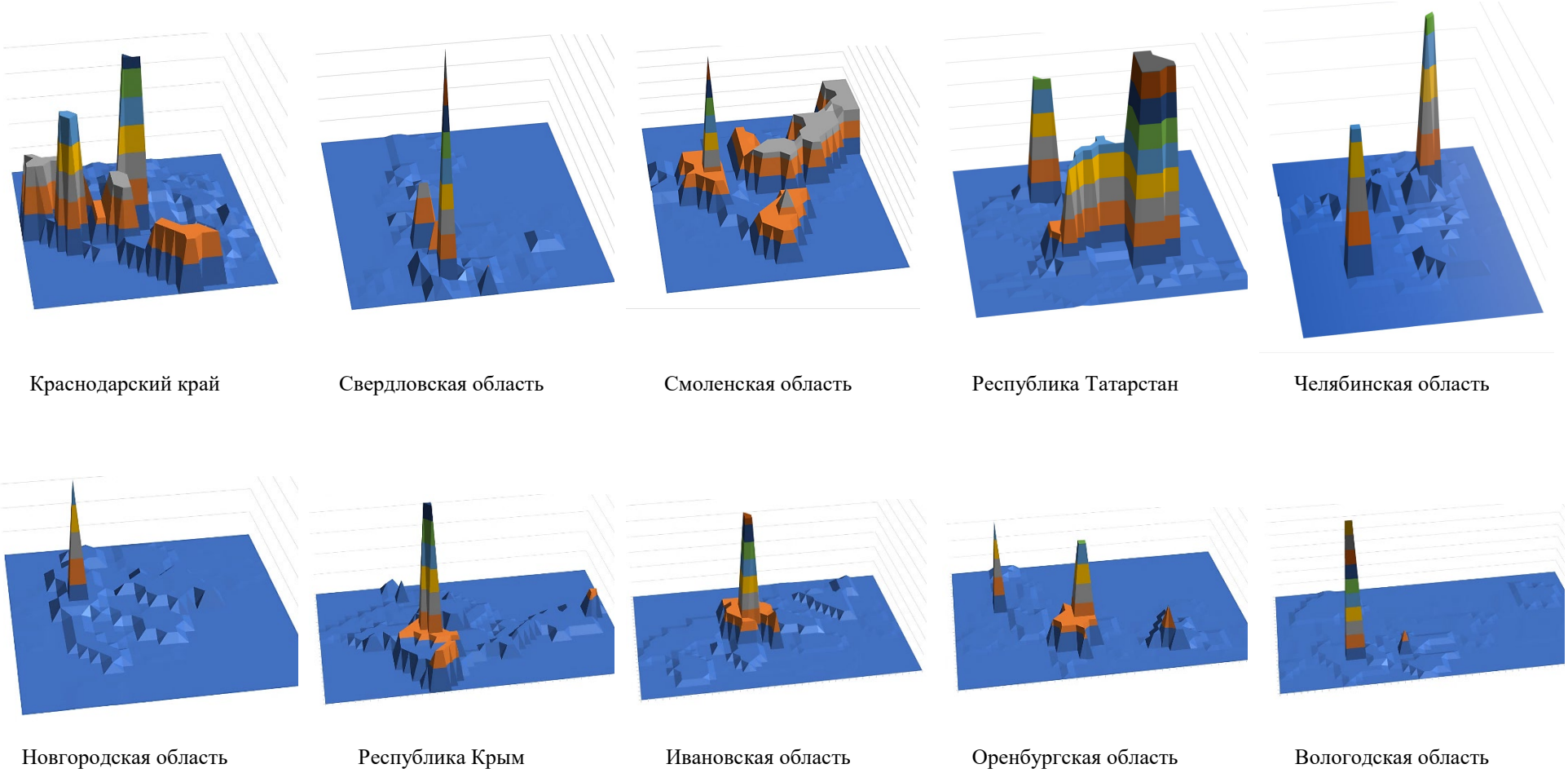

Вологодская область

Примечание – Третья пространственная координата (высота) 3D-карты построена на основе значений показателя «численность постоянного населения».

Рисунок 37 – Визуализация пространственных особенностей системы расселения исследуемых регионов в 2023 г.[1]

[1] Составлено автором.

Примечание – Третья пространственная координата (высота) 3D-карты построена на основе значений показателя «отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами».

Рисунок 38 – Визуализация характеристик экономического пространства исследуемых регионов в 2023 г.[1]

[1] Составлено автором.

Стоит также отметить взаимосвязь полученных результатов со спецификой ресурсной составляющей развития каждого региона (таблица 31).

Таблица 31 – Соотнесение итогов оценки пространственных характеристик исследуемых регионов со спецификой ресурсной составляющей их развития в 2023 г.[1]

Группа	Регионы, опирающиеся преимущественно на **нематериальные** ресурсы		Регионы, опирающиеся преимущественно на **материальные** ресурсы	
	Регионы, обладающие сравнительными преимуществами («традиционные» ресурсы)	Регионы, не обладающие сравнительными преимуществами («традиционные» ресурсы)	Регионы, обладающие сравнительными преимуществами («традиционные» ресурсы)	Регионы, не обладающие сравнительными преимуществами («традиционные» ресурсы)
Регионы, обладающие сравнительными преимуществами (ресурсы «нового» типа)	Краснодарский край	Смоленская область	Республика Татарстан	Новгородская область
	Свердловская область		Челябинская область	
Регионы, не обладающие сравнительными преимуществами (ресурсы «нового» типа)	Республика Крым	Ивановская область	Оренбургская область	Вологодская область

Более целостным пространством обладают регионы, опирающиеся преимущественно на нематериальные ресурсы; территории, основой экономики которых являются развитый промышленный комплекс (в первую очередь добывающие и обрабатывающие производства), отличаются более ярко выраженной неоднородностью, очевидными территориальными дисбалансами (это вполне объяснимо, ведь материальные ресурсы имеют достаточно четкую привязку к отдельным локалитетам, их расположение в пространстве неравномерно).

Пространство регионов, обладающих сравнительными преимуществами с точки зрения обеспеченности «традиционными» ресурсами, также выглядит более целостным, чем пространство регионов, которые такими преимуществами не обладают (хотя эта взаимосвязь прослеживается не так явно, как связь между пространственными характеристи-

[1] Составлено автором.

ками региона и «материальностью» ресурсов, на которые опирается его экономика). При этом никакой (даже неярко выраженной) зависимости между спецификой регионального пространства и его обеспеченностью ресурсами «нового» типа не наблюдается, тогда как обладание именно такими ресурсами позволяет региону достичь наилучших результатов в современных условиях. Это подтверждает и сопоставление результатов проведенного исследования с итогами ряда комплексных оценок успешности функционирования регионов (таблица 32): явной корреляции между ними не наблюдается, а более высокие позиции в рейтингах, учитывающих результативность социально-экономического развития территорий, приходятся именно на регионы, обладающие сравнительными преимуществами с точки зрения обеспеченности ресурсами «нового» типа.

Таблица 32 – Некоторые оценки результатов социально-экономического развития исследуемых регионов в 2023 г.[1]

Субъект РФ	Интегральный рейтинг социально-экономического положения регионов в 2023 г.[2]		Позиция в рейтинге инвестиционной привлекательности регионов России в 2023 г.[3]	ВРП на душу населения в 2023 г., р.[4]
	Значение	Место		
Республика Татарстан	82,97	3	IC2	1 145 179,6
Свердловская область	76,70	6	IC4	975 707,1
Краснодарский край	73,81	8	IC3	819 071,9
Челябинская область	66,48	14	IC4	761 170,9
Вологодская область	52,16	30	IC5	961 577,6
Оренбургская область	52,10	32	IC4	961 281,1
Республика Крым	45,82	43	IC8	377 648,3
Смоленская область	41,98	49	IC6	640 820,8
Ивановская область	37,58	58	IC6	478 114,6
Новгородская область	37,48	59	IC5	712 922,7

[1] Составлено автором.

[2] Рейтинг социально-экономического положения регионов – 2023 г. / РИА Рейтинг. – URL: https://riarating.ru/infografika/20250623/630282378.html (дата обращения: 04.02.2025).

[3] Оценка инвестиционной привлекательности регионов России в контексте перехода к устойчивому развитию: XI ежегодный аналитический отчет / Национальное рейтинговое агентство. – URL: https://www.ra-national.ru/wp-content/uploads/2023/11/analitika_ final.pdf (дата обращения: 04.02.2025).

[4] Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 15.02.2025).

Следует отметить, что отсутствие подтверждения взаимосвязи между особенностями пространственного развития регионов и эффективностью осуществления ими хозяйственной деятельности выглядит несколько парадоксально. С одной стороны, это может быть объяснено некоторыми ограничениями проведенного исследования (в перспективе возможно его дополнение и обогащение анализа новыми объектами, индикаторами и методами оценки). С другой стороны, причина может заключаться в наличии у территорий иных факторов развития, в данный момент времени оказывающих более существенное влияние на специфику реализуемых в ее границах социально-экономических процессов. Например, в числе главных преимуществ Республики Татарстан можно назвать «разведанные запасы углеводородов, выстроенную цепочку создания стоимости и локация нефтегазохимического бизнеса»[1], а в качестве стимула активизации масштабных инвестиционных процессов в Краснодарском крае – решение о проведении в регионе Олимпийских игр. Подобные мощные ресурсы развития несколько обесценивают воздействие пространственных факторов, нивелируя их позитивное или негативное влияние.

В то же время в долгосрочной перспективе именно влияние пространственных аспектов развития может сыграть решающую роль в преобразованиях социально-экономического комплекса: разрушение связей между отдельными территориями и утрата ряда элементов пространственного каркаса способны выступить в качестве мощной дестабилизирующей силы, способной оказать отрицательное воздействие на возможности полноценного использования имеющихся ресурсов. Таким образом, отсутствие должного внимания к регулированию пространственных трансформаций, которое может быть вызвано их кажущейся невысокой значимостью для территориального развития в краткосрочной перспективе, со временем превращается в реальную угрозу экономическому благополучию. Это также определяет важность стратегического подхода к управлению процессами организации социально-экономического пространства: в основе проводимой политики должен лежать анализ долгосрочных трендов, а период ее активного осуществления не должен ограничиваться несколькими годами.

Кроме того, как отмечалось ранее, пространственная организация рассмотренных регионов, отличающихся друг от друга в том числе спецификой хозяйственной деятельности и особенностями ресурсной составляющей их развития, имеет свои особенности.

---

[1] Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 г.: закон Республики Татарстан от 10 июня 2015 г. № 40-ЗРТ.

Это означает, что ориентиры их пространственного развития необходимо определять, исходя из характера той социально-экономической ситуации, которая присуща территории, исходя из перспектив и целей ее преобразования; другими словами, пространственное развитие не может рассматриваться в отрыве от развития социально-экономического. Следовательно, единый для всех «стандарт» трансформации пространства выработать невозможно: его отдельные свойства и параметры зависят от масштабов территории, от целого комплекса тех ее характеристик, на которые нельзя повлиять, а также от тенденций и ориентиров изменений локализованной в ее границах хозяйственной системы и присущих ей социальных процессов.

4.3 Особенности пространственного развития городских систем

Как показал проведенный анализ, региональные системы могут отличаться друг от друга достаточно существенно: варьируются их масштабы, особенности организации хозяйственных процессов, специфика архитектуры их пространства, разнятся также принципы локализации в их границах элементов территориального капитала и их способность к использованию имеющихся ресурсов в интересах обеспечения своего дальнейшего развития. Муниципальные образования, которых в настоящее время в Российской Федерации насчитывается более 17 тыс.[1], характеризуются еще большей степенью дифференциации (по численности проживающего в них населения, занимаемой ими площади, реализуемым ими функциям, уровню экономического развития и т. д.).

Можно предположить, что в связи с относительно небольшими (по сравнению с уровнем страны или региона) масштабами подобных территориальных единиц вопросы пространственного развития для них не играют какого-либо значения, однако это не совсем так. Как отмечалось ранее, значимость вопросов организации пространства при переходе с национального или регионального уровня на локальный действительно несколько снижается. В то же время существенно меняется та проблематика, которой эти

[1] База данных показателей муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/MUNST.htm (дата обращения: 15.03.2025).

вопросы касаются: населенный пункт – это в первую очередь пространство для жизни людей, поэтому на первый план выходит потребность в его устройстве таким образом, чтобы использование имеющихся у муниципального образования элементов территориального капитала было комфортным для жителей. При этом, принимая во внимание высказанный ранее тезис о значительной степени разнообразия муниципальных образований, следует заключить, что особенности и приоритеты их пространственного развития могут несколько варьироваться при переходе от одного типа муниципалитета к другому.

В связи со значительным количеством территориальных единиц, способных выступить объектами исследования, а также ограниченностью статистических данных, описывающих их состояние, имеет смысл провести укрупненную систематизацию муниципальных образований, сконцентрировав внимание на городах, рассмотрение которых особенно значимо для понимания происходящих на локальном уровне пространственных трансформаций (именно города, с одной стороны, выполняют роль точек «сжатия» социально-экономического пространства, с другой стороны, представляют собой комплексы, пространственная организация которых имеет ярко выраженную специфику, отличающую их от регионов и стран).

В научной литературе можно встретить значительное количество подходов к типологизации муниципальных образований[1] и городов[2]. Когда речь идет о муниципальных образованиях, типологические группы определяются преимущественно на основе использования действующего законодательства об организации местного самоуправления, тогда как при рассмотрении городов акцент чаще всего делается на их размере, экономических функциях, генезисе развития, специфике проблем. При этом многие из предлагаемых исследователями типологий базируются на классификациях, разработанных еще десятилетия назад: например, на специфику народно-хозяйственных функций города обращали

[1] См., например: Антипин И. А., Филиппова Ю. А. Научные подходы к типологии муниципальных образований: стратегический и управленческий аспекты // Финансовый бизнес. – 2023. – № 7 (241). – С. 97−100; Балабан М. О. Типология регионов и муниципалитетов России по динамике численности населения в 1959−2021 гг. // Региональные исследования. – 2024. – № 4 (86). – С. 24−37; Чуева А. С., Иваненко И. Н. К вопросу о понятии и типологии муниципальных образований в современной России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2016. – № 1−2. – С. 136−140.

[2] Гонтарь Н. В. Города-миллионники России: типология в интересах формирования мер федеральной городской политики // Региональная экономика. Юг России. – 2024. – Т. 12, № 1. – С. 25−35; Манаева И. В., Ткачева А. С., Канищева А. В. Модели пространственного развития территорий: анализ зарубежной литературы // Теоретическая экономика. – 2020. – № 2 (62). – С. 74−83; Секушина И. А., Ускова Т. В. Типология малых и средних городов по экономическому профилю и положению в системе расселения // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2020. – № 1 (67). – С. 4−18.

внимание Ю. Г. Саушкин[1], Б. С. Хорев[2], на численность населения (людность) и имеющийся экономический потенциал (торгово-промышленный оборот) – В. П. Семенов-Тян-Шанский[3].

В рамках проводимого исследования особый интерес представляют такие критерии классификации, которые обуславливают специфику организации пространства изучаемых территориальных единиц, поэтому внимание стоит уделить масштабам городов, а также особенностям их хозяйственного профиля, определяемого параметрами имеющегося территориального капитала (и определяющего его).

Очевидно, что масштаб городов напрямую коррелирует с ресурсами, которые есть в распоряжении территории: результаты предыдущих исследований продемонстрировали преимущественный характер локализации активов (за исключением тех из них, которые неразрывно связаны с ареалом своего изначального функционирования) в наиболее заселенных точках пространства (в том числе за счет их стягивания в эти точки благодаря возникновению агломерационных эффектов). Следовательно, численность населения находится в тесной взаимосвязи с характеристиками обеспеченности муниципального образования элементами территориального капитала.

На основании такого критерия, как «численность населения», Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ выделяет следующие размерные группы для городов, расположенных на территории условно комфортного климата: крупнейшие города (с численностью населения от 1 млн чел.), крупные города (от 250 тыс. до 1 млн чел.), большие города (от 100 тыс. до 250 тыс. чел.), средние города (от 50 тыс. до 100 тыс. чел.), малые города с численностью населения от 25 тыс. до 50 тыс. чел., малые города с численностью населения от 5 тыс. до 25 тыс. чел., малые города с численностью населения до 5 тыс. чел.[4] Ученые предпочитают использовать более лаконичные градации. Например, М. К. Старовойтов и Л. Н. Медведева предлагают рассматривать только четыре типа: малые города – с численностью до 50 тыс. жителей; средние – от 50 до 100 тыс. жителей; крупные – от 100 до 1 000 тыс. жителей; крупнейшие (города-миллио-

---

[1] Саушкин Ю. Г. Об изучении системы городов Советского Союза // Вестник Московского университета. Серия 5: География. – 1960. – № 1. – С. 23−30.

[2] Хорев Б. С. Проблемы городов: урбанизация и единая система расселения в СССР. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Мысль, 1975. – 428 с.

[3] Семенов-Тян-Шанский В. П. ...Город и деревня в Европейской России: очерк по экономического географии. – СПб.: тип. В. Ф. Киршбаума, 1910. – 212 с.

[4] Об утверждении методики формирования индекса качества городской среды: распоряжение Правительства РФ от 23 марта 2019 г. № 510-р.

неры) – более 1 млн жителей[1]. Несколько более дифференцированной является классификация И. В. Манаевой, в соответствии с которой выделяются малые города (до 20 тыс. жителей), средние города (от 20 до 100 тыс. жителей), большие города (от 100 до 250 тыс. жителей), крупные города (от 250 тыс. до 1 млн жителей), города-миллионники (свыше 1 млн жителей)[2].

Безусловно, излишняя детализация только затрудняет выявление наиболее значимых аспектов развития рассматриваемых объектов, однако представляется недостаточно обоснованным объединение в рамках одной классификационной группы городов с численностью населения, лишь несколько превышающей 1 млн чел. (таких, например, как Челябинск, Ростов-на-Дону и др.), и сверхкрупных городов (Москва, Санкт-Петербург), отличающихся от прочих миллионников не только параметрами насыщенности пространства различными ресурсами, но и спецификой имеющихся проблем. Поскольку в рамках проводимого исследования речь идет о городах, а не исключительно о муниципальных образованиях, к которым города федерального значения не относятся, имеет смысл уделить внимание и подобным территориальным системам: их пространство соответствует признакам пространства единого муниципалитета (хоть и достаточно крупного), а уникальность характера его организации может позволить выявить некоторые специфические дефициты пространственного развития.

Таким образом, можно остановиться на следующей классификации:

– сверхкрупные территориальные единицы (крупнейшие города федерального значения – Москва и Санкт-Петербург), аккумулирующие в своих границах значительное количество составляющих территориального капитала, активно притягивающих их с других территорий, даже находящихся на значительном отдалении;

– города-миллионники, не попадающие в число сверхкрупных территориальных единиц и являющиеся центрами крупнейших агломераций муниципальные образования, численность населения в которых превышает 1 млн чел., также концентрирующие на своей территории существенное количество активов и выступающие центрами их притяжения извне (масштабы этого притяжения, безусловно, уступают силе стягивания, при-

[1] Старовойтов М. К., Медведева Л. Н. Типология городов: эволюция и многогранность подходов // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2008. – Т. 4, № 6 (27). – С. 72.

[2] Манаева И. В. Города России: классификация и типология // Региональная экономика: теория и практика. – 2018. – Т. 16, № 7 (454). – С. 1235−1249.

сущей городам федерального значения, и затрагивают в первую очередь соседние территории);

– крупные города (с численностью населения от 100 тыс. до 1 млн чел.), способные выступать зонами концентрации элементов отдельных составляющих территориального капитала;

– средние и малые города (с численностью населения менее 100 тыс. чел.), как правило, не представляющие собой места сосредоточения активов развития.

Для выявления некоторых особенностей организации пространства городов, относящихся к выделенным группам, имеет смысл обратиться к базе данных, формируемой ВЭБ.РФ[1] для расчета индекса качества жизни населения (перечень 250 городов, информация о которых содержится в базе, и краткие сведения о них представлены в приложении С). Необходимо отметить, что в нее включены характеристики не всех российских локальных территориальных комплексов, однако имеющуюся статистику можно считать весьма показательной: в базе представлены сведения о 100 % городов-миллионников, 85 % крупных городов, 21 % малых и средних городов.

Особого внимания заслуживают показатели, имеющие отношение к состоянию городской среды, обустройству городских пространств (таблица 33).

Таблица 33 – Значения некоторых показателей, характеризующих состояние городской среды и обустройство городских пространств в 2023 г.[2]

Показатель	Среднее по городам России	Города-миллионники	Крупные города	Средние и малые города
Оценка обеспеченности спортивными сооружениями исходя из единовременной пропускной способности объектов спорта, %	48,51	45,46	47,78	50,47
Доля многоквартирных домов с детскими площадками во дворе, %	71,27	81,63	75,03	62,41
Количество музеев, кинотеатров, галерей, театров, филармоний и др. учреждений культуры из агрегаторов на 10 тыс. чел., ед.	46,75	44,59	45,12	50,07
Количество объектов общественного питания на 100 тыс. чел., ед.	187,88	240,16	202,06	153,49

[1] Города / ВЭБ.РФ. – URL: https://города.рф (дата обращения: 14.05.2025).
[2] Составлено автором по: Города / ВЭБ.РФ. – URL: https://города.рф (дата обращения: 14.05.2025).

Продолжение таблицы 33

Показатель	Среднее по городам России	Города-миллионники	Крупные города	Средние и малые города
Обеспеченность населения торговой площадью на 1 тыс. чел., м^2	1 069,46	1 073,28	1 152,02	905,73
Оценки музеев, кинотеатров, галерей, театров, филармоний и других учреждений культуры из агрегаторов, балл	4,50	4,67	4,54	4,42
Оценки кафе, баров и ресторанов, балл	4,48	4,58	4,53	4,38
Удовлетворенность выбором и качеством проведения досуга вне дома, балл	3,08	3,35	3,13	2,96
Разнообразие услуг в жилой зоне, %	4,33	4,06	4,85	3,39
Разнообразие услуг в общественно-деловых районах города, %	4,10	4,99	4,79	2,66
Доля жителей, считающих свой город красивым и ухоженным, от общего количества респондентов, %	47,93	51,12	47,58	48,04
Примечание – Зеленым цветом обозначена группа городов, занимающая лидирующую позицию по рассматриваемому показателю, красным – позицию аутсайдера, желтым – «среднюю» позицию.				

Проблемой средних и малых городов является относительно низкая степень насыщенности их пространства объектами, способными привлечь (удержать) активы развития территории (в первую очередь человеческий капитал), – например, общественными пространствами. Даже если таких объектов достаточно (количество на душу населения соответствует нормативам, среднероссийским значениям или даже превышает их), вопросы часто вызывает их качество. Степень насыщенности пространства крупных и крупнейших городов такими объектами, как правило, несколько выше, они отличаются бóльшим разнообразием, хотя далеко не по всем параметрам и не во всех населенных пунктах ситуация кардинально отличается в лучшую сторону от той, которую можно наблюдать в малых и средних городах. В случае со «столичными» городами – Москвой и Санкт-Петербургом – усредненные параметры обеспеченности населения различными объектами, повышающими качество городского пространства, наиболее значительны (таблица 34). Сопоставление значений индекса качества городской среды для отличающихся по своим масштабам городов подтверждает прямую зависимость между уровнем обустройства пространства и размером территориального комплекса.

Таблица 34 – Результаты расчета индекса качества городской среды для городов разных типов в 2023−2024 гг.[1]

Группы городов*	Городов в группе		Доля городов, имеющих благоприятную среду**, %			Средний балл		
	2023 г.	2024 г.	2023 г.	2024 г.	Δ, п. п.	2023 г.	2024 г.	Δ, п. п.
Крупнейшие (от 1 млн чел.)	2	2	100	100	0	287	298	11
Крупнейшие (от 1 млн чел.) – без учета Москвы и Санкт-Петербурга	14	14	86	100	14	210	228	18
Крупные (250 тыс. – 1 млн чел.)	62	62	98	100	2	219	240	21
Большие (100−250 тыс. чел.)	92	92	85	93	8	213	235	22
Средние (50−100 тыс. чел.)	148	146	74	84	10	204	225	21
Малые (25−50 тыс. чел.)	246	248	73	84	11	202	223	21
Малые (5−25 тыс. чел.)	502	504	58	77	19	193	211	18
Малые (до 5 тыс. чел.)	51	51	53	73	20	193	210	17

Примечания

* Группы городов приведены в соответствии с подходом, применяемым Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ в рамках расчета индекса качества городской среды.

** К городам, имеющим благоприятную среду, отнесены города, набравшие более 180 баллов.

При этом очевидно, что насыщенность среды важными для населения объектами – это не единственный параметр, с помощью которого можно оценить городское пространство. Значение имеет возможность доступа к этим объектам всех желающих, одной из характеристик которой является степень развития городской транспортной системы. Данные ВЭБ.РФ (таблица 35) свидетельствуют о том, что состояние общественного транспорта в населенных пунктах меньшего размера обеспечивает более высокую связанность пространства, чем в крупных и крупнейших городах, тогда как ситуация с индивидуальным и шеринговым транспортом обратная.

Можно предположить, что с увеличением размера города проблема неравномерности развития пространства, во многом определяющая меру доступности инфраструктурных и прочих важных для населения объектов, проявляется острее.

[1] Рассчитано автором по: Индекс качества городской среды. – URL: https://индекс-городов.рф (дата обращения: 14.05.2025).

Таблица 35 – Значения некоторых показателей, характеризующих состояние транспортной системы города в 2023 г.[1]

Показатель	Среднее по городам России	Города-миллионники	Крупные города	Средние и малые города
Периодичность движения общественного транспорта, мин	24,03	22,26	22,60	26,93
Средняя интенсивность движения подвижного состава общественного транспорта, мин	14,67	11,01	13,92	16,72
Уровень автомобилизации на 100 чел., ед.	31,58	35,54	32,27	29,65
Наличие шеринговых сервисов автомобилей, балл	0,38	0,93	0,38	0,27
Наличие общегородских шеринговых сервисов велосипедов/самокатов, балл	0,97	1,36	1,07	0,71
Среднее время на дорогу от дома до работы любым способом перемещения, мин	31,98	37,04	33,18	28,95
Продолжительность стандартной поездки на общественном транспорте от дома до работы, мин	18,12	24,02	20,23	13,28
Эффективность дорожно-транспортной сети – соотношение обеспеченности и территориальной доступности для людей, чел./чел.	1,11	1,39	1,10	1,08
Эффективность сети общественного транспорта – соотношение обеспеченности и территориальной доступности для людей, чел./чел.	0,57	0,30	0,55	0,65
Примечание – Зеленым цветом обозначена группа городов, занимающая лидирующую позицию по рассматриваемому показателю, красным – позицию аутсайдера, желтым – «среднюю» позицию.				

Диспропорции в расположении активов могут быть характерны и для небольших населенных пунктов, но их масштабы дают возможность воспринимать такие дисбалансы как не самую существенную проблему: кажется, что размеры таких систем позволяют каждому жителю достаточно оперативно добраться до любого объекта вне зависимости от того, в каком районе или части города он размещается. Однако оценка количества жителей, имеющих комфортный доступ к значимым объектам – школам, больницам, спортивным сооружениям и т. д., не только подтверждает наличие обозначенных ранее дефицитов, касающихся состояния городской среды, но и свидетельствует об относительно низком уровне связанности пространства, характерного именно для группы средних и малых городов (таблица 36).

[1] Составлено автором по: Города / ВЭБ.РФ. – URL: https://города.рф (дата обращения: 14.05.2025).

Таблица 36 – Значения некоторых показателей, характеризующих степень доступности локализованных в городском пространстве объектов в 2023 г.[1]

Показатель	Среднее по городам России	Города-миллионники	Крупные города	Средние и малые города
Доля населения, проживающего в радиусе 3 км по дорогам общего пользования от центра оказания государственных услуг, %	72,22	70,88	73,38	69,41
Доля населения, проживающего в пределах 15-минутной пешей доступности от дошкольных учреждений, %	92,92	97,13	94,84	87,51
Доля населения, проживающего в пределах 20-минутной пешей доступности от школьных учреждений, %	97,02	98,10	97,98	95,04
Доля населения, проживающая в 15-минутной пешей доступности от амбулаторных медицинских учреждений, %	74,12	84,25	77,67	65,69
Доля населения с доступом хотя бы к одной больнице в 20-минутной доступности на автомобиле, %	78,93	98,49	95,56	44,35
Доля населения, проживающего в радиусе 3 км по дорогам общего пользования от как минимум одного объекта культурно-досуговой сферы, %	96,13	97,70	97,01	93,05
Доля населения, проживающая в 15-минутной пешей доступности от спортивных объектов и сооружений, %	88,08	96,88	92,06	79,10
Доля населения, имеющего доступ как минимум к 1 га озелененных пространств (парков) и лесов в 15-минутной пешей доступности, %	88,93	92,87	88,97	88,19
Средняя абсолютная доступность ресторанов в пределах 15-минутной пешей доступности, ед.	89,45	95,29	93,27	81,58
Доля населения, проживающего в пределах 15-минутной пешей доступности от хотя бы одного продуктового магазина, %	97,36	99,62	99,09	93,73
Доля населения, проживающего в 15-минутной пешей доступности от сервисов доставки еды, %	88,00	97,68	92,00	78,81
Доля населения, проживающего в 15-минутной пешей доступности от ПВЗ маркетплейсов, %	93,17	98,18	95,96	87,09
Доля населения, проживающая в 10-минутной пешей доступности от остановки общественного транспорта, %	94,51	98,46	98,25	86,81
Примечание – Зеленым цветом обозначена группа городов, занимающая лидирующую позицию по рассматриваемому показателю, красным – позицию аутсайдера, желтым – «среднюю» позицию.				

В то же время делать вывод об отсутствии в крупных и крупнейших городах, в том числе городах федерального значения, проблемы неодинакового доступа жителей к имеющимся ресурсам (из-за особенностей их локализации) было бы неверно.

[1] Составлено автором по: Города / ВЭБ.РФ. – URL: https://города.рф (дата обращения: 14.05.2025).

В пространстве любого города могут существовать «пустоты» – территории (районы, микрорайоны), не обеспеченные местами притяжения для горожан и вследствие этого характеризующиеся не самыми благоприятными условиями для жизни: их резиденты вынуждены нести дополнительные затраты (как стоимостные, так и временные) при получении услуг. В результате средовые характеристики таких территорий уступают параметрам прочих ареалов, делая их менее привлекательными как для жителей, так и для бизнеса, способствуя их «выпадению» из социально-экономического пространства города, которое, в свою, очередь, становится более фрагментированным, разрозненным.

Следует, однако, отметить, что даже относительно небольшая территориальная система, примером которой является город, объективно не может быть построена на принципах абсолютной равномерности развития ее отдельных элементов; кроме того, вызывает сомнение эффективность каких-либо управленческих решений (например, со стороны городских властей), связанных с искусственным «внедрением» объектов (ресурсов развития) в пространство тех территорий, где таких объектов не хватает. В то же время игнорирование задач, связанных с повышением сбалансированности городских пространств, в перспективе приводит только к усилению межтерриториальной разрозненности, снижению эффективности использования потенциала территории и обострению существующих проблем.

Особенности пространственного развития городов определяются не только масштабами имеющегося у них территориального капитала, но и спецификой активов, которые формируют их хозяйственный профиль. Классификации территорий по их функциям отличаются высокой степенью разнообразия. О. А. Квиткиным еще в 1920-е годы была предложена типология, предполагающая разделение городов на промышленные, торговые, железнодорожные, административные[1]. И. В. Манаева выделяет промышленные города, города-порты, туристические центры и научные центры[2]; В. М. Груздев – промышленные, транспортные, курортные, центры туризма, административные центры, а также многофункциональные города[3]. Очевидно, что критерии подобных классификаций достаточно зыбкие (каждый автор, как правило, предлагает собственный набор параметров,

[1] Квиткин О. А. О типах городских поселений (по переписи 1926 г.) // Всесоюзная перепись населения 1926 г.: в 56 т. – М.: ЦСУ, 1932. – Т. 54. – С. 29–37.

[2] Манаева И. В. Города России: классификация и типология // Региональная экономика: теория и практика. – 2018. – Т. 16, № 7 (454). – С. 1240.

[3] Груздев В. М. Основы градостроительства и планировка населенных мест. – Н. Новгород: ННГАСУ, 2017. – С. 13.

оценка которых позволяет отнести муниципалитет к тому или иному типу), тем более что в настоящее время большинство городов (особенно крупные и крупнейшие) совмещают в себе несколько функций. Кроме того, функционал территории со временем может меняться. Например, Екатеринбург в советское время представлял собой крупный индустриальный центр, в котором доля промышленного производства в экономике превышала 90 %. Однако реформы 1990-х годов и активизация в 2000-х годах процессов стратегического управления городским хозяйством обусловили бурный рост сервисной экономики: развитие получили торговля, сектор развлечений, туризм и общественное питание.

В то же время можно отметить некоторые особенности пространственной организации групп муниципалитетов, отличающихся друг от друга функционалом, а значит, и спецификой территориального капитала.

Основой развития городов-курортов и центров туризма выступают ресурсы, имеющие достаточно жесткую привязку к месту (это может быть побережье, зона термальных источников в первом случае, памятники архитектуры и объекты, имеющие культурную ценность, – во втором), – как правило, они локализованы в относительно небольшой части муниципального образования, окружены районами, значительно отстающими от них по привлекательности для туристов, по обеспеченности местами притяжения населения. В таких городах логика организации пространственной структуры подчинена особенностям локализации объектов, формирующих основу капитала развития территории: на них завязаны транспортные и информационные потоки, они выступают источником межтерриториальной неоднородности.

В пространстве индустриальных городов, основой развития которых выступает накопленный производственный капитал, особое место занимают промышленные зоны. Они, в отличие от мест скопления природного или культурного капитала, не выступают точками притяжения для жителей и гостей города, формируя «серые» зоны на карте (схожие с создающими повышенную нагрузку на окружающую среду проблемными ареалами, которые были выявлены при анализе особенностей размещения экологического капитала национальной экономики). Такие части пространства тоже служат источником межтерриториальной неоднородности, однако их влияние на развитие городской среды неоднозначно, далеко не все ресурсные потоки ориентированы на них.

Проблемы пространственной организации многофункциональных городов зачастую связаны с ограниченностью в них свободных пространств, пригодных для эксплуа-

тации, и достаточно высокой динамикой трансформации перечня реализуемых населенным пунктом функций, причем эта трансформация может осуществляться уже после оформления основных черт его пространства. По мере развития города, изменения параметров имеющегося у него капитала пространство начинает трансформироваться, подстраиваясь под эти изменения, однако такая подстройка обычно требует времени, что приводит к несоответствию логики организации пространства и специфики осуществления социально-экономической жизни города. Кроме того, реализация подобных пространственных преобразований зачастую происходит стихийно, без единой логики управления, что приводит к появлению неоптимального соседства между территориями, выполняющими разные функции, наложению не всегда совместимых функций друг на друга.

Проблема несоответствия пространственной организации среды города потребностям социально-хозяйственной системы, в первую очередь по структурным характеристикам, присуща также территориальным системам, отличающимся достаточно высоким уровнем экономического благополучия: они активно встраиваются в новые глобальные тренды развития, оперативно трансформируясь под их влиянием, – и вновь пространство реагирует на эти изменения с некоторым опозданием. В свою очередь, города, испытывающие недостаток финансовых ресурсов (речь идет не только о бюджетных средствах, это также касается инвестиций, активов, аккумулируемых крупными хозяйствующими субъектами, во многом определяющими развитие территории), зачастую не имеют возможности реорганизовать пространство наилучшим образом, закрепляя существующие дефициты и проблемы.

Подводя итог проделанной работе, стоит отметить, что проблемы межтерриториальной неоднородности, разорванности пространства, не всегда оптимальной организации зон концентрации активов, о которых говорилось ранее, проявляются и на уровне городов. С увеличением масштабов накопленного территориального капитала пространство городов становится все более неоднородным (при этом все более «наполненным» объектами, способными привлечь активы развития территории), более четкое выражение получают зоны концентрации ресурсов. В свою очередь, небольшие населенные пункты испытывают проблемы с насыщенностью городской среды значимыми для населения объектами и со связанностью отдельных элементов пространства. Очевидно, что накопление и активизация муниципалитетом территориального капитала всегда служит источником межтерриториальной неоднородности (он не может быть распространен в про-

странстве равномерно), что влияет на характер пространственной организации городов, обладающих ресурсами природного, культурного, производственного капитала; для многофункциональных городов чаще всего характерна проблема несоответствия пространственной организации среды потребностям социально-хозяйственной системы.

Выводы по главе 4

Выявлены проблемы и перспективы пространственного развития национальной экономики: в частности, подтверждено существование значительного межрегионального неравенства и высокого уровня пространственной поляризации (причем на более поздних стадиях жизненного цикла элементов, составляющих территориальный капитал, степень неравномерности возрастает); наблюдается ограниченное количество зон концентрации активов территориального капитала; выявлено существование ареалов, не обладающих преимуществами во владении активами и удаленных от зон концентрации ресурсов, для которых остро стоит угроза «выпадения» из экономического пространства страны; выявлена слабая степень связанности экономического пространства, сопряженная с централизацией потоков. Кроме того, определено, что наименее оптимально организовано пространство функционирования творческого и финансового капитала; установлено, что особенности локализации природного капитала достаточно сильно отличаются от специфики размещения прочих составляющих территориального капитала, что затрудняет возможности его эффективного использования. В числе закономерностей и перспектив пространственного развития национальной экономики: тенденция к «консервации» либо дальнейшему усилению неоднородности развития, наращиванию потенциала в ограниченном числе территориальных единиц, оттягиванию ими ресурсов у соседей. Кроме того, отмечена трансформация пространства взаимодействий.

Систематизация регионов, критерием которой выступил вклад каждого из них в функционирование той или иной составляющей территориального капитала, позволила разделить их на три группы. В первой группу попадают регионы, аккумулирующие значительные запасы территориального капитала, эффективно капитализирующие имеющи-

еся активы, сохраняя их на территории или привлекая извне; вторая группа объединяет территории, отстающие от своих соседей по масштабам запасов имеющегося территориального капитала; к третьей группе отнесены регионы, которые чаще всего обладают относительно невысокими запасами активов территориального капитала и располагаются при этом вблизи от территорий, также испытывающих дефицит ресурсов развития. Анализ специфики пространственной организации групп регионов, отличающихся спецификой ресурсной составляющей их развития (во многом определяющей природу их вклада в территориальный капитал страны), позволяет заключить, что наиболее целостным пространством обладают территории, опирающиеся преимущественно на нематериальные ресурсы; также более целостным выглядит пространство регионов, обладающих сравнительными преимуществами с точки зрения обеспеченности «традиционными» ресурсами. Явная зависимость между спецификой регионального пространства и его обеспеченностью ресурсами «нового» типа не выявлена.

Результаты проведенной оценки, а также итоги укрупненной систематизации городских систем подтверждают необходимость использования дифференцированного подхода к управлению различными территориальными системами, при этом принципиальное значение при реализации региональной политики имеет учет особенностей размещения в пространстве территориального капитала.

5 Управление пространственным развитием экономики Российской Федерации

5.1 Приоритеты пространственного развития экономики территорий разного уровня

Систематизация и обобщение рассмотренных ранее принципов пространственного развития позволяют выявить ряд параметров оптимально организованного экономического пространства для территориальной системы **национального уровня** (Российской Федерации), определяющих стратегические приоритеты его преобразования. К ним следует отнести:

– целостность (единые возможности для всех составляющих пространства, отсутствие барьеров);

– связанность (наличие условий для взаимодействия и сотрудничества локализованных в разных частях пространства субъектов, в том числе благодаря развитой инфраструктуре);

– гетерогенность (предполагающая наличие уникальных особенностей отдельных элементов пространства и определяющая необходимость дифференцированного подхода к преобразованию его составляющих);

– неоднородность (наличие неодинаковых свойств и характеристик, присущих разным частям пространства и обуславливающих его поляризацию);

– полицентричность (наличие в пространстве различных, в том числе с точки зрения функций и масштабов, центров и зон развития).

Следует сделать несколько важных пояснений, касающихся данного перечня.

Во-первых, выбор приоритетов пространственных преобразований на национальном уровне подчинен логике противодействия наиболее значимому негативному тренду развития, угрожающему всему территориальному комплексу в совокупности: они призваны отразить значимые (в большей или меньшей степени) для всех территориальных единиц ориентиры. Далее при переходе к отдельным региональным и локальным сово-

купностям национальные приоритеты могут быть уточнены, дополнены или скорректированы.

Во-вторых, целый ряд крайне важных аспектов преобразования пространства (учет ориентиров, характеризующих устойчивое развитие, согласование приоритетов отраслевого и пространственного развития и т. п.), которые нашли отражение в обозначаемых представителями научного сообщества и субъектами стратегического планирования принципах, не были учтены в числе выделяемых параметров, поскольку определяют не столько организацию пространства, сколько пути и меры ее трансформации.

В-третьих, некоторые вопросы может вызвать предложение одновременно учитывать целостность и неоднородность в качестве параметров оптимально организованного пространства. На разъяснении этого кажущегося противоречия стоит остановиться подробнее.

Такому параметру экономического пространства, как единство (целостность), уделяют особое внимание в своих исследованиях Е. М. Бухвальд и О. Б. Иванов[1], называя его обязательной предпосылкой не только снижения остроты имеющихся у страны проблем различного генеза, но и создания условий для эффективного функционирования всех составляющих социально-экономического комплекса. При этом возможности формирования и дальнейшего развития единого экономического пространства, а также его отдельных составляющих (например, инновационного[2]), по мнению исследователей, определяются масштабами и динамикой процессов пространственной интеграции, наиболее значимым барьером осуществления которых является наличие межтерриториальных диспропорций. Действительно, значительные контрасты развития отдельных территорий затрудняют возможности их эффективного взаимодействия друг с другом: различия в характере свойственных им проблем, несовпадение целевых ориентиров дальнейших преобразований способствуют усилению пространственной разрозненности, фрагментации пространства и, как следствие, повышению уровня нестабильности всей социально-экономической системы. На значимость уменьшения пространственной неоднородности

[1] Бухвальд Е. М., Иванов О. Б. Актуальные проблемы пространственной интеграции российской экономики // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. – 2015. – № 5. – С. 7−32; Иванов О. Б., Бухвальд Е. М. Экономическое пространство как потенциал устойчивого развития // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. – 2024. – № 1. – С. 34−52.

[2] Бухвальд Е. М. Единое инновационное пространство как приоритет пространственного развития российской экономики // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2019. – № 4. – С. 9−25.

также обращают внимание Е. Г. Анимица и Н. М. Сурнина, отмечая, что сокращение межтерриториальной дифференциации «создает более благоприятные условия для развития общенационального рынка, гармонизации социально-экономических преобразований, формирования на качественно более высоком уровне общероссийского менталитета, укрепления единства российского государства»[1]. А. И. Татаркин в числе наиболее существенных проблем развития экономического пространства Российской Федерации называл рост его разорванности и фрагментации[2], определяя в качестве одного из ключевых факторов данного процесса значительные масштабы межтерриториальных диспропорций и подчеркивая важность поиска новых источников конкурентоспособности (среди территорий, не являющихся лидерами с точки зрения величин экономических показателей) наряду с поддержкой крупных центров[3].

В то же время несколько по-другому предлагают взглянуть на проблему определения перспектив пространственных преобразований П. А. Минакир с соавторами: исследователи призывают осуществлять «не столько поиск мер по содействию интеграционным процессам и предотвращению фрагментационных, сколько поиск механизмов, обеспечивающих их рациональное взаимодействие в рамках национального экономического пространства»[4]. При этом идея содействия в краткосрочной перспективе процессам дезинтеграции экономического пространства, позволяющим в дальнейшем активизировать развитие всех его составляющих, лежит в основе работ сторонников поляризованного развития[5], которые рассматривают деятельность по стимулированию появления полюсов роста (пространственных ареалов, опережающих в своем развитии прочих участников хозяйственной деятельности и выступающих активатором экономического роста всей эко-

---

[1] Анимица Е. Г., Сурнина Н. М. Экономическое пространство России: проблемы и перспективы // Экономика региона. – 2006. – № 3 (7). – С. 37.

[2] Татаркин А. И. Развитие экономического пространства регионов России на основе кластерных принципов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – № 3 (21). – С. 28−36.

[3] Татаркин А. И. Системный подход к модернизации пространственного развития Российской Федерации // Образование и наука. – 2012. – № 1 (90). – С. 28.

[4] Минакир П. А., Демьяненко А. Н., Горюнов А. П. Методология исследования интеграции и фрагментации в экономическом пространстве России // Россия: тенденции и перспективы развития: ежегодник, вып. 13, ч. 2. – Курск: ИНИОН РАН, 2018. – С. 888.

[5] Логинов А. Н., Гойхер О. Л. Концепция пространственного поляризованного развития: точка роста, полюс роста, транспортно-коммуникационные и информационно-коммуникационные коридоры // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2015. – № 11 (61). – С. 105−111; Коротина Н. Ю., Деева В. П. Пространственные условия эффективного функционирования особых экономических зон // Социум и власть. – 2025. – Т. 22, № 3. – С. 85−105.

номической системы и ее отдельных компонентов[1]) как инструмент системы государственного управления, используемый для выравнивания асимметрии[2]. В качестве таких центров развития могут выступать кластеры[3], агломерации[4], туристско-рекреационные зоны[5], транспортно-логистические комплексы[6] и др.

Однако, как было показано ранее, в отсутствие проработанных механизмов трансляции «импульсов развития» на территориях, окружающих лидеров, баланс между фрагментацией и снижением дифференциации не может быть достигнут даже по прошествии достаточно длительного времени, а над процессами интеграции постоянно будет превалировать стремление территорий к дальнейшему разобщению. Таким образом, пространственная неоднородность, выражающаяся в первую очередь в неравномерном развитии территорий, несет в себе риски, причем как в уже сложившихся условиях, так и в долгосрочной перспективе. В то же время потенциал у идеи поляризованного развития определенно есть (вопросы вызывают скорее особенности использования ее на практике), и сочетание пространственной неоднородности (в разумных масштабах) с усилением целостности пространства не только возможно, но и вполне закономерно.

В целом ключевым стратегическим приоритетом пространственного развития экономики Российской Федерации следует считать снижение фрагментированности пространства, разрозненности его отдельных элементов, во многом обусловленной высокой

---

[1] Perroux F. L'économie du XXe siècle. – Paris: Presses Universitaires de France, 1961. – 598 p.

[2] Строев П. В. Пространственная организация экономики России: проблемы и пути решения // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. – 2015. – № 4 (49). – С. 14–25.

[3] Растворцева С. Н., Череповская Н. А. Кластеры как драйверы регионального экономического развития: практика США // Мировая экономика и международные отношения. – 2024. – Т. 68, № 2. – С. 27–38; Шманев С. В. Кластеры как драйверы инновационного развития: сущность, классификация, факторы и роль в экономике России // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2025. – № 7-1. – С. 176–184.

[4] Антонюк В. С., Бенц Д. С. Крупнейшие городские агломерации Уральского федерального округа: сравнительный анализ // Вестник Челябинского государственного университета. – 2023. – № 12 (482). – С. 31–43; Дружинин П. В., Морошкина М. В., Седова К. Е. Влияние агломераций на развитие окружающих территорий: Новосибирская, Московская и Санкт-Петербургская агломерации // Пространственная экономика. – 2025. – Т. 21, № 1. – С. 63–83; Lu W., Peng L., Fang N. The impact of human capital misallocation on green economy efficiency: empirical analysis of Chinese urban agglomerations // Heliyon. – 2024. – Vol. 10. – Article no. e32695.

[5] Евстропьева О. В., Лесных С. И. Опыт организации туристско-рекреационных зон на территориях с особыми условиями природопользования (на примере озера Байкал) // Государство и право. – 2023. – № 6. – С. 99–108; Корякина Т. В., Кукина Е. Е. Туристско-рекреационные зоны как фактор оптимизации социально-экономического развития региона // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2016. – Т. 198, № 2. – С. 490–496.

[6] Панько Ю. В. Принципы организации терминальных комплексов транспортно-логистической инфраструктуры в контексте комплексного пространственного развития // Актуальные проблемы современного транспорта. – 2024. – № 2 (16). – С. 25–34; Чооду А. В. Транспортный комплекс Красноярского края – ключевой фактор развития региональной экономики // Управленческий учет. – 2025. – № 2. – С. 193–200.

межтерриториальной дифференциацией. Особое значение для реализации названного приоритета имеет обеспечение связанности (позволяет сформировать условия для эффективного взаимодействия и усиления партнерских отношений между располагающимися в разных частях страны субъектами; в основе данного процесса – развитие инфраструктуры такого взаимодействия, сокращение экстремально высоких разрывов между параметрами функционирования отдельных территориальных единиц), а также соблюдение принципа полицентричного развития (предполагает существование в пространстве страны различных, в том числе с точки зрения функционала, обусловленного спецификой имеющегося территориального капитала, и места в иерархической структуре полюсов роста).

На **региональном уровне** приоритизация ориентиров преобразований пространства также представляет собой важный аспект социально-экономической политики: хотя федеральный закон, определяющий основы функционирования системы стратегического планирования[1], не предполагает обязательную разработку стратегии пространственного развития на уровне региона, в Методических рекомендациях по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации[2] отмечается необходимость создания в формируемых документах раздела, посвященного выявлению направлений пространственных трансформаций. При этом анализ формулировок обозначенных в стратегиях российских регионов ориентиров пространственного развития свидетельствует о достаточно низкой степени разнообразия предлагаемых приоритетов: акцент в них зачастую делается на снижение межтерриториальной неоднородности, формирование точек роста, развитие агломераций и решение проблем обеспеченности территории инфраструктурой. В научной литературе также говорится о некоторых обобщенных характеристиках оптимально организованного регионального пространства: например, в контексте необходимости сокращения межмуниципальной дифференциации[3], перспективности использования кластерных форм организации хозяйства[4].

---

[1] О стратегическом планировании в Российской Федерации: федер. закон от 28 июня 2014 г. № 72-ФЗ.

[2] Методические рекомендации по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по ее реализации, утв. приказом Минэкономразвития России от 23 марта 2017 г. № 132.

[3] Ускова Т. В. Пространственные аспекты устойчивого развития региона // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. – 2021. – № 1 (64). – С. 81−88.

[4] Кузьмина Н. Л., Тонышева Л. Л. Пространственная организация экономической деятельности региона: сущность, формы, трансформация // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2018. – № 9 (95). – С. 118−126.

Очевидно, что проблемы, присущие российскому пространству, достаточно четко проявляются и на уровне отдельных региональных систем, что обуславливает возможность обращения к тем же приоритетам и принципам пространственных трансформаций, которые характеризуют пути изменений пространства национального масштаба. В то же время, как показало проведенное исследование, отдельные группы регионов имеют свою специфику, во многом связанную с особенностями имеющегося у них территориального капитала, а значит, нуждаются в более детальной приоритизации.

Так, обеспечение условий для поляризованного развития, сопряженного с укреплением связанности пространства, в сегодняшних условиях актуально для всех трех групп регионов, однако соотношение значимости данных приоритетов пространственных трансформаций для них несколько разнится (рисунок 39).

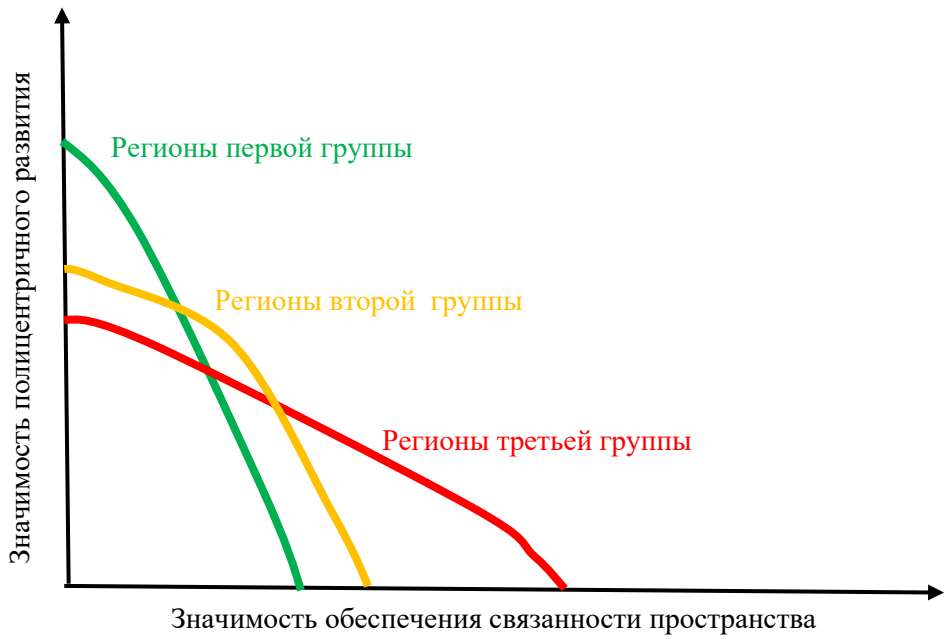

Рисунок 39 – Соотношение степени значимости полицентричного развития и обеспечения связанности пространства для регионов, отличающихся масштабами вклада в территориальный капитал страны[1]

Так, для регионов первой группы, аккумулирующих основную часть элементов территориального капитала, особое значение имеет формирование полицентрической структуры на базе разноуровневых зон опережающего развития. Это связано с необходи-

[1] Составлено автором.

мостью появления «центров противовеса» тем масштабным центрам концентрации активов, которые выступают мощными «магнитами» для локализованных поблизости ресурсов. Еще один значимый для развития данной группы регионов приоритет имеет отношение к сокращению неблагоприятных последствий активной реализации агломерационных процессов, усиления нагрузки на пространство крупных и крупнейших городов, в частности, за счет развития (в том числе инфраструктурного) территорий, окружающих города – центры агломераций.

Для регионов второй группы, обладающих некоторыми запасами активов, но локализованных вблизи более крупных центров их концентрации, значимость обеспечения связанности пространства несколько выше: для них критически важным является использование плюсов своего местоположения, имеющих отношение к восприятию тех импульсов развития, которые генерируют для своего окружения локализованные рядом потенциальные точки роста. Для этого необходима не только высокая степень связанности пространства, но и взаимная заинтересованность возможных партнеров в реализации совместных проектов, что, в свою очередь, обуславливает перспективность нахождения отдельными территориальными единицами (или их комплексами) регионов второй группы своего места в тех хозяйственных цепочках, значимую роль в которых играют их соседи. Таким образом, стратегическим приоритетом территорий, относящихся к обозначенной группе, является формирование в их границах функциональных зон, специфика которых связана, с одной стороны, с параметрами имеющегося у них территориального капитала, с другой стороны, с потребностями масштабных центров концентрации ресурсов, расположенных рядом.

Для регионов третьей группы, удаленных от зон стягивания активов, связанность пространства имеет особое значение, их ключевой стратегический приоритет – ликвидация инфраструктурных ограничений. Это не означает, что в пространстве таких регионов не могут формироваться центры развития и точки роста, но они, скорее всего, будут носить региональный или макрорегиональный характер.

В особом внимании также нуждаются территории, выступающие центрами сосредоточения культурного и природного капитала: активы их развития не являются мобильными, для их сохранения и приращения (превращения в значимые для макрохозяйственного комплекса ресурсы) требуется встраивание таких территориальных единиц в инфраструктурные и логистические цепочки, формирование благоприятствующего их разви-

тию окружения (повышение степени комфорта городской среды, являющейся вместилищем элементов капитала, развитие близлежащих территорий, способных взять на себя некоторые функции по обслуживанию этих элементов).

Неодинакова значимость обозначенных параметров пространственных преобразований и для регионов, отличающихся спецификой ресурсной составляющей их развития. Например, неоднородность, как отмечалось ранее, присуща и должна быть присуща любому экономическому пространству (как справедливо отмечает Н. В. Зубаревич, «речь идет об экономическом, а не о социальном неравенстве»[1]), однако для регионов, экономика которых опирается на материальные ресурсы, ее масштабы объективно будут более существенными. В перспективе ситуация не должна измениться: регионы, благосостояние которых связано с немобильными активами, имеющими определенную локализацию в пространстве, не могут обеспечить их эффективное распространение по всей своей территории, в отличие от регионов, ресурсы которых нематериальны и более мобильны. При этом оптимально организованным такое неоднородное пространство может быть только при условии высокой степени его связанности, обеспечивающей «трансляцию» импульсов развития от локалитетов-лидеров, являющихся центрами концентрации ресурсов регионального роста, к прочим элементам пространственного комплекса (рисунок 40).

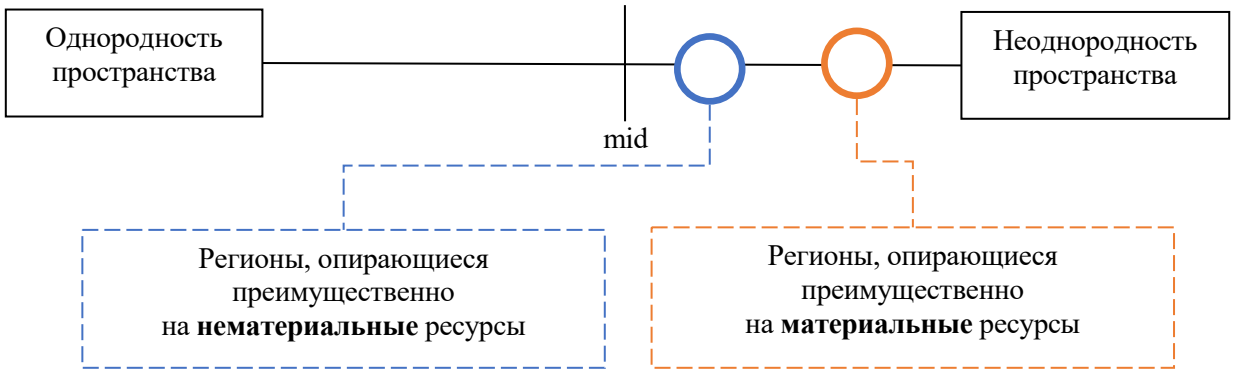

Рисунок 40 – Соотношение степени значимости неоднородности пространства для регионов разных типов[2]

[1] Зубаревич Н. В. Региональное развитие и региональная политика в России // ЭКО. – 2014. – № 4 (478). – С. 9.

[2] Составлено автором.

Оптимально организованное пространство регионов, опирающихся преимущественно на нематериальные ресурсы, отличается большей однородностью, однако абсолютно гомогенным оно быть не может (хотя нематериальные ресурсы более мобильны, они также тяготеют к определенным точкам или зонам в пространстве).

Еще два параметра пространственной организации, значимость которых варьируется в зависимости от типа региона, но которые при этом не были обозначены среди ключевых для российского пространства признаков, – открытость и изменяемость. Их нельзя назвать однозначными атрибутами эффективно организованного пространства на национальном уровне, но для некоторых территориальных единиц степень открытости экономического пространства, а также темпы характеризующих его изменений выступают важными признаками оптимальной организации.

Так, открытость пространства имеет особое значение для регионов, не обладающих преимуществами, связанными с наличием ресурсов «нового» типа: как показало проведенное исследование, зачастую территориальные комплексы, относящиеся именно к этой группе, попадают в число наименее развитых, а эффективность их хозяйственной деятельности существенно уступает тем субъектам, которые активно используют новые технологии и инновации. В этих условиях высокий уровень связанности пространства (на макроуровне, а не на уровне самого региона) обуславливает возможность включения таких региональных структур в масштабные экономические проекты, позволяет им взаимодействовать с более успешными партнерами, давая тем самым толчок их развитию, а открытость их пространства выступает обязательной предпосылкой встраивания регионов в подобные перспективные взаимоотношения.

Данный тезис совсем не означает, что пространство регионов, в большей степени обеспеченных ресурсами «нового» типа и характеризующихся более динамичными темпами экономического роста, должно быть замкнутым, а сами они заинтересованы в минимизации взаимодействий с прочими участниками хозяйственных процессов, однако значимость открытости пространства для регионов этой группы является не настолько критически важным параметром, как в случае с аутсайдерами инновационного развития (рисунок 41).

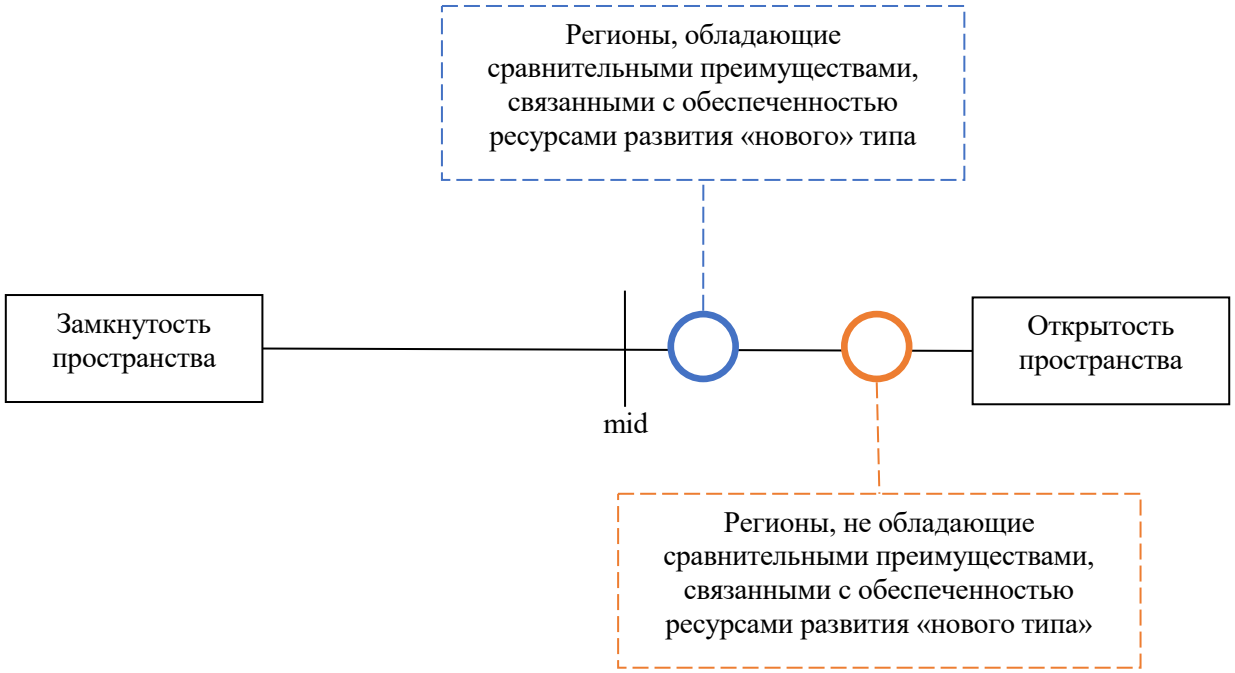

Рисунок 41 – Соотношение степени значимости открытости пространства для регионов разных типов[1]

Изменяемость – неоднозначный пространственный параметр: с одной стороны, логичным представляется постоянное «подстраивание» пространства под нужды меняющегося социально-экономического комплекса, действующего в его границах; с другой стороны, неустойчивость пространственного каркаса и периодические изменения особенностей размещения производительных сил способствуют социально-экономической нестабильности, не позволяют достигать долгосрочных целей развития территориального комплекса; кроме того, такое свойство пространства, как инерционность происходящих в нем преобразований, обуславливает потребность в привлечении значительного количества ресурсов для ускорения темпов его изменения. В связи с этим оптимальным представляется соблюдение баланса между устойчивостью пространства и его изменяемостью, однако для регионов, не обладающих преимуществами, связанными с обеспеченностью ресурсами (или «традиционными» ресурсами, или ресурсами «нового» типа) приоритетной следует считать все-таки изменяемость пространства, обуславливающую возможности и являющуюся следствием трансформации социально-экономического комплекса. Если регион «проигрывает» прочим субъектам Российской Федерации, обладающим более впечатляющим набором активов, то ориентиром его преобразований будет повышение

[1] Составлено автором.

эффективности использования имеющихся ресурсов развития или поиск новых точек роста, причем для территорий, обладающих низкой конкурентоспособностью из-за необеспеченности ресурсами различных типов, готовность пространства к изменениям будет наиболее значимой (рисунок 42).

Рисунок 42 – Соотношение степени значимости изменяемости пространства для регионов разных типов[1]

Представленные соотношения степени значимости отдельных параметров пространственной организации экономики для регионов разных типов носят качественный характер: точные количественные значения, определяющие характеристики каждой территориальной группы, рассчитать сложно, поскольку по своему наполнению (в частности, с точки зрения пространственных особенностей) эти группы весьма разнородны, что делает попытки задать некий четкий и общий для всех их участников эталон неэффективными.

Логика соотношения значимости характеристик, лежащих в основе стратегических приоритетов пространственного развития **муниципальных образований** (а также горо-

[1] Составлено автором.

дов федерального значения), отличающихся масштабами накопленного территориального капитала, в целом близка к логике, присущей региональным системам: с ростом запасов активов, усложнением структуры территориального капитала увеличивается значимость полицентрического развития территориальной единицы, тогда как связанность пространства несколько теряет степень своей «критичности», оставаясь при этом важным атрибутом успешного развития (исключением являются сверхкрупные территориальные единицы – города федерального значения, для которых связанность территории является ориентиром, обладающем большей степенью приоритетности, чем для крупных и крупнейших городов).

Следует также отметить, что на муниципальном уровне вопросам стратегирования пространственного развития уделяется меньше внимания, чем на уровне страны или региональных систем: в большинстве стратегических планов, характеризующих перспективы преобразования муниципалитетов, аспекты трансформации пространства не затрагиваются, а основным инструментом, описывающим ожидаемые изменения в привязке к конкретным точкам в пространстве, служит генеральный план. Если для средних и малых городов этого может быть вполне достаточно, то крупные и тем более крупнейшие муниципалитеты нуждаются в подробном описании приоритетов и ориентиров пространственного развития.

Между тем даже в стратегиях крупнейших городов далеко не всегда находится место рассмотрению пространственных аспектов, что подтверждает проведенное И. А. Антипиным исследование, в ходе которого был выполнен сравнительный анализ стратегических планов городов-миллионников[1]: наиболее проработанными выглядят принципы трансформации пространства в документах Екатеринбурга, Казани, Краснодара. Их сопоставление позволяет выделить общие акценты, на которые делают ставку ядра крупнейших агломераций, концентрирующие на своей территории существенное количество активов и выступающие центрами их притяжения:

– город будущего – креативный, умный, экологичный, комфортный;

– развитие агломераций;

– полицентричность и многофункциональность;

[1] Антипин И. А. Современные тренды стратегирования социально-экономического развития территории: пространственный аспект // Общество: политика, экономика, право. – 2019. – № 12 (77). – С. 30–34.

– связанность пространства, в том числе инфраструктурная;

– уникальность и своеобразие;

– вовлечение всех элементов городского пространства в социально-экономические процессы.

Следует согласиться, что перечисленные характеристики представляют собой важные признаки пространства, организованного таким образом, чтобы сформировать комфортную для проживания среду. Значимым аспектом является именно уход от моноцентрической модели развития территории: значительное количество жителей делает неоптимальной концентрацию их активности в одной точке; формирование многофункциональных центров «второго порядка» позволяет задействовать неэффективно используемые территории в городском развитии, повысить доступность компонентов городской среды для всех желающих, снизить остроту проблем транспортной загруженности.

Для крупнейших и сверхкрупных городов – «столичных» городов федерального значения, которые, не будучи муниципальными образованиями, по особенностям организации своего пространства близки к муниципалитетам, ключевое значение имеет также ускорение потоков, связывающих их с окружающими населенными пунктами, входящими в состав городской агломерации: эти населенные пункты берут на себя часть функций территориальной системы (например, выступая селитебными зонами), при этом не превращаясь в самодостаточные комплексы, не теряя потребность в регулярных контактах с ядром агломерации.

Пространство крупных городов (равно как и средних, малых) тоже должно быть организовано максимально комфортным образом для жителей населенного пункта, локализованных на его территории предприятий и организаций, однако их структура при этом может сохранять моноцентрический характер (при переносе некоторых функций в нецентральные районы), но следует учитывать, что в этом случае возрастает потребность в создании условий для быстрого (и удобного) доступа к тем сервисам, которые предоставляет центр. Вопросы связанности пространства имеют критичное значение также для территориально разрозненных муниципальных образований (муниципальных районов): сама логика организации местоположения их отдельных составляющих в пространстве требует первоочередного снятия инфраструктурных вопросов.

Приоритеты пространственных трансформаций муниципальных образований, являющихся центрами сосредоточения культурного или природного капитала, связаны

с развитием тех частей пространства, где локализованы эти активы. Необходимо их дальнейшее обустройство, обеспечение транспортной доступности, а также интенсификация потенциала окружающих их территорий (например, за счет повышения уровня благоустроенности) для расширения зоны сосредоточения интересов, притягивающей как местное население и бизнес-структуры, так и туристов.

Для муниципальных образований, активом развития которых выступает производственный капитал, приоритетной является трансформация обширных индустриальных зон в соответствии с меняющимися условиями хозяйствования: изменение технологических укладов, внедрение новых способов производства формирует новые требования к организации промышленных площадок (например, исчезает необходимость в масштабных территориях для их локализации, появляется возможность размещения общественных пространств рядом с ними и т. п.). Таким образом, важное направление стратегии преобразования пространства таких городов – встраивание меняющихся производственных площадей в единый вектор развития территории.

Для многофункциональных городов приоритетным является грамотная комбинация (разграничение) пространств, выполняющих какую-либо функцию или сочетающих в себе несколько из них. Совмещение разноплановых задач в условиях ограничений возможности постоянного расширения территории такого города представляется закономерным явлением, однако далеко не все функции стоит объединять в рамках одного пространственного элемента (например, микрорайона): логичным представляется зонирование территории города в соответствии со спецификой групп пользователей, заинтересованных в тех или иных функциях.

Фиксация стратегических приоритетов пространственного развития экономики для территорий разного уровня, обладающих различным территориальным капиталом, позволяет перейти к разработке модели эффективной пространственной организации экономики.

5.2 Модель эффективной пространственной организации экономики Российской Федерации

Предлагаемая модель базируется на использовании сформированных в ходе исследования типологий территорий (с точки зрения их уровней и специфики имеющегося у них территориального капитала) и рассмотренных видов моделей пространственного развития. В ее основе лежат три ключевых принципа (кроме того, во внимание принимаются требования к модели, обозначенные ранее).

1. Принцип комбинирования моделей пространственного развития разных типов. Высокая степень разнообразия территориальных единиц и их совокупностей делает невозможной ориентацию только на один вид модели пространственного развития. Хотя наиболее перспективной, как отмечалось ранее, в настоящее время считается сетевая модель, далеко не каждая территория готова к ее реализации (из-за специфики своей текущей пространственной организации, дефицитов системы управления и т. п.); для некоторых территориальных систем оптимальным будет иной вид модели (со временем, однако, возможна трансформация характеристик территории, а значит, и трансформация наиболее подходящей модели). Таким образом, модель пространственной организации российской экономики должна строиться на сочетании различных типов моделей пространственного развития, находящих применение как на разных территориальных уровнях, так и в отношении территорий, имеющих разную хозяйственную специфику.

2. Принцип согласованности приоритетов пространственного развития экономики территорий разного уровня друг с другом. Достижение ключевого приоритета пространственного развития страны – снижение фрагментированности пространства, превращение его в единый эффективно функционирующий комплекс – невозможно, если этому ориентиру не будут следовать отдельные территориальные единицы. Очевидно, что в каждом конкретном случае необходима его адаптация (с точки зрения специфики имеющихся у территории проблем, особенностей организации управления пространственными преобразованиями), но основной вектор трансформации должен быть неизменным. При этом, исходя из логики организации системы управления территориальным развитием (с точки зрения ее иерархии), также представляется необходимым согласование целевых

установок осуществления пространственных преобразований муниципалитетов с целевыми установками изменений тех региональных систем, в которых они локализованы.

3. Принцип примата типа и масштабов имеющегося у территории территориального капитала при определении путей ее развития и развития ее окружения. Важнейшим критерием, задающим возможности и ограничения трансформации, является состояние тех активов развития, которыми обладает территория. Существенную роль играют также характеристики ресурсов (и особенности их организации в пространстве) локалитетов и региональных зон, которые ее окружают. Именно эти свойства в совокупности определяют перспективность наращивания территориального капитала в тех или иных точках пространства, задавая параметры активизации пространственного развития (например, за счет «приземления» точек роста и зон опережающего развития в наиболее подходящие для этого локации).

Образное представление предлагаемой концептуально-логической модели (рисунок 43) показывает соотношение выделенных ранее типов территориальных единиц (отличающихся друг от друга как масштабами, так и спецификой имеющегося территориального капитала) с тремя моделями территориального развития (их схематическое изображение представлено в приложении Т) – сетевой, функциональной и каркасной. Кластерная модель может успешно сочетаться с каждой из названных трех, дополнять их в случае необходимости; кластеры могут выступать составными элементами сетевых структур, лежать в основе формируемых каркасов, выступать точками роста в рамках функциональных зон.

Сетевая модель в наибольшей степени подходит для территорий, являющихся точками притяжения разнородных элементов территориального капитала, способных его накопить и эффективно вовлечь в хозяйственные процессы: как правило, такие территории сочетают разные типы ресурсов (центры концентрации которых могут несколько разниться, в том числе и с точки зрения масштабов), динамично переходя от одних к другим, что обуславливает значимость формирования между использующими их субъектами взаимосвязей именно сетевого типа. При этом использование сетевой модели возможно в реалиях территориальных систем, тяготеющих и к использованию ресурсов определенного вида, хотя логика организации сетей в этом случае может претерпевать изменения от одной системы к другой.

Рисунок 43 – Авторская модель эффективной многоуровневой пространственной организации экономики Российской Федерации, учитывающей специфику ее территориального капитала[1]

[1] Составлено автором.

Так, регионам, опирающимся преимущественно на материальные ресурсы (и рассчитывающим и далее развиваться на базе тех же самых видов деятельности), имеет смысл выстраивать свои сети вокруг существующего производственного ядра, тогда как сетевые структуры, формирующиеся в регионах, ориентированных на сервисную экономику, будут в большей степени распределены в пространстве.

Функциональная модель отвечает интересам тех регионов, которые обладают запасами территориального капитала, но в силу своего местоположения (в основном близости к субъектам, способным более эффективно капитализировать активы) рискуют утратить его мобильную часть или ресурсы для наращивания немобильной части. Для них важным является определение своего места в системе хозяйственных отношений между территориями, специализация на тех процессах, в которых они наиболее конкурентоспособны (в том числе за счет формирования в своих границах зон опережающего развития, создающих «противовес» масштабным полюсам роста хотя бы в части отдельных функций). Логика организации пространства крупных, средних и малых муниципальных образований также может быть построена именно по функциональному принципу: их масштабы делают эффективным зонирование территории в соответствии с наиболее подходящим для каждой из таких зон набором функций. К числу приоритетных стратегических направлений пространственного развития территорий, реализующих такую модель, наряду с грамотным и эффективным зонированием пространства, позволяющим усилить (за счет хозяйственной интеграции расположенных в одних и тех же локациях субъектов) экономический потенциал как всего территориального комплекса, так и его отдельных участников, следует отнести развитие и укрепление взаимосвязей между отдельными акторами, схожими друг с другом по своим функциям (находящимися в одной зоне). Особое значение для таких территорий имеет возможность их встраивания в экономические зоны более высокого хозяйственного порядка.

Формирование системы каркасов, способных увязать друг с другом отдельные элементы территориальной структуры, является перспективным для территорий, обладающих относительно невысокими запасами активов территориального капитала и при этом имеющих ограниченные возможности по встраиванию в формируемые крупными центрами концентрации ресурсов технологические цепочки (в силу своей удаленности от таких центров или невозможности взять на себя отдельные значимые функции). В интересах эффективного пространственного развития таких территорий требуется формирование хо-

зяйственных цепочек и вертикально ориентированных связей, включение в производственные процессы, запускаемые центрами экономического роста, так называемой периферии (участков, отстающих от других представителей территориального комплекса) за счет использования имеющегося у нее потенциала для реализации совместных проектов. Таким образом, огромную роль играет выявление возможных точек роста локального уровня, способных стать составляющими иерархически выстроенной структуры, создание условий для их взаимодействия как с «ядрами» каркаса, так и друг с другом.

В свою очередь, сочетание обозначенных моделей (в разных комбинациях) подходит для территорий, отличающихся друг от друга типом активов, составляющих основу их капитала. Функциональная и каркасная модели в совокупности – для территорий, концентрирующих немобильные элементы (например, природный, культурный капитал): зоны скопления этих активов превращаются в точки роста, а развитие каркасной системы помогает включить их в социально-экономические процессы, реализуемые на уровне страны, макрорегиона. Сетевая модель в сочетании с функциональным зонированием может использоваться при организации пространственного развития территорий, аккумулирующих активы разных типов территориального капитала, превращающихся благодаря такому объединению и взаимоусилению разнородных ресурсов в многофункциональные площадки.

Территории разного типа также отличаются друг от друга степенью соотношения важности реализации одного из двух важных параметров пространственной организации (полицентричности и связанности). На рисунке 43 эти закономерности схематично показаны с помощью маркеров разного цвета, расположение которых характеризует относительную (в сравнении друг с другом) значимость данных параметров для каждого типа территориальной единицы (близость маркера к верхнему краю блока свидетельствует о его большей важности): как было замечено ранее, с увеличением у системы масштабов запасов территориального капитала важность поляризованного развития возрастает. Соотношение степени значимости некоторых других параметров пространственной организации хозяйства региональных комплексов, отличающихся спецификой ресурсной составляющей их развития, представлено в таблице 37 (подробное описание логики использования такого подхода к определению меры важности отдельных характеристик пространства территориальных систем разных типов было дано ранее).

Таблица 37 – Соотношение степени значимости некоторых параметров пространственной организации для регионов, отличающихся спецификой ресурсной составляющей их развития[1]

Группа	Регионы, опирающиеся преимущественно на **нематериальные** ресурсы		Регионы, опирающиеся преимущественно на **материальные** ресурсы	
	Регионы, обладающие сравнительными преимуществами («традиционные» ресурсы)	Регионы, **не** обладающие сравнительными преимуществами («традиционные» ресурсы)	Регионы, обладающие сравнительными преимуществами («традиционные» ресурсы)	Регионы, **не** обладающие сравнительными преимуществами («традиционные» ресурсы)
Регионы, обладающие сравнительными преимуществами (ресурсы «нового» типа)	З ----------|--▼------ О	З ----------|--▼------ О	З ----------|--▼------ О	З ----------|--▼------ О
	У----------▼----------И	У----------|--▼-------И	У----------▼----------И	У----------|--▼-------И
	О ----------|--▼------Н	О ----------|--▼------ Н	О----------|------▼--Н	О ----------|-------▼--Н
Регионы, не обладающие сравнительными преимуществами (ресурсы «нового» типа)	З ----------|------▼-- О	З ----------|------▼-- О	З ----------|------▼-- О	З ----------|------▼-- О
	У----------|--▼-------И	У----------|-------▼--И	У----------|--▼-------И	У----------|-------▼--И
	О ----------|--▼------ Н	О ----------|--▼------ Н	О ----------|------▼-- Н	О----------|------▼--Н

Примечание – Условные обозначения: З–О: замкнутость – открытость; У–И: устойчивость – изменяемость; О–Н: однородность – неоднородность; ▼ – соблюдение баланса; ▼ – значимость параметра, обозначенного справа, несколько выше; ▼ – значимость параметра, обозначенного справа, существенно выше.

[1] Составлено автором.

Подводя итог проделанной работе, следует еще раз отметить, что модель всегда представляет собой достаточно общее (хотя и учитывающее основные закономерности и взаимосвязи) описание желаемого состояния системы. Ее применение в интересах преобразования конкретной территориальной единицы требует обязательного уточнения и корректировки отдельных аспектов сообразно характеризующей данную территориальную единицу ситуации.

5.3 Механизм управления пространственным развитием экономики Российской Федерации

Как неоднократно подчеркивалось ранее, в настоящее время вопросы пространственного развития Российской Федерации и ее отдельных территориальных единиц вызывают значительный интерес как у научного сообщества, так и у представителей органов власти разного уровня: регулярно множится число исследований, посвященных различным аспектам данной темы; появляются документы стратегического планирования, уделяющие особое внимание вопросам размещения производительных сил в пространстве, проблемам территориальной неоднородности, специфике преобразования элементов пространства, имеющих особое значение для экономического комплекса страны (региона, муниципального образования).

В то же время концептуальные подходы, положенные в основу политики, направленной на оптимизацию пространственной организации хозяйства российских территорий, вызывают множество вопросов. Как отмечает А. Н. Швецов, говоря о государственном участии в пространственных преобразованиях, «не видно, чтобы все планируемые государственные действия были бы самым тщательным образом продуманы и обоснованы, возможные альтернативы выявлены и взвешены, последствия допустимых решений оценены, объемы ресурсных потребностей определены и источники их удовлетворения известны»[1]. При этом следует признать, что процесс управления пространственным раз-

[1] Швецов А. Н. Государственное участие в преобразовании социоэкономического пространства // Вызовы и политика пространственного развития России в XXI веке: программы фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук 2012−2019. – М.: КМК, 2020. – С. 303.

витием характеризуется достаточно высокой динамичностью, а участники этого процесса много внимания уделяют возможностям его совершенствования, работая над допущенными ранее ошибками. Так, появление в 2019 г. документа, призванного комплексно представить стратегические основы пространственного развития страны[1], стало лишь первым серьезным шагом на пути конкретизации основных направлений реорганизации социально-экономического пространства страны; в 2022 г. произошла корректировка отдельных положений Стратегии[2], а в декабре 2024 г. была утверждена ее новая версия[3]. За каждой итерацией документа стоит долгая и масштабная работа, сложность которой определяется целым рядом нюансов, особенно ярко проявившихся при создании первой версии стратегии.

Во-первых, крайне непростым для осмысления (а значит, и для управления) является ключевой объект преобразований – пространство, о чем было много сказано в главе 1 диссертационного исследования. В связи с этим множество споров в рамках обсуждения предлагаемых проектов стратегии пространственного развития вызывал вопрос содержательного наполнения документа: какие именно аспекты функционирования национальной социально-экономической системы следует относить к категории пространственных. Еще одной стороной обозначенной проблемы является амбициозность тех задач, которые должны быть решены в ходе подготовки стратегии: в соответствии с постановлением Правительства РФ от 20 августа 2015 г. № 870 «О содержании, составе, порядке разработки и утверждения стратегии пространственного развития Российской Федерации, а также о порядке осуществления мониторинга и контроля ее реализации»[4] в документе необходимо обозначить цели, задачи, приоритеты, принципы, основные направления пространственного развития. Качественная подготовка каждого из этих разделов стратегии требует проведения множества масштабных и подробных исследований.

Во-вторых, стоит упомянуть сложность встраивания стратегии пространственного развития в систему документов стратегического планирования: к моменту начала работы

---

[1] Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г.: распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р.

[2] Об утверждении изменений, которые вносятся в Стратегию пространственного развития Российской Федерации до 2025 г.: распоряжение Правительства РФ от 25 июня 2022 г. № 1704-р.

[3] Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г.: распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2024 г. № 4146-р.

[4] О содержании, составе, порядке разработки и утверждения стратегии пространственного развития Российской Федерации, а также о порядке осуществления мониторинга и контроля ее реализации: постановление Правительства РФ от 20 августа 2015 г. № 870.

над ней в Российской Федерации сформировался целый комплекс различных концепций и стратегий, определяющих некоторые аспекты и направления пространственных преобразований всей социально-экономической системы страны или ее отдельных элементов, что ставит перед разработчиками задачу обеспечения согласованности прописываемых в стратегии пространственного развития аспектов с тезисами, звучащими в уже действующих документах (и, напротив, корреляции вновь закрепляемых положений с установками реорганизации пространства).

Наконец, необходимо отметить, что первая версия стратегии пространственного развития (СПР-2025) представляла собой беспрецедентный документ, успешного опыта разработки аналогов которого у Министерства экономического развития Российской Федерации, ответственного за его создание, не было. Отсутствие практики управления пространственными аспектами социально-экономического развития страны в рыночных условиях повлекло за собой возникновение определенных проблем при организации работы над документом. Процесс создания следующего, актуального на данный момент, варианта Стратегии (СПР-2030) протекал значительно легче, однако потребовал от разработчиков дополнительных усилий, связанных с критической оценкой результатов реализации предыдущей версии, осмысления причин проявившихся в ходе ее осуществления дефицитов.

И хотя в целом представители Министерства экономического развития Российской Федерации достаточно позитивно оценивают как вклад СПР-2025 в решение основных задач пространственных преобразований, так и набор инструментов (механизмы инфраструктурного развития, государственные программы для геостратегических территорий, индивидуальные программы для отдельных регионов), накопленный в процессе ее воплощения в жизнь[1], экспертным сообществом неоднократно отмечался целый ряд пробелов, неконкретных и противоречивых положений документа[2]. Так, обобщая тезисы, содержа-

---

[1] Вахруков Д. С. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. // Вестник Российской академии наук. – 2025. – № 2. – С. 3–11.

[2] Бухвальд Е. М., Валентик О. Н. Стратегия пространственного развития: этап радикального обновления // Региональная экономика. Юг России. – 2024. – Т. 12, № 1. – С. 4–14; Кузнецов С. В., Зигерн-Корн Н. В., Гресь Р. А., Сорокин И. С. Судьба стратегии пространственного развития России: мнения практиков регионального управления и научного сообщества // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. – 2024. – № 2 (77). – С. 12–25; Минакир П. А., Демьяненко А. Н., Горюнов А. П. Методология исследования интеграции и фрагментации в экономическом пространстве России // Россия: тенденции и перспективы развития: ежегодник, вып. 13, ч. 2. – Курск: ИНИОН РАН, 2018. – С. 885–888; Михеева Н. Н. Стратегия пространственного развития: новый этап или повторение старых ошибок? // ЭКО. – 2018. – № 5 (527). – С. 158–178.

щиеся в опубликованных за период 2015−2020 гг. научных статьях, где упоминалась СПР-2025, Б. С. Жихаревич и Т. К. Прибышин отмечают, что содержащиеся в них критические высказывания преобладают над нейтральными и позитивными[1].

Действительно, даже поверхностный взгляд на документ позволяет выявить некоторые явные проблемы, свидетельствующие о чрезмерной поспешности его принятия и имеющие отношение не только к содержательной несостоятельности ряда положений, но и к техническим характеристикам Стратегии. Так, не в полной мере были понятны отличительные черты таких блоков документа, как «задачи», «приоритеты» и «основные направления» пространственного развития: одни и те же ориентиры преобразований обозначались в нескольких различных разделах (например, «ликвидация инфраструктурных ограничений федерального значения и повышение доступности и качества магистральной транспортной, энергетической и информационно-телекоммуникационной инфраструктуры» заявлялась в качестве как задачи, так и основного направления пространственного развития). Также вопросы вызывал выбор периода, на протяжении которого предполагалось реализовать обозначенную в Стратегии амбициозную цель: шесть лет – это слишком короткий срок для решения всех задач, которые были поставлены в документе.

Содержательный анализ СПР-2025 давал возможность выделить четыре основные темы – реперные точки, выступающие основой запланированных преобразований социально-экономического пространства. Один из акцентов документа был сделан на стимулировании агломерационных процессов и развитии агломераций: именно за счет них предполагалось обеспечить расширение географии и ускорение экономического роста, научно-технологического и инновационного развития Российской Федерации. Вторая реперная точка Стратегии, прямо связанная с реализацией перспектив межтерриториальных взаимодействий и координацией социально-экономического развития регионов, – объединение субъектов Российской Федерации в территориальные комплексы (макрорегионы), что, по сути, представляло собой естественное следствие самой постановки вопроса о расширении территориального управления до пространственного масштаба. Третьим результатом работы над СПР-2025 стало выделение для каждого региона перспективных экономических специализаций (видов экономической деятельности или отраслей, развитие которых может быть обеспечено имеющимися у субъектов Российской Федерации

[1] Жихаревич Б. С., Прибышин Т. К. Стратегия пространственного развития России как результат взаимодействия науки и власти // Регион: экономика и социология. – 2021. – № 4 (112). – С. 3−26.

конкурентными преимуществами). Наконец, четвертый акцент в СПР был сделан на развитии геостратегических территорий, под которыми понимались территории, «имеющие существенное значение для обеспечения устойчивого социально-экономического развития, территориальной целостности и безопасности Российской Федерации, характеризующиеся специфическими условиями жизни и ведения хозяйственной деятельности»[1].

Новый вариант Стратегии пространственного развития достаточно сильно отличается от предыдущей версии – очевидно, что многие тематические акценты были переосмыслены.

Одним из наиболее значимых нововведений стала приоритизации создания системы опорных населенных пунктов (ОНП), «которые формируют системы расселения, инфраструктуры и экономики Российской Федерации и обеспечивают развитие прилегающих к ним территорий»[2]. Данная система должна включать в себя населенные пункты разных типов: являющиеся площадками реализации новых инвестиционных проектов, существенно влияющих на экономику; обеспечивающие национальную безопасность страны и обслуживающие критически важную инфраструктуру; входящие в состав городских агломераций, административных центров субъектов РФ; являющиеся основными центрами предоставления медицинской помощи, образования, услуг в сфере культуры и реализации иных потребностей для жителей прилегающих территорий. Такой дифференцированный и при этом весьма широкий подход к определению перечня территориальных единиц, имеющих стратегическое значение и нуждающихся в особом внимании, отличается от звучащего ранее акцента на опережающее развитие перспективных центров экономического роста – крупных и крупнейших агломераций.

Подобная смена ориентира представляется вполне закономерной. С одной стороны, выбор той роли, которая отводилась в СПР-2025 агломерациям, был обусловлен объективными тенденциями: именно в агломерациях создаются наилучшие условия для эффективного использования ресурсов (в том числе человеческого потенциала)[3] и активизации синергетических процессов; кроме того, концентрация населения в крупнейших городах и региональных центрах (а также на прилегающих к ним территориях) – это за-

---

[1] Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г.: распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р.

[2] Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г.: распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2024 г. № 4146-р.

[3] Сапожников Г. Н. Агломерации в экономике, их назначение и развити // Дискуссия. – 2015. – № 11 (63). – С. 38−44.

кономерная в сегодняшних условиях неравномерного распределения благ тенденция. С другой стороны, идея первоочередного стимулирования дальнейшего развития агломераций вступает в явное противоречие с таким направлением пространственного развития (обозначенным в обоих вариантах СПР), как «сокращение уровня межрегиональной и внутрирегиональной дифференциации», – дальнейшая активизация «стягивания» человеческих, финансовых и других ресурсов в ограниченное количество масштабных территориальных единиц повлечет за собой лишь увеличение уровня фрагментации пространства и усиление существующих межтерриториальных диспропорций.

В то же время перспективы реализации идеи, связанной с развитием опорных населенных пунктов, закономерно вызывают некоторые опасения со стороны экспертов, что обусловлено непроработанностью базовых теоретических и методических подходов к выявлению и развитию таких территориальных единиц[1]. Кроме того, как отмечалось ранее, населенные пункты, относимые к числу опорных, достаточно сильно отличаются друг от друга (по своим масштабам, уровню экономического развития, функциям), что делает крайне важной проработку дифференцированного подхода к работе с ними, а также обеспечение координации усилий между всеми уровнями территориального управления. Еще одним значимым фактором эффективного функционирования системы ОНП является создание условий для трансляции полюсами роста, роль которых в конечном итоге должны выполнять опорные населенные пункты, импульсов развития окружающим их территориям, что предполагает проработку целого комплекса мер региональной политики, нацеленных на формирование и укрепление межтерриториальных взаимосвязей: сам по себе процесс распространения импульсов развития активизироваться не может.

Такой сюжет СПР-2025, как предложение новой сетки макрорегионов, не нашел логического продолжения в новой версии документа. Сама идея формирования нового (более комплексного, чем ранее) подхода к группировке территорий в интересах создания межрегиональных структур, которые имеют схожие особенности развития, общие проблемы (что позволяет обозначить единый для всех входящих в состав таких структур тер-

[1] Антонюк В. С., Сигатова Н. А., Вансович Э. Р. Стратегия пространственного развития России: адаптационный подход и приоритизация задач // Вестник Челябинского государственного университета. – 2024. – № 12 (494). – С. 19−28; Кузнецова О. В. Стратегия пространственного развития России – 2030: новации и перспективные направления исследований // Вестник Российской академии наук. – 2025. – № 2. – С. 12−21; Маркварт Э., Киселева Н. Н., Соснин Д. П. Система опорных населенных пунктов как механизм управления пространственным развитием: теоретические и практические аспекты // Власть. – 2022. – Т. 30, № 2. – С. 95−111.

риториальных единиц ориентир преобразования, упростить координацию их действий), представляется достаточно перспективной, а ориентация на усиление стратегической роли макрорегионов отчасти перекликается с практикой районирования, имевшей ключевое значение для советской экономики. Так, коллектив авторов под руководством А. И. Татаркина, говоря о причинах малоэффективного управления административно-хозяйственной и научной деятельностью на территории Урала, особо отмечал несоответствие существующих макрорегиональных образований задачам целостного социально-экономического развития всего территориального комплекса[1]. Между тем эксперты критически оценивали итоги проведенных в ходе работы над СПР-2025 межрегиональных группировок, отмечая стремление разработчиков Стратегии в большей степени сохранить границы федеральных округов, отказавшись при этом от учета важных социально-экономических особенностей их функционирования[2]. Но даже несмотря на определенную взаимосвязь между системой предложенных макрорегионов и совокупностью федеральных округов, абсолютного совпадения их границ не наблюдалось – было не ясно, как макрорегионы должны были вписаться в существующую систему административно-территориального деления. Таким образом, отказ от данного тематического акцента вполне обоснован: в СПР-2030 под макрорегионами понимаются федеральные округа, Арктическая зона и новые субъекты Российской Федерации.

Еще одна реперная точка предыдущего варианта Стратегии, вызывавшая множество критических замечаний, – определение перспективных специализаций для каждого региона. Итоговый результат проведенного в ходе работы над документом отбора наиболее подходящих видов экономической деятельности получился весьма невнятным: авторы, очевидно, пытаясь избежать рисков ошибочного выбора, сформировали неоправданно широкие перечни специализаций для каждого субъекта Российской Федерации, что обесценило саму идею «разделения компетенций» между отдельными элементами социально-экономического пространства страны. Получившиеся списки не ограничивали перспективы развития регионов, но и не давали им новые возможности для успешных пре-

[1] Татаркин А. И., Петров М. Б., Литовский В. В. Арктический Урал в системе сопредельных территорий: научные подходы и хозяйственная практика // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2014. – Т. 7, № 6. – С. 25–44.

[2] Блануца В. И. Макрорегионы в стратегии пространственного развития России: верификация границ по перспективным экономическим специализациям // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. – 2020. – Т. 22, № 3. – С. 30–41; Кузнецова О. В. Стратегия пространственного развития Российской Федерации: иллюзия решений и реальность проблем // Пространственная экономика. – 2019. – Т. 15, № 4. – С. 107–125.

образований. В СПР-2030 идея соотнесения ориентиров отраслевых и территориальных преобразований несколько трансформировалась: в документе определены приоритеты пространственного развития различных сфер хозяйствования (в том числе для научно-технологического развития), а также основные направления развития макрорегионов. И вновь саму попытку выделения наилучших для развития территории видов деятельности можно назвать неоднозначной: наряду с очевидной перспективностью формирования экономического «профиля» макрорегиона, что может способствовать оптимизации пространственной структуры хозяйства страны, упрощению выстраивания технологических цепочек между соседствующими территориями и т. п., могут иметь место и некоторые риски (утрата макрорегионами перспективных для развития отраслей, не получивших на данный момент значительного развития, из-за отказа от включения их в состав перспективных, «навязывание» специализации со стороны федерального центра и т. п.).

Акцент на развитии геостратегических территорий, характерный для СПР-2025, сохранился и в новой версии документа, хотя при этом было несколько скорректировано определение данного типа территориальных единиц, а также пересмотрен их состав[1]. Особый интерес к подобным зонам вполне понятен и оправдан: целевой ориентир пространственного развития страны, связанный с формированием сбалансированной системы расселения и территориальной организации экономики, которое будет способствовать достижению национальных целей и обеспечению национальной безопасности, невозможно достичь в случае ухудшения положения таких (гораздо более уязвимых для некоторых воздействий, чем прочие регионы) территорий, что в перспективе может способствовать их утрате, создавая дополнительные угрозы всей Российской Федерации.

Между тем, как отмечают в своем исследовании О. Б. Иванов и Е. М. Бухвальд, сам признак «геостратегического значения» территорий нуждается в более развернутой трактовке и индивидуализации: «Каждая из таких территорий должна получить определенный набор признаков, характеризующих ее особое геополитическое значение и вытекающие из этого задачи ее социально-экономического развития»[2]. Действительно, несколько «обезличивающий» взгляд на такие территории можно назвать проблемой: каждый подобный

---

[1] Михеева Н. Н. Приоритетные геостратегические регионы Стратегии пространственного развития России // ЭКО. – 2025. – № 3 (603). – С. 40−55.

[2] Иванов О. Б., Бухвальд Е. М. «Геостратегические территории» и «точки роста» в стратегировании пространственного развития Российской Федерации // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. – 2019. – № 4. – С. 7−23.

регион (группа регионов) нуждается в более персонализированном подходе (несмотря на ряд общих особенностей, связанных, например, с их приграничным положением или с размещением в арктической зоне, территории, отнесенные к одной группе, могут весьма существенно отличаться друг от друга с точки зрения имеющихся у них приоритетов и целевых ориентиров развития). Можно, однако, ожидать, что индивидуализация мер в отношении различных геостратегических территорий будет осуществлена позднее – посредством отдельных документов стратегического планирования (включая комплексные государственные программы), разработку которых предусматривает СПР-2030.

В целом СПР, как и любой концептуальный документ, представляет собой своеобразный «манифест» о намерениях, однако, как справедливо замечают В. А. Крюков и Е. А. Коломак, «стратегия – это не только принципы и рамочное представление пространственной политики; это прежде всего основа институциональных преобразований и механизмов управления»[1]. И действительно, один из разделов Стратегии пространственного развития Российской Федерации – «Приоритетные механизмы реализации Стратегии» – вносит некоторую ясность в вопрос, касающийся инструментария проводимой в данной сфере политики. Ключевым механизмом достижения заявленных ориентиров названо территориальное планирование, обеспечивающее синхронизацию бюджетных расходов с приоритетами пространственного развития, а цифровой основой Стратегии – цифровая платформа для управления в сфере комплексного социально-экономического и пространственного развития населенных пунктов. СПР-2030 также содержит достаточно широкий перечень документов, которые должны быть разработаны в интересах ее реализации (План мероприятий, Единый перечень опорных населенных пунктов, документы стратегического планирования и индивидуальные программы развития отдельных территориальных единиц), и отсылку на «иные механизмы», в числе которых центр пространственного анализа, обеспечивающий методологическое сопровождение, мониторинг реализации и корректировку Стратегии.

Анализ основного документа, дающего представление о запланированных в интересах воплощения в жизнь положений СПР-2030, – Плана ее реализации[2], позволяет сде-

---

[1] Крюков В. А., Коломак Е. А. Стратегия пространственного развития России в турбулентном мире: цели, приоритеты, основные подходы // Вестник Российской академии наук. – 2025. – № 2. – С. 29.

[2] Об утверждении Плана реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г.: распоряжение Правительства РФ от 11 августа 2025 г. № 2149-р.

лать вывод о достаточно общем характере его положений. План включает в себя 54 мероприятия (с указанием сроков их реализации и ответственных исполнителей), сгруппированных в шесть комплексов, отличающихся друг от друга спецификой объекта и предмета управленческих воздействий. Подавляющее большинство обозначенных мероприятий связано с появлением новых или корректировкой действующих институтов – стратегий, планов, законов, схем, разработкой методических рекомендаций; только некоторые шаги (организация деятельности центра пространственного анализа, внедрение цифровой платформы) затрагивают более конкретные инструменты развития.

Следует отметить, что план реализации СПР-2030 выглядит несколько несбалансированно, многие мероприятия ориентированы на достаточно отдаленную перспективу (заявлена работа по формированию целого комплекса предложений, методических рекомендаций, что может означать наличие существенных временных лагов между моментами их разработки, внедрением в практику и получением эффектов от их применения), а некоторые возможные составляющие механизма пространственного развития (например, различные формы пространственной организации экономики – кластеры, технопарки и т. д.) отражения в документе не нашли. Таким образом, остается открытым вопрос о сочетании новых и уже используемых подходов к осуществлению пространственных преобразований. Серьезной проблемой также является то, что весьма широкий перечень институциональных изменений, представленный в Плане реализации Стратегии, нельзя назвать исчерпывающим: многие обязательные предпосылки успешного воплощения на практике обозначенных в СПР-2030 положений не нашли отражения в документе. Так, очевидно, что получение значительным количеством населенных пунктов статуса «опорный» должно повлечь за собой внесение изменений не только в упомянутые в Плане мероприятий нормативно-правовые акты, но и в целый ряд «базовых» документов – Бюджетный кодекс РФ, Налоговый кодекс РФ и т. д.

Вопросы вызывает и возможность учета пространственных изменений в рамках политики, осуществляемой в регионах или муниципальных образованиях, а также «встраивания» ориентиров развития отдельных территориальных единиц в общероссийскую повестку преобразований. Этот тезис следует пояснить.

Как показал проведенный анализ стратегий социально-экономического развития субъектов Российской Федерации и документов целеполагания, разрабатываемых в отдельных муниципальных образованиях, пристальное внимание пространственным аспек-

там планируемых преобразований уделяется далеко не каждой территориальной единицей (в ряде рассмотренных документов стратегического планирования эти аспекты затрагиваются исключительно формально). Однако, как справедливо замечают Т. Г. Нефедова и О. Б. Глезер, «пространствопонимание чрезвычайно важно для России: концепция развития России должна рассматривать не только страну в целом и ее регионы, но и учитывать пространственно-расселенческие и пространственно-социальные особенности территории, основные тренды внутри регионов»[1]. При этом вопрос о возможности (и степени) контроля над пространственными преобразованиями со стороны государства является достаточно дискуссионным[2]: очевидно, что определение направлений наиболее перспективных пространственных преобразований исключительно «сверху» в современных условиях невозможно, однако игнорирование властными структурами необходимости проведения пространственной политики будет способствовать закреплению сложившихся трендов и усугублению имеющихся проблем, а значит, управление трансформациями пространственной организации обязательно должно найти отражение в действиях органов власти (в том числе регионального и местного уровней).

Необходимо также понимать, что каждый регион и каждый муниципалитет специфичен, и управление пространством всей страны исключительно на макроуровне (из единого центра), даже предполагающее выработку дифференцированного, но укрупненного подхода к выявлению приоритетов пространственных изменений отдельных территориальных единиц, вряд ли будет эффективным. И хотя новый вариант Стратегии пространственного развития (СПР-2030) предлагает некоторые способы увязки разноуровневых приоритетов пространственной организации друг с другом (например, посредством формирования системы опорных населенных пунктов), очевидно, что данный аспект нуждается в дополнительной проработке.

Принцип согласованности, который предполагает непротиворечивость ориентиров трансформаций, инициируемых в пространстве территориальных систем разных масшта-

---

[1] Нефедова Т. Г., Глезер О. Б. Трансформация социально-географического пространства России // Вызовы и политика пространственного развития России в XXI веке: программы фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук 2012−2019 гг. – М.: КМК, 2020. – С. 249.

[2] Дворядкина Е. Б., Кайбичева Е. И., Гончарова Н. И. Управление пространственным развитием региона: опыт, наследие и задачи на будущее // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. – 2017. – № 4. – С. 60−67; Минакир П. А., Демьяненко А. Н., Горюнов А. П. Методология исследования интеграции и фрагментации в экономическом пространстве России // Россия: тенденции и перспективы развития: ежегодник, вып. 13, ч. 2. – Курск: ИНИОН РАН, 2018. – С. 885−888

бов, является одним из ключевых принципов эффективного управления сложной системой (отдельными аспектами ее развития), состоящей из значительного количества характеризующихся определенной свободой принятия решений элементов, о чем подробно говорилось ранее. Это означает, что направления изменений пространственных характеристик отдельных регионов должны быть согласованы с параметрами преобразований российского пространства, однако, как говорилось выше, принятие региональными властями во внимание тех положений, касающихся вопросов пространственного развития, которые были определены на федеральном уровне, вряд ли позволит им перейти на качественно иной уровень регулирования организации пространства: Стратегия пространственного развития Российской Федерации и связанные с ней документы пока что не предлагают действенных механизмов управления или принципов «правильной» работы заявленных инструментов (работа в этом направлении только начата).

В связи со всем вышесказанным имеет смысл говорить о необходимости формирования действенного механизма управления пространственным развитием экономики. Очевидно, что подобный механизм должен базироваться на представленной ранее модели эффективной пространственной организации экономики, учитывать стратегические приоритеты пространственного развития страны и ее отдельных территорий; кроме того, он должен быть сбалансированным с точки зрения не только ориентиров трансформаций, но и целевых установок, принимаемых управленческих решений и используемого инструментария.

В связи с этим стоит отдельно обсудить вопросы согласования приоритетов, которые лежат в основе процессов, протекающих в границах территории. Такие процессы могут иметь отношение к преобразованию ее социально-экономической сферы, организации пространства, научно-технологических основ развития, уровня безопасности и основываться на разнонаправленных тенденциях, на противоречащих друг другу интересах отдельных субъектов или их групп, что способствует повышению уровня «стихийности» происходящего, снижает эффективность территориального развития, не позволяет достичь ряда ключевых ориентиров и целей. Сложность согласования приоритетов заключается в том, что оно должно вестись сразу в двух измерениях. С одной стороны, не должны друг другу противоречить приоритеты, характеризующие перспективы трансформации территорий разных уровней, с другой стороны, важно также не допустить раз-

ногласий между приоритетами, затрагивающими связанные друг с другом сферы (социальное, экономическое, научно-технологическое, пространственное развитие).

Нетривиальность решения задачи об определении специфики условий, которые позволили бы обеспечить подобное кросс-согласование (как между территориальными единицами разного уровня, так и между различными сферами), обуславливает интерес к данной теме со стороны зарубежных и отечественных авторов. В поле зрения исследователей попадают вопросы о том, на каком уровне должно проходить согласование приоритетов и направлений реализации политики, связанной с развитием территорий, каковы должны быть механизмы этого согласования.

Например, в работах европейских ученых часто затрагивается роль наднациональных структур и объединений (призванных интегрировать глобальные и локальные интересы в интересах согласования разнородных приоритетов и направлений преобразования территорий) в определении ориентиров тех мер, которые реализуются отдельными странами еврозоны[1]; обсуждается совокупность инструментов, которые могут при этом использоваться[2]. При этом однозначную позицию, касающуюся степени соотношения централизованного и децентрализованного управления развитием территорий, определить достаточно сложно: авторы чаще всего отмечают как сильные, так и слабые стороны такого подхода, в рамках которого ключевые ориентиры определяются в рамках единого глобального центра и затем транслируются «сверху вниз».

Вопросы сочетания разнородных приоритетов территориальных трансформаций ставятся и в отечественной научной литературе: широкое распространение в исследованиях российских ученых получила тема соотнесения интересов развития отдельных территорий с ориентирами преобразования экономики и социальной сферы, обозначенными на федеральном уровне[3], а также с направлениями трансформации хозяйствующих субъ-

---

[1] Agkoli P. European policy for economic and social cohesion: community support Frameworks & NextGenerationEU – Comparative Historical Review // HAPSc policy briefs series. – 2024. – Vol. 5. – P. 8−12; Strunz S., E Gawel., Lehmann P. et al. Energy policy: European, national, regional? // Intereconomics. – 2014. – Vol. 49, iss. 5. – P. 244−267.

[2] Medve-Balint G. The Cohesion policy on the EU's Eastern and Southern periphery: misallocated funds? // Studies in comparative international development. – 2018. – Vol. 53, iss. 2. – P. 218–238; Muskaj B. The role of the European Union and the procedure of conclusion of international agreements after the Lisbon treaty // European journal of multidisciplinary studies. – 2024. – Vol. 9. – P. 1−11.

[3] Имескенова Э. Н., Багинова В. М., Сангадиева И. Г., Дабаин А. О. Адаптация стратегии социально-экономического развития Республики Бурятия в условиях новой стратегии пространственного развития РФ // Естественно-гуманитарные исследования. – 2025. – № 2 (58). – С. 705−709; Чекалин В. С., Карасев О. И., Раков Д. А. Национальные цели развития и пути их достижения // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2019. – № 4 (118). – С. 14−19.

ектов[1] и их групп[2]. В качестве уровня, в наибольшей степени подходящего для осуществления процессов согласования национальных приоритетов развития с локальными инициативами, может быть назван макрорегиональный – уровень федеральных округов, способных выступать интеграторами проектов отдельных территориальных единиц, входящих в их состав, проверять степень их соответствия общестрановым ориентирам преобразования, выявлять перспективные аспекты изменений, пока не нашедшие отражения в предлагаемых инициативах. Некоторые исследователи также отмечают роль в данном процессе регионов – субъектов Российской Федерации[3], на уровне которых происходит реализация определенных федеральным центром направлений трансформации (что позволяет им выступать площадками адаптации регламентированных сверху стандартов развития к специфике присущих им условий и характеризующих их преобразования интересов) и муниципальных образований[4], способных привлечь к выбору наиболее перспективных ориентиров изменений представителей местных сообществ – предприятий и населения как конечных получателей выгод от реализуемых властными структурами управленческих операций.

Следует признать важность вовлечения в процессы согласования приоритетов развития территорий всех уровней: каждый участник должен быть включен в процедуры, обеспечивающие соотношение ориентиров трансформации друг с другом, не выступая исключительно исполнителем спущенных «сверху» нормативов (или направленных «снизу» инициатив), но реализуя те функции, которые позволят принять участие в данном процессе максимально эффективным образом. Так, очевидно, что ключевые приоритеты развития социально-экономического комплекса страны должны определяться на федеральном уровне (исходя из понимания всей картины в целом), но с учетом запросов от регионов, которым, в свою очередь, следует их формировать на базе предложений муни-

---

[1] Попова Е. С. Механизм взаимовлияния направлений регионального развития и стратегий вузов // Ars Administrandi (Искусство управления). – 2012. – № 2. – С. 47−54.

[2] Ахмедова Л. Ш., Идзиев Г. И. Устойчивое развитие территории с учетом интересов различных целевых групп // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2012. – № 36 (126). – С. 28−32; Машокиров Ш. У. Общественное согласие как ключевой фактор стратегического развития в социально-экономической сфере // Финансово-экономический вестник. – 2024. – № 4-2 (43). – С. 340−350.

[3] Иванов О. Б., Бухвальд Е. М. Национальные проекты России: региональное измерение // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. – 2019. – № 1. – С. 37−53.

[4] Джалилов Э. В., Ермакова В. А. Исследование направлений стратегического развития традиционно-промышленного региона: проблемы и перспективы // Деловой вестник предпринимателя. – 2024. – № 2 (16). – С. 25−27; Нарутто С. В. Роль органов местного самоуправления в обеспечении технологического суверенитета России // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. – 2023. – № 3. – С. 2−5.

ципальных образований. Такое «двухстороннее движение», предполагающее многоэтапное соотнесение взглядов и позиций субъектов разных уровней, хоть и замедляет процедуру отбора наиболее актуальных задач, позволяющих согласовать направления преобразований, но при этом способствует повышению ее качества, делает процесс более выверенным. Муниципальные образования при таком подходе к выстраиванию взаимодействия выступают активизаторами «точечных», локальных проектов, интеграция которых помогает скорректировать общий вектор изменений; регионы же берут на себя функцию ретранслятора, объединяя и корректируя локальные инициативы, фокусируя внимание на наиболее значимых общестрановых ориентирах, исходя из интересов и целевых установок, значимых на мезоуровне.

Согласование приоритетов, касающихся развития комплекса взаимосвязанных друг с другом сфер, следует осуществлять в схожей логике. Все стороны трансформации территории, связанные с преобразованием ее социально-экономической системы, ее научно-технологического комплекса, ее пространства, заслуживают самого пристального внимания, однако очевидно, что логика их выстраивания должна быть подчинена определенному порядку: изменения, касающиеся одной сферы, определяют требования к характеру изменения другой, тем самым задавая порядок изменения третьей. Основным ориентиром преобразований любой страны, региона или муниципального образования является создание наилучших условий для проживающего там населения; перспективы развития хозяйственного комплекса выступают в тесной связке с этой ключевой целью, играя при этом роль фактора, позволяющего обеспечить ее достижение. Таким образом, именно приоритеты трансформации социально-экономической системы задают требования к тому, как должен развиваться научно-технологический комплекс (чтобы создать необходимые условия для организации эффективного производства, повышения конкурентоспособности изготавливаемого продукта), в итоге определяя параметры оптимальной организации пространства. Это означает, что процесс приоритизации характеризующих территорию изменений должен быть последовательным: необходимо исходить из ориентиров социально-экономического и научно-технологического развития при определении направлений пространственных трансформаций. При этом следует отметить, что формирование ориентиров социально-экономических преобразований, в свою очередь, предполагает обязательный учет возможностей, перспектив и ограничений, связанных

с текущими и потенциальными характеристиками научно-технологического комплекса и пространственной организации территории.

Интеграция двух обозначенных подходов, определяющих логику выстраивания ориентиров, касающихся развития территорий разных уровней и различных сфер функционирования территориальных систем, позволяет схематично представить общий вектор согласования приоритетов, предусматривающий движение от национального уровня к локальному, от целевых установок, касающихся социально-экономических преобразований, к направлениям изменений пространственных характеристик (рисунок 44). При этом, как отмечалось ранее, обязателен и обратный процесс, позволяющий своевременно скорректировать выбранный тренд за счет учета позиций всех вовлеченных в процесс целеполагания участников.

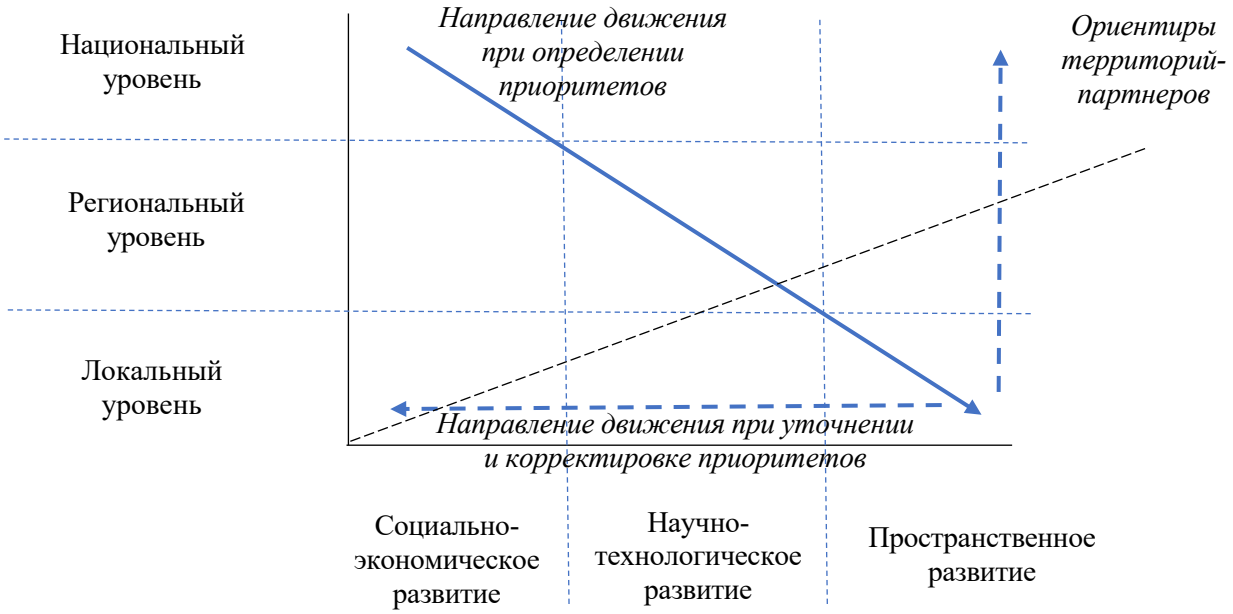

Рисунок 44 – Общая логика согласования приоритетов развития территорий разного уровня и разных сфер[1]

Говоря о согласовании приоритетов развития территорий разного уровня и разных сфер, нельзя не отметить наличие еще одного, не столь явного измерения, касающегося необходимости сочетания выбираемых территориальной единицей ориентиров преобразования с целевыми установками, избираемыми ее партнерами – другими территориаль-

[1] Составлено автором.

ными единицами этого же уровня (на рисунке 44 это измерение схематически показано с помощью черной пунктирной линии). В контексте необходимости обеспечения связанности российского пространства, а также пространств отдельных частей страны подобный тип согласования, имеющий «горизонтальный» характер, становится не менее значимым, чем обозначенные ранее.

К сожалению, иногда документы целеполагания, разрабатываемые на уровне отдельных территориальных единиц регионального или муниципального уровня, не соответствуют даже требованиям, предъявляемым к такого рода нормативным актам со стороны законодательства, и ориентирам, определенным в документах вышестоящего уровня. Отсутствие же внимания к соотнесению собственных приоритетов развития с векторами изменения хотя бы ближайших соседей присуще многим территориальным системам (даже тех, которые отличаются достаточно высоким уровнем качества разрабатываемых документов стратегического планирования). Такой подход коррелирует с заявляемым в предыдущем варианте национальной стратегии пространственного развития признанием экономического пространства Российской Федерации «аддитивным множеством замкнутых идеальных экономик, не связанных между собой ни иерархическими, ни кооперационными взаимосвязями»[1], о котором в своих работах говорил П. А. Минакир. И хотя отдельные аспекты внешних межпространственных взаимодействий в документах отражены, очевиден дефицит сопряженности направлений преобразований пространства, избираемых в разных регионах. Так, в Стратегии социально-экономического развития Республики Башкортостан (региона, отдельные территории которого должны стать частью Магнитогорской межрегиональной агломерации) ничего не говорится о развитии агломерационных связей с Челябинской областью, где Магнитогорск располагается. Это позволяет сделать вывод о слабом отражении в региональных документах того места, которое территории занимают в пространстве макрорегиона и страны, специфики их встраивания в систему пространственной организации.

Однако механизмом, лежащим в основе процессов сочетания разнородных приоритетов трансформации территорий, должна стать именно система стратегического планирования – превращение разрозненных целей, задач, мер в единый логически и содержательно выверенный комплекс является главной идеей ее появления. В последние годы

[1] Минакир П. А. Национальная стратегия пространственного развития: добросовестные заблуждения или намеренные упрощения? // Пространственная экономика. – 2016. – № 3. – С. 9.

стратегическому планированию уделяется много внимания: принятие федерального закона, определившего основы организации его системы[1], а также связанных с ним нормативно-правовых актов ознаменовало новый этап развития российской практики индикативного планирования. В то же время далеко не все процессы организованы эффективно: проблемы связаны с нарушением логики порядка разработки документов, с проработанностью процесса обеспечения согласованности документов в «горизонтальном» разрезе. Может показаться, что в данном случае, когда речь идет о соотнесении друг с другом приоритетов территорий одного уровня, имеющих высокий потенциал взаимодействия, мог бы помочь надрегиональный (или надмуниципальный) уровень согласования (например, такую функцию мог бы взять на себя федеральный округ, объединив посредством формирования стратегии своего развития ориентиры всех входящих в него территориальных единиц, одновременно обеспечив их непротиворечивость друг другу). Однако в сегодняшних условиях, когда система взаимоотношений между субъектами постоянно трансформируется, связи становятся более гибкими, не замкнутыми на одном территориальном ареале, включение в процессы стратегического планирования макрорегионов вряд ли позволит решить проблему рассогласованности ориентиров территорий одного уровня.

Весьма перспективным инструментом согласования разрозненных приоритетов развития территорий представляется программно-проектный подход. Многие исследователи[2] программы и проекты называют ключевыми составляющими процесса управления территориальным развитием. Особое значение в связи с этим приобретают масштабные комплексные инвестиционные проекты (КИП), позволяющие консолидировать усилия субъектов большого количества разнородных территориальных социально-экономических систем. К числу признаков, которые характерны для КИП, имеющих значительный потенциал, следует отнести наличие единого целевого вектора для всех входящих в их состав проектов (таким целевым вектором может стать достижение одного из определяемых на национальном уровне приоритетов). На практике главным критерием объедине-

---

[1] О стратегическом планировании в Российской Федерации: федер. закон от 28 июня 2014 г. № 72-ФЗ.

[2] См., например: Анимица Е. Г., Новикова Н. В., Сухих В. А. Программно-проектный подход – важнейший инструмент регулирования регионального развития // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2008. – № 2 (21). – С. 50−57; Бухвальд Е. М. Экономическое пространство как поле реализации национальных целей России // Федерализм. – 2024. – Т. 29, № 2 (114). – С. 32−47; Татаркин А. И. Программно-проектный менеджмент как условие инновационного развития социально-экономических систем // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2014. – № 23. – С. 25−42.

ния проектов в рамках КИП зачастую становится их принадлежность тем территориальным системам, которые видят потенциал в совместной проектной деятельности, при этом отраслевая специфика предлагаемых проектов во внимание не принимается (именно такой подход был реализован при разработке КИП «Енисейская Сибирь»[1], объединившего крупные инвестиционные проекты трех регионов (Красноярского края, Республики Хакасия, Республики Тыва) и получившего поддержку Президента и Правительства Российской Федерации в 2019 г.), однако следует признать, что эффект взаимодополнения проектных инициатив при учете их не только территориальной, но и отраслевой близости может быть гораздо более ощутимым. Кроме того, важной особенностью КИП является их ориентация на формирование многополюсной системы развития, в основе которой лежит активизация точек роста, расположенных в различных регионах, и использование потенциала всех территориальных систем, объединяемых проектами.

Именно реализация совместных программ и проектов, ориентированных на решение общих и наиболее значимых проблем развития, получение интересного всем участникам результата позволяет территориям соотнести друг с другом приоритеты преобразования своих социально-экономических (а значит, и пространственных) систем. Согласование ориентиров развития территорий разного уровня и разных сфер тоже может осуществляться на основе программно-проектного подхода: именно включение отдельных территориальных единиц в процессы реализации федеральных программ и национальных проектов позволяет им адаптировать провозглашенные приоритеты к характеризующим их условиям, выстраивать свой вектор развития сообразно общим трендам преобразований.

При этом, как отмечалось ранее, эффективное применение данного инструмента согласования приоритетов требует соблюдения ряда условий:

– в процесс согласования приоритетов должны быть включены территории всех уровней (при этом функции, реализуемые ими в рамках данного процесса, различаются);

– логика согласования приоритетов должна предусматривать движение от национального уровня к локальному, от целевых установок, касающихся социально-экономических преобразований, к направлениям изменений пространственных характеристик, при обязательном учете позиций всех вовлеченных в процесс целеполагания участников, предполагающем наличие «обратного» вектору согласования приоритетов движения;

---

[1] Комплексный инвестиционный проект «Енисейская Сибирь». – URL: https://ensib.ru/yenisey-siberia-cip/ (дата обращения: 18.04.2025).

– важной частью процесса согласования приоритетов должно быть сочетание выбираемых территориальной единицей ориентиров преобразования с целевыми установками, избираемыми ее партнерами – другими территориальными единицами этого же уровня;

– необходимо дальнейшее совершенствование основы механизма согласования приоритетов – системы стратегического планирования (как в части соблюдения логически выверенной последовательности создания документов, так и в части организации процессов их разработки и реализации).

Однако одним лишь инструментарием согласования стратегических приоритетов механизм управления пространственным развитием экономики Российской Федерации (рисунок 45) не ограничивается: он также включает в себя пять составляющих (элементов), каждая из которых значима на всех трех территориальных уровнях, при этом может по-разному проявляться на каждом из них.

1. **Функционал управления пространственным развитием**. Превращение экономического пространства в объект управления требует закрепления функций и полномочий, связанных с трансформацией пространственных характеристик, за теми институтами, которые осуществляют регулирование происходящих на территории процессов. Важным шагом в данном направлении является заявленное в СПР-2030 создание центра пространственного анализа, однако в данном случае речь идет не столько о нормативной процедуре (назначение ответственного лица или ведомства), сколько о постановке задач, касающихся преобразования структуры экономического пространства, перед субъектами управления экономикой. Как показал процесс разработки обеих версий Стратегии пространственного развития страны, вопросы реорганизации пространства представляют определенную сложность как в силу своей относительной новизны (как задачи, стоящей перед системой управления), так и в силу многоаспектности (что может потребовать объединения усилий различных ведомств, привлечения экспертов со специфическими компетенциями). При этом вопрос развития соответствующих компетенций у субъектов, на которые возлагается задача разработки и реализации пространственной политики, особенно остро стоит на региональном уровне и уровне отдельных муниципальных образований (в первую очередь малых и средних): сотрудники властных структур, скорее всего, не обладают необходимыми специальными знаниями, позволяющими эффективно решать вопросы такого типа, а привлечение сторонних экспертов может быть затруднено из-за недостаточности финансовых ресурсов (хотя вовлечение в данный процесс представителей экспертного сообщества – специалистов в сфере пространственного развития – представляется крайне желательным).

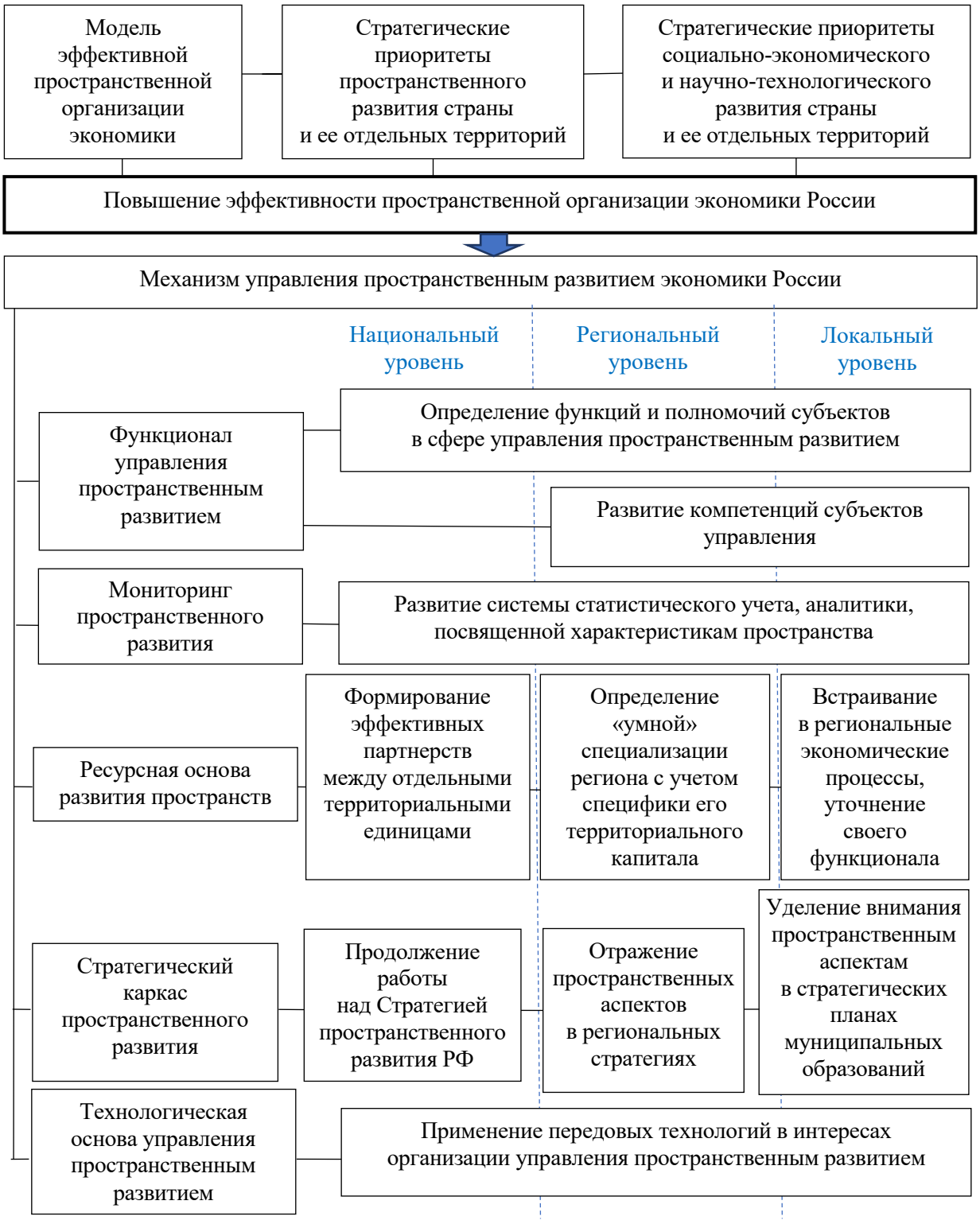

Рисунок 45 – Механизм управления пространственным развитием экономики Российской Федерации[1]

[1] Составлено автором.

2. **Мониторинг пространственного развития**. Процесс управления может быть организован эффективно только в том случае, если субъекты, ответственные за его реализацию, обладают полной и непротиворечивой информацией об объекте, преобразованием которого необходимо управлять. Это предопределяет требования к тем данным, а также особенностям их сбора, анализа, на основании которых может быть получено представление о специфике пространственной организации экономики (как в текущий момент времени, так и в ретроспективе), могут быть построены прогнозы и планы ее трансформации. Так, для выявления особенностей пространственного развития страны нужна детальная статистика, характеризующая особенности социально-экономических процессов, реализуемых на уровне отдельных регионов; для выявления особенностей пространственного развития регионов – муниципальная статистика, а для выявления особенностей пространственного развития муниципальных образований – данные о распределении инфраструктурных объектов, ресурсов городского развития в их пространстве. В настоящее время далеко не все подобные сведения доступны (даже информация в разрезе субъектов Российской Федерации является весьма ограниченной; при переходе на уровень отдельных муниципальных образований ситуация только усугубляется[1], а данных, которые можно было бы использовать для сопоставления внутримуниципальных зон, найти невозможно), и хотя некоторые позитивные изменения, затрагивающие данную сферу, уже анонсированы (речь идет не только о совершенствовании системы мониторинга социально-экономического развития территорий посредством разработки и внедрения цифровой платформы для реализации СПР-2030, но и о совершенствовании системы государственной статистики и Росстата[2], предусматривающем в числе прочих шагов расширение перечня показателей, рассчитываемых на региональном и муниципальном уровнях), необходимыми представляются более существенные нововведения.

Так, перспективным видится сбор и аналитика данных в разрезе районов и микрорайонов (хотя бы для крупных и крупнейших городов). Кроме того, недостаточное отражение получает информация о масштабах и направлениях потоков ресурсов, активов (как материальных, так и нематериальных), между тем именно она достаточно наглядно ха-

---

[1] Растворцева С. Н., Манаева И. В. Тенденции и факторы современного развития малых и средних городов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2022. – Т. 15, № 1. – С. 110−127.

[2] Об утверждении Плана реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г.: распоряжение Правительства РФ от 11 августа 2025 г. № 2149-р.

рактеризует параметры связанности пространства. Не случайно А. Н. Пилясов отмечает, что «современный вектор преобразования российского пространства связан с его трансформацией из линейно-узлового в сетевое (коммуникационное, „потоковое“), что влечет многочисленные управленческие и планировочные последствия и обязательно должно учитываться как ключевая особенность момента при выработке стратегии пространственного развития»[1]. Следует также отметить, что в совершенствовании нуждается не только перечень показателей, доступных для анализа, но и скорость сбора информации, сроки ее предоставления, логика организации баз данных.

3. **Ресурсная основа развития пространств**. Как отмечалось ранее, особенности трансформации пространства определяются спецификой тех социально-экономических процессов, которые происходят на территории, зависят от параметров имеющихся в ее границах ресурсов, возможностей капитализации ее активов. Следовательно, важной частью механизма управления пространственным развитием экономики является определение той хозяйственной специфики территории, которая задает вектор трансформации ее пространства, определяет возможности формирования хозяйственных цепочек, объединяющих разные части страны. На уровне регионов речь может идти об определении «умной» специализации, выбор которой предопределяет специфика имеющегося у них территориального капитала; на уровне муниципальных образований – об уточнении своего функционала, а также о возможностях встраивания в те экономические процессы, которые запускаются на уровне региона. В масштабах страны экономическую основу развития пространства определяет специфика локализации составляющих территориального капитала, во многом задающая логику организации ресурсных и продуктовых потоков, характер партнерств, объединяющих отдельные территориальные единицы.

При этом, как уже было отмечено, принципиальным является наличие возможностей для развития и укрепления взаимосвязей между отдельными пространственными единицами. Подобные взаимодействия должны носить исключительно партнерский характер и приносить выгоду каждому участнику (взаимосвязи, построенные на основе однонаправленного потока активов и предполагающие развитие одного субъекта за счет ресурсов другого субъекта, не являются желательными и могут принести больше вреда, чем пользы). Взаимосвязи, предусмотренные каждой из трех обозначенных типов моделей,

[1] Пилясов А. Н. Пространство, которое мы потеряли (о новой Стратегии пространственного развития России-2036) // ЭКО. – 2025. – № 3 (603). – С. 8.

могут варьироваться (по своему характеру, степени тесноты и прочим характеристикам), однако меры, осуществление которых способствует их формированию и усилению, достаточно универсальны – они связаны с поиском «точек соприкосновения» между субъектами, устранением барьеров реализации совместных проектов.

Очевидно, что процессы осуществления межтерриториального взаимодействия на разных уровнях иерархии социально-экономических систем имеют ярко выраженную специфику, обусловленную в первую очередь характером проблем, требующих от субъектов осуществления совместных действий. Так, потребность во взаимодействии между отдельными муниципальными образованиями чаще всего обуславливается дефицитом собственных ресурсов для решения локальных проблем, имеющих отношение к обеспечению достойного уровня жизни их жителей, тогда как регионы и макрорегионы в большей степени заинтересованы в совместном участии в крупных амбициозных проектах не столько из-за недостаточности финансовых средств для их реализации, сколько из-за нехватки компетенций для эффективного осуществления всех требуемых для их успешного завершения процессов. Еще одним аспектом проблемы межтерриториального взаимодействия, также имеющим свои особенности, является создание условий для сотрудничества хозяйствующих субъектов, локализованных в границах разных административно-территориальных единиц.

В то же время между процессами межтерриториальных взаимодействий, инициируемых на разных уровнях, можно найти и много общего. Например, сама природа потребности в их возникновении. Д. В. Василенко, говоря о предпосылках возникновения интереса к межтерриториальному взаимодействию, отмечает целый набор причин, актуальных для территориальных социально-экономических комплексов разных масштабов: нехватка собственных активов (необходимость их экономии) для решения возникающих проблем, заинтересованность в реализации проектов, затрагивающих интересы смежных территорий, в совместном представлении собственных интересов или защите своих прав и т. д.[1] Инструменты, лежащие в основе активизации межтерриториального взаимодействия систем разного уровня, также могут быть рассмотрены как единая система, отдельные составляющие которой достаточно универсальны.

[1] Василенко Д. В. Современные межтерриториальные экономические взаимодействия: перспективы развития // Россия: тенденции и перспективы развития: ежегодник, вып. 13, ч. 2. – Курск: ИНИОН РАН, 2018. – С. 607−610.

Организационно-институциональные элементы этой системы являются ключевыми: в случае отсутствия законодательно закрепленной возможности подобного рода взаимодействий, неопределенности правил функционирования отдельных территориальных комплексов в ходе эволюции и усложнения партнерских отношений между ними невозможной становится организация самого процесса сотрудничества (субъектами взаимодействий выступают крупные комплексы, объединяющие множество акторов, преследующих собственные интересы, поэтому формирование институциональных основ их включения в интеграционные процессы – обязательное условие эффективной коммуникации).

На первый взгляд, результаты анализа российского законодательства свидетельствуют о наличии целого ряда возможных форм межтерриториальных объединений, позволяющих территориальным комплексам разного уровня совместно решать возникающие проблемы. Так, в соответствии с Методическими рекомендациями по организации межрегионального и межмуниципального сотрудничества в сфере реализации расходных полномочий и вопросов местного значения, разработанными Министерством регионального развития РФ, к возможным формам осуществления межмуниципального сотрудничества отнесены ассоциативное сотрудничество (образование советов и иных объединений территорий), договорное сотрудничество (заключение договоров и соглашений об осуществлении совместной деятельности), хозяйственное сотрудничество (создание хозяйственных и некоммерческих межмуниципальных организаций), а наиболее распространенной формой межрегионального сотрудничества названы межрегиональные соглашения между субъектами Российской Федерации[1]. Однако, как справедливо отмечают в своем исследовании, посвященном вопросам межмуниципального взаимодействия, А. В. Орлов и И. Е. Кабанова, федеральное законодательство, регулирующее особенности кооперации между территориями, отличается противоречивостью, а целый ряд вопросов их «интеграции (вопросы создания и функционирования агломераций, вопросы о составе учредителей межмуниципальных хозяйственных обществ, порядке формирования их уставного капитала, способах контроля за осуществлением ими своей уставной деятель-

[1] Методические рекомендации по организации межрегионального и межмуниципального сотрудничества в сфере реализации расходных полномочий и вопросов местного значения, разработаны Минрегионом РФ, 2010 г. – URL: https://legalacts.ru/doc/metodicheskie-rekomendatsii-po-organizatsii-mezhregionalnogo-i-mezhmunitsipalnogo/ (дата обращения: 14.02.2026).

ности) не получили всесторонней проработки и системного закрепления либо просто не урегулированы»[1].

Основные «пробелы» в данной сфере связаны как с правилами действий отдельных участников интеграционных процессов в ходе осуществления совместной деятельности, так и с порядком распределения ресурсов (в первую очередь бюджетных) между ними. Как отмечают некоторые авторы[2], недостаточная эффективность сотрудничества отдельных российских территорий друг с другом обуславливается относительно коротким (по сравнению со странами Европы) процессом эволюции подобных отношений, не позволяющим им в полной мере проявлять собственную финансовую самостоятельность, участвовать во всех возможных сферах, активно вовлекать граждан и общественные организации в процессы межсистемной кооперации (что в европейской практике имеет принципиальное значение для развития территориальных интеграционных процессов[3]).

В то же время неурегулированность отдельных положений законодательных норм, касающихся организации межтерриториального взаимодействия, представляет собой не самую большую проблему. Формирование устойчивых связей между территориями невозможно без готовности и желания потенциальных партнеров объединять усилия и действовать в условиях соблюдения баланса интересов. Отчасти это объяснимо: в современных условиях обострения конкурентной борьбы на всех уровнях организации хозяйственной деятельности, появления новых (зачастую весьма нестандартных) вызовов социально-экономическому благополучию территориальных комплексов как муниципальные образования, так и регионы рассматривают друг друга в первую очередь как соперников, а не как партнеров. Однако даже при осознании тех выгод, которые несет совместная с другими субъектами хозяйственная деятельность, органы управления, ответственные за развитие территорий, далеко не всегда относят подобные взаимодействия к числу приоритетов их преобразований, не закрепляя перспективные варианты сотрудничества в документах стратегического планирования территорий (как на федеральном, так и на реги-

---

[1] Орлов А. В., Кабанова И. Е. Развитие межмуниципального сотрудничества: формы, проблемы правового регулирования и имущественной ответственности // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. – 2017. – № 2. – С. 3–7.

[2] Руденко С. С. Межмуниципальное сотрудничество: виды и формы // Теория и практика общественного развития. – 2017. – № 4. – С. 111–114.

[3] Власова Н. Ю., Джек Л. Н. Теория и практика межмуниципального сотрудничества в контексте региональной политики Европейского союза // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2010. – № 2 (28). – С. 26–31; Persson B. Exploring regional aspects of intermunicipal cooperation: an analysis of municipal federations for upper secondary education in Sweden // Territory, politics, governance. – 2024. – Vol. 14, iss. 2. – P. 344–362.

ональном уровне)[1]. Столь же полезным является включение в процесс осуществления территориальных, в том числе пространственных, трансформаций стейкхолдеров данных территорий (например, за счет повышения открытости процесса разработки и реализации региональных документов стратегического планирования в интересах включения в него всех заинтересованных сторон, развития института государственно-частного партнерства, позволяющего обеспечить согласование интересов частных и государственных структур при реализации масштабных проектов, определяющих локализацию центров экономического роста). К числу инструментов, позволяющих повысить масштабы взаимодействия между отдельными пространственными единицами, также могут быть отнесены развитие онлайн-пространств взаимодействия, цифровых платформ, позволяющих оперативно находить партнеров, налаживать коммуникации, формирование и поддержка деятельности тематических площадок для расширения границ делового сотрудничества (форумов, выставок и т. п.).

4. **Стратегический каркас пространственного развития**. Управление территориальными системами и отдельными аспектами их развития не может осуществляться вне рамок системы стратегического планирования[2]: именно благодаря грамотной организации работы на этапе целеполагания возможно согласование стратегических приоритетов территорий разного уровня, разных сфер, а в случае эффективной реализации мероприятий, обозначенных на этапе планирования и программирования, могут быть достигнуты те целевые установки, которые характеризуют желаемое состояние объекта управления.

Включение вопросов пространственного развития в систему стратегического планирования крайне важно. Однако в настоящее время отражение пространственных аспектов в документах стратегического планирования носит во многом формальный характер: много вопросов, как отмечалось ранее, вызывает их описание в документах стратегического планирования разного уровня.

В первую очередь необходимо продолжение работы над Стратегией пространственного развития Российской Федерации: необходимо насыщение конкретикой каждого из обозначенных в ней аспектов; кроме того, важно, как отмечает П. А. Минакир, представ-

---

[1] Шеломенцев А. Г., Терентьева Т. В., Козлова О. А., Макарова М. Н. Межрегиональное сотрудничество как институт реализации стратегий развития регионов Дальнего Востока // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2014. – № 11-3. – С. 417−422.

[2] Тардаскина Д. Д., Грищук В. А. Стратегическое планирование в системе государственного управления // Общество, экономика, управление. – 2024. – Т. 9. № 4. – С. 35−39.

ление экономического пространства как системы взаимодействующих экономически регионов, а не аддитивного множества административных регионов[1]. Пространственные аспекты также должны найти отражение в стратегиях социально-экономического развития субъектов Российской Федерации и стратегических планах муниципальных образований (хотя бы в тех из них, которые относятся к числу крупных и крупнейших).

При этом осуществление грамотной национальной пространственной политики, определение ее приоритетов и ограничений требуют создания сквозной методологии разработки, реализации и контроля качества документов, затрагивающих вопросы пространственного развития, а также разработки методических указаний (для органов власти разного уровня) по вопросам трансформации пространственной организации экономических систем, сложившихся в границах отдельных территориальных единиц.

5. **Технологическая основа управления пространственным развитием**. В современных условиях трансформации технологических основ хозяйственных и социальных процессов, повышения уровня цифровизации и активного внедрения инноваций во все сферы развития общества эффективность реализации управленческих действий все больше зависит от успешности использования при их осуществлении новых подходов и передовых технологий. В первую очередь это касается организации системы мониторинга, поиска и обработки данных: появляется возможность непрерывного сбора информации (например, с помощью датчиков, дронов и других инструментов), использования таких средств работы с ней, как RFID, интернет вещей, Ethernet, облачные технологии и др. Применение этих технологий представляет особую ценность при сборе сведений о состоянии городской среды, определении параметров потоков (например, миграционных) между территориями, т. е. во всех тех случаях, когда традиционные подходы не работают. Однако только системой фиксации данных о состоянии территории, характеристиках ее пространства возможности применения передовых технологий не ограничиваются, что обуславливает недостаточность внедрения цифровой платформы для управления в сфере комплексного социально-экономического и пространственного развития населенных пунктов, предусмотренной СПР-2030: перспективным представляется их использование для интеллектуального управления процессами регулирования территориального развития, например, с помощью создания цифровых двойников объектов.

---

[1] Минакир П. А. Российское экономическое пространство: стратегические тупики // Экономика региона. – 2019. – Т. 15, № 4. – С. 967−980.

Концепция цифровых двойников, в последнее время получившая распространение в науке и нашедшая широкое применение в практической деятельности хозяйствующих субъектов, с каждым годом становится все более универсальной. Если на первых этапах своего развития идея создания виртуальных копий реальных объектов и их использования в интересах «проигрывания» различных сценариев изменения ситуации находила применение преимущественно в производственной сфере, то сейчас о цифровых двойниках говорят специалисты в архитектуре, экономике, экологии, медицине, а объектом моделирования становятся не только физические, но и социально-экономические системы. Под цифровым двойником обычно понимают цифровое представление уникального продукта или уникальной системы, полученное с помощью моделей, информации, данных и основанное на характеристиках объекта, его свойствах, условиях и поведении[1].

Возможность применения концепции цифрового двойника в отношении территории наиболее проработана на уровне города, хотя отдельные научные работы могут быть сфокусированы на вопросах моделирования городских районов[2] или регионов[3]. В то же время частое обращение урбанистов к идеям цифрового двойника создает риск утраты его содержания, объясняемый желанием авторов научных публикаций или специалистов в сфере городского управления использовать популярный термин. Например, достаточно часто под цифровым двойником города понимается его виртуальная модель (например, в формате 3D), построенная на основании большого количества данных и служащая средством визуализации происходящих на территории процессов, инструментом моделирования возможных ситуаций, позволяющим строить прогнозы и принимать обоснованные управленческие решения[4]. Однако называть такую модель цифровым двойником территории было бы неверно: для нее не характерна такая важная черта цифровых двойников, как наличие двустороннего потока информации между реальным и виртуальным пространством, – дан-

---

[1] Stark R., Damerau T. Digital twin // CIRP Encyclopedia of production engineering. – Berlin: Heidelberg: Springer, 2019. – P. 1−8.

[2] Orozco-Messana J., Iborra-Lucas M., Calabuig-Moreno R. Neighbourhood modelling for urban sustainability assessment // Sustainability. – 2021. – Vol. 13, iss. 9. – P. 46−54; Mazzetto S. A review of urban digital twins integration, challenges, and future directions in smart city development // Sustainability. – 2024. – Vol. 16, no. 19. – Article no. 8337.

[3] Charalabidis Y., Kontos G., Zitianellis D. Local digital twins for cities and regions: the way forward // Decide Better. – Cham: Springer, 2025. P. 233−259; Vallejo M. E., Larios V. M., Magallanes V. G. et al. Creating resilience for climate change in smart cities based on the local food supply chain // 2021 IEEE International Smart Cities Conference. – Manchester, 2021. – P. 1−7.

[4] Volkov S. City services management methodology based on socio-cyber-physical approach // ICIT 2019: Proceedings of the 2019 7th International Conference on Information Technology: IoT and Smart City. – New York: ACM, 2019. – P. 373−376.

ные, которые описывают процессы, происходящие в городе или регионе, определяют изменения условий функционирования цифровой модели, трансформируя ее параметры, однако ответное воздействие (изменение реальной ситуации под влиянием выбора оптимального сценария развития среди вариаций, проигрываемых моделью) в автоматическом режиме не происходит, что позволяет рассматривать подобные модели не как цифровые двойники, а как цифровые тени, представляющие собой более простой вариант копии, с отсутствующей обратной связью[1]. При этом коррекция действительности в соответствии с изменениями виртуальной среды может осуществляться опосредованно – благодаря деятельности субъектов управления территорией (например, местных органов власти), принимающих решения с учетом итогов функционирования моделей[2]. Таким образом, даже создание относительно простых цифровых копий территориальных комплексов или их отдельных элементов является важным шагом на пути включения цифровых двойников в практику городского, а в перспективе и регионального развития.

Подводя итог проделанной работе, следует заключить, что вопросы управления преобразованиями пространства (в том числе в интересах обеспечения сбалансированного развития отдельных территорий, предполагающего предупреждение избыточного неравенства между ними) нуждаются в решении, но реализуемая политика требует тонкой настройки: самого пристального внимания заслуживает формирование комфортной, открытой среды, привлекательной для жителей и способствующей осуществлению эффективных бизнес-процессов, что, в свою очередь, определяет необходимость учета территориальной специфики (параметров тех активов, которыми обладает территория), использования дифференцированного подхода к определению путей развития.

---

[1] Петров А. В. Цифровые двойники – цифровые тени – цифровые двойники // Актуальные вопросы аграрной науки. – 2024. – № 52. – С. 73−81; Sepasgozar S. M. E. Differentiating digital twin from digital shadow: elucidating a paradigm shift to expedite a smart, sustainable built environment // Buildings. – 2021. – Vol. 11. – Article no. 151.

[2] Otte T., Meisen T. A reference framework for the performance-based decision support of city authorities in urban freight transport // 8th International Conference on ICT for Smart Society: Digital Twin for Smart Society (ICISS 2021). – Piscataway: IEEE, 2021. – P. 1−7.

Выводы по главе 5

Разработана модель эффективной, многоуровневой пространственной организации экономики Российской Федерации, учитывающая специфику ее территориального капитала и позволяющая определить направления пространственных преобразований для территорий разных типов и разных иерархических уровней. В основе предложенной модели лежат три ключевых принципа:

1) принцип комбинирования моделей пространственного развития разных типов (сетевой, функциональной и каркасной);

2) принцип согласованности приоритетов пространственного развития экономики территорий разного уровня друг с другом;

3) принцип примата типа и масштабов имеющегося у территории территориального капитала при определении путей ее развития и развития ее окружения.

Сетевая модель предлагается для территорий, являющихся точками притяжения разнородных элементов территориального капитала, способных его накопить и эффективно вовлечь в хозяйственные процессы. Функциональная модель отвечает интересам регионов, которые обладают запасами территориального капитала, но в силу своего местоположения рискуют утратить его мобильную часть. Каркасная модель подходит для территорий, обладающих относительно невысокими запасами активов территориального капитала и при этом имеющих ограниченные возможности встраивания в формируемые крупными центрами концентрации ресурсов технологические цепочки. Территории разного типа также отличаются друг от друга степенью соотношения важности реализации параметров пространственной организации (полицентричности, связанности, открытости, изменяемости, неоднородности).

Предложен механизм управления пространственным развитием экономики Российской Федерации, в основе которого лежит наращивание ее территориального капитала. Механизм предполагает согласование приоритетов пространственных трансформаций экономики территорий разного уровня друг с другом и с ориентирами социально-экономического и научно-технологического развития (механизмом, лежащим в основе процессов сочетания разнородных приоритетов трансформации территорий, должна стать система стратегического планирования, а их ключевым инструментом – програм-

мно-проектный подход). В структуре такого механизма можно выделить пять основных элементов, каждый из которых значим на всех трех территориальных уровнях (национальном, региональном, локальном): функционал управления пространственным развитием; мониторинг пространственного развития; ресурсная основа развития пространств; стратегический каркас пространственного развития; технологическая основа управления пространственным развитием. Особенностью механизма является учет масштаба экономической системы, пространственные характеристики которой находятся в процессе трансформации, и специфики ее территориального капитала.

Заключение

1. На основе систематизации представленных в научной литературе трактовок экономического пространства обозначено пять подходов к пониманию его сущностных особенностей (в соответствии с ними экономическое пространство отождествляется с «территорией», «множеством субъектов», «совокупностью хозяйственных процессов», «средой», «системой»). Доказано, что в силу своей многоаспектности экономическое пространство может быть охарактеризовано только с помощью комплексного представления. Это позволяет подходить к экономическому пространству как к совокупности условий, имеющей дуальную природу и зависящей как от особенностей территориальной организации хозяйственной системы, так и от реализуемых в границах этой системы социально-экономических процессов и явлений, действий отдельных субъектов.

Выделено четыре этапа трансформации взглядов на пространственное развитие, отличающихся друг от друга той ролью, которую тематика экономического пространства и его переорганизации играли в научной повестке. На первом этапе (XVIII – первая половина XIX века), характеризующимся достаточно незначительным интересом к экономическому пространству, пространственное развитие воспринималось в первую очередь как освоение новых территорий, изменение объемов территориального ресурса. На втором этапе (вторая половина XIX – начало XX века), когда интерес исследователей сместился к поиску логики оптимального размещения элементов хозяйственного комплекса и выявлению тех факторов, которые определяли это размещение, пространственное развитие стало пониматься шире, чем изменение физических параметров территории, на которой ведется хозяйственная деятельность, однако по большей части сводилось к процессам размещения хозяйствующих субъектов. В рамках третьего этапа (1930−1960-е годы) окончательно оформилась идея представления экономического пространства как самостоятельного объекта исследования; пространственное развитие определялось главным образом изменением качественных свойств экономического пространства, а управление пространственным развитием экономики понималось как инструмент регулирования воспроизводственных процессов, протекающих на разных уровнях. Для четвертого этапа (вторая половина XX – начало XXI века), на котором внимание уделяется как отдельным характеристикам и свойствам экономического пространства, так и его комплексному осмыслению,

характерно рассмотрение пространственного развития экономики как сложного процесса трансформации всех характеристик пространства, параметры которого определяются деятельностью не только действующих в его границах экономических агентов, но и большого количества субъектов, оказывающих влияние на специфику преобразования всего многообразия сфер жизнедеятельности территориальной системы.

Дополнены положения, характеризующие содержательные особенности пространственного развития, которое в общем виде может пониматься как преобразование экономического (социально-экономического) пространства – трансформация его состояния, предполагающая изменение ряда качественных характеристик. Обосновано, что пространственное развитие представляет собой элемент развития территориального и связано с изменением морфологии и структурных характеристик территориальных комплексов, трансформацией организации хозяйственной деятельности (а отчасти и социальных процессов) на территории, порождаемой изменением ее форм, местоположения как субъектов, так и объектов, а также возможностей взаимодействия между отдельными компонентами пространства. Обозначены ключевые для пространственного развития процессы, имеющие к нему непосредственное отношение:

– изменение особенностей локализации объектов в пространстве, а также трансформация тех эффектов, которые порождают особенности этой локализации;

– появление (исчезновение или трансформация) форм организации хозяйственной деятельности;

– преобразование особенностей взаимодействия между отдельными пространственными составляющими.

Благодаря обобщению и систематизации предлагаемых представителями основных экономических школ и учений подходов к пониманию сути капитала были выявлены его определяющие признаки: наличие в его составе разнородных ресурсов и благ, способность приносить доход, тесная взаимосвязь с трудом и спецификой общественных отношений, самовоспроизводимость, формирование в результате как производственных процессов, так и сбережения. Показано, что существующие трактовки территориального капитала во всем своем многообразии базируются только на одном из обозначенных признаков (особенностях отдельных его составляющих и связях между ними, специфике его возникновения, благах, которые он позволяет получать), что определяет логику выбора аспектов, нуждающихся в дальнейшем развитии. Между тем критически важной пред-

ставляется интеграция этих трех аспектов, позволяющая рассматривать территориальный капитал в трех временны́х позициях: на стадии формирования, существования, генерации эффектов. Таким образом, под территориальным капиталом можно понимать систему используемых для развития территории ресурсов, наращивание и воспроизводство которых обеспечивается региональными и местными сообществами. Особенностью предлагаемого определения является использование термина «система» вместо слов «совокупность», «сумма», которые применяют авторы других трактовок, поскольку представляется важным подходить к территориальному капиталу именно как к системе: очевидно, что активы и ресурсы, входящие в его состав, взаимосвязаны, определяют параметры капитализации друг друга, могут как усиливать, так и ослаблять прочие элементы.

Разработанный научный подход к исследованию определяет возможность выработки методологии пространственного развития экономики на основе наращивания территориального капитала.

2. Разработана методология пространственного развитиа экономики, концептуальной основой которой выступает наращивание территориального капитала, а методической основой – разработка модели пространственной организации экономики территории.

Возможность использования концепции территориального капитала в качестве фундамента пространственного развития экономики обуславливается такими его свойствами, как системность (территориальный капитал объединяет в себе все многообразие ресурсов территории вне зависимости от степени их осязаемости, особенностей их принадлежности и востребованности хозяйственной системой, что позволяет максимально комплексно подходить к оценке того потенциала развития, которым обладает территория); способность к капитализации (территориальный капитал не только отражает наличие у территории тех или иных активов, но и характеризует успешность их использования, позволяет определять ценность каждого ресурса для конкретной территориальной системы, фиксировать влияние различных типов ресурсов друг на друга, выявляя противоречия между ними); взаимосвязь с уникальными характеристиками территории (его описание и оценка могут служить средством идентификации сильных и слабых ее сторон, определяя как текущие позиции, так и возможности их изменения). Таким образом, территориальный капитал комплексно характеризует территорию, учитывает ее специфические черты, связанные как с природой имеющихся ресурсов, так и с параметрами их использования, и определяет ее место в процессе организации экономического пространства.

Выявлены фундаментальные аспекты управления территориальным капиталом, которые во многом определяются неоднородностью пространства территории и наличием у нее разнообразных по своей природе и эффективности использования ресурсов развития:

– принципиально важной является согласованность управленческих решений (как по вертикали, так и по горизонтали);

– необходим постоянный мониторинг территориального капитала (что подразумевает также разработку алгоритмов его оценки), учитывающий дифференцированный характер его составляющих;

– обязательно гармоничное сочетание увязанных с определенным набором активов и набором точек в пространстве целевых ориентиров, которые отличаются по срокам достижения и направлениям;

– необходимо согласование стратегических ориентиров развития территории и тех мер, которые направлены на преобразование территориального капитала.

Особенности моделирования пространственного развития экономики для территорий разного уровня, обладающих различным территориальным капталом, обуславливаются алгоритмом создания модели, включающим в себя пять основных шагов, требованиями к модели, а также факторами и ограничениями моделирования.

В числе требований к модели: учет особенностей локализации территориального капитала; возможность реализации (в сегодняшних условиях или в условиях, достижение которых возможно в обозримой перспективе); ориентация на выстраивание общей логики преобразования пространства; использование дифференцированного подхода (как для территорий разного уровня, так и для отличающихся друг от друга территорий одного уровня). Специфика подходов к развитию территорий разного уровня (разномасштабных систем, отличающихся уровнем той системы управления, которая призвана обеспечивать их развитие, – национальных, региональных и локальных) связана с функционалом субъектов управления, масштабом и сложностью системы, ее инерционностью и особенностями учета параметров ее функционирования. По мере увеличения масштабов системы возрастает степень включенности органов власти в управление пространством; значимость мер, предполагающих трансформацию пространства; объем усилий, требуемых для пространственных изменений системы, а также доступность данных об особенностях организации пространства. При этом степень ориентации на социальные вопросы при осуществлении пространственных трансформаций, а также скорость изменения организации

пространства, напротив, являются более высокими для локальных пространственных систем.

К факторам и ограничениям моделирования относятся: доступность информации; наличие закономерностей развития территорий, не подлежащих корректировке; приоритеты политики социально-экономического развития; доступные для применения инструменты территориального развития. Алгоритм моделирования включает в себя следующие шаги:

1) определение цели построения модели (модель эффективной пространственной организации экономики должна описывать такой способ упорядочения пространства хозяйственной деятельности, а также социально-демографической системы, который позволяет наилучшим для всего комплекса образом выстроить все происходящие в нем процессы);

2) рассмотрение существующих моделей (особого внимания заслуживают такие их типы, как функциональная, каркасная, кластерная, сетевая; каждая из них имеет свои ограничения, и условия применения, что делает разумным использование каждого типа в наиболее подходящих для этого условиях, а также определяет возможность их комбинирования);

3) изучение объекта-оригинала (выявление особенностей пространственного развития разномасштабных (национального, регионального и местного уровней) экономических систем, отличающихся спецификой имеющихся у них территориального капитала);

4) характеристика свойств объекта-оригинала, которые должны быть заложены в модель (определение стратегических приоритетов пространственного развития экономики для территорий разного уровня, обладающих различным территориальным капиталом);

5) создание модели (предложение модели эффективной пространственной организации экономики);

3. Предложена методика оценки пространственного развития экономики, включающая в себя измерение таких характеристик экономического пространства, как его обеспеченность активами, его однородность и уровень его связанности. Особенностью предлагаемого подхода является учет как параметров локализации объектов, так и специфики сложившихся на территории социально-экономических условий: каждая из характеристик может быть представлена в двух проекциях – социально-экономической и террито-

риальной. Так, для оценки обеспеченности пространства активами предлагается определять потенциал территории в расчете на единицу площади (измеряется количеством активов на единицу площади) и в расчете на душу населения (измеряется количеством активов на одного жителя). Степень однородности пространства может быть охарактеризована особенностями локализации субъектов и объектов на территории (для оценки степени концентрации предлагается применять индекс Холла – Тайдмана, для выявления зон концентрации – локальный индекс Морана), а также уровнем развития отдельных составляющих пространства (соотнести их друг с другом можно с помощью коэффициента Джини, индекса Тейла). В интересах определения параметров связанности может быть оценен уровень развития сетевой и транспортной инфраструктуры (с помощью коэффициента Энгеля) и масштаб межтерриториального обмена (с помощью измерения объемов межтерриториальных потоков). Также методика предполагает использование картографических средств визуализации.

Показано, что на специфику измерения территориального капитала влияют такие свойства, как наличие в его составе разнородных элементов, требующих использования отличающихся друг от друга подходов к их оценке, а также его способность капитализироваться, что обуславливает изменчивость ценности каждого его актива на разных стадиях его функционирования. Предложен методический подход к измерению территориального капитала, учитывающий эти два аспекта (оценка отличающихся по своей природе активов территории и оценка капитала на разных стадиях его функционирования), что позволяет комплексно подходить к его характеристике, давая при этом возможность при необходимости рассматривать каждый элемент в отдельности. Подход базируется на:

– авторской вариации классификации составляющих территориального капитала, в соответствии с которой часть из них отнесена к характеристикам места (природный, производственный, финансовый, культурный, экологический), часть – к характеристикам сообщества (образовательный, творческий и капитал здоровья, суммарно характеризующие человеческий капитал; отношенческий, репутационный, которые в совокупности могут быть названы социальным капиталом);

– выделении трех этапов его функционирования: этап формирования (оценка осуществляется исходя из тех затрат, которые необходимо понести, чтобы капитал появился); этап функционирования (требуется комплексный подход к оценке каждой из его

составляющих); этап определения эффектов от его использования (принимаются во внимание полученные результаты).

Разработана интегральная методика оценки пространственного развития экономики, объединяющая предложенный инструментарий оценки экономического пространства и обозначенный способ измерения территориального капитала. Она включает в себя три аспекта (учитывает составляющие территориального капитала, подходы к оценке капитала, характеристики экономического пространства) и позволяет разложить весь процесс выявления пространственной специфики развития территориального капитала на отдельные элементы, каждый из которых может быть оценен как в отрыве от других, так и совместно с ними.

Апробация предложенной методики позволила выявить проблемы и перспективы пространственного развития экономики Российской Федерации, провести систематизацию субъектов РФ на основе вклада каждого из них в функционирование той или иной составляющей территориального капитала, а также сгруппировать их исходя из специфики ресурсной составляющей регионального развития. Кроме того, была проведена укрупненная систематизация городских систем.

Результаты анализа подтверждают необходимость использования дифференцированного подхода к управлению различными территориальными системами, причем особого внимания заслуживают зоны, рискующие выпасть из экономического пространства из-за отсутствия у них активов для дальнейшего развития (или высокого риска их утраты); принципиальное значение имеет разработка механизмов, позволяющих вовлекать такие территории в хозяйственные отношения с другими регионами. Кроме того, принципиальное значение при реализации региональной политики имеет учет особенностей размещения в пространстве территориального капитала: попытки нарастить его без четкого представления о том, где следует размещать активы, что должно располагаться рядом с ними, вряд ли обеспечат достижение желаемого эффекта, способствуя лишь еще большему искажению экономического пространства.

4. Разработана модель эффективной многоуровневой пространственной организации экономики Российской Федерации, учитывающая специфику ее территориального капитала и позволяющая определить направления пространственных преобразований для территорий разных типов и разных иерархических уровней. В основе предложенной модели лежат три ключевых принципа:

– принцип комбинирования моделей пространственного развития разных типов (сетевой, функциональной и каркасной);

– принцип согласованности приоритетов пространственного развития экономики территорий разного уровня друг с другом;

– принцип примата типа и масштабов имеющегося у территории территориального капитала при определении путей ее развития и развития ее окружения.

Сетевая модель предлагается для территорий, являющихся точками притяжения разнородных элементов территориального капитала, способных его накопить и эффективно вовлечь в хозяйственные процессы. Функциональная модель отвечает интересам регионов, которые обладают запасами территориального капитала, но в силу своего местоположения рискуют утратить его мобильную часть. Каркасная модель подходит для территорий, обладающих относительно невысокими запасами активов территориального капитала и при этом имеющих ограниченные возможности встраивания в формируемые крупными центрами концентрации ресурсов технологические цепочки. Территории разного типа также отличаются друг от друга степенью соотношения важности реализации параметров пространственной организации (полицентричности, связанности, открытости, изменяемости, неоднородности).

5. Определены инструменты согласования приоритетов пространственного развития экономики территорий разного уровня друг с другом и с иными ориентирами развития страны и ее отдельных территориальных единиц (ориентирами социально-экономического и научно-технологического развития). Показано, что механизмом, лежащим в основе процессов сочетания разнородных приоритетов трансформации территорий, должна стать система стратегического планирования, а их ключевым инструментом – программно-проектный подход. При этом эффективное применение данного инструмента требует соблюдения ряда условий: в процесс согласования приоритетов должны быть включены территории всех уровней; логика согласования приоритетов должна предусматривать движение от национального уровня к локальному, от целевых установок, касающихся социально-экономических преобразований, к направлениям изменений пространственных характеристик (при обязательном учете позиций всех вовлеченных в процесс целеполагания участников, предполагающем наличие «обратного» вектору согласования приоритетов движения); важной частью процесса согласования приоритетов должно быть сочетание выбираемых территориальной единицей ориентиров преобразования с целевыми установ-

ками, избираемыми ее партнерами; необходимо дальнейшее совершенствование основного механизма согласования приоритетов – системы стратегического планирования.

Разработан механизм управления пространственным развитием экономики Российской Федерации, основой которого выступает наращивание ее территориального капитала. Механизм определяется предложенной моделью эффективной пространственной организации экономики страны, он должен учитывать стратегические приоритеты пространственного развития страны и ее отдельных территорий, а также приоритеты их социально-экономического и научно-технологического развития.

В структуре механизма можно выделить пять основных элементов, каждый из которых значим на всех трех территориальных уровнях (национальном, региональном, локальном):

– функционал управления пространственным развитием (связан с постановкой задач, касающихся преобразования структуры экономического пространства, перед субъектами управления экономикой, а также развитием соответствующих компетенций у субъектов, на которых возлагается задача разработки и реализации пространственной политики, что особенно важно на региональном и локальном уровнях);

– мониторинг пространственного развития (связан с развитием системы статистического учета, аналитики, посвященной характеристикам пространства);

– ресурсная основа развития пространства (связан с определением территорией своего экономического профиля, который предопределяет специфика имеющегося у нее территориального капитала);

– стратегический каркас пространственного развития (связан с необходимостью включения в документы стратегического планирования разных уровней пространственных аспектов, доработкой тех документов, которые эти аспекты уже затрагивают, – в первую очередь Стратегии пространственного развития Российской Федерации);

– технологическая основа управления пространственным развитием (связан с применением передовых технологий в интересах организации управления пространственным развитием, в том числе цифровых двойников территории, позволяющих осуществлять интеллектуальное управление процессами регулирования территориального развития).

Список литературы

1. Аврамчикова, Н. Т. Теоретические аспекты оценки качества экономического пространства / Н. Т. Аврамчикова // Региональная экономика: теория и практика. – 2012. – № 35. – С. 2−13. – EDN PCMQYZ.

2. Августин Аврелий. Исповедь : пер. с лат. – Москва : Изд-во Сретенского монастыря, 2012. – 526 с. – ISBN 978-5-7533-0710-1.

3. Агентство стратегических инициатив. – URL: https://asi.ru/ (дата обращения: 18.03.2025).

4. Айвазян, С. А. Анализ качества и образа жизни населения (эконометрический подход) / С. А. Айвазян. – Москва : Наука, 2012. – 432 с. – ISBN 978-5-02-037968-8. – EDN WNTANH.

5. Акбердина, В. В. Цифровое пространство регионов Российской Федерации: оценка факторов развития и взаимного влияния на социально-экономический рост / В. В. Акбердина, И. В. Наумов, С. С. Красных // Journal of applied economic research. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 294−322. – DOI 10.15826/vestnik.2023.22.2.013. – EN KJKFDS.

6. Алампиев, П. М. Экономическое районирование СССР : в 2 кн. / П. М. Алампиев. – Москва : Экономическая литература, 1963. – Кн. 2. – 248 с.

7. Алферина, О. Н. Комплексная оценка использования производственного капитала предприятия / О. Н. Алферина // Управленческий учет. – 2021. – № 3-2. – С. 387−395. – EDN DEXUYD.

8. Андреева, Т. Влияние интеллектуального капитала на результаты деятельности российских производственных компаний / Т. Андреева, Т. Гаранина // Форсайт. – 2017. – Т. 11, № 1. – С. 31−40. – DOI 10.17323/2500-2597.2017.1.31.40. – EDN YJBUPZ.

9. Анимица, Е. Г. От размещения производительных сил к региональной экономике / Е. Г. Анимица, О. Ю. Денисова // Ars Administrandi (Искусство управления). – 2015. – № 1. – С. 5−15. – EDN TUPOCT.

10. Анимица, Е. Г. Программно-проектный подход – важнейший инструмент регулирования регионального развития / Е. Г. Анимица, Н. В. Новикова, В. А. Сухих // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2008. – № 2 (21). – С. 50−57. – EDN PVCSCB.

11. Анимица, Е. Г. Пространственно-временная парадигма в социоэкономике: региональный аспект / Е. Г. Анимица, В. А. Сухих. – Пермь : ПГНИУ, 2007. – 140 с. – ISBN 5-7944-1042-6. – EDN QSYCAJ.

12. Анимица, Е. Г. Региональное управление / Е. Г. Анимица. – Екатеринбург : УрГЭУ, 2010. – 340 с.

13. Анимица, Е. Г. Экономическое пространство России: проблемы и перспективы / Е. Г. Анимица, Н. М. Сурнина // Экономика региона. – 2006. – № 3 (7). – С. 34−46. – EDN JWYXAL.

14. Антипин, И. А. Научные подходы к типологии муниципальных образований: стратегический и управленческий аспекты / И. А. Антипин, Ю. А. Филиппова // Финансовый бизнес. – 2023. – № 7 (241). – С. 97−100. – EDN IEVBHA.

15. Антипин, И. А. Современные тренды стратегирования социально-экономического развития территории: пространственный аспект / И. А. Антипин // Общество: политика, экономика, право. – 2019. – № 12 (77). – С. 30−34. – DOI 10.24158/pep.2019.12.5. – EDN DYTTRV.

16. Антонова, М. А. Подходы к оценке социокультурного потенциала региона / М. А. Антонова // Вопросы территориального развития. – 2013. – № 3 (3). – С. 1−10. – EDN QBBNCL.

17. Антонюк, В. С. Крупнейшие городские агломерации Уральского федерального округа: сравнительный анализ / В. С. Антонюк, Д. С. Бенц // Вестник Челябинского государственного университета. – 2023. – № 12 (482). – С. 31–43. – DOI 10.47475/1994-2796-2023-482-12-31-43. – EDN JCDPHV.

18. Антонюк, В. С. Стратегия пространственного развития России: адаптационный подход и приоритизация задач / В. С. Антонюк, Н. А. Сигатова, Э. Р. Вансович // Вестник Челябинского государственного университета. – 2024. – № 12 (494). – С. 19−28. – DOI 10.47475/1994-2796-2024-494-12-19-28. – EDN NFHRTY.

19. Антонюк, В. С. Теоретические основы процесса урбанизации и его влияния на региональный рынок жилья / В. С. Антонюк, В. В. Погонин // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2015. – Т. 1, № 2. – С. 144−151. – EDN TVTFWD.

20. Арабян, К. К. Измерение человеческого капитала / К. К. Арабян // Российское предпринимательство. – 2007. – Вып. 2 (89), № 4. – С. 105−109.

21. Аристов, В. В. Построение реляционной статистической теории пространства-времени и физическое взаимодействие / В. В. Аристов // Феномен и ноумен времени. – 2005. – Т. 2, № 2. – С. 148−176.

22. Аристотель. Физика : пер. с древнегреч. / Аристотель. – Москва : Юрайт, 2025. – 228 с. – ISBN 978-5-534-08826-7.

23. Артамонов, В. С. Эффективная организации экономического пространства в Арктической зоне Российской Федерации: стратегия и практика / В. С. Артамонов, В. Н. Лукин, Т. В. Мусиенко // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2020. – № 2 (30). – С. 5−16. – DOI 10.37468/2307-1400-2020-2-5-16. – EDN DWDDSZ.

24. Афанасьев, Р. А. Пространственная организация региональной экономики Западной Арктики при освоении энергетических ресурсов : автореф. дис. … канд. экон. наук : 08.00.05 / Афанасьев Роман Александрович. – Мурманск, 2013. – 22 с. – EDN ZPARQL.

25. Афанасьев, С. В. Меркантилизм как предтеча государственного регулирования рыночных отношений / С. В. Афанасьев // Вестник Финансовой академии. – 2003. – № 1 (25). – С. 37−50. – EDN HSLSZP.

26. Ахмедова, Л. Ш. Устойчивое развитие территории с учетом интересов различных целевых групп / Л. Ш. Ахмедова, Г. И. Идзиев // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2012. – № 36 (126). – С. 28−32. – EDN PCTDWN.

27. База данных показателей муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/MUNST.htm (дата обращения: 15.03.2025).

28. Базуева, Е. В. Активность студенческой молодежи в социально значимой деятельности как репутационный капитал вуза (на примере ПГНИУ) / Е. В. Базуева, А. А. Сюккя // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2020. – № 2 (58). – С. 92−100. – EDN CLPETX.

29. Балабан, М. О. Типология регионов и муниципалитетов России по динамике численности населения в 1959−2021 гг. / М. О. Балабан // Региональные исследования. – 2024. – № 4 (86). – С. 24−37. – DOI 10.5922/1994-5280-2024-4-2. – EDN SXLIQM.

30. Балаш, О. С. Статистическое исследование пространственной кластеризации регионов России / О. С. Балаш // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2012. – № 2-1. – С. 56−65. – EDN QADCCL.

31. Бандман, М. К. Территориально-производственные комплексы как форма пространственной организации производительных сил / М. К. Бандман // Марк Константинович Бандман. Избранные труды и продолжение начатого. – Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2014. – С. 57−102. – EDN TTOVDN.

32. Баранов, Н. Н. Срединная Европа Фридриха Наумана: становление концепции / Н. Н. Баранов // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2009. – Т. 65, № 3. – С. 173−181. – EDN KWDUNV.

33. Баранский, Н. Н. Краткий курс экономической географии / Н. Н. Баранский. – Москва ; Ленинград : Гос. изд-во, 1928. – 455 с.

34. Баранский, Н. Н. Тезисы по экономической географии / Н. Н. Баранский // Вопросы преподавания экономических дисциплин : материалы метод. конф. преподавателей совпартшкол по экон. дисциплинам. – Москва ; Ленинград : Гос. изд-во, 1927. – С. 112.

35. Баранский, Н. Н. Экономическая география Советского Союза. Обзор по областям Госплана / Н. Н. Баранский. – Москва ; Ленинград : Гос. изд-во, 1926. – 294 с.

36. Бардаль, А. Б. Транспортная составляющая экономического суверенитета России: региональный аспект / А. Б. Бардаль // Друкеровский вестник. – 2023. – № 2 (52). – С. 229−240. – DOI 10.17213/2312-6469-2023-2-229-240. – EDN GERVWP.

37. Баркова, Е. А. Формирование финансового капитала в российской экономике: функциональный подход : автореф. дис. … канд. экон. наук : 08.00.01 / Баркова Елена Александровна. – Оренбург, 2016. – 26 с.

38. Барсукова, С. Ю. Неформальная экономика и сетевая организация пространства в России / С. Ю. Барсукова // Мир России. Социология. Этнология. – 2000. – № 1. – С. 52−68.

39. Бахтизин, А. Р. Урбанизация и вопросы пространственного развития / А. Р. Бахтизин // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2024. – Т. 250, № 6. – С. 69−88. – DOI 10.38197/2072-2060-2024-250-6-69-88. – EDN GDQRXG.

40. Белая, М. Л. Природный капитал в современной экономике / М. Л. Белая // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. – 2016. – № 2 (86). – С. 59−68. – EDN VURYZR.

41. Белоусова, С. В. Сбалансированность социально-экономического пространства / С. В. Белоусова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 18 (347). – С. 33−40. – EDN TBCRAZ.

42. Беляева, Л. А. Социальные дистанции как характеристика социального пространства современной России / Л. А. Беляева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2018. – Т. 18, № 1. – С. 58−72. – DOI 10.22363/2313-2272-2018-18-1-58-72. – EDN YNUELB.

43. Бенц, Д. С. Управление пространственным развитием Челябинской области / Д. С. Бенц. – Челябинск : ЧелГУ, 2025. – 115 с. – ISBN 978-5-7271-2055-2. – EDN SHBPRJ.

44. Бём-Баверк, О. Капитал и прибыль. История и критика теорий процента на капитал / О. Бём-Баверк. – Москва : Директ-Медиа, 2007. – 639 с. – ISBN 978-5-9989-0587-2.

45. Бём-Баверк, О. Капитал и процент / О. Бём-Баверк. – Челябинск : Социум, 2010. – Т. 2: Позитивная теория капитала ; Т. 3: Экскурсы. – 914 с. – ISBN 978-5-91603-028-0.

46. Бёрджесс, Э. Рост города: введение в исследовательский проект / Э. Бёрджесс // Чикагская социология : сб. пер. – Москва : ИНИОН РАН, 2015. – С. 20−34.

47. Беркли, Дж. Трактат о принципах человеческого знания и другие сочинения : пер. с англ. / Дж. Беркли. – Москва : Академический проект, 2016. – 553 с. – ISBN 978-5-919840-24-4.

48. Берова, Ф. Ж. Региональные особенности процессов урбанизации и дезурбанизации / Ф. Ж. Берова, А. Х. Сабанчиев // Terra economicus. – 2010. – Т. 8, № 1-3. – С. 210−215. – EDN MSUHUR.

49. Бияков, О. А. Генезис теории экономического пространства / О. А. Бияков // Вестник Кузбасского государственного технического университета. – 2004. – № 1 (38). – С. 75−82. – EDN PWLSDZ.

50. Бияков, О. А. Теория экономического пространства: методологический и региональный аспекты / О. А. Бияков. – Томск : ТГУ, 2004. – 151 с. – ISBN 5-7511-1832-4. – EDN QQGRXV.

51. Бланца, В. И. Макрорегионы в стратегии пространственного развития России: верификация границ по перспективным экономическим специализациям / В. И. Бланца // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. – 2020. – Т. 22, № 3. – С. 30−41. – DOI 10.15688/ek.jvolsu.2020.3.3. – EDN CJBDEE.

52. Блауг, М. 100 великих экономистов до Кейнса : пер. с англ. / М. Блауг. – Санкт-Петербург : Экономическая школа, 2008. – 346 с. – ISBN 978-5-903816-01-9.

53. Боброва, В. В. Теоретико-методические основы развития территории города / В. В. Боброва, П. А. Аношкин // Экономическое возрождение России. – 2014. – № 2 (40). – С. 105−112. – EDN QMHVVK.

54. Бобылев, С. Н. Природный капитал для новой экономики / С. Н. Бобылев // Устойчивое развитие и новые модели экономики : Междунар. науч. конф., посвящ. 40-летию кафедры экономики природопользования экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, 21–22 ноября 2019 г.). – Москва : МГУ, 2019. – С. 16−18. – EDN GEVQPD.

55. Боровкова, О. В. Пространства исторической науки и их взаимодействие / О. В. Боровкова // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 394. – С. 79−83. – DOI 10.17223/15617793/394/13. – EDN TYWIKL.

56. Буланова, М. Б. Теоретико-методологические подходы к изучению образовательного капитала интеллигенции / М. Б. Буланова // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. – 2017. – № 3 (9). – С. 24−29. – EDN ZWDNXD.

57. Бурдье, П. Социология социального пространства : пер. с фр. / П. Бурдье. – Москва : Алетейя, 2007. – 288 с. – ISBN 5-89329-762-8. – EDN QOECDF.

58. Бурматова, О. П. Кластеры как форма локальных производственных систем / О. П. Бурматова // Мир экономики и управления. – 2016. – Т. 16, № 4. – С. 93−108. – EDN XIRSUN.

59. Бухвальд, Е. М. Актуальные проблемы пространственной интеграции российской экономики / Е. М. Бухвальд, О. Б. Иванов // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. – 2015. – № 5. – С. 7−32. – EDN VEACGL.

60. Бухвальд, Е. М. Единое инновационное пространство как приоритет пространственного развития российской экономики / Е. М. Бухвальд // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2019. – № 4. – С. 9−25. – DOI 10.24411/2073-6487-2019-10042. – EDN FNSPVG.

61. Бухвальд, Е. М. Пространственные факторы формирования инновационной экономики в России / Е. М. Бухвальд // Федерализм. – 2010. – № 2 (58). – С. 55−68. – EDN MQQFFF.

62. Бухвальд, Е. М. Стратегия пространственного развития: этап радикального обновления / Е. М. Бухвальд, О. Н. Валентик // Региональная экономика. Юг России. – 2024. – Т. 12, № 1. – С. 4−14. – DOI 10.15688/re.volsu.2024.1.1. – EDN ERWVNW.

63. Бухвальд, Е. М. Экономическое пространство как поле реализации национальных целей России / Е. М. Бухвальд // Федерализм. – 2024. – Т. 29, № 2 (114). – С. 32−47. – DOI 10.21686/2073-1051-2024-2-32-47. – EDN HVQSQE.

64. Важенина, И. С. Имидж и репутация территории / И. С. Важенина // Региональная экономика: теория и практика. – 2010. – № 23. – С. 2−12. – EDN MDXJCZ.

65. Василенко, Д. В. Современные межтерриториальные экономические взаимодействия: перспективы развития / Д. В. Василенко // Россия: тенденции и перспективы развития : ежегодник, вып. 13, ч. 2. – Курск : ИНИОН РАН, 2018. – С. 607−610.

66. Васильев, М. П. Разработка алгоритмов повышения эффективности использования финансово-экономического потенциала регионов : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Васильев Максим Павлович. – Санкт-Петербург, 2019. – 22 с.

67. Вахруков, Д. С. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. / Д. С. Вахруков // Вестник Российской академии наук. – 2025. – № 2. – С. 3−11. – DOI 10.7868/S3034520025020013. – EDN AHCTXZ.

68. Винокуров, С. И. Современное состояние и тенденции развития транспортной системы России / С. И. Винокуров, С. А. Журавлева // Журнал монетарной экономики и менеджмента. – 2025. – № 2. – С. 273−279. – DOI 10.26118/2782-4586.2025.21.45.091. – EDN MQMRGK.

69. Власова, Н. Ю. Теория и практика межмуниципального сотрудничества в контексте региональной политики Европейского союза / Н. Ю. Власова, Л. Н. Джек // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2010. – № 2 (28). – С. 26−31. – EDN MVZOXT.

70. Володина, Л. В. Индексы креативного капитала в структуре имиджа территории / Л. В. Володина // Социогуманитарные коммуникации. – 2024. – № 4 (10). – С. 106−111. – EDN IIHNSD.

71. Всероссийская перепись населения 2010 г. / Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/ results.html (дата обращения: 14.02.2025).

72. Гайнанов, Д. А. Стратегическое управление ключевыми потенциалами развития разноуровневых территориальных социально-экономических систем / Д. А. Гайнанов, Г. Ф. Биглова, А. Г. Атаева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10, № 2. – С. 77−89. – DOI 10.15838/esc.2017.2.50.4. – EDN YMIQGD.

73. Ганиев, И. М. Реструктуризация экономического пространства региона на основе реализации ресурсного потенциала промышленных районов : автореф. дис. … канд. экон. наук : 08.00.05 / Ганиев Ильдар Махмутович. Казань, 2011. – 24 с.

74. Гатауллин, Р. Ф. Формирование новой каркасной модели пространственного развития как результат трансформации разноуровневых территориальных систем / Р. Ф. Гатауллин // Вестник евразийской науки. – 2020. – Т. 12, № 2. – URL: https://esj.today/PDF/32ECVN220.pdf (дата обращения: 15.02.2025). – DOI 10.15862/32ECVN220. – EDN CTWWRF.

75. Гатауллин, Р. Ф. Экономическое пространство: содержание, единство и разрывы / Р. Ф. Гатауллин, А. Г. Каримов, А. Г. Комаров // Проблемы современной экономики. – 2014. – № 4 (52). – С. 196−200. – EDN TJHWVV.

76. Гегель, Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук : в 14 т. / Г. В. Ф. Гегель. – Москва ; Ленинград : Соцэкгиз, 1934. – Т. 2: Философия природы. – 683 с.

77. Герасимов, А. Н. Региональные особенности развития пространственных социально-экономических систем / А. Н. Герасимов, Е. И. Громов, С. А. Левченко. – Ставрополь : АГРУС, 2012. – 172 с. – ISBN 978-5-9596-0816-3. – EDN PFBMEH.

78. Гетманцев, К. В. Проблемы связанности экономического пространства региона / К. В. Гетманцев, Е. В. Атамась // Регион: системы, экономика, управление. – 2021. – № 1 (52). – С. 10−17. – DOI 10.22394/1997-4469-2021-52-1-10-17. – EDN NJCWLX.

79. Гильфердинг, Р. Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма / Р. Гильфердинг. – Москва : Либроком, 2016. – 480 с. – ISBN 978-5-397-02170-8.

80. Глазырина, И. П. Природный капитал в экономике переходного периода / И. П. Глазырина. – Москва : НИА-Природа, 2001. – 204 с. – ISBN 5-7844-0060-6. – EDN RUMZRN.

81. Глумов, А. А. Исследование хозяйственных связей Свердловской области с регионами Урала / А. А. Глумов // Управленец. – 2018. – Т. 9, № 1. – С. 8−13. – DOI 10.29141/2218-5003-2018-9-1-2. – EDN YQRNYI.

82. Гневашева, В. А. Индекс пространственного развития рынка труда России: теоретические предпосылки определения / В. А. Гневашева // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2024. – № 11-1. – С. 25−28. – DOI 10.17513/vaael.3816. – EDN PLZBCJ.

83. Гонтарь, Н. В. Города-миллионники России: типология в интересах формирования мер федеральной городской политики / Н. В. Гонтарь // Региональная экономика. Юг России. – 2024. – Т. 12, № 1. – С. 25−35. – DOI 10.15688/re.volsu.2024.1.3. – EDN MURTAX.

84. Города / ВЭБ.РФ. – URL: https://города.рф (дата обращения: 14.05.2025).

85. Государственная политика вывода России из демографического кризиса / В. И. Якунин, А. С. Аникеева, И. Р. Ахметзянова [и др.]. – 2-е изд. – Москва : Экономика, 2007. – 888 с. – ISBN 978-5-91290-007-5. – EDN TDNNAB.

86. Государственные доклады / Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации. – URL: https://www.mnr.gov.ru/docs/gosudarstvennye_doklady/ (дата обращения: 14.02.2025).

87. Гранберг, А. Г. Основы региональной экономики / А. Г. Гранберг. – Москва : НИУ ВШЭ, 2000. – 495 с. – ISBN 5-7598-0074-4. – EDN RIKLSJ.

88. Гришин, О. Е. Репутационный капитал современной России: проблемы формирования и реализации / О. Е. Гришин, В. В. Морозова // Проблемы постсоветского пространства. – 2015. – № 3. – С. 84−95.

89. Груздев, В. М. Основы градостроительства и планировка населенных мест / В. М. Груздев. – Нижний Новгород : ННГАСУ, 2017. – 106 с. – ISBN 978-5-528-00247-7. – EDN TLNDJY.

90. Груничев, А. С. Методологические подходы к формализованной оценке влияния репутационного капитала региона на параметры его инвестиционной активности (на примере Республики Татарстан) / А. С. Груничев, А. А. Абдукаева // Теоретическая и прикладная экономика. – 2019. – № 2. – С. 10−23. – DOI 10.25136/2409-8647.2019.2.29643. – EDN CPJBGE.

91. Гурбан, И. А. Состояние образовательного капитала регионов России: анализ, проблемы и пути решения / И. А. Гурбан // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. – 2012. – № 6. – С. 116−127. – EDN PJFOZB.

92. Гусаков, В. Г. Аграрная экономика: термины и понятия : энцикл. справ. / В. Г. Гусаков, Е. И. Дереза. – Минск : Белорус. наука, 2008. – 576 с. – ISBN 978-985-08-0894-3. – END RBASPX.

93. Гэлбрейт, Дж. К. Новое индустриальное общество : пер. с англ. / Дж. К. Гэлбрейт. – Москва ; Санкт-Петербург : АСТ ; Транзиткнига, 2004. – 602 с. – ISBN 5-17-024777-X.

94. Дворядкина, Е. Б. Управление пространственным развитием региона: опыт, наследие и задачи на будущее / Е. Б. Дворядкина, Е. И. Кайбичева, Н. И. Гончарова // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. – 2017. – № 4. – С. 60−67. – DOI 10.24143/2073-5537-2017-4-60-67. – EDN ZXFFKB.

95. Деглес Хани, С. М. Оценка инвестиций в интеллектуальный капитал промышленного предприятия на основе показателей результативности и расширенного VAIC / С. М. Деглес Хани, Н. Р. Кельчевская // Лидерство и менеджмент. – 2020. – Т. 7, № 4. – С. 509−530. – DOI 10.18334/lim.7.4.111279. – EDN DHFWND.

96. Демографический ежегодник России. 2002 : стат. сб. / Госкомстат России. – Москва, 2002. – 525 с.

97. Демографический ежегодник России. 2023 : стат. сб. / Росстат. – Москва, 2023. – 256 с.

98. Демьяненко, А. Н. Краткий очерк жизни и творчества Н. Н. Колосовского / А. Н. Демьяненко // Пространственная экономика. – 2009. – № 1. – С. 124−133. – EDN KVPAEJ.

99. Денисова, О. А. Физический капитал регионов России: диагностика и перспективы развития / О. А. Денисова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. – 2012. – № 44 (303). – С. 33−43. – EDN PJBDDN.

100. Департамент национальной политики и межрегиональных связей города Москвы. Отдел межрегиональных связей. – URL: https://www.mos.ru/depnpol/function/deiatelnost/otdel-mezhregionalnykh-svyazei/ (дата обращения: 15.04.2025).

101. Джалилов, Э. В. Исследование направлений стратегического развития традиционно-промышленного региона: проблемы и перспективы / Э. В. Джалилов, В. А. Ермакова // Деловой вестник предпринимателя. – 2024. – № 2 (16). – С. 25−27. – EDN IGUXLM.

102. Дзагова, С. С. Оптимизация модели пространственного развития социально-экономических систем / С. С. Дзагова, Ф. А. Мамбетова // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2018. – № 10 (96). – С. 105−113. – DOI 10.26726/1812-7096-2018-10-105-113. – EDN YUSIJN.

103. Дмитриева, Т. Е. Опорный каркас как основа формирования эффективного пространства социального развития северного региона (на примере Республики Коми) / Т. Е. Дмитриева // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2023. – Т. 26, № 4 (82). – С. 34−48. – DOI 10.37614/2220-802X.4.2023.82.003. – EDN DDBZWP.

104. Долинская, И. М. Стратегия пространственного развития малых переселенческих городов Новосибирской области / И. М. Долинская, М. В. Фадеев, М. В. Федосова // Universum: технические науки. – 2023. – № 11-3 (116). – С. 4–9. – DOI 10.32743/UniTech.2023.116.11.16209. – EDN YSGZLO.

105. Дорошенко, С. В. Пространственная оценка неоднородности регионального экономического роста в 2014–2021 гг. / С. В. Дорошенко, Р. И. Васильева // Регионология. – 2024. – Т. 32, № 3 (128). – С. 484–503. – DOI 10.15507/2413-1407.128.032.202403.484-503. – EDN QXFUKO.

106. Дроздова, Н. В. Территориально-производственные комплексы и региональные кластеры: преемственность и перспективы развития / Н. В. Дроздова // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – Т. 1, № 3. – С. 125–129. – EDN PIWZWH.

107. Дружинин, П. В. Влияние агломераций на развитие окружающих территорий: Новосибирская, Московская и Санкт-Петербургская агломерации / П. В. Дружинин, М. В. Морошкина, К. Е. Седова // Пространственная экономика. – 2025. – Т. 21, № 1. – С. 63–83. – DOI 10.14530/se.2025.1.063-083. – EDN YUSOBL.

108. Дунаев, И. В. Ключевые принципы политики пространственного развития и модернизации региональных экономик в Евросоюзе / И. В. Дунаев // Перспективы науки и образования. – 2014. – № 2 (8). – С. 222–228. – EDN SCAGIP.

109. Евстропьева, О. В. Опыт организации туристско-рекреационных зон на территориях с особыми условиями природопользования (на примере озера Байкал) / О. В. Евстропьева, С. И. Лесных // Государство и право. – 2023. – № 6. – С. 99–108. – DOI 10.31857/S102694520025924-7. – EDN AFWUEB.

110. Егорова, Е. О. Капитал здоровья как компонента человеческого капитала / Е. О. Егорова // Экономика России в XXI веке : сб. науч. тр. XII Всерос. науч.-практ. конф. (Томск, 17–21 ноября 2015 г.) : в 2 т. – Томск : ТПУ, 2015. – Т. 1. – С. 387–392. – EDN VRDTQD.

111. Жаринов, А. В. Кластер и ТПК как формы пространственной организации производства. Общее и принципиальные отличия / А. В. Жаринов // Научный альманах. – 2015. – № 10-1 (12). – С. 144–150. – DOI 10.17117/na.2015.10.01.144. – EDN VCUPAL.

112. Жихаревич, Б. С. Институциональное измерение регионального социально-экономического пространства: подход к исследованию / Б. С. Жихаревич // Экономика Се-

веро-Запада: проблемы и перспективы развития. – 2011. – № 2–3 (45). – С. 46−50. – EDN UGBEMV.

113. Жихаревич, Б. С. Стратегия пространственного развития России как результат взаимодействия науки и власти / Б. С. Жихаревич, Т. К. Прибышин // Регион: экономика и социология. – 2021. – № 4 (112). – С. 3−26. – DOI 10.15372/REG20210401. – EDN ILSOZF.

114. Забелина, О. В. Человеческий капитал региона: проблемы сущности, структуры и оценки / О. В. Забелина, Т. М. Козлова, А. В. Романюк // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. – 2013. – № 4. – С. 59−64. – EDN RAHIAH.

115. Зайончковская, Ж. А. Динамика расселения в Московском регионе как отражение постсоветских трансформаций / Ж. А. Зайончковская, Г. В. Иоффе // Вопросы географии, сб. 135: География населения и социальная география. – Москва : Кодекс, 2013. – С. 188−223.

116. Занг, В.-Б. Синергетическая экономика: время и перемены в нелинейной экономической теории : пер. с англ. / В.-Б. Занг. – Москва : Мир, 1999. – 335 с. – ISBN 5-03-003304-1.

117. Звирко, М. В. Сетевая экономика: понятие, преимущества и недостатки / М. В. Звирко // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 1. – С. 217−220. – EDN OYKYLV.

118. Звягинцева, О. П. Воспроизводство общественных благ в ракурсе концепции экономического пространства / О. П. Звягинцева // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия: Экономические науки. Проблемы новой политической экономии. – 2004. – № 2. – С. 48−55.

119. Зенкина, Е. В. Капитал в современном общественном воспроизводстве: эволюция понимания и управление им / Е. В. Зенкина // Международный научный журнал. – 2023. – № 1 (88). – С. 52−59. – DOI 10.34286/1995-4638-2023-88-1-52-59. – EDN YTBOKI.

120. Зубаревич, Н. В. Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики / Н. В. Зубаревич // Мир новой экономики. – 2017. – № 2. – С. 46−57. – EDN YSPLCJ.

121. Зубаревич, Н. В. Региональное развитие и региональная политика в России / Н. В. Зубаревич // ЭКО. – 2014. – № 4 (478). – С. 6−27. – EDN RZLYST.

122. Иваненко, Л. В. Создание социального кластера как механизм инновационных преобразований социальной сферы в регионе / Л. В. Иваненко, Н. А. Тимощук // Вестник

Самарского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2013. – № 10 (111). – С. 121−127. – EDN RYCXKN.

123. Иванов, О. Б. «Геостратегические территории» и «точки роста» в стратегировании пространственного развития Российской Федерации / О. Б. Иванов, Е. М. Бухвальд // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. – 2019. – № 4. – С. 7−23. – DOI 10.24411/2071-6435-2019-10098. – EDN MVVQYQ.

124. Иванов, О. Б. Национальные проекты России: региональное измерение / О. Б. Иванов, Е. М. Бухвальд // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. – 2019. – № 1. – С. 37−53. – DOI 10.24411/2071-6435-2019-10067. – EDN ZAMQHR.

125. Иванов, О. Б. Экономическое пространство как потенциал устойчивого развития / О. Б. Иванов, Е. М. Бухвальд // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. – 2024. – № 1. – С. 34−52. – DOI 10.24412/2071-6435-2024-1-34-52. – EDN SUBNBN.

126. Иванов, С. А. О пространственном подходе в теории региональной экономики / С. А. Иванов, В. В. Ложко // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. – 2015. – Т. 9, № 1. – С. 18−25. – EDN TNIFLD.

127. Иванова, Д. Г. Природный капитал как фактор устойчивости экономического роста: анализ мировой динамики / Д. Г. Иванова // Теория и практика общественного развития. – 2023. – № 5 (181). – С. 48−56. – DOI 10.24158/tipor.2023.5.6. – EDN RFXTJA.

128. Изард, У. Методы регионального анализа: введение в науку о регионах : сокр. пер. с англ. / У. Изард. – Москва : Прогресс, 1966. – 659 с.

129. Измалкова, С. А. Сетевая модель интеграции территорий опережающего развития на принципах преференциального сотрудничества / С. А. Измалкова // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2016. – № 3-1. – С. 3−10. – EDN WYDAXH.

130. Имескенова, Э. Н. Адаптация стратегии социально-экономического развития Республики Бурятия в условиях новой стратегии пространственного развития РФ / Э. Н. Имескенова, В. М. Багинова, И. Г. Сангадиева, А. О. Дабаин // Естественно-гуманитарные исследования. – 2025. – № 2 (58). – С. 705−709. – EDN QQKBPD.

131. Инвестиции в России / Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://www.rosstat.gov.ru/folder/210/document/13238 (дата обращения: 18.03.2025).

132. Индекс качества городской среды. – URL: https://индекс-городов.рф (дата обращения: 14.05.2025).

133. Индикаторы цифровой экономики: 2025 : стат. сб. / В. Л. Абашкин, Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневский, Л. М. Гохберг [и др.]. – Москва : ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. – 296 с. – ISBN 978-5-7598-3029-0.

134. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. / Федеральная служба государственной статистики. – URL: http://perepis2002.ru/index.html?id=9 (дата обращения: 15.03.2025).

135. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 г. / Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020 (дата обращения: 14.03.2025).

136. Ишмуратов, Р. Р. Капитал здоровья как стратегическая составляющая экономической безопасности России / Р. Р. Ишмуратов, И. Г. Мальганова, Т. М. Хабибуллин, А. М. Ермаков // Вестник экономики, права и социологии. – 2013. – № 3. – С. 46−51. – EDN RFRZNH.

137. Каверина, Н. А. Современное развитие креативных индустрий в России (опыт столицы и регионов) / Н. А. Каверина, А. И. Гретченко, А. А. Гретченко // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2019. – № 1 (75). – С. 58−64. – EDN ZAYADJ.

138. Камалетдинов, А. Ш. Налоговые доходы субъектов РФ как инструмент оценки межрегионального неравенства / А. Ш. Камалетдинов, А. А. Ксенофонтов // Самоуправление. – 2023. – № 2 (135). – С. 606−609. – END TBORSU.

139. Камалова, А. А. Репутационный капитал научно-образовательных организаций в современных условиях: управленческий аспект / А. А. Камалова // Экономика и менеджмент систем управления. – 2022. – № 4 (46). – С. 22−28. – EDN FRWFGQ.

140. Кант, И. Критика чистого разума : пер. с нем. / Кант И. – Москва : Эксмо, 2015. – 736 с. – ISBN 978-5-699-77120-2.

141. Кантильон, Р. Эссе о природе торговли в общем плане / Р. Кантильон // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков : в 5 т. – Москва : Мысль, 2004. – Т. I: От зари цивилизации до капитализма. – С. 260−278.

142. Карпова, Г. В. Здоровье как капитал: проблемы сущности или терминологии? / Г. В. Карпова, Т. Л. Судова, М. С. Ширшикова // Проблемы современной экономики. – 2024. – № 3 (91). – С. 72−74. – EDN JWHISB.

143. Карпова, К. В. Репутационный капитал как основа конкурентных преимуществ / К. В. Карпова, П. Н. Александренко // Молодежь и наука : сб. материалов X Юбил. Всерос. науч.-техн. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых с междунар. участием, посвящ. 80-летию образования Красноярского края. – Красноярск : СФУ, 2014. – С. 131−135.

144. Карпунина, Е. К. Валовой региональный продукт как основной показатель развития региона / Е. К. Карпунина, Е. А. Колесниченко // Социально-экономические явления и процессы. – 2008. – № 1 (9). – С. 35−41. – EDN KWSZYF.

145. Кастельс, М. Становление общества сетевых структур / М. Кастельс // Новая постиндустриальная волна на западе : антология / под ред. В. Л. Иноземцева. – Москва : Academia, 1999. – С. 494−505.

146. Квиткин, О. А. О типах городских поселений (по переписи 1926 г.) / О. А. Квиткин // Всесоюзная перепись населения 1926 г. : в 56 т. – Москва : ЦСУ, 1932. – Т. 54. – С. 29−37.

147. Кенэ, Ф. Избранные экономические произведения : пер. с фр. / Ф. Кенэ. – Москва : Соцэкгиз, 1960. – 551 с.

148. Кетова, К. В. Математическое моделирование и нейросетевое прогнозирование структуры и динамики человеческого капитала Российской Федерации / К. В. Кетова, И. Г. Русяк, Д. Д. Вавилова // Вестник Томского государственного университета. Управление, вычислительная техника и информатика. – 2020. – № 53. – С. 13−24. – DOI 10.17223/19988605/53/2. – EDN NGGOAY.

149. Кетова, К. В. Прогнозирование показателей социально-экономического развития региона / К. В. Кетова, Е. В. Касаткина, Д. Д. Насридинова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 4 (28). – С. 104−120. – EDN RBLIST.

150. Киреева, В. В. Оценка интеллектуального капиталакак фактора развития региона / В. В. Киреева // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2015. – Т. 191, № 2. – С. 239−254. – EDN TZGVLH.

151. Киселев, Д. Н. Кластерно-сетевая модель организации социально-экономического пространства как инновационный драйвер развития российской экономики / Д. Н. Киселев // Региональное развитие. – 2018. – № 1. – URL: https://regrazvitie.ru/klasterno-

setevaya-modelorganizatsii-sotsialno-ekonomicheskogoprostranstva-kak-innovatsionnyj-drajverrazvitiya-rossijskoj-ekonomiki (дата обращения: 15.02.2023).

152. Киселева, А. В. Производственный капитал организации и его модернизация / А. В. Киселева // Управленческий учет. – 2023. – № 12-1. – С. 124−133. – DOI 10.25806/uu122023124-133. – EDN TOICGY.

153. Кларк, Дж. Б. Распределение богатства : пер. с англ. / Дж. Б. Кларк. – Москва : Гелиос АРВ, 2000. – 368 с. – ISBN 5-85438-101-X.

154. Климанова, О. А. Природный и историкокультурный потенциал региона как основа формирования туристского образа территории / О. А. Климанова, Н. О. Тельнова // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2008. – № 4. – С. 49−55. – EDN JVTDYD.

155. Клюева, Е. А. Культурное пространство как научная категория / Е. А. Клюева // Общество. Среда. Развитие. – 2015. – № 4 (37). – С. 43−46. – EDN VOFIRJ.

156. Ковалев, А. В. К оценке теоретической эволюции Менгера, или Сюжет о «четырех Менгерах» / А. В. Ковалев // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2020. – № 1 (45). – С. 44−63. – DOI 10.31737/2221-2264-2020-45-1-2. – EDN EOKOQP.

157. Кожевников, С. А. Пространственное и территориальное развитие Европейского Севера России: тенденции и приоритеты трансформации / С. А. Кожевников // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2019. – Т. 12, № 6. – С. 91−109. – DOI 10.15838/esc.2019.6.66.5. – EDN UWKZHO.

158. Колосовский, Н. Н. Избранные труды / Н. Н. Колосовский. – Смоленск : Ойкумена, 2006. – 334 с. – ISBN 5-93520-015-5. – EDN QROGAB.

159. Колосовский, Н. Н. Теория экономического районирования / Н. Н. Колосовский. – Москва : Мысль, 1969. – 336 с. – EDN TLAWLO.

160. Комплексный инвестиционный проект «Енисейская Сибирь». – URL: https://ensib.ru/yenisey-siberia-cip/ (дата обращения: 18.04.2025).

161. Кондильяк, Э. Торговля и правительство, рассмотренные в их взаимных отношениях / Э. Кондильяк // Вехи экономической мысли : в 6 т. – Москва : ГУ ВШЭ: ТЕИС, 2006. – Т. 6: Международная экономика. – С. 638−646.

162. Коротина, Н. Ю. Пространственные условия эффективного функционирования особых экономических зон / Н. Ю. Коротина, В. П. Деева // Социум и власть. – 2025. – Т. 22, № 3. – С. 85–105. – EDN VGMWKW.

163. Корякина, Т. В. Туристско-рекреационные зоны как фактор оптимизации социально-экономического развития региона / Т. В. Корякина, Е. Е. Кукина // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2016. – Т. 198, № 2. – С. 490−496. – EDN WFESUP.

164. Кочетков, В. В. Демографические изменения и влияние миграции на численность и состав населения Дальнего Востока / В. В. Кочетков, А. В. Ли // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – № 3. – С. 111−115. – EDN VXEVEI.

165. Кравчук, А. Ю. Репутационный капитал региона: вопросы создания и оценки / А. Ю. Кравчук, Е. С. Тихомирова // Ярославский педагогический вестник. – 2010. – Т. 1, № 4. – С. 112−115. – EDN OHIIGV.

166. Красноярова, Б. А. Кластерно-сетевая модель развития Республики Тыва / Б. А. Красноярова, Т. Н. Биче-Оол // Регионализация и кластеризация в условиях переформатирования мирового порядка : сб. ст. – Москва : Белый ветер, 2023. – С. 50−56.

167. Кругман, П. Возрастающая отдача, монополистическая конкуренция и международная торговля / П. Кругман // Вехи экономической мысли : в 6 т. – Санкт-Петербург : ВШЭ, 2000. – Т. 2: Теория фирмы. – С. 523−532.

168. Крюков, В. А. Стратегия пространственного развития России в турбулентном мире: цели, приоритеты, основные подходы / В. А. Крюков, Е. А. Коломак // Вестник Российской академии наук. – 2025. – № 2. – С. 22−32. – DOI 10.7868/S3034520025020032. – EDN AGYBYS.

169. Кузнецов, С. В. Судьба стратегии пространственного развития России: мнения практиков регионального управления и научного сообщества / С. В. Кузнецов, Н. В. Зигерн-Корн, Р. А. Гресь, И. С. Сорокин // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. – 2024. – № 2 (77). – С. 12−25. – DOI 10.52897/2411-4588-2024-2-12-25. – EDN IRGDQH.

170. Кузнецова, О. В. Стратегия пространственного развития России – 2030: новации и перспективные направления исследований / О. В. Кузнецова // Вестник Российской академии наук. – 2025. – № 2. – С. 12−21. – DOI 10.7868/S3034520025020023. – EDN AGYMXK.

171. Кузнецова, О. В. Стратегия пространственного развития Российской Федерации: иллюзия решений и реальность проблем / О. В. Кузнецова // Пространственная экономика. – 2019. – Т. 15, № 4. – С. 107−125. – DOI 10.14530/se.2019.4.107-125. – EDN PWBYDT.

172. Кузнецова, О. В. У. Айзард и зарождение американской регионоведческой школы / О. В. Кузнецова, Н. С. Карачева // III Готлибовские чтения: востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в фокусе современности : материалы Междунар. науч. конф. (Иркутск, 10–16 сентября 2019 г.). – Иркутск : ИГУ, 2019. – С. 275−280. – EDN NULQLR.

173. Кузьмина, Н. Л. Пространственная организация экономической деятельности региона: сущность, формы, трансформация / Н. Л. Кузьмина, Л. Л. Тонышева // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2018. – № 9 (95). – С. 118−126. – DOI 10.26726/1812-7096-2018-9-118-126. – EDN VNQGZI.

174. Кулаков, Н. В. Система управления финансовым капиталом предприятий и ее основные элементы / Н. В. Кулаков // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2022. – № 2 (36). – С. 18−21. – EDN EVSOKW.

175. Кургузов, В. Л. Русское культурное пространство и менталитет как факторы сближения народов России и Монголии / В. Л. Кургузов // Россия – Монголия: самобытность и взаимовлияние культур в условиях глобализации : сб. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2009. – С. 24−28.

176. Лаврикова, Ю. Г. Концептуальные основы пространственного развития регионов / Ю. Г. Лаврикова // Журнал экономической теории. – 2008. – № 4. – С. 147−162. – EDN KYTWZJ.

177. Лавриненко, П. А. Агломерационные эффекты как инструмент регионального развития / П. А. Лавриненко, Т. Н. Михайлова, А. А. Ромашина, П. А. Чистяков // Проблемы прогнозирования. – 2019. – № 3 (174). – С. 50−59. – EDN SFXHGX.

178. Лаженцев, В. Н. Территориальное развитие как экономико-географическая деятельность (теория, методология, практика) / В. Н. Лаженцев // Экономика региона. – 2013. – № 1 (33). – С. 10−20. – DOI 10.17059/2013-1-1. – EDN PXHSID.

179. Лаппо, Г. М. Концепция опорного каркаса территориальной структуры народного хозяйства: развитие, теоретическое и практическое значение / Г. М. Лаппо // Известия Академии наук СССР. Серия географическая. – 1983. – № 5. – С. 16−28. – EDN JDSFWA.

180. Левкипп. Фрагменты : пер. с древнегреч. / Левкипп. – Москва : Директ-Медиа, 2002. – URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=6916 (дата обращения: 10.09.2025).

181. Лейбниц, Г. В. Сочинения : в 4 т. / Г. В. Лейбниц. – Москва : Мысль, 1982–1989. – Т. 1, 1982. – 636 с.

182. Лейзерович, Е. Е. Уровни организации пространства: экономико-географический анализ / Е. Е. Лейзерович // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 1995. – № 2. – С. 67−74.

183. Лексин, В. Н. Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития / В. Н. Лексин, А. Н. Швецов. – Москва : ЛКИ, 2007. – 368 с.

184. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. / В. И. Ленин. – 5-е изд. – Москва : Гос. изд-во полит. лит., 1969. – Т. 27. – 643 с.

185. Ленкова, А. А. Проблемы и перспективы развития автодорожного хозяйства РФ / А. А. Ленкова, А. П. Суворова // Альманах современной науки и образования. – 2014. – № 2 (81). – С. 94−100. – EDN RURXWP.

186. Лёш, А. Пространственная организация хозяйства : пер. с нем. / А. Лёш. – Москва : Наука, 2007. – 663 с. – ISBN 978-5-02-035367-1. – EDN QSGGJJ.

187. Логинов, А. Н. Концепция пространственного поляризованного развития: точка роста, полюс роста, транспортно-коммуникационные и информационно-коммуникационные коридоры / А. Н. Логинов, О. Л. Гойхер // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2015. – № 11 (61). – С. 105−111. – EDN VRCVSZ.

188. Лыткин, К. А. Особенности трансформации исторического пространства / К. А. Лыткин // Academia. Архитектура и строительство. – 2019. – № 4. – С. 19−26. – DOI 10.22337/2077-9038-2019-4-19-26. – EDN OMNZUX.

189. Макаров, П. Ю. Механизм управления интеллектуальным капиталом региона как фактором экономического роста / П. Ю. Макаров // XVI Всероссийский конкурс научных работ молодежи «Экономический рост России». – 2013. – URL: https://veorus.ru/деятельность/всероссийский-конкурс-научных-работ-молодежи/XVI-конкурс-в-2013-году/Makarov%20P.Yu.-EGR-2013.pdf (дата обращения: 18.04.2024).

190. Макаров, П. Ю. Механизм управления интеллектуальным капиталом региона в интересах инновационного развития : автореф. дис. … канд. экон. наук : 08.00.05 / Макаров Павел Юрьевич. – Владимир, 2012. – 23 с.

191. Макаров, П. Ю. Системная модель интеллектуального капитала региона / П. Ю. Макаров // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2015. – № 24 (258). – С. 45−55. – EDN TXQLBT.

192. Маккиндер, Х. Д. Географическая ось истории / Х. Д. Маккиндер // Полис. Политические исследования. – 1995. – № 4. – С. 162−169. – EDN EQVRYF.

193. Малиновская, Н. В. Концепция множественности капиталов в интегрированной отчетности / Н. В. Малиновская // Международный бухгалтерский учет. – 2018. – Т. 21, № 6 (444). – С. 700−713. – DOI 10.24891/ia.21.6.700. – EDN XPUZGH.

194. Мамонтов, В. Д. Теория капитала и процента О. Бём-Баверка / В. Д. Мамонтов // Социально-экономические явления и процессы. – 2019. – Т. 14, № 105. – С. 30−38. – DOI 10.20310/1819-8813-2019-14-105-30-38.

195. Ман, Т. Богатство Англии во внешней торговле, или Баланс нашей внешней торговли как регулятор нашего богатства / Т. Ман // Меркантилизм : сборник. – Ленинград : Соцэкгиз, 1935. – С. 135–184.

196. Манаева, И. В. Города России: классификация и типология / И. В. Манаева // Региональная экономика: теория и практика. – 2018. – Т. 16, № 7 (454). – С. 1235−1249. – DOI 10.24891/re.16.7.1235. – EDN XTCGKT.

197. Манаева, И. В. Модели пространственного развития территорий: анализ зарубежной литературы / И. В. Манаева, А. С. Ткачева, А. В. Канищева // Теоретическая экономика. – 2020. – № 2 (62). – С. 74−83. – EDN DINLTU.

198. Маркварт, Э. Система опорных населенных пунктов как механизм управления пространственным развитием: теоретические и практические аспекты / Э. Маркварт, Н. Н. Киселева, Д. П. Соснин // Власть. – 2022. – Т. 30, № 2. – С. 95−111. – DOI 10.31171/vlast.v30i2.8939. – EDN UNFDYM.

199. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии : в 3 т. / К. Маркс. – Москва : Политиздат, 1988. – Т. 3, ч. 2. – 1078 с.

200. Маркс, К. Сочинения : в 30 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Москва : Государственное издательство, 1931. – Т. 14: Философские работы. 1877−1888. – 700 с.

201. Мартыненко, И. Э. Правовая охрана нематериального культурного наследия государств – участников СНГ на международном и национальном уровнях / И. Э. Мартыненко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2017. – № 2 (29). – С. 282−293. – EDN YSDSLZ.

202. Маршалл, А. Принципы экономической науки : пер. с англ. : в 3 т. / А. Маршалл. – 2-е изд. – Москва : Прогресс, 1993. – Т. 1. – 414 с.

203. Масилевич, Н. А. Экологический капитал как экономическая категория / Н. А. Масилевич // Культура и экология – основы устойчивого развития России. Зеленый мост через поколения : материалы междунар. форума (Екатеринбург, 12−15 апреля 2019 г.). – Екатеринбург : УрФУ, 2019. – Ч. 1. – С. 190−192.

204. Материалисты Древней Греции: собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура / ред. и авт. вступ. ст. М. А. Дынник. – Москва : Госполитиздат, 1955. – 238 с.

205. Мах, Э. Механика. Историко-критический очерк ее развития : пер. с нем. / Э. Мах. – Ижевск : Ред. журн. «Регулярная и хаотическая динамика», 2000. – 455 с. – ISBN 5-89806-023-5.

206. Машокиров, Ш. У. Общественное согласие как ключевой фактор стратегического развития в социально-экономической сфере / Ш. У. Машокиров // Финансово-экономический вестник. – 2024. – № 4-2 (43). – С. 340−350. – EDN BBLXGW.

207. Межрегиональное сотрудничество Хабаровского края / Министерство экономического развития Хабаровского края. – URL: https://minec.khabkrai.ru/Deyatelnost/Mezhregionalnoe-sotrudnichestvo/ (дата обращения: 15.06.2025).

208. Межрегиональный товарообмен УрФО / Инвестиционный портал Свердловской области. – URL: http://invest-in-ural.ru/img/%D0%A3%D1%80%D0%A4%D0%9E.pdf (дата обращения: 25.02.2025).

209. Меленкин, В. Л. Концепция креативного капитала: от элитарности к универсальности / В. Л. Меленкин // Экономика и экология территориальных образований. – 2024. – Т. 8, № 1. – С. 13−18. – DOI 10.23947/2413-1474-2024-8-1-13-18. – EDN NDMDOG.

210. Мельник, М. В. Анализ интегрированной отчетности: природный капитал / М. В. Мельник, В. Г. Когденко // Экономический анализ: теория и практика. – 2016. – № 4 (451). – С. 72−84. – EDN VVIXUB.

211. Менгер, К. Избранные работы / К. Менгер. – Москва : Территория будущего, 2005. – 494 с. – ISBN 5-7333-0175-9.

212. Методические рекомендации по организации межрегионального и межмуниципального сотрудничества в сфере реализации расходных полномочий и вопросов местного значения. – 2010. – URL: https://legalacts.ru/doc/metodicheskie-rekomendatsii-po-organizatsii-mezhregionalnogo-i-mezhmunitsipalnogo/ (дата обращения: 14.02.2026).

213. Методические рекомендации по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по ее реализации : утверждены приказом Минэкономразвития России от 23 марта 2017 г. № 132.

214. Микрюков, Н. Ю. Факторы, проблемы и модели развития моногородов России : автореф. дис. … канд. геогр. наук : 25.00.24 / Микрюков Николай Юрьевич. – Москва, 2016. – 22 с. – EDN ZPZJNR.

215. Милль, Дж. С. Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии : пер. с англ. / Дж. С. Милль. – Москва : Эксмо, 2007. – 1037 с. – ISBN 978-5-699-19313-4.

216. Минакир, П. А. Методология исследования интеграции и фрагментации в экономическом пространстве России / П. А. Минакир, А. Н. Демьяненко, А. П. Горюнов // Россия: тенденции и перспективы развития : ежегодник, вып. 13, ч. 2. – Курск : ИНИОН РАН, 2018. – С. 885−888. – EDN YPKIQP.

217. Минакир, П. А. Национальная стратегия пространственного развития: добросовестные заблуждения или намеренные упрощения? / П. А. Минакир // Пространственная экономика. – 2016. – № 3. – С. 7−15. – DOI 10.14530/se.2016.3.007-015. – EDN WMRCNX.

218. Минакир, П. А. Очерки по пространственной экономике / П. А. Минакир, А. Н. Демьяненко. – Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 2014. – 272 с. – ISBN 978-5-906118-09-7. – EDN UBEVHV.

219. Минакир, П. А. Российское экономическое пространство: стратегические тупики / П. А. Минакир // Экономика региона. – 2019. – Т. 15, № 4. – С. 967−980. – DOI 10.17059/2019-4-1. – EDN YPKOUK.

220. Миролюбова, Т. В. Смертность населения как индикатор замедления социально-экономического развития региона / Т. В. Миролюбова, Н. Ю. Зубарев // Ars administrandi (Искусство управления). – 2017. – Т. 9, № 1. – С. 16−31. – DOI 10.17072/2218-9173-2017-1-16-31. – EDN YGYEHJ.

221. Митрофанов, А. В. Единство экономического пространства: подходы к трактовке и содержание понятия / А. В. Митрофанов // Вестник Пензенского государственного университета. – 2013. – № 2. – С. 46−52. – EDN RVURNV.

222. Михеева, Н. Н. Возможные альтернативы показателю валового регионального продукта / Н. Н. Михеева // Проблемы прогнозирования. – 2020. – № 1 (178). – С. 32–42. – EDN RLUNPE.

223. Михеева, Н. Н. Дальний Восток как модель геостратегического региона в стратегии пространственного развития / Н. Н. Михеева // Проблемы прогнозирования. – 2025. – № 4 (211). – С. 58–69. – DOI 10.47711/0868-6351-211-58-69. – EDN MYWWYB.

224. Михеева, Н. Н. Приоритетные геостратегические регионы Стратегии пространственного развития России / Н. Н. Михеева // ЭКО. – 2025. – № 3 (603). – С. 40–55. – DOI 10.30680/ECO0131-7652-2025-3-40-55. – EDN OGYYNO.

225. Михеева, Н. Н. Стратегия пространственного развития: новый этап или повторение старых ошибок? / Н. Н. Михеева // ЭКО. – 2018. – № 5 (527). – С. 158−178. – EDN UPTHCQ.

226. Мишулина, С. И. К вопросу об экономической оценке природного капитала региона рекреационно-туристской специализации / С. И. Мишулина // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2008. – № 3. – С. 65−70. – EDN JVKEHX.

227. Мокроносов, А. Г. Человеческий капитал или человеческий потенциал / А. Г. Мокроносов, Ю. В. Крутин // Идеи и идеалы. – 2017. – Т. 2, № 2 (32). – С. 80−89. – DOI 10.17212/2075-0862-2017-2.2-80-89. – EDN YUHGDJ.

228. Моргоев, Б. Т. Межуровневая асимметричность российского экономического пространства / Б. Т. Моргоев // Финансы и кредит. – 2006. – № 27 (231). – С. 69−71. – EDN HUUYVR.

229. Моргунов, Е. В. Урбанизация в странах мира: потенциал и динамика за 1960−2022 гг. / Е. В. Моргунов, А. И. Ростовцев // Народонаселение. – 2025. – Т. 28, № 1. – С. 64−75. – DOI 10.24412/1561-7785-2025-1-64-75. – EDN YYGKFR.

230. Морева, Е. Л. Интеллектуальные ресурсы vs интеллектуальный капитал / Е. Л. Морева // Россия: тенденции и перспективы развития : ежегодник, вып. 11, ч. 1. – Москва : ИНИОН РАН, 2016. – С. 304−308. – EDN WXWKLV.

231. Мюрдаль, Г. Современные проблемы «третьего мира» : сокр. пер. с англ. / Г. Мюрдаль. – Москва : Прогресс, 1972. – 767 с.

232. Напольских, Д. Л. Систематизация перспективных моделей пространственного развития Российской Федерации / Д. Л. Напольских, А. Г. Фурин // Теория и практика об-

щественного развития. – 2018. – № 10 (128). – С. 49−55. – DOI 10.24158/tipor.2018.10.8. – EDN YLCEIX.

233. Нарутто, С. В. Роль органов местного самоуправления в обеспечении технологического суверенитета России / С. В. Нарутто // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. – 2023. – № 3. – С. 2−5. – DOI 10.18572/2072-4314-2023-3-2-5. – EDN VCQYYB.

234. Население СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. – Москва : Финансы и статистика, 1990. – 45 с.

235. Научная электронная библиотека eLibrary. – URL: https://elibrary.ru/defaultx.asp (дата обращения: 14.05.2025).

236. Неверов, А. В. Воспроизводство экологического капитала: концепция и стоимостные инструменты реализации / А. В. Неверов, Н. А. Масилевич, А. В. Равино // Труды БГТУ. Серия 5: Экономика и управление. – 2020. – № 1 (232). – С. 48−56. – EDN FVXHRY.

237. Нефедова, Т. Г. Трансформация социально-географического пространства России / Т. Г. Нефедова, О. Б. Глезер // Вызовы и политика пространственного развития России в XXI веке: программы фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук 2012−2019 гг. – Москва : КМК, 2020. – С. 214−251. – EDN FSZDAW.

238. Новый взгляд на богатство народов. Индикаторы экологически устойчивого развития / Дж. Диксон, Ж. Бэккес, К. Гамильтон [и др.]. – 2-е изд. – Москва : Весь мир, 2003. – 127 с. – ISBN 5-7777-0271-6.

239. Ньютон, И. Математические начала натуральной философии : пер. с лат. / И. Ньютон. – Москва : URSS, 2024. – 704 с. – ISBN 978-5-9710-8885-1.

240. О внесении изменений в Решение Екатеринбургской городской Думы от 10 июня 2023 г. № 40/6 «О Стратегическом плане развития Екатеринбурга» : решение Екатеринбургской городской Думы от 25 мая 2018 г. № 12/81.

241. О содержании, составе, порядке разработки и утверждения стратегии пространственного развития Российской Федерации, а также о порядке осуществления мониторинга и контроля ее реализации : постановление Правительства РФ от 20 августа 2015 г. № 870.

242. О Стратегии социально-экономического развития Республики Башкортостан на период до 2030 г. : постановление Правительства Республики Башкортостан от 20 декабря 2018 г. № 624.

243. О стратегическом планировании в Российской Федерации : федер. закон от 28 июня 2014 г. № 72-ФЗ.

244. О численности и потребности организаций в работниках по профессиональным группам / Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13266 (дата обращения: 15.02.2025).

245. Об утверждении изменений, которые вносятся в Стратегию пространственного развития Российской Федерации до 2025 г. : распоряжение Правительства РФ от 25 июня 2022 г. № 1704-р.

246. Об утверждении Методики расчета показателя «Привлечение инвестиций в основной капитал, в том числе внебюджетных» : приказ Минэкономразвития России от 26 мая 2017 г. № 252.

247. Об утверждении методики формирования индекса качества городской среды : распоряжение Правительства РФ от 23 марта 2019 г. № 510-р.

248. Об утверждении Плана реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. : распоряжение Правительства РФ от 11 августа 2025 г. № 2149-р.

249. Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. : распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р.

250. Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. : распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2024 г. № 4146-р.

251. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Кабардино-Балкарской Республики до 2040 г. : распоряжение Правительства Кабардино-Балкарской Республики от 30 апреля 2019 г. № 251-рп.

252. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития муниципального образования город Пермь до 2030 г. : решение Пермской городской думы от 22 апреля 2014 г. № 85.

253. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 г. : закон Республики Татарстан от 10 июня 2015 г. № 40-ЗРТ.

254. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Рязанской области до 2030 г. : постановление Правительства Рязанской области от 25 декабря 2018 г. № 418.

255. Озеров, С. Л. Репутационный капитал и менеджмент репутационного капитала компании / С. Л. Озеров, Ю. С. Филина, Э. Е. Жусипова // Региональная экономика. Юг России. – 2024. – Т. 12, № 1. – С. 127−139. – DOI 10.15688/re.volsu.2024.1.13. – EDN TDOBWC.

256. Орлов, А. В. Развитие межмуниципального сотрудничества: формы, проблемы правового регулирования и имущественной ответственности / А. В. Орлов, И. Е. Кабанова // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. – 2017. – № 2. – С. 3−7. – EDN YMAFNF.

257. Основные показатели охраны окружающей среды / Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13294 (дата обращения: 15.02.2025).

258. Основополагающие принципы устойчивого пространственного развития Европейского континента = Guiding Principles for Sustainable Development of the European Continent. – Strasbourg, 2000, 2002. – URL: https://rm.coe.int/168070018c (дата обращения: 18.02.2023).

259. Особенности воспроизводства регионального капитала: сущность, подходы к оценке, методы управления / Е. В. Жирнель, О. В. Зданович, Е. Г. Немкович [и др.]. – Петрозаводск : ИЭ КарНЦ РАН, 2008. – 136 с.

260. Охрана окружающей среды в России / Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13209 (дата обращения: 18.03.2025).

261. Оценка инвестиционной привлекательности регионов России в контексте перехода к устойчивому развитию: XI ежегодный аналитический отчет / Национальное рейтинговое агентство. – URL: https://www.ra-national.ru/wp-content/uploads/2023/11/analitika_final.pdf (дата обращения: 04.02.2025).

262. Павлов, Ю. В. Пространственные взаимодействия: оценка на основе глобального и локального индексов Морана / Ю. В. Павлов, Е. Н. Королева // Пространственная экономика. – 2014. – № 3. – С. 95−110. – DOI 10.14530/se.2014.3.95-110. – EN SNZGYN.

263. Панько, Ю. В. Принципы организации терминальных комплексов транспортно-логистической инфраструктуры в контексте комплексного пространственного развития / Ю. В. Панько // Актуальные проблемы современного транспорта. – 2024. – № 2 (16). – С. 25−34. – EDN DXOGQG.

264. Пахомов, В. П. Теоретико-методологические основы пространственного недропользования / В. П. Пахомов, Е. А. Атаманова. – Екатеринбург : ИЭ УрО РАН, 2011. – 206 с. – ISBN 978-5-94646-323-2. – EDN VEYVOZ.

265. Перру, Ф. Экономическое пространство: теория и приложения / Ф. Перру // Пространственная экономика. – 2007. – № 2. – С. 77–93.

266. Петров, А. В. Цифровые двойники – цифровые тени – цифровые двойники / А. В. Петров // Актуальные вопросы аграрной науки. – 2024. – № 52. – С. 73−81. – DOI 10.51215/2411-6483-2024-52-73-81. – EDN AJZAVW.

267. Петров, М. Н. Территориальные диспропорции в развитии инфроструктуры железнодорожного транспорта / М. Н. Петров, И. М. Петров, М. В. Лещин // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2012. – № 2. – С. 41−42. – EDN OPFTRT.

268. Пефтиев, В. И. К концепции экономического пространства / В. И. Пефтиев // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия: Экономические науки. Проблемы новой политической экономии. – 2001. – № 3. – С. 32−36. – EDN LDRRPM.

269. Печаткин, В. В. Инструментарий оценки регионального богатства и возможность его использования в практике территориального управления / В. В. Печаткин // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2014. – № 2 (149). – С. 55−61. – EDN RVELPB.

270. Пилясов, А. Н. Пространство, которое мы потеряли (о новой Стратегии пространственного развития России-2036) / А. Н. Пилясов // ЭКО. – 2025. – № 3 (603). – С. 7−39. – DOI 10.30680/ECO0131-7652-2025-3-7-39. – EDN TRIPJP.

271. Пирогов, А. И. Динамика развития железнодорожной и автомобильной транспортных сетей России / А. И. Пирогов, Н. С. Свечников, И. В. Устинович // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2019. – № 2 (22). – С. 30−40. – DOI 10.24151/2409-1073-2019-2-30-40. – EDN ZTOHVZ.

272. Пискун, Е. И. Анализ дисбалансов регионального развития / Е. И. Пискун, В. В. Кудревич // Современная экономика: проблемы и решения. – 2016. – № 1 (73). – С. 184−193. – DOI 10.17308/meps.2016.1/1324. – EDN VVXXZB.

273. Плотникова, Т. Н. Кластерно-сетевая модель регионального развития / Т. Н. Плотникова, Т. А. Шибаева // Фундаментальные исследования. – 2016. – № 2-1. – С. 193−196. – EDN VLDEFP.

274. Победоносцева, В. В. Инвестиции в развитие территории Арктической зоны / В. В. Победоносцева, Г. М. Победоносцева // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2014. – № 5(42). – С. 62а−65. – EDN SCZDJH.

275. Пожидаев, Р. Г. Эволюция концепции близости и актуальная кластерная политика / Р. Г. Пожидаев // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2019. – № 3. – С. 26−34. – EDN QFEBWQ.

276. Попова, Е. С. Механизм взаимовлияния направлений регионального развития и стратегий вузов / Е. С. Попова // Ars Administrandi (Искусство управления). – 2012. – № 2. – С. 47−54. – EDN PGGBZB.

277. Портер, М. Конкуренция : пер. с англ. / М. Портер. – Москва : Вильямс, 2005. – 602 с. – ISBN 5-8459-0794-2.

278. Порядок проведения стоимостной оценки экосистемных услуг и определения стоимостной ценности биологического разнообразия: технический кодекс установившейся практики ТКП 17.02-10-2013. – URL: http://www.ecoinv.by/images/pdf/tkp_fond/_17.02-10-2012_.pdf (дата обращения: 15.02.2025).

279. Поспелова, Л. Н. Современное состояние и прогнозы развития транспортного комплекса России / Л. Н. Поспелова, Л. А. Рыжова // Транспорт: наука, техника, управление. Научный информационный сборник. – 2024. – № 5. – С. 52−56. – DOI 10.36535/0236-1914-2024-05-8. – EDN ZUMJCY.

280. Преображенский, А. И. Глеб Никонорович Черданцев (1885−1958) / А. И. Преображенский // Экономическая и социальная география в СССР: история и современное развитие: книга для учителя. – Москва : Просвещение, 1987. – С. 264−268.

281. Приходько, Е. А. Образовательный капитал: методологические и методические особенности исследования / Е. А. Приходько // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. – 2025. – № 17. – С. 59−64. – EDN OSNZCC.

282. Пробст, А. Е. Размещение социалистической промышленности / А. Е. Пробст. – Москва : Экономика, 1982. – 215 с.

283. Прохорова, В. В. Капитал здоровья как первооснова человеческого капитала / В. В. Прохорова, О. В. Медведева // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. – 2019. – № 3 (245). – С. 84−92. – EDN EMBNQD.

284. Пухова, У. М. «Природный капитал» как часть составляющего природных ресурсов / У. М. Пухова // Фундаментальные исследования. – 2008. – № 2. – С. 130−132. – EDN IJMEBF.

285. Пяртли, К. П. Константин Григорьевич Воблый (1876−1947) / К. П. Пяртли // Экономическая и социальная география в СССР: история и современное развитие: книга для учителя. – Москва : Просвещение, 1987. – С. 290−294.

286. Радаев, В. В. Что такое «экономическое действие»? / В. В. Радаев // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3, № 5. – С. 18−25. – EDN OYUVPZ.

287. Раев, Ю. В. Оптимизация пространственного развития макрорегиона (региона) на основе программноцелевого и кластерного подходов на примере центрального федерального округа российской федерации / Ю. В. Раев // Градостроительство. – 2023. – № 1−2 (83−84). – С. 22−36. – EDN QFFVCS.

288. Растворцева, С. Н. Оценка и перспективы развития креативного капитала в регионах Франции / С. Н. Растворцева, А. П. Корбанкова // Современная Европа. – 2021. – № 1 (101). – С. 74–85. – DOI 10.15211/soveurope120217485. – EDN BYILJQ.

289. Растворцева, С. Н. Тенденции и факторы современного развития малых и средних городов / С. Н. Растворцева, И. В. Манаева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2022. – Т. 15, № 1. – С. 110–127. – DOI 10.15838/esc.2022.1.79.6. – EDN MXYFDA.

290. Растворцева, С. Н. Цифровой разрыв в регионах России: оценка и приоритеты в контексте решения национальных целей развития страны / С. Н. Растворцева, А. Н. Бахвалова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2026. – Т. 19, № 1. – С. 73–93. – DOI 10.15838/esc.2026.1.103.8. – EDN BRNRBM.

291. Растворцева, С. Н. Кластеры как драйверы регионального экономического развития: практика США / С. Н. Растворцева, Н. А. Череповская // Мировая экономика и международные отношения. – 2024. – Т. 68, № 2. – С. 27−38. – DOI 10.20542/0131-2227-2024-68-2-27-38. – EDN TEQZJR.

292. Ратцель, Ф. Политическая география (в изложении Л. Синицкого) / Ф. Ратцель // Геополитика : хрестоматия / сост. Б. А. Исаев. – Санкт-Петербург : Питер, 2007. – С. 15−36.

293. Региональные диспропорции: оценка и пути их преодоления / Н. М. Ратнер, В. А. Ятнов, О. Н. Нестеренко, Л. М. Капустина. – Екатеринбург : УрГЭУ, 1996. – 112 с. – ISBN 5-230-14676-1. – EDN UKLXWX.

294. Регионы России. Социально-экономические показатели / Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://www.rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204 (дата обращения: 18.03.2025).

295. Резник, С. Д. Репутационный менеджмент в системе управления высшим образованием России: проблемы и решения / С. Д. Резник, Т. А. Юдина. – Пенза : ПГУАС, 2019. – 164 с. – ISBN 978-5-9282-1656-6. – EDN VBVABZ.

296. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации, вып. 10 / В. Л. Абашкин, Г. И. Абдрахманова, С. В. Артемов [и др.]. – Москва : ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. – URL: https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/1068200858.pdf (дата обращения: 15.06.2025).

297. Рейтинг социально-экономического положения регионов – 2023 г. / РИА Рейтинг. – URL: https://riarating.ru/infografika/20250623/630282378.html (дата обращения: 04.02.2025).

298. Реутов, В. Е. Подходы к оценке территориальной конвергенции с учетом пространственных эффектов / В. Е. Реутов, В. Р. Ильичева // Экономические науки. – 2024. – № 238. – С. 192−203. – DOI 10.14451/1.238.192. – EDN SVAGBQ.

299. Решетникова, И. И. Репутационный капитал как фактор обеспечения конкурентоспособности российского бизнеса: теория, методология исследования, проблемы формирования и управления в условиях глобализации рынков : автореф. дис. … д-ра экон. наук : 08.00.05 / Решетникова Ирина Ильинична. – Волгоград, 2011. – 48 с. – EDN ZOKEXD.

300. Рикардо, Д. Начала политической экономии и налогового обложения : пер. с англ. / Д. Рикардо. – Москва : Эксмо, 2016. – 1040 с.

301. Рожкова, Е. В. Капитал здоровья как основа человеческого капитала: социально-культурные аспекты регенерации / Е. В. Рожкова, С. О. Сухарев, А. А. Качагин // Финансовый бизнес. – 2024. – № 7 (253). – С. 49−51. – EDN NKXHLB.

302. Розанова, Н. Н. Репутационный капитал власти как ресурс регионального развития / Н. Н. Розанова // Вестник государственного и муниципального управления. – 2016. – № 3 (22). – С. 63−68. – DOI 10.12737/22391. – EDN XHLQLV.

303. Розе, Н. Ш. Структурно-функциональная модель интеллектуального капитала на микро-, мезо- и макроуровнях / Н. Ш. Розе // Российские регионы в фокусе перемен : сб. докл. XII Междунар. конф. (Екатеринбург, 16−18 ноября 2017 г.). – Екатеринбург : УМЦ УПИ, 2018. – Ч. 2. – С. 31−45.

304. Розмаинский, И. Почему капитал здоровья накапливается в развитых странах и «проедается» в постсоветской России? (Опыт посткейнсианского анализа) / И. Розмаинский // Вопросы экономики. – 2011. – № 10. – С. 113−131. – DOI 10.32609/0042-8736-2011-10-113-131. – EDN OFPVLD.

305. Розов, Д. В. Эволюционное развитие теории основного капитала / Д. В. Розов // Финансы и кредит. – 2007. – № 8 (248). – С. 52−73. – EDN HWIJWL.

306. Руденко, С. С. Межмуниципальное сотрудничество: виды и формы / С. С. Руденко // Теория и практика общественного развития. – 2017. – № 4. – С. 111−114. – DOI 10.24158/tipor.2017.4.25. – EDN YKSXEF.

307. Русановский, В. А. Моделирование эффекта пространственной локализации в городских агломерациях России / В. А. Русановский, А. В. Бровкова, В. А. Марков // Экономическая политика. – 2018. – Т. 13, № 6. – С. 136−163. – DOI 10.18288/1994-5124-2018-6-136-163. – EDN YSWQFN.

308. Рязанов, В. Т. «Капитал» К. Маркса и современный капитализм: возможности и преимущества политэкономии постмарксистского синтеза / В. Т. Рязанов // Вопросы политической экономии. – 2017. – № 4. – С. 10−29. – EDN YROFBZ.

309. Самсонов, В. М. Пространство: абстрактное понятие или материальная реальность? / В. М. Самсонов, Е. К. Петров // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. – 2020. – № 4 (54). – С. 7−20. – DOI 10.26456/vtphilos/2020.4.07. – EDN GUNFVS.

310. Сапир, Е. В. Глобальная геоэкономическая среда: сетевая организация и инновационная культура / Е. В. Сапир // Интеграция России в мировую экономику: новые парадигмы экономической культуры : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. по международному менеджменту, посвящ. памяти профессора Леонида Евгеньевича Стровского (Екатеринбург, 1–3 декабря 2011 г). – Екатеринбург : УрФУ, 2011. – С. 297−306.

311. Сапожников, Г. Н. Агломерации в экономике, их назначение и развити / Г. Н. Сапожников // Дискуссия. – 2015. – № 11 (63). – С. 38−44. – EDN VBEXCN.

312. Саушкин, Ю. Г. Об изучении системы городов Советского Союза / Ю. Г. Саушкин // Вестник Московского университета. Серия 5: География. – 1960. – № 1. – С. 23−30. – EDN YMPAOJ.

313. Сафиуллин, М. Р. Факторный анализ влияния репутационного капитала на экономическую динамику региона / М. Р. Сафиуллин, А. С. Груничев, Л. А. Ельшин, Д. Л. Курбангалиева // Экономика, предпринимательство и право. – 2020. – Т. 10, № 7. – С. 1989−2004. – DOI 10.18334/epp.10.7.110654. – EDN DXLDSD.

314. Секушина, И. А. Типология малых и средних городов по экономическому профилю и положению в системе расселения / И. А. Секушина, Т. В. Ускова // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2020. – № 1 (67). – С. 4–18. – DOI 10.37614/2220-802X.1.2020.67.001. – EDN RCOOOJ.

315. Секушина, И. А. Оценка качества экономического пространства регионов Европейского Севера России / И. А. Секушина // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. – 2020. – № 4 (96). – С. 38−50. – DOI 10.24866/2311-2271/2020-4/38-50. – EDN IHOYTL.

316. Семак, Е. А. Единое экономическое пространство: теоретические подходы / Е. А. Семак // Беларусь и мировые экономические процессы : сб. науч. ст., вып. 10. – Минск : БГУ, 2013. – С. 109−121.

317. Семенов-Тян-Шанский, В. П. …Город и деревня в Европейской России: очерк по экономического географии / В. П. Семенов-Тян-Шанский. – Санкт-Петербург : тип. В. Ф. Киршбаума, 1910. – 212 с.

318. Сергеев, С. К. Культура и творчество: о современной методологии исследования / С. К. Сергеев // Творчество и современность. – 2016. – № 1 (1). – С. 134−139. – EDN YURSGT.

319. Силин, Я. П. Тенденции развития экономического пространства Уральского макрорегиона / Я. П. Силин, Е. Г. Анимица, Н. В. Новикова // Управленец. – 2017. – № 2(66). – С. 2−11. – EDN YROKJF.

320. Симарова, И. С. Обоснование регионального развития с учетом связанности экономического пространства : дис. … канд. экон. наук : 08.00.05 / Симарова Ирина Сергеевна. – Тюмень, 2014. – 146 с.

321. Симонди, Ж. Новые начала политической экономии, или О богатстве в его отношении к народонаселению / Ж. Симонди. – Москва : Соцэкгиз, 1937. – 386 с.

322. Слинкова, О. К. Уровень и качество жизни населения как результирующие показатели социально-экономического развития регионов / О. К. Слинкова // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2012. – № 9 (68). – С. 307−311. – EDN PDCGNZ.

323. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. – Москва : Эксмо, 2016. – 1056 с. – ISBN 978-5-699-84994-9.

324. Смородинская, Н. В. Когда и почему региональные кластеры становятся базовым звеном современной экономики / Н. В. Смородинская, Д. Д. Катуков // Балтийский регион. – 2019. – Т. 11, № 3. – С. 61−91. – DOI 10.5922/2079-8555-2019-3-4. – EDN KRMSDQ.

325. Соколова, Д. М. Субстанциональная и коммуникативная модели социальности: сравнительный анализ / Д. М. Соколова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2012. – Т. 12, № 3. – С. 53−56. – EDN PDISAP.

326. Соловьева, Т. С. Пространство в экономической науке: теоретические аспекты эволюции / Т. С. Соловьева // Социальное пространство. – 2015. – № 2 (2). – URL: http://socialarea-journal.ru/article/1701 (дата обращения: 18.03.2025). – EDN UDLXOA.

327. Солодухо, Н. М. Однородность и неоднородность в развитии систем / Н. М. Солодухо. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1989. – 174 с. – ISBN 5-7464-0207-9.

328. Старовойтов, М. К. Типология городов: эволюция и многогранность подходов / М. К. Старовойтов, Л. Н. Медведева // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2008. – Т. 4, № 6 (27). – С. 71−75. – EDN ISCKRT.

329. Степанов, П. Н. География тяжелой промышленности СССР / П. Н. Степанов. – Москва : Географгиз, 1961. – 152 с.

330. Столичный дрейф: из каких городов чаще всего переезжают жить в Москву / StrelkaMag. – URL: https://strelkamag.com/ru/article/stolichnyi-dreif-iz-kakikh-gorodov-priezzhayut-zhit-v-moskvu (дата обращения: 15.02.2025).

331. Строев, В. В. Санкционная экономика: сила «слабых связей» российского менеджмента / В. В. Строев, О. А. Ломовцева // Вестник университета. – 2023. – № 2. – С. 174−180. – DOI 10.26425/1816-4277-2023-2-174-180. – EDN TKSAFU.

332. Строев, П. В. Пространственная организация экономики России: проблемы и пути решения / П. В. Строев // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. – 2015. – № 4 (49). – С. 14−25. – EDN VSSFBL.

333. Субботина, Т. В. Направления оптимизации пространственного развития региона / Т. В. Субботина // Географический вестник. – 2010. – № 1 (12). – С. 4−12. – EDN NCSHNL.

334. Субцельная, Е. В. Эволюция понятия единого экономического пространства / Е. В. Субцельная // Беларусь и мировые экономические процессы : сб. науч. ст., вып. 8. – Минск : БГУ, 2011. – С. 105−111.

335. Суглобов, А. Е. Сетевая модель российской национальной инновационной системы: формирование и развитие / А. Е. Суглобов, Е. В. Смирнова. – 2-е изд. – Москва : ИНФРА-М, 2022. – 145 с. – ISBN 978-5-369-01755-5.

336. Сурнина, Н. М. Пространственная экономика (теоретико-методологическое и научно-практическое исследование) : автореф. дис. … д-ра экон. наук : 08.00.05 / Сурнина Надежда Матвеевна. – Екатеринбург, 2003. – 43 с. – EDN ZMRVSV.

337. Сурнина, Н. М. Пространственная экономика: проблемы теории, методологии и практики / Н. М. Сурнина. – Екатеринбург : УрГЭУ, 2003. – 281 с. – EDN VXAQQX.

338. Сэй, Ж.-Б. Трактат по политической экономии / Ж.-Б. Сэй. – Москва : Дело, 2000. – 229 с. – ISBN 5-7749-0190-4.

339. Тардаскина, Д. Д. Стратегическое планирование в системе государственного управления / Д. Д. Тардаскина, В. А. Грищук // Общество, экономика, управление. – 2024. – Т. 9. № 4. – С. 35−39. – DOI 10.47475/2618-9852-2024-9-4-35-39.

340. Тархов, С. А. Представления о территориальном развитии и методология пространственного анализа / С. А. Тархов // География и проблемы регионального развития : сб. ст. – Москва : ИГ АН СССР, 1989. – С. 23−31.

341. Татаркин, А. И. Арктический Урал в системе сопредельных территорий: научные подходы и хозяйственная практика / А. И. Татаркин, М. Б. Петров, В. В. Литовский // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2014. – Т. 7, № 6. – С. 25−44. – EDN TDQAFB.

342. Татаркин, А. И. Программно-проектный менеджмент как условие инновационного развития социально-экономических систем / А. И. Татаркин // Вестник Пермского

национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2014. – № 23. – С. 25–42. – EDN SFABWN.

343. Татаркин, А. И. Развитие экономического пространства регионов России на основе кластерных принципов / А. И. Татаркин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – № 3 (21). – С. 28–36. – EDN OZOYED.

344. Татаркин, А. И. Системный подход к модернизации пространственного развития Российской Федерации / А. И. Татаркин // Образование и наука. – 2012. – № 1 (90). – С. 26–45. – EDN ONOCLZ.

345. Тимирьянова, В. М. Пространственная составляющая в изменении розничного рынка товаров / В. М. Тимирьянова, А. Ф. Зимин, Е. В. Жилина // Экономика региона. – 2018. – Т. 14, № 1. – С. 164–175. – DOI 10.17059/2018-1-13. – EDN YWWBRM.

346. Ткаченко, А. А. Территориальная общность в региональном развитии и управлении / А. А. Ткаченко. – Тверь : ТвГУ, 1995. – 155 с. – EDN TVBSPP.

347. Тополева, Т. Н. Экономическая интеграция в системе пространственного развития региона / Т. Н. Тополева // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. – 2020. – Т. 17, № 3 (111). – С. 49–60. – DOI 10.21686/2413-2829-2020-3-49-60. – EDN OQRWZX.

348. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – 2-е изд. – Москва : АСТ, 2002. – 781 с. – ISBN 5-17-011040-5. – EDN SNCURT.

349. Требушкова, И. Е. Географический анализ государственной политики на железнодорожном транспорте России / И. Е. Требушкова, Н. О. Полякова // Географическая среда и живые системы. – 2021. – № 1. – С. 110–130. – DOI 10.18384/2712-7621-2021-1-110-130. – EDN UGHUPZ.

350. Трифонова, З. А. Социокультурный потенциал городов России (на примере центров национальных субъектов Федерации) : автореф. дис. … д-ра геогр. наук : 25.00.24 / Трифонова Зоя Алексеевна. – Пермь, 2014. – 36 с.

351. Тюнен, И. Г. фон. Изолированное государство / И. Г. фон Тюнен. – Москва : Экономическая жизнь, 1926. – 326 с.

352. Тюрго, Ж. Размышления о создании и распределении богатств: ценности и деньги / Ж. Тюрго. – Юрьев : тип. К. Маттисена, 1905. – 80 с.

353. Украинский, В. Н. Теория поляризованного развития: первые шаги / В. Н. Украинский // Регионалистика. – 2017. – Т. 4, № 5. – С. 92–99. – EDN ZRPCOL.

354. Урасова, А. А. Условия цифровизации экономики как основа управления развитием пространственно-отраслевой структуры региона / А. А. Урасова // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2022. – Т. 234, № 2. – С. 87−106. – DOI 10.38197/2072-2060-2022-234-2-87-106. – EDN POXYMS.

355. Урунов, А. А. Единое экономическое пространство / А. А. Урунов. – Москва : Синергия, 2012. – 383 с. – ISBN 978-5-94238-021-2. – EDN QVFYVH.

356. Урунов, А. А. Качество экономического пространства: проблемы измерения на мезоуровне / А. А. Урунов, Л. Ф. Левина, В. А. Остапенко // Вестник университета. – 2020. – № 4. – С. 144−151. – DOI 10.26425/1816-4277-2020-4-144-151. – EDN KHQGZU.

357. Урунов, А. А. Оценки качества российского экономического пространства в условиях глобализации экономики : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05, 08.00.14 / Урунов Абдуазиз Асрорович. – Москва, 2009. – 21 с.

358. Ускова, Т. В. Пространственные аспекты устойчивого развития региона / Т. В. Ускова // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. – 2021. – № 1 (64). – С. 81–88. – DOI 10.52897/2411-4588-2021-1-81-88. – EDN PBPJMB.

359. Ускова, Т. В. Развитие сельских территорий в условиях пространственного сжатия северного региона / Т. В. Ускова, С. С. Патракова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2021. – Т. 14, № 5. – С. 34–52. – DOI 10.15838/esc.2021.5.77.2. – EDN CQJPKI.

360. Ускова, Т. В. Сбалансированность регионального экономического пространства по линии «город – село» / Т. В. Ускова, С. С. Патракова // Проблемы прогнозирования. – 2024. – № 1 (202). – С. 196–207. – DOI 10.47711/0868-6351-202-196-207. – EDN BFZIAU.

361. Усягин, А. В. Проблема уровней в территориальном управлении / А. В. Усягин // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2004. – № 4. – С. 96−101.

362. Фалес. Фрагменты / Фалес Милетский. – Москва : Директ-Медиа, 2002. – URL: https://www.directmedia.ru/book-6896-fragmenty/ (дата обращения: 10.09.2025).

363. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. : пер. с нем. / М. Фасмер. – 2-е изд., стер. – Москва : Прогресс, 1986. – Т. 2. – 671 с.

364. Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 15.02.2025).

365. Федонина, О. В. Состояние человеческого капитала (капитал здоровья) как фактор инновационного развития территории / О. В. Федонина // Общество: политика, экономика, право. – 2015. – № 1. – С. 33–35. – EDN TOBBMR.

366. Федорец, М. Н. Федеральные округа: значимость и роль в государственно-территориальном устройстве Российской Федерации / М. Н. Федорец // Государство и право. – 2018. – № 10. – С. 136–140. – DOI 10.31857/S013207690002081-1. – EDN YQOSZV.

367. Фейгин, Я. Г. Размещение производительных сил СССР / Я. Г. Фейгин. – Москва : Политиздат, 1941. – 136 с.

368. Фейербах, Л. Избранные философские произведения : в 2 т. / Л. Фейербах. – Москва : Госиздат, 1955. – Т. 2. – 943 с.

369. Фишер, К. История новой философии : пер. с нем. : в 8 т. / К. Фишер. – Санкт-Петербург : Д. Е. Жуковский, 1906. – Т. 1: Декарт, его жизнь, сочинения и учение. – 460 с.

370. Фоменко, Г. А. Основные подходы и особенности разработки информационно-аналитических систем обеспечения устойчивого развития территорий на основе стандарта природно-экономического учета / Г. А. Фоменко, М. А. Фоменко // Географическая среда и живые системы. – 2023. – № 1. – С. 32–43. – DOI 10.18384/2712-7621-2023-1-32-43. – EDN IRCDQL.

371. Форрестер, С. В. Капитал здоровья как составляющая человеческого капитала в современных условиях / С. В. Форрестер, Д. С. Веревкина // Интернет-журнал «Науковедение». – 2016. – Т. 8, № 6 (37). – URL: http://naukovedenie.ru/PDF/18EVN616.pdf (дата обращения: 14.11.2024). – EDN XXYFJP.

372. Хакимов, А. Х. Факторы пространственного неравенства регионов и региональная экономическая политика / А. Х. Хакимов // Россия: тенденции и перспективы развития : ежегодник, вып. 12, ч. 2. – Москва : ИНИОН РАН, 2017. – С. 975–978. – EDN ZOCCYH.

373. Хакимова, Т. С. Соотношение стратегии пространственного и социально-экономического развития муниципального образования / Т. С. Хакимова // Архитектон: известия вузов. – 2018. – № 2 (62). – С. 24. – EDN XSCZXF.

374. Хорев, Б. С. Проблемы городов: урбанизация и единая система расселения в СССР / Б. С. Хорев. – 2-е изд., доп. и перераб. – Москва : Мысль, 1975. – 428 с.

375. Храмова, М. Н. Межрегиональная миграция на Дальнем Востоке России и ее влияние на демографическую безопасность / М. Н. Храмова, Д. П. Зорин // ДЕМИС. Де-

мографические исследования. – 2024. – Т. 4, № 4. – С. 152−164. – DOI 10.19181/demis.2024.4.4.9. – EDN MESWLT.

376. Хузина, Н. Ш. Структура интеллектуального капитала региона / Н. Ш. Хузина // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2016. – № 5. – С. 52−57. – EDN XEDLVR.

377. Цвылев, Р. И. Постиндустриальное развитие : уроки для России / Р. И. Цвылев. – Москва : Наука, 1996. – 205 с. – ISBN 5-02-012290-4.

378. Центральная основа Системы природно-экономического учета, 2012 г. – Нью-Йорк : ООН, 2017. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/WMZATXIc/seea_cf_final_ru.pdf (дата обращения: 15.02.2023).

379. Чекалин, В. С. Национальные цели развития и пути их достижения / В. С. Чекалин, О. И. Карасев, Д. А. Раков // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2019. – № 4 (118). – С. 14−19. – EDN ENMPHL.

380. Чекмарев, В. В. К теории экономического пространства / В. В. Чекмарев // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. – 2001. – № 3 (27). – С. 25−38. – EDN DYVUTB.

381. Челлен, Р. Государство как форма жизни : пер. с швед. / Р. Челлен. – Москва : РОССПЭН, 2008. – 319 с. – ISBN 978-5-8243-0947-8.

382. Черкашина, Т. Ю. Связанность регионов юга Западной Сибири в индикаторах пространственной мобильности населения / Т. Ю. Черкашина, Н. Л. Мосиенко, К. Н. Калашникова // Регион: экономика и социология. – 2023. – № 4 (120). – С. 134−169. – DOI 10.15372/REG20230406. – EDN ZTJILG.

383. Черникова, Л. И. Финансовый капитал как составляющая современного национального капитала / Л. И. Черникова, А. В. Суворов // Российское предпринимательство. – 2009. – № 9-1. – С. 31−35. – EDN KXJGBZ.

384. Чооду, А. В. Транспортный комплекс Красноярского края - ключевой фактор развития региональной экономики / А. В. Чооду // Управленческий учет. – 2025. – № 2. – С. 193−200. – EDN FQSFOE.

385. Чувашова, М. Н. Оценка качества экономического пространства региона сырьевой направленности : дис. … канд. экон. наук : 08.00.05 / Чувашова Мария Николаевна. – Красноярск, 2016. – 235 с.

386. Чуева, А. С. К вопросу о понятии и типологии муниципальных образований в современной России / А. С. Чуева, И. Н. Иваненко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2016. – № 1−2. – С. 136−140. – EDN VOTLGX.

387. Шабанова, Е. А. Репутационный капитал компании: объем и содержание понятия / Е. А. Шабанова // Университетские чтения – 2016 : материалы науч.-метод. чтений ПГЛУ (Пятигорск, 14–15 января 2016 г.), ч. X. – Пятигорск : ПГЛУ, 2016. – С. 121−125. – EDN WKLVIR.

388. Шафран, А. М. Производственный капитал регионов России как фактор формирования их инвестиционного потенциала / А. М. Шафран // Вопросы новой экономики. – 2011. – № 3 (19). – С. 89−95. – EDN ODSHTX.

389. Швец, И. Ю. Методические подходы к обоснованию целей, задач, принципов и приоритетов устойчивого пространственного развития России / И. Ю. Швец // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. – 2016. – № 2. – С. 36−46. – EDN WLUMSV.

390. Швецов, А. Н. Государственное участие в преобразовании социоэкономического пространства / А. Н. Швецов // Вызовы и политика пространственного развития России в XXI веке: программы фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук 2012−2019. – Москва : КМК, 2020. – С. 291−345. – EDN ISQVTP.

391. Шевяков, А. Ю. Неравенство, экономический рост и демография: неисследованные взаимосвязи / А. Ю. Шевяков, А. Я. Кирута. – Москва : М-Студио, 2009. – 187 с. – ISBN 978-5-903198-20-7. – EDN QUPDXR.

392. Шеломенцев, А. Г. Межрегиональное сотрудничество как институт реализации стратегий развития регионов Дальнего Востока / А. Г. Шеломенцев, Т. В. Терентьева, О. А. Козлова, М. Н. Макарова // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2014. – № 11-3. – С. 417−422. – EDN TACJHH.

393. Шишкин А. А. Активы как объект капитализации / А. А. Шишкин, Ю. В. Савельев // Особенности воспроизводства регионального капитала: сущность, подходы к оценке, методы управления / Е. В. Жирнель, О. В. Зданович, Е. Г. Немкович [и др.]. – Петрозаводск : ИЭ КарНЦ РАН, 2008. – С. 89−96.

394. Шмакова, М. В. Оценка свойств экономического пространства региона в контексте разработки основных стратегических документов / М. В. Шмакова // Азимут науч-

ных исследований: экономика и управление. – 2020. – Т. 9, № 3 (32). – С. 410−412. – DOI 10.26140/anie-2020-0903-0098. – EDN MXATGV.

395. Шманев, С. В. Кластеры как драйверы инновационного развития: сущность, классификация, факторы и роль в экономике России / С. В. Шманев // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2025. – № 7-1. – С. 176−184. – DOI 10.17513/vaael.4238. – EDN ZDZNNV.

396. Эколого-экономический индекс регионов РФ. Методика и показатели для расчета / С. Н. Бобылев, В. С. Минаков, С. В. Соловьева, В. В. Третьяков. – Москва : РИА Новости, 2012. – 147 с. – EDN UJSAIJ.

397. Экономика и управление интеллектуальным капиталом / А. Э. Сулейманкадиева, И. А. Садырин, О. Ю. Сыроватская [и др.]. – Санкт-Петербург : СПбЭГУ, 2020. – 183 с. – ISBN 978-5-7310-4970-2. – EDN RGXUEN.

398. Экономическая энциклопедия / Е. И. Александрова, А. В. Аникин, А. И. Архипов [и др.] ; гл. ред. Л. И. Абалкин [и др.]. – Москва : Экономика, 1999. – 1054 с. – ISBN 5-282-01934-5.

399. Экономическое пространство. Теория и реалии / Т. Ю. Алтуфьева, М. П. Галимова, А. Ю. Даванков [и др.] ; под ред. А. И. Татаркина. – Москва : Экономика, 2011. – 374 с. – ISBN 978-5-282-03153-9. – EDN RLTNHH.

400. Эпикур // Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев [и др.]. – Москва : Сов. энцикл., 1983. – 840 с.

401. Юдина, Т. А. О компонентах и формах репутационного капитала вуза / Т. А. Юдина // Журнал исследований по управлению. – 2018. – Т. 4, № 10. – URL: https://naukaru.ru/ru/nauka/article/23730/view (дата обращения: 15.02.2025). – EDN PINKVH.

402. Юм, Д. О торговом балансе / Д. Юм // Вехи экономической мысли. – Москва : ГУ ВШЭ, 2006. – Т. 6: Международная экономика. – С. 112−123.

403. Юрина, Е. А. Кластерные модели развития региональных систем / Е. А. Юрина, Е. В. Иванова // Социально-экономические явления и процессы. – 2015. – Т. 10, № 10. – С. 189−194. – EDN VKSQVX.

404. Яковлева, Н. В. Межрегиональное экономическое сотрудничество Челябинской области / Н. В. Яковлева, Е. А. Ишунькина // Региональная экономика: теория и практика. – 2018. – Т. 16, № 5. – С. 831−843. – DOI 10.24891/re.16.5.831. – EDN XNSRJZ.

405. Яковлева, С. И. Модели пространственного развития регионов России: методическое обеспечение процесса стратегического планирования / С. И. Яковлева // Россия: тенденции и перспективы развития : ежегодник : материалы XX Нац. науч. конф. с междунар. участием (Москва, 14–15 декабря 2020 г.), вып. 16, ч. 1. – Москва : ИНИОН РАН, 2021. – С. 1135−1138. – EDN DWLTKQ.

406. Яковлева, С. И. Пространственные модели в стратегиях социально-экономического развития регионов России / С. И. Яковлева // Псковский регионологический журнал. – 2014. – № 17. – С. 3−16. – EDN SJEHCJ.

407. Якушев, А. Ж. Система корпоративной репутации компании / А. Ж. Якушев, Ю. С. Филина, А. Н. Айтымбетова, А. С. Мельников // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2023. – Т. 3, № 11 (140). – С. 11−28. – DOI 10.36871/ek.up.p.r.2023.11.03.002. – EDN XADRLX.

408. Якушина, О. И. Организация социального пространства современных городов в свете концепций «открытого» и «умного» города / О. И. Якушина // Теория и практика общественного развития. – 2021. – № 4 (158). – С. 33−42. – DOI 10.24158/tipor.2021.4.5. – EDN KKUGHG.

409. Agkoli, P. European policy for economic and social cohesion: community support Frameworks & NextGenerationEU – Comparative Historical Review / P. Agkoli // HAPSc policy briefs series. – 2024. – Vol. 5. – P. 8−12. – DOI 10.12681/hapscpbs.40773.

410. Alonso, W. Location and land use. Towards a general theory of land rent / W. Alonso. – Cambridge : Massachusetts, 1964. – 204 p.

411. Anselin, L. Spatial econometrics: methods and models / L. Anselin. – Dordrecht : Kluwer Academic, 1988. – 284 p.

412. Arrow, K. J. The economic implications of learning by doing / K. J. Arrow // The review of economic studies. – 1962. – Vol. 29. iss. 3. – P. 155−173.

413. Bahedh, H. A. Ecosystem accounting of forests in sustainable environmental management: basic content and development / H. A. Bahedh, V. M. Yatsukhno // Journal of the belarusian state university. Ecology. – 2024. – № 2. – P. 79−85.

414. Barbier, E. B. Sustainability and development / E. B. Barbier // Annual review of resource economics. – 2016. – Vol. 8, iss. 1. – P. 261−280. – DOI 10.1146/annurev-resource-100815-095227.

415. Basit, T. N. Educational capital as a catalyst for upward social mobility amongst British Asians: a three-generational analysis / T. N. Basit // British educational research journal. – 2013. – Vol. 39, iss. 4. – P. 714−732. – DOI 10.1080/01411926.2012.677414.

416. Bateman, I. J. The natural capital framework for sustainably efficient and equitable decision making / I. J. Bateman, G. M. Mace // Nature sustainability. – 2020. – Vol. 3. – P. 776−783. – DOI 10.1038/s41893-020-0552-3.

417. Bhandari, H. What is social capital? A comprehensive review of the concept / H. Bhandari, K. Yasunobu // Asian journal of social science. – 2009. – Vol. 37, no. 3. – P. 480−510. – DOI 10.1163/156853109X436847.

418. Blair, J. Major factors in industrial location: a review / J. Blair, R. Premus // Economic development quarterly. – 1987. – Vol. 1, iss. 1. – P. 72–85.

419. Boudeville, J. Problems of regional economic planning / J. Boudeville. – Edinburgh : University Press, 1966. – 192 p.

420. Bourdieu, P. The social space and the genesis of groups / P. Bourdieu // Theory and society. – 1985. – Vol. 14, iss. 6. – P. 723−744.

421. Brunet, R. Les villes ‘européennes’ / R. Brunet. – Paris : Documentation française, 1989. – 337 p.

422. Burgess, E. W. The growth of the city: an introduction to a research project / E. W. Burgess // The city / ed. by R. E. Park, E. W. Burgess, R. D. McKenzie. – Chicago : University of Chicago press, 1925. – P. 47−62.

423. Cai, Z. Urban spatial dynamic modeling based on urban amenity data to inform smart city planning / Z. Cai, Y. Kwak, V. Cvetkovic [et al.] // Anthropocene. – 2023. – Vol. 42. – Article no. 100387. – DOI 10.1016/j.ancene.2023.100387.

424. Camagni, R. Regional competitiveness: towards a concept of territorial capital / R. Camagni // Advances in spatial science. – 2008. – Vol. 54. – P. 33−47. – DOI 10.1007/978-3-540-74737-6_3.

425. Camagni, R. Territorial capital and regional development / R. Camagni // Handbook of regional growth and development theories. – Cheltenham : Edward Elgar, 2009. – P. 118−132.

426. Capello, R. Entrepreneurship and spatial externalities: theory and measurement / R. Capello // The annals of regional science. – 2002. – Vol. 36. – P. 387−402.

427. Capello, R. Modelling regional growth: an advanced MASST model / R. Capello, U. Fratesi // Spatial economic analysis. – 2012. – Vol. 7, iss. 3. – P. 293−318. – DOI 10.1080/17421772.2012.694143.

428. Capello, R. Territorial capital and regional growth: increasing returns in knowledge use / R. Capello, A. Caragliu, P. Nijkamp // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. – 2009. – Vol. 102, no. 4. – P. 385−405. – DOI 10.1111/j.1467-9663.2010.00613.x.

429. Ceriani, L. The origins of the Gini index: extracts from Variabilità e mutabilità (1912) by Corrado Gini Ceriani L., Verme P. // The journal of economic inequality. – 2012. – Vol. 10. – P. 421−443. – DOI 10.1007/s10888-011-9188-x.

430. Cerisola, S. Cultural and creative cities and regional economic efficiency: context conditions as catalyzers of cultural vibrancy and creative economy / S. Cerisola, E. Panzera // Sustainability. – 2021. – Vol. 13. – Article no. 7150. – DOI 10.3390/su13137150.

431. Charalabidis, Y. Local digital twins for cities and regions: the way forward / Y. Charalabidis, G. Kontos, D. Zitianellis // Decide Better. – Cham : Springer, 2025. P. 233−259. – DOI 10.1007/978-3-031-81451-8_9.

432. Chau, N. H. Migration under asymmetric information and human capital formation / N. H. Chau, O. Stark // Review of international economics. – 1999. – Vol. 7, iss. 3. – P. 455−483. – DOI 10.1111/1467-9396.00175.

433. Christaller, W. Die zentralen Orte in Süddeutschland. Eineökonomisch-geographische Untersuchungüberdie Gesetzmäßigkeit der Verbreitung und Entwicklung der Siedlungenmitstädtischer Funktionen / W. Christaller. – Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1980. – 340 S.

434. Cliff, A. Spatial processes: model, and application / A. Cliff, Ord J. K. – London : Pion, 1981. – 327 p.

435. Converse, P. D. New laws of retail gravitation / P. D. Converse // Journal of marketing. – 1949. – Vol. 141, iss. 3. – P. 379−384.

436. Costanza, R. Natural capital and sustainable development / R. Costanza, H. Daly // Conservation biology. – 1992. – No. 6. – P. 37−46.

437. Creative capital index. – URL: https://www.pwc.ru/en/publications/creative-capital-index.html (дата обращения: 14.02.2024).

438. Cupido, K. Spatial patterns of mortality in the United States: a spatial filtering approach / K. Cupido, P. Jevtic, A. Paez // Insurance: mathematics and economics. – 2020. – Vol. 95. – P. 28−38. – DOI 10.1016/j.insmatheco.2020.08.003.

439. Czamanski, S. Identification of Industrial clusters and complexes: a comparison of methods and findings / S. Czamanski, L. Ablas // Urban studies. – 1979. – Vol. 16. – P. 61−80.

440. Danielewicz, J. Territorial capital as a determinant of development processes in functional areas / J. Danielewicz, M. Turala // Acta universitatis lodziensis folia oeconomica. – 2016. – Vol. 2, no. 319. – P. 55−68. – DOI 10.18778/0208-6018.319.04.

441. Dastenaei, M. H. Application of Moran's I statistics in spatial analysis of archaeological sites of the Sarfirouzabad plain, Central Zagros, Iran / M. H. Dastenaei, K. A. Niknami // Journal of ancient history and archaeology. – 2024. – Vol. 10, no. 4. – P. 41−54. – DOI 10.14795/j.v10i4.921.

442. Di Ludovico, D. European cross-scale spatial planning and territorial frames in the Italian Median Macroregion / D. Di Ludovico, F. D'Ascanio // European planning studies. – 2019. – Vol. 27, iss. 7. – P. 1369−1390.

443. Ding, G. Spatial inequality of regional fiscal expenditure on science and technology based on Gini coefficient decomposition and polarization measurement / G. Ding, Y. Xie, P. Zhao // Boletin tecnico/technical bulletin. – 2017. – Vol. 55, iss. 9. – P. 132−139.

444. Diogo, V. Integrated spatial simulation of population and urban land use: a pan-european model validation / V. Diogo, C. Jacobs-Crisioni, C. Baranzelli, C. Lavalle // Applied spatial analysis and policy. – 2023. – Vol. 16, no. 4. – P. 1463−1492. – DOI 10.1007/s12061-023-09518-x.

445. Dixit, A. Monopolistic competition and optimum product diversity / A. Dixit, J. Stiglitz // American economic review. – 1977. – Vol. 67, no. 3. – P. 297−308.

446. Doane, D. P. Measuring skewness: a forgotten statistic? / D. P. Doane, L. E. Seward // Journal of statistics education. – 2011. – Vol. 19, no. 2. – URL: http://jse.amstat.org/v19n2/doane.pdf (дата обращения: 12.09.2022). – DOI 10.1080/10691898.2011. 11889611.

447. Endres, A. M. Carl Menger and his followers in the Austrian tradition on the nature of capital and its structure / A. M. Endres, D. A. Harper // Journal of the history of economic thought. – 2011. – Vol. 33, no. 3. – P. 357–384. – DOI 10.1017/S1053837211000198.

448. Engländer, O. Kritisches und Positives zu einerallgemeinen reinen Lehrevom Standort / O. Engländer // Zeitschrift für Volkwirtschaft und Socialpolitik. – 1926. – Bd. 5. – S. 474−479.

449. Enright, M. J. Why clusters are the way to win the game? / M. J. Enright // World link. – 1992. – Vol. 5. – P. 24−25.

450. Environmental performance index. – URL: https://epi.yale.edu/ (дата обращения: 03.07.2024).

451. ESDP – European spatial development perspective. Towards balanced and sustainable development of the territory of the European union. – Luxembourg : European Commission, 1999. – 82 p. – ISBN 92-828-7658-6.

452. ET2050 – Territorial scenarios and visions for Europe : final report / ESPON. – URL: https://archive.espon.eu/programme/projects/espon-2013/applied-research/et2050-territorial-scenarios-and-visions-europe (дата обращения: 04.09.2025).

453. European spatial planning observation network. – URL: https://www.espon.eu/ (дата обращения: 15.02.2024).

454. Feng, S. L. Environmental decentralization and innovation in China / S. L. Feng, B. Sui, H. M. Liu, G. X. Li // Economic modelling. – 2020. – Vol. 93. – P. 660−674.

455. Feng, X. Study on the spatial morphology of Ando Tibetan traditional villages in China: a case of traditional villages in huangnan prefecture / X. Feng, M. Hu, S. Somenahalli [et al.] // Sustainability. – 2025. – Vol. 17. – Article no. 1353. – DOI 10.3390/su17041353.

456. Fisher, I. The nature of capital and income / I. Fisher. – New York : The Macmillan Company ; London : Macmillan & Co., ltd., 1906. – 427 p.

457. Florida, R. The rise of the creative class / R. Florida. – New York : Basic Books, 2014. – 512 p.

458. Friedmann, J. Regional development policy: a case study of Venezuela / J. Friedmann. – Cambridge: MIT Press, 1966. – 279 p.

459. Fritsch, M. The geography of creative people in Germany / M. Fritsch, M. Stuetzer // International journal of foresight and innovation policy. – 2009. – Vol. 5. – P. 7−23. – DOI 10.1504/IJFIP.2009.022096.

460. Fujita, M. The spatial economy: cities, regions, and international trade / M. Fujita, P. Krugman, A. J. Venables. – Cambridge : The MIT Press, 1999. – 367 p.

461. Furkova, A. Spatial patterns of European innovation: a spatial econometric approach with technological proximity weights / A. Furkova // Review of applied socio-economic research. – 2024. – Vol. 27. – P. 5−17. – DOI 10.54609/reaser.v27i1.291.

462. Geary, R. The continiguity ratio and statistical mapping / R. Geary // The incorporated statistician. – 1954. – Vol. 5. – P. 115−145.

463. Ghahtarani, A. The impact of social capital and social interaction on customers' purchase intention, considering knowledge sharing in social commerce context / A. Ghahtarani, M. Sheikhmohammady, M. Rostami // Journal of innovation & knowledge. – 2019. – Vol. 5, no. 3. – P. 194−199. – DOI 10.1016/j.jik.2019.08.004.

464. Giersch, H. Aspects of growth, structural change, and employment a schumpeterian perspective / H. Giersch // Review of world economics. – 1979. – Vol. 115, iss. 4. – P. 629−652.

465. Giffinger, R. Territorial capital – understanding and challenges for a knowledge based strategic approach / R. Giffinger // Territorium. – 2008. – Vol. 8. – P. 7−15.

466. Greenhut, M. Spatial microeconomics / M. Greenhut. – Aldershot : Edward Elgar, 1995. – 608 p.

467. Hagerstrand, T. Innovation diffusion as a spatial process / T. Hagerstrand. – Chicago : University of Chicago Press, 1967. – 334 p.

468. Hall, M. Measures of concentration / M. Hall, N. Tideman // Journal of the American statistical association. – 1967. – Vol. 62. – P. 162−168.

469. Harris, C. D. The nature of cities / C. D. Harris, E. L. Ullman // The annals of the American academy of political and social science. – 1945. – Vol. 242. – P. 7−17. – DOI 10.1177/000271624524200103.

470. Harrison, U. Practice in the social space of neighbourhood houses: Community, relationships and adult learning / U. Harrison, T. Ollis, C. Ryan // Australian journal of adult learning. – 2020. – Vol. 60, iss. 3. – P. 467−491.

471. Hirschman, A. O. The strategy of economic growth / A. O. Hirschman. – New Haven : Yale university Press, 1958. – 231 p.

472. Hoover, E. Location theory and the shoe and leather industry / E. Hoover. – Harvard : Harvard University Press, 1937. – 323 p.

473. Hotelling, H. Stability in competition / H. Hotelling // The economic journal. – 1929. – Vol. 153, iss. 39. – P. 41−57.

474. Howkins, J. The creative economy. How people make money from ideas / J. Howkins. – London : Penguin Global, 2002. – 288 p.

475. Hoyt, H. Principles of urban real estate / H. Hoyt, A. Weimer. – New York : Roland Press, 1939. – 332 c.

476. Hoyt, H. The structure and growth of residential neighborhoods in American cities / H. Hoyt. – Chicago : University of Chicago Press, 1939. – 178 p.

477. Hu, Y. More urbanization, more polarization: evidence from two decades of urban expansion in China / Y. Hu, D. S. Connor, M. Stuhlmacher [et al.] // Urban sustainability. – 2024. – Vol. 4. – P. 1−11. – DOI 10.1038/s42949-024-00170-z.

478. Hung, N. The relationship between social capital and self-rated health: a multilevel analysis based on a poverty alleviation program in the Philippines / N. Hung, L. L. Lau // BMC public health. – 2019. – Vol. 19. – Article no. 1641. – DOI 10.1186/s12889-019-8013-5.

479. Jablonski, M. Interdependence among creativity, education, and job experience: a municipal company in Poland / M. Jablonski // Central European management journal. – 2019. – Vol. 27. – P. 48−70. – DOI 10.7206/cemj.2658-0845.9.

480. Kadusic, A. Spatial analysis of mortality in Bosnia and Herzegovina: a preliminary analysis / A. Kadusic, S. Smajic, S. Kunosic, N. Smajic // Journal human research in rehabilitation. – 2023. – Vol. 13. – P. 52−61. – DOI 10.21554/hrr.042306.

481. Kelejian, H. H. Spatial spillovers in the development of institutions / H. H. Kelejian, P. Murrell, O. Shepotylo // Journal of development economics. – 2013. – Vol. 101. – P. 297−315.

482. Kharazmi, E. Distribution of nursing workforce in the world using Gini coefficient / E. Kharazmi, N. Bordbar, S. Bordbar // BMC Nursing. – 2023. – Vol. 22. – P. 1−7. – DOI 10.1186/s12912-023-01313-w.

483. Knies, K. Geld und credit erste abteilung / K. Knies. – Репринт. изд. – Москва : Нобель Пресс, 2020. – 460 с.

484. Koro, A. B. Exploring the spatial relationship between COVID-19 and poverty in Indonesia: a Moran’s I approach / A. B. Koro, U. Eliyanti, Lianawati // Journal of health economic and policy research (JHEPR). – 2025. – Vol. 3. – P. 40−47. – DOI 10.30595/jhepr.v3i1.245.

485. Kostyaev, A. I. Rural areas of Russia's north-west borderland: problems and development paths / A. I. Kostyaev // Baltic region. – 2019. – Vol. 11, iss. 4. – P. 93−113. – DOI 10.5922/2079-8555-2019-4-6.

486. Kozina, J. The impact of territorial policies on the distribution of the creative economy: tracking spatial patterns of innovation in Slovenia / J. Kozina, D. Bole // Hungarian geographical bulletin. – 2018. – Vol. 67, iss. 3. – P. 259−273. – DOI 10.15201/hungeobull.67.3.4.

487. Kravchenko, L. A. Theoretical aspects of the formation and development of creative capital / L. A. Kravchenko, I. A. Troyan, X. Liu // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. – 2023. – No. 2 (63). – P. 139−150. – EDN NHGMVQ.

488. Kunzmann, K. R. The pattern of urbanization in Western Europe / K. R. Kunzmann, M. Wegener // Ekistics. – 1991. – Vol. 350−351. – P. 282−291.

489. Landry, C. The creative city. A toolkit for urban innovators / C. Landry. – Abingdon : Routledge, 2008. – 352 p.

490. Lang, G. Distance-based measures of spatial concentration: introducing a relative density function / G. Lang, E. Marcon, F. Puech // The annals of regional science. – 2020. – Vol. 64. – P. 243−265. – DOI 10.1007/s00168-019-00946-7.

491. Launhardt, W. Die Bestimmung des zweckmässigsten Standortes einer gewerblichen Anlage / W. Launhardt // Zeitschrift des Vereinesdeutscher Ingenieure. – 1882. – Bd. 26. – S. 106−115.

492. Lin, S. Capital taxation and external accounts in a small growing economy / S. Lin // Review of international economics. – 1998. – Vol. 6, iss. 1. – P. 59−73. – DOI 10.1111/1467-9396.00087.

493. Lin, S. Tax reform and external balance / S. Lin // Journal of international money and finance. – 1999. – Vol. 18, iss. 6. – P. 891−909. – DOI 10.1016/S0261-5606(99)00027-3.

494. Lin, S. Welfare effects of capital taxation in a small open economy / S. Lin, W. Zhang // Open economies review. – 1998. – Vol. 9, iss. 1. – P. 5−20. – DOI 10.1023/A:1008240822015.

495. Lisowska-Kierepka, A. How to analyse spatial distribution of crime? Crime risk indicator in an attempt to design an original method of spatial crime analysis / A. Lisowska-Kierepka // Cities. – 2022. – Vol. 120. – Article no. 103403. – DOI 10.1016/j.cities.2021.103403.

496. Liu, S. Between social spaces / S. Liu // European journal of social theory. – 2021. – Vol. 24, iss. 1. – P. 123−139. – DOI 10.1177/1368431020905258.

497. Liu, Y. Unequal spaces, unequal minds: how spatial inequality drives excessive educational consumption / Y. Liu // Psychology & marketing. – 2025. – Vol. 42, iss. 9. – P. 2317−2333. – DOI 10.1002/mar.22231.

498. Living planet index. – URL: https://www.livingplanetindex.org/home/index (дата обращения: 03.07.2024).

499. Loss, F. Reputation capital, financial capital, and entrepreneurship / F. Loss, A. Renucci // Oxford economic papers. – 2013. – Vol. 65, no. 2. – P. 352−371.

500. Lu, W. The impact of human capital misallocation on green economy efficiency: empirical analysis of Chinese urban agglomerations / W. Lu, L. Peng, N. Fang // Heliyon. – 2024. – Vol. 10. – Article no. e32695. – DOI 10.1016/j.heliyon.2024.e32695.

501. Luo, Q. Spatial autocorrelation for massive spatial data: verification of efficiency and statistical power asymptotics / Q. Luo, D. Griffith, H. Wu // Journal of geographical systems. – 2019. – Vol. 21. – P. 237−269. – DOI 10.1007/s10109-019-00293-3.

502. Lv, K. Spatial econometric analysis on industrial structure and environmental pollution / K. Lv, Y. Lin, J. Kang // International conference on frontiers of energy, environmental materials and civil engineering. – Lancaster : DEStech Publications, 2013. – P. 76−89.

503. Machlup, F. The production and distribution of knowledge in the United States / F. Machlup. – Princeton : Princeton University Press, 1962. – 436 p.

504. Maneejuk, P. The spatial spillover effects of transportation infrastructure on economic development in China / P. Maneejuk, J. Ran // Machine learning for econometrics and related topics. – Cham : Springer, 2024. – P. 277−287. – DOI 10.1007/978-3-031-43601-7_18.

505. Marquez, M. A. The role of neighborhood in the analysis of spatial economic inequality / M. A. Marquez, E. Lasarte-Navamuel, M. Lufin // Social indicators research. – 2019. – Vol. 141, iss. 1. – P. 245−273.

506. Marshall, A. Industry and trade / A. Marshall. – London : Macmillan, 1920. – 874 p.

507. Marshall, A. Principles of economics / A. Marshall. – 8th ed. – London : Macmillan, 1920. – 871 p.

508. Mata Olmo, R. Notes on the present situation of large landholdings in the plains of Jaen / R. Mata Olmo // Estudios geograficos. – 1981. – Vol. 42, iss. 163. – P. 139−165.

509. Mazzetto, S. A review of urban digital twins integration, challenges, and future directions in smart city development / S. Mazzetto // Sustainability. – 2024. – Vol. 16, no. 19. – Article no. 8337. – DOI 10.3390/su16198337.

510. Medve-Balint, G. The cohesion policy on the EU's Eastern and Southern periphery: misallocated funds? / G. Medve-Balint // Studies in Comparative international development. – 2018. – Vol. 53, iss. 2. – P. 218–238. – DOI 10.1007/s12116-018-9265-2.

511. Metaxas, T. From ‘Blue banana’ to ‘Red octopus’ and the development of eastern and southern European cities: Warsaw and Lisbon / T. Metaxas, M. Tsavdaridou // Regional and sectoral economic studies. – 2013. – Vol. 13, no. 1. – P. 15−30.

512. Montalto, V. What does Brexit mean for UK cultural and creative cities? / V. Montalto, F. Panella, P. L. Sacco // European urban and regional studies. – 2021. – Vol. 28, iss. 1. – P. 47−57. – DOI 10.1177/0969776420970630.

513. Moran, P. The interpretation of statistical maps / P. Moran // Journal of the royal statistical society. – 1948. – Vol. 10, iss. 2. – P. 243−251. – DOI 10.1111/j.2517-6161.1948.tb00012.x.

514. Muskaj, B. The role of the European Union and the procedure of conclusion of international agreements after the Lisbon treaty / B. Muskaj // European journal of multidisciplinary studies. – 2024. – Vol. 9. – P. 1−11. – DOI 10.26417/5tped727.

515. Nurkovic, R. Contemporary aspects of spatial and urban planning in the Canton of Sarajevo / R. Nurkovic // European journal of geography. – 2015. – Vol. 6, iss. 1. – P. 23−36.

516. Ogryzek, M. On spatial management practices: revisiting the «optimal» use of urban land / M. Ogryzek, R. Wisniewski, T. Kauko // Real estate management and valuation. – 2018. – Vol. 26, iss. 3. – P. 24−34.

517. Orozco-Messana, J. Neighbourhood modelling for urban sustainability assessment / J. Orozco-Messana, M. Iborra-Lucas, R. Calabuig-Moreno // Sustainability. – 2021. – Vol. 13, iss. 9. – P. 46−54. – DOI 10.3390/su13094654.

518. Otte, T. A reference framework for the performance-based decision support of city authorities in urban freight transport / T. Otte, T. Meisen // 8th International Conference on ICT for Smart Society: Digital Twin for Smart Society (ICISS 2021). – Piscataway: IEEE, 2021. – P. 1−7. – DOI 10.1109/ICISS53185.2021.9533210.

519. Palander, T. Beiträgezur Standorts theorie / T. Palander. – Stockholm : Almqvist &Wiksell, 1935. – 419 S.

520. Perroux, F. L'économie du XXe siècle / F. Perroux. – Paris : Presses Universitaires de France, 1961. – 598 p.

521. Persson, B. Exploring regional aspects of intermunicipal cooperation: an analysis of municipal federations for upper secondary education in Sweden / B. Persson // Territory, politics, governance. – 2024. – Vol. 14, iss. 2. – P. 344−362. – DOI 10.1080/21622671.2024.2427802.

522. Porat, M. The information economy / M. Porat. – Washington : Department of Commerce, Office Telecommunications, 1977. – 319 p.

523. Porter, M. On competition, updated and expanded edition / M. Porter. – Boston : Harvard Business Review Press, 2008. – 576 p.

524. Pottier, P. Axes de communication et développement economique / P. Pottier // Revue économique. – 1963. – Vol. 14. – P. 58−132.

525. Predöhl, A. Das standortproblem in der wirtschaftslehre / A. Predöhl // Weltwirtschaftliches Archiv. – 1925. – Bd. 21. – S. 294−331.

526. Predöhl, A. Staatsraum und Wirtschaftsraum / A. Predöhl // Weltwirtschaftliches Archiv. – 1934. – Bd. 39. – S. 1−12.

527. Reilly, W. J. The law of retail gravitation / W. J. Reilly. – New York : W. J. Reilly, 1931. – 75 p.

528. Richardson, H. W. City size and national spatial strategies in developing countries / H. W. Richardson . – Washington : World Bank, 1977. – 73 p. – (World Bank Staff Working Paper, no. 252).

529. Richter, C. E. The impact of industrial linkages on geographic association / C. E. Richter // Journal of regional science. – 1969. – Vol. 9, iss. 1. – P. 19−28.

530. Ritschl, H. Reine und historische Dynamik des Standortes der Erzeugungszweige / H. Ritschl // Schmollers Jahrbuch. – 1927. – Bd. 61. – S. 813−870.

531. Rodrigues, H. S. Relation between intellectual capital and the product process innovation / H. S. Rodrigues, C. M. F. Jardon, P. F. Dorrego // International journal of knowledge-based development. – 2015. – Vol. 6, iss. 1. – P. 15−33. – DOI 10.1504/IJKBD.2015.069454.

532. Romer, P. M. Increasing returns and long-time growth / P. M. Romer // Journal of political economy. – 1986. – Vol. 94, iss. 5. – P. 1002−1037.

533. Russell, M. G. Transforming innovation ecosystems through shared vision and network orchestration / M. Russell, K. Still, J. Huhtamaki [et al.] // Triple Helix IX International Conference. – Stanford, 2011. – P. 1−21.

534. Senior, N. W. An outline of the science of political economy / N. W. Senior. – New York : A. M. Kelley, 1965. – 258 p.

535. Sepasgozar, S. M. E. Differentiating digital twin from digital shadow: elucidating a paradigm shift to expedite a smart, sustainable built environment / S. M. E. Sepasgozar // Buildings. – 2021. – Vol. 11. – Article no. 151. – DOI 10.3390/buildings11040151.

536. Shearmur, R. The new knowledge aristocracy: the creative class, mobility and urban growth / R. Shearmur // Work, organization and labour. – 2006. – Vol. 1. – P. 31−47. – DOI 10.13169/workorgalaboglob.1.1.0031.

537. Shibusawa, H. Cyber space and physical space in an urban economy / H. Shibusawa // Papers in regional science. – 2000. – Vol. 79. – P. 253−270.

538. Shvetsov, A. N. Structural transformations of the municipal space: substantiation of expediency and evaluation of efficiency / A. N. Shvetsov // Regional research of Russia. – 2019. – Vol. 9, iss. 4. – P. 304−310.

539. Skeat, W. W. The concise dictionary of English etymology / W. W. Skeat. – Hertfordshire : Wordsworth Editions, 1933. – 633 p.

540. Stafford, H. A. Principles of industrial facility location / H. A. Stafford. – Atlanta : Conway, 1980. – 320 p.

541. Stark, R. Digital twin / R. Stark, T. Damerau // CIRP Encyclopedia of production engineering. – Berlin ; Heidelberg : Springer, 2019. – P. 1−8. – DOI 10.1007/978-3-642-35950-7_16870-1.

542. Status report on European telework: telework 1997 / European Commission. – 1997. – URL: http://www.eto.org.uk/twork/tw97eto/ (дата обращения: 15.02.2022).

543. Streit, M. E. Spatial association and economic linkages between industries / M. E. Streit // Journal of regional science. – 1969. – Vol. 9, iss. 2. – P. 177−188.

544. Strunz, S. Energy policy: European, national, regional? / S. Strunz, E. Gawel, P. Lehmann [et al.] // Intereconomics. – 2014. – Vol. 49, iss. 5. – P. 244−267. – DOI 10.1007/s10272-014-0507-x.

545. Suh, T. Defining and managing reputational capital in global markets / T. Suh, L. Amine // The journal of marketing theory and practice. – 2007. – Vol. 15, no. 3. – P. 205−217. – DOI 10.2753/MTP1069-6679150302.

546. Szabo, P. The pentagon and other geometrical figures of Europe’s economic core / P. Szabo // Romanian review of regional studies. – 2008. – Vol. 4, iss. 2. – P. 11−20.

547. Szell, G. Regional and local sustainable development / G. Szell // International review of sociology. – 2014. – Vol. 24, iss. 1. – P. 4−12.

548. Territorial outlook / OECD. – Paris, 2001. – URL: https://www.oecd-ilibrary.org/urban-rural-and-regional-development/oecd-territorial-outlook_9789264189911-en (дата обращения: 18.11.2022).

549. The Territorial State and Perspectives of the European Union. Towards a Stronger European Territorial Cohesion in the Light of the Lisbon and Gothenburg Ambitions. A Background Document for the Territorial Agenda of the European Union / European Commission. – Luxemburg, 2005. – URL: https://www.urenio.org/el/wp-content/uploa.ds/2009/01/the-territorial-state-and-perspectives-of-the-european-union.pdf (дата обращения: 14.02.2023).

550. Theil, H. Economics and information theory / H. Theil. – Amsterdam : North-Holland, 1967. – 488 p.

551. Toth, B. I. Changing endogenous development: the territorial capital / B. I. Toth // Journal of economics and business research. – 2011. – Vol. XVII, no. 2. – P. 137−151.

552. Touitou, M. Spatial disparity and inequality of education domain in Algeria: a spatial econometric approach / M. Touitou, L. Yacine, B. Ahmed // International journal of social economics. – 2020. – Vol. 47, iss. 9. – P. 1161−1180. – DOI 10.1108/IJSE-11-2019-0699.

553. Union Internationale des Chemins de fer. – URL: https://uic.org/ (дата обращения: 15.02.2025).

554. Vallejo, M. E. Creating resilience for climate change in smart cities based on the local food supply chain / M. E. Vallejo, V. M. Larios, V. G. Magallanes [et al.] // 2021 IEEE International Smart Cities Conference. – Manchester, 2021. – P. 1−7. – DOI 10.1109/ISC253183.2021.9562795.

555. van der Meer, L. Red octopus / L. van der Meer // A new perspective for European spatial development policies. – Aldershot : Avebury, 1998. – P. 9−19.

556. van der Ploeg, J. D. Towards a framework for understanding regional rural development / J. D. van der Ploeg, R. van Broekhuizen, G. Brunori [et al.] // Unfolding webs: the regional rural development. – Assen: Van Gorcum, 2008. – P. 1−28.

557. Ventura, F. The rural web: a synthesis / F. Ventura, P. Milone, G. Berti, G. Brunori // Unfolding webs: the dynamics of regional rural development. – Assen : Van Gorcum, 2008. – P. 149−174.

558. Volkov, S. City services management methodology based on socio-cyber-physical approach / S. Volkov // ICIT 2019: Proceedings of the 2019 7th International Conference on Information Technology: IoT and Smart City. – New York : ACM, 2019. – P. 373−376. – DOI 10.1145/3377170.3377261.

559. Wang, J. Spatial imbalance and changes in supply and demand of ecosystem services in China / J. Wang, T. Zhai, Y. Lin [et al.] // Science of the total environment. – 2019. – Vol. 657. – P. 781−791.

560. Weber, A. Über den Standort der Industrien / A. Weber. – Tübingen : J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1922. – 268 S.

561. Weigmann, H. Kritischer Beitrag zur Theorie des internationalen Handels / H. Weigmann. – Jena : Fischer, 1926. – 84 S.

562. Woods, M. Rural-urban inequalities and spatial justice in Europe / M. Woods // Europa XXI. – 2024. – Vol. 44. – P. 37−56. – DOI 10.7163/eu21.2023.44.8.

563. Wu, S. The “educational capital” of corporate boards and initial public offering pricing: evidence from the US initial public offerings / S. Wu, W. Tang, Q. Fu, Y. Xu // Managerial and decision economics. – 2024. – Vol. 45. – P. 1756−1772. – DOI 10.1002/mde.4098.

564. Yılmaz, O. The joint spatial planning data model / O. Yılmaz, M. Alkan // The International archives of the photogrammetry, remote sensing and spatial information sciences. – 2023. – Vol. XLVIII-4. – P. 387−390. – DOI 10.5194/isprs-archives-XLVIII-4-W6-2022-387-2023.

Список работ, опубликованных автором по теме диссертации

565. Аверина, Л. М. Формирование сетевых структур поддержки развития региональной экономики / Л. М. Аверина, Н. А. Матушкина, А. В. Суворова // Проблемы инфраструктурного обеспечения пространственного социально-экономического развития макрорегионов / отв. ред. М. Б. Петров. – Екатеринбург : УрО РАН, 2019. – С. 86–139. – EDN YKNIDP.

566. Захарчук, Е. А. Оценка потенциальных эффектов реализации механизмов развития территорий: методологический подход / Е. А. Захарчук, А. В. Суворова // Теоретическая и прикладная экономика. – 2025. – № 4. – С. 11–27. – DOI 10.25136/2409-8647.2025.4.76233. – EDN OAZFFW.

567. Кузнецова, О. В. Накопленный опыт типологизации муниципальных образований России и схожих территориальных единиц других стран / О. В. Кузнецова, Р. А. Бабкин, А. В. Суворова // Пространственное развитие России: муниципальное измерение / науч. ред. О. В. Кузнецова. – Москва : Т-во науч. изд. КМК, 2026. – С. 43–48.

568. Лаврикова, Ю. Г. Макрорегионы в российской системе территориального управления: проблемы и перспективы / Ю. Г. Лаврикова, А. В. Суворова // Теоретическая и прикладная экономика. – 2024. – № 4. – С. 26–44. – DOI 10.25136/2409-8647.2024.4.72007. – EDN ZTTPSU.

569. Лаврикова, Ю. Г. Неоднородность экономического развития российских макрорегионов / Ю. Г. Лаврикова, А. В. Суворова // Экономика региона. – 2023. – Т. 19, № 4. – С. 934–948. – DOI 10.17059/ekon.reg.2023-4-1. – EDN UFATKN.

570. Лаврикова, Ю. Г. Оптимальная пространственная организация экономики региона: поиск параметров и зависимостей / Ю. Г. Лаврикова, А. В. Суворова // Экономика региона. – 2020. – Т. 16, № 4. – С. 1017–1030. – DOI 10.17059/ekon.reg.2020-4-1. – EDN BPNBFL.

571. Лаврикова, Ю. Г. Особенности расселения в регионе: оценка пространственного взаимодействия муниципальных образований / Ю. Г. Лаврикова, А. В. Суворова // Материалы V Всероссийского симпозиума по региональной экономике (Екатеринбург, 9−10 октября 2019 г.) : в 2 т. – Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2019. – Т. 2. – С. 80–85. – EDN MJRAWD.

572. Лаврикова, Ю. Г. Прогноз развития крупнейшего города: конструирование инновационного будущего / Ю. Г. Лаврикова, И. А. Антипин, А. А. Прядеин, А. В. Суворова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 6 (48). – С. 214–235. – DOI 10.15838/esc.2016.6.48.12. – EDN XRQDHD.

573. Лаврикова, Ю. Г. Пространственное развитие: актуальные вопросы и направления исследований / Ю. Г. Лаврикова, А. В. Суворова, Ю. Г. Мыслякова // Большой Урал: социально-экономические и пространственные изменения в первые десятилетия XXI века / под ред. Ю. Г. Лавриковой. – Екатеринбург : УрО РАН, 2024. – С. 13–24.

574. Лаврикова, Ю. Г. Согласование приоритетов научно-технологического и пространственного развития индустриальных регионов / Ю. Г. Лаврикова, В. В. Акбердина, А. В. Суворова // Экономика региона. – 2019. – Т. 15, № 4. – С. 1022–1035. – DOI 10.17059/2019-4-5. – EDN BMUTDN.

575. Лаврикова, Ю. Г. Территориальное измерение технологического развития / Ю. Г. Лаврикова, А. В. Суворова, С. Н. Котлярова // Проникая в будущее. Инновационный портрет Уральского мегарегиона / под общ. ред. А. И. Татаркина, В. С. Бочко. – Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2016. – С. 224–270. – EDN XCXTLL.

576. Лаврикова, Ю. Г. Угрозы пространственного развития страны: особенности оценки / Ю. Г. Лаврикова, А. В. Суворова // Экономика и управление. – 2021. – Т. 27, № 3 (185). – С. 152–164. – DOI 10.35854/1998-1627-2021-3-152-164. – EDN KKSHUR.

577. Лаврикова, Ю. Г. Эволюция подходов к моделированию пространственного развития хозяйства / Ю. Г. Лаврикова, А. В. Суворова // Тенденции пространственного развития современной России и приоритеты его регулирования : материалы Междунар. науч. конф. (Тюмень, 12–17 сентября 2022 г.). – Тюмень : ТюмГУ-Press, 2022. – С. 425–428. – EDN MLGOCZ.

578. Матушкина, Н. А. Технопарки в пространственном развитии Свердловской области / Н. А. Матушкина, А. В. Суворова, Л. М. Аверина // Материалы V Всероссийского симпозиума по региональной экономике (Екатеринбург, 9–10 октября 2019 г.) : в 2 т. – Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2019. – Т. 2. – С. 145–149. – EDN KVTARN.

579. Петров, М. Б. Механизм обеспечения связанности территории Российской Федерации / М. Б. Петров, А. В. Суворова // Приоритеты научно-технологического развития регионов: механизмы реализации / под ред. Ю. Г. Лавриковой. – Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2020. – С. 349–363.

580. Пономарева, А. И. Моделирование как метод научного познания: содержание и типология / А. И. Пономарева, А. В. Суворова // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2020. – № 12-2 (70). – С. 233–237. – DOI 10.24411/2411-0450-2020-11112. – EDN KKOWTO.

581. Стратегирование пространственного развития и инфраструктурного обустройства территорий / Ю. Г. Лаврикова, С. Н. Котлярова, А. В. Суворова [и др.]. – Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2018. – 178 с. – ISBN 978-5-94646-608-0. – EDN YNILFZ.

582. Суворова, А. Пространственное развитие экономики России на основе наращивания ее территориального капитала / А. Суворова. – Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2023. – 284 с. – ISBN 978-5-94646-681-3. – EDN DQMNDZ.

583. Суворова, А. В. Адаптация региональной системы стратегического планирования к новым правовым основам: опыт регионов Большого Урала / А. В. Суворова // Развитие территориальных социально-экономических систем: вопросы теории и практики : сб.

науч. ст. XIV Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 15–16 декабря 2016 г.). – Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2016. – С. 304–307. – EDN ZCZKNJ.

584. Суворова, А. В. Анализ зарубежного и отечественного опыта реализации пространственных преобразований в интересах инновационного развития территории / А. В. Суворова // Сборник научных статей XIII Международной научно-практической конференции молодых ученых по региональной экономике (Екатеринбург, 29–30 октября 2015 г.). – Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2015. – С. 190–196. – EDN VYXZTH.

585. Суворова, А. В. Городские агломерации: особенности функционирования и методологические принципы развития / А. В. Суворова // Теоретическая и прикладная экономика. – 2023. – № 4. – С. 1–17. – DOI 10.25136/2409-8647.2023.4.68863. – EDN AAUUUK.

586. Суворова, А. В. Измерение территориального капитала: сущность и особенности / А. В. Суворова // Креативная экономика. – 2021. – Т. 15, № 9. – С. 3593–3610. – DOI 10.18334/ce.15.9.113504. – EDN GJPRRN.

587. Суворова, А. В. Какова экономическая природа территориального капитала? / А. В. Суворова // Журнал экономической теории. – 2021. – Т. 18, № 2. – С. 226–238. – DOI 10.31063/2073-6517/2021.18-2.5. – EDN ZSLJWE.

588. Суворова, А. В. Концентрация человеческого капитала: тенденции и эффекты / А. В. Суворова // Развитие территориальных социально-экономических систем: вопросы теории и практики : сб. материалов XVIII Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 9−10 марта 2021 г.). – Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2021. – С. 85–88. – EDN YXRJNW.

589. Суворова, А. В. Концептуальные основы преобразований экономического пространства территорий разного уровня / А. В. Суворова // Управление экономикой: методы, модели, технологии : материалы XXI Междунар. науч. конф. (Уфа, 27–29 октября 2021 г.). – Уфа : УГАТУ, 2021. – С. 175–178. – EDN BSCFXR.

590. Суворова, А. В. Критерии типологизации муниципальных образований в стратегическом региональном планировании / А. В. Суворова // AlterEconomics. – 2025. – Т. 22, № 4. – С. 666–682. – DOI 10.31063/AlterEconomics/2025.22-4.6. – EDN TMPQAN.

591. Суворова, А. В. Межмуниципальное сотрудничество в России: проблемы и перспективы развития / А. В. Суворова // AlterEconomics. – 2024. – Т. 21, № 3. – С. 571−589. – DOI 10.31063/AlterEconomics/2024.21-3.8. – EDN DIEDWA.

592. Суворова, А. В. Модели пространственной организации социально-экономических систем: опыт региональных стратегий развития / А. В. Суворова // Экономика и управление. – 2020. – Т. 26, № 10 (180). – С. 1092–1101. – DOI 10.35854/1998-1627-2020-10-1092-1101. – EDN CBESUU.

593. Суворова, А. В. Наращивание территориального капитала как основа методологии пространственного развития экономики / А. В. Суворова // Институциональная трансформация экономики: человек и социум (ИТЭ-ЧС 2021) : материалы VII Междунар. науч. конф. (Томск, 21–23 октября 2021 г.). – Томск : ТГУ, 2021. – С. 184–186. – DOI 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-126. – EDN GCMKTP.

594. Суворова, А. В. Неравномерность распределения благ и возможностей: пространственный аспект проблемы / А. В. Суворова // Труды VIII Всероссийского симпозиума по экономической теории : в 2 т. – Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2018. – Т. 2: Доклады молодых ученых. – С. 114–119.

595. Суворова, А. В. Ориентиры пространственного развития региона: кейс Оверд-ловской и Челябинской областей / А. В. Суворова // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2023. – Т. 29, № 1. – С. 74–83. – DOI 10.21209/2227-9245-2023-29-1-74-83. – EDN QLUGJF.

596. Суворова, А. В. Особенности измерения социально-экономического пространства в региональных стратегиях развития / А. В. Суворова // Проблемы функционирования и развития территориальных социально-экономических систем : материалы XIV Междунар. науч.-практ. конф. (Уфа, 26–27 ноября 2020 г.). – Уфа : УФИЦ РАН, 2020. – С. 91–97. – EDN JEBBTA.

597. Суворова, А. В. Особенности концентрации населения и жилья в регионах Уральского федерального округа / А. В. Суворова, С. Н. Котлярова // Муниципалитет: экономика и управление. – 2023. – № 4 (45). – С. 33–41. – DOI 10.22394/2304-3385-2023-4-33-41. – EDN VHWBKC.

598. Суворова, А. В. Особенности оценки пространственных факторов развития экономики региона / А. В. Суворова // Российские регионы в фокусе перемен : сб. докл. XIV Междунар. конф. (Екатеринбург, 14–16 ноября 2019 г.). – Екатеринбург : УМЦ УПИ, 2020. – С. 608–610. – EDN NYMENN.

599. Суворова, А. В. Особенности типологизации регионов с учетом специфики ресурсной составляющей их развития / А. В. Суворова // Конкурентоспособность и развитие

социально-экономических систем : сб. аннот. докл. IV Междунар. науч. конф. (Челябинск, 25–26 ноября 2020 г.). – Челябинск : ЧелГУ, 2020. – С. 115–116. – EDN VFEEYU.

600. Суворова, А. В. Особенности типологизации регионов: подходы и варианты критериев / А. В. Суворова // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2019. – № 11-3 (57). – С. 71–74. – DOI 10.24411/2411-0450-2019-11396. – EDN VMZQDC.

601. Суворова, А. В. Особенности управления пространственным развитием экономики регионов в современных российских условиях / А. В. Суворова // Фундаментальные исследования. – 2021. – № 9. – С. 53–58. – DOI 10.17513/fr.43093. – EDN ECLNCF.

602. Суворова, А. В. Особенности устойчивого развития городов: пространственные аспекты / А. В. Суворова // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. – 2024. – № 2 (77). – С. 26–32. – DOI 10.52897/2411-4588-2024-2-26-32. – EDN IIFRQE.

603. Суворова, А. В. Оценка пространственного развития территорий: обзор управленческих практик / А. В. Суворова // Финансы и управление. – 2025. – № 4. – С. 41–53. – DOI 10.25136/2409-7802.2025.4.77051. – EDN IXMQGA.

604. Суворова, А. В. Практические аспекты оценки экономического пространства / А. В. Суворова // Теоретическая и прикладная экономика. – 2021. – № 1. – С. 86–98. – DOI 10.25136/2409-8647.2021.1.35545. – EDN WJZXMR.

605. Суворова, А. В. Проблемы пространственного развития старопромышленных регионов РФ / А. В. Суворова // Актуальные вопросы экономики и социологии : сб. ст. по материалам XVI Междунар. осен. конф. молодых ученых (Новосибирск, 12–15 октября 2020 г.). – Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2020. – С. 111–113. – EDN NHNHZM.

606. Суворова, А. В. Пространственная организация экономики региона: возможности анализа и стратегирования / А. В. Суворова // Экономика знаний: теория, практика, перспективы развития : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Донецк, 25 октября 2019 г.). – Донецк : Ин-т экон. исслед., 2020. – С. 415–423. – EDN NOHZWL.

607. Суворова, А. В. Пространственная политика региональных органов власти / А. В. Суворова, О. В. Кузнецова // Пространственное развитие России: муниципальное измерение / науч. ред. О. В. Кузнецова. – Москва : Т-во науч. изд. КМК, 2026. – С. 112–117. – EDN PLLQUY.

608. Суворова, А. В. Пространственное развитие муниципалитета как элемент системы стратегического планирования / А. В. Суворова // Актуальные вопросы экономики

и социологии : сб. ст. по итогам XIV Осен. конф. (Новосибирск, 22–24 октября 2018 г.). – Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2018. – С. 53–57. – EDN VNUZVF.

609. Суворова, А. В. Пространственное развитие территорий разного уровня: общие принципы и особенности / А. В. Суворова // Развитие территориальных социально-экономических систем: вопросы теории и практики : материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 11–12 марта 2020 г.). – Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2020. – С. 240–243. – EDN XLITUL.

610. Суворова, А. В. Пространственное развитие: содержание и особенности / А. В. Суворова // Journal of New Economy. – 2019. – Т. 20, № 3. – С. 51–64. – DOI 10.29141/2658-5081-2019-20-3-4. – EDN CXQEEV.

611. Суворова, А. В. Пространственные аспекты социально-экономического развития региона: особенности осуществления стратегического планирования / А. В. Суворова // Управление социально-экономическим развитием территорий: факторы, институты, механизмы отв. ред. Ю. Г. Лаврикова. – Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2018. – С. 10–19. – EDN YZQLID.

612. Суворова, А. В. Развитие полюсов роста в Российской Федерации: прямые и обратные эффекты / А. В. Суворова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2019. – Т. 12, № 6. – С. 110–128. – DOI 10.15838/esc.2019.6.66.6. – EDN XUUTWR.

613. Суворова, А. В. Региональная система стратегического планирования: анализ опыта адаптации регионов Большого Урала к изменениям в российском законодательстве / А. В. Суворова // Современные проблемы развития экономики и управления в регионе (в условиях цифровой трансформации) : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. (Пермь, 17 мая 2018 г.). – Пермь : От и до, 2018. – С. 543–547. – EDN VWOGDA.

614. Суворова, А. В. Стратегические императивы пространственного развития Российской Федерации: преобразование Большого Урала / А. В. Суворова // Большой Урал: социально-экономические и пространственные изменения в первые десятилетия XXI века / под ред. Ю. Г. Лавриковой. – Екатеринбург : УрО РАН, 2024. – С. 48–56.

615. Суворова, А. В. Стратегические основы обеспечения пространственного развития Российской Федерации / А. В. Суворова // Приоритеты научно-технологического развития регионов: механизмы реализации / под ред. Ю. Г. Лавриковой. – Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2020. – С. 337–349. – EDN OPXAXO.

616. Суворова, А. В. Структурные особенности экономики муниципальных образований: оценка и интерпретация / А. В. Суворова // Экономика и управление. – 2023. – Т. 29, № 9. – С. 1094–1108. – DOI 10.35854/1998-1627-2023-9-1094-1108. – EDN HLKMAU.

617. Суворова, А. В. Теоретические основы исследования экономического пространства: эволюция подходов / А. В. Суворова // Журнал экономической теории. – 2020. – Т. 17, № 3. – С. 629–642. – DOI 10.31063/2073-6517/2020.17-3.9. – EDN OOJCJI.

618. Суворова, А. В. Трансформация региональной системы стратегического планирования в новых правовых условиях: исследование практики регионов Большого Урала / А. В. Суворова // Исследования и разработки молодых ученых в решении актуальных проблем XXI века : сб. науч. ст. – Екатеринбург : УрГЭУ, 2017. – С. 104–112. – EDN UPCCID.

619. Суворова, А. В. Трансформация российского пространства как ответ на кризис / А. В. Суворова, С. Г. Важенин, И. С. Важенина // Риски и возможности развития регионов России в условиях санкционного давления / под ред. Ю. Г. Лавриковой. – Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2022. – С. 609–628. – EDN EJQUWI.

620. Суворова, А. В. Уральские регионы в контексте трансформации правовых основ развития системы стратегического планирования / А. В. Суворова // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2018. – № 3 (34). – С. 46–51. – DOI 10.18323/2221-5689-2018-3-46-51. – EDN YGGBZB.

621. Суворова, А. В. Устойчивое развитие Российской Федерации: анализ проблем в контексте размещения экологического капитала / А. В. Суворова // Экология и общество: баланс интересов : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Вологда, 20–22 апреля 2022 г.). – Вологда : ВолНЦ РАН, 2022. – С. 64–69. – EDN JMJMRD.

622. Суворова, А. В. Формирование макрорегионов как инструмент сокращения внутритерриториальных диспропорций: опыт Уральского федерального округа / А. В. Суворова // Теоретическая и прикладная экономика. – 2021. – № 4. – С. 1–14. – DOI 10.25136/2409-8647.2021.4.36766. – EDN XIBNCH.

623. Суворова, А. В. Ценообразование на региональном рынке рекламных конструкций: местоположение объекта как важнейший фактор его ценности / А. В. Суворова // Региональная экономика: теория и практика. – 2016. – № 9 (432). – С. 4–16. – EDN WKRFFP.

624. Суворова, А. В. Человеческий потенциал региона: особенности пространственных трансформаций / А. В. Суворова // Национальные экосистемы : сб. науч. тр. по итогам проведения I–III Междунар. науч.-практ. конф. (Курган, 25 ноября 2019 г. – 16 декабря 2022 г.). – Курган : КГУ, 2023. – С. 611–616. – EDN FIYYEI.

625. Суворова, А. В. Экономическое пространство: содержание и концептуальные свойства / А. В. Суворова // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2020. – № 11-3 (69). – С. 115–119. – DOI 10.24411/2411-0450-2020-10982. – EDN NQNQHN.

626. Kyriakopoulos, G. L. Sustainable development of million cities: Spatial evidence from Russia / G. L. Kyriakopoulos, Y. Lavrikova, A. Suvorova // E3S Web of Conferences. – 2023. – Vol. 435. – Art. 02001. – P. 1–11. – DOI 10.1051/e3sconf/202343502001. – EDN FWVIPO.

627. Lavrikova, Ju. Problems of a modern spatial organization in the Euro-Asia region / Ju. Lavrikova, S. Kotlyarova, A. Suvorova // Eurasian Journal of Social Sciences. – 2015. – Vol. 3, № 3. – P. 86–93. – DOI 10.15604/ejss.2015.03.03.006.

628. Lavrikova, Ju. G. Spatial aspects of regional infrastructure distribution (the case of Sverdlovsk region) / Ju. G. Lavrikova, A. V. Suvorova // R-Economy. – 2019. – Vol. 5, № 4. – P. 155–167. – DOI 10.15826/recon.2019.5.4.016. – EDN SOJWYG.

629. Lavrikova, Y. Models of spatial organization of regional economies / Y. Lavrikova, A. Suvorova // Landmarks for spatial development: equality or differentiation / eds. S. Martinat [et al.]. – Cham : Springer, 2023. – P. 113–134. – DOI 10.1007/978-3-031-37349-7_7.

630. Myslyakova, Yu. G. Economic-genetic approach to the institutionalization of spatial development models of industrial regions / Yu. G. Myslyakova, A. V. Suvorova, N. P. Neklyudova // R-Economy. – 2026. – Vol. 12, № 1. – P. 5–23. – DOI 10.15826/recon.2026.12.1.001. – EDN XNVJPS.

631. Suvorova, A. Environmental sustainability and economic development in Russian regions: spatial analysis / A. Suvorova // E3S Web of Conference. – 2021. – Vol. 258. – Art. 8002. – DOI 10.1051/e3sconf/202125808002. – EDN ZOPSID.

632. Suvorova, A. Evaluation of spatial imbalances in the largest city: Ekaterinburg as a case study / A. Suvorova // Advances in social science, education and humanities research. – 2022. – Vol. 632. – P. 18–22. – DOI 10.2991/assehr.k.220106.004.

633. Suvorova, A. Management of a municipality territory development under the new industrialization) / A. Suvorova, Y. Myslyakova // Advances in social science, education and humanities research. – 2019. – Vol. 240. – P. 582–585. – DOI 10.2991/sicni-18.2019.118.

634. Suvorova, A. Methodological aspect of the regions resource-based typology / A. Suvorova // European proceedings of social and behavioural sciences. – 2020. – Vol. 105. – P. 321−330. – DOI 10.15405/epsbs.2021.04.35. – EDN GMKKLV.

635. Suvorova, A. Optimizing the spatial organization of the Russian economy / A. Suvorova // The 14th International Days of Statistics and Economics : conference proceedings (Prague, September 10–12, 2020). – Prague : Melandrium, 2020. – P. 1210–1219.

636. Suvorova, A. Regional features of the spatial distribution of educational capitals in Russia / A. Suvorova // International transaction journal of engineering, management and applied sciences and technologies. – 2021. – Vol. 12, № 6. – Art. 12A6M. – DOI 10.14456/ITJEMAST.2021.118. – EDN FBHSGP.

637. Suvorova, A. Regional imbalances in the localization of creative capital / A. Suvorova // E3S Web of Conference. – 2021. – Vol. 301. – Art. 03007. – DOI 10.1051/e3sconf/202130103007.

638. Suvorova, A. Structural characteristics of urban agglomerations: a case of Russia and Europe / A. Suvorova // Journal of institutional studies. – 2023. – Vol. 15, № 4. – P. 91–108. – DOI 10.17835/2076-6297.2023.15.4.091-108. – EDN OFCEGW.

639. Suvorova, A. Towards digital twins for the development of territories / A. Suvorova // Lecture notes in information systems and organisation. – 2022. – Vol. 54. – P. 121–131. – DOI 10.1007/978-3-030-94617-3_10. – EDN GXPNDJ.

640. Suvorova, A. V. Territorial capital of Russian regions and its spatial organization / A. V. Suvorova // R-Economy. – 2022. – Vol. 8, № 2. – P. 106–119. – DOI 10.15826/recon.2022.8.2.009. – EDN FUHNEV.

641. Suvorova, A. V. Unlocking the potential of inter-municipal cooperation / A. V. Suvorova // R-Economy. – 2024. – Vol. 10, № 4. – P. 410–426. – DOI 10.15826/recon.2024.10.4.025. – EDN LFYILO.

Приложение А

(обязательное)

Распределение региональных стратегий социально-экономического развития по трем группам, отличающимся друг от друга глубиной проработки вопросов преобразования пространства

Субъект РФ	Название стратегии социально-экономического развития региона	Год утверждения	Группа, к которой отнесен документ
Алтайский край	Стратегия социально-экономического развития Алтайского края до 2035 г.	2021	3
Амурская область	Стратегия социально-экономического развития Амурской области на период до 2035 г.	2023	3
Архангельская область	Стратегия социально-экономического развития Архангельской области до 2035 г.	2019	3
Астраханская область	Стратегия социально-экономического развития Астраханской области на период до 2035 г.	2023	3
Белгородская область	Стратегия социально-экономического развития Белгородской области на период до 2030 г.	2023	3
Брянская область	Стратегия социально-экономического развития Брянской области до 2030 г.	2019	3
Владимирская область	Стратегия социально-экономического развития Владимирской области до 2030 г.	2009	1
Волгоградская область	Стратегия социально-экономического развития Волгоградской области до 2030 г.	2021	3
Вологодская область	Стратегия социально-экономического развития Вологодской области на период до 2030 г.	2016	3
Воронежская область	Стратегия социально-экономического развития Воронежской области на период до 2035 г.	2018	3
Еврейская автономная область	Стратегия социально-экономического развития Еврейской автономной области до 2030 г.	2018	3
Забайкальский край	Стратегия социально-экономического развития Забайкальского края на период до 2030 г.	2013	3
Ивановская область	Стратегия социально-экономического развития Ивановской области до 2030 г.	2021	3
Иркутская область	Стратегия социально-экономического развития Иркутской области на период до 2036 г.	2022	3
Кабардино-Балкарская Республика	Стратегия социально-экономического развития Кабардино-Балкарской Республики до 2040 г.	2019	2

Субъект РФ	Название стратегии социально-экономического развития региона	Год утверждения	Группа, к которой отнесен документ
Калининградская область	Стратегия социально-экономического развития Калининградской области на долгосрочную перспективу	2012	3
Калужская область	Стратегия социально-экономического развития Калужской области до 2040 г.	2022	3
Камчатский край	Стратегия социально-экономического развития Камчатского края до 2035 г.	2023	3
Карачаево-Черкесская Республика	Стратегия социально экономического развития Карачаево-Черкесской Республики на период до 2035 г.	2023	3
Кемеровская область – Кузбасс	Стратегия социально-экономического развития Кемеровской области – Кузбасса на период до 2035 г.	2018	3
Кировская область	Стратегия социально-экономического развития Кировской области на период до 2036 г.	2024	3
Костромская область	Стратегия социально-экономического развития Костромской области на период до 2035 г.	2021	3
Краснодарский край	Стратегия социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 г.	2018	3
Красноярский край	Стратегия социально-экономического развития Красноярского края до 2030 г.	2018	3
Курганская область	Стратегия социально-экономического развития Курганской области на период до 2030 г.	2022	3
Курская область	Стратегия социально-экономического развития Курской области на период до 2030 г.	2020	3
Ленинградская область	Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Ленинградской области до 2036 г.	2025	3
Липецкая область	Стратегия социально-экономического развития Липецкой области на период до 2030 г.	2022	3
Магаданская область	Стратегия социально-экономического развития Магаданской области на период до 2030 г.	2020	3
Московская область	Стратегия социально-экономического развития Московской области на период до 2030 г.	2018	2
Мурманская область	Стратегия социально-экономического развития Мурманской области до 2020 г. и на период до 2025 г.	2013	2
Ненецкий автономный округ	Стратегия социально-экономического развития Ненецкого автономного округа до 2030 г.	2019	3
Нижегородская область	Стратегия социально-экономического развития Нижегородской области до 2035 г.	2018	3
Новгородская область	Стратегия социально-экономического развития Новгородской области до 2026 г.	2019	2
Новосибирская область	Стратегия социально-экономического развития Новосибирской области на период до 2030 г.	2019	3
Омская область	Стратегия социально-экономического развития Омской области до 2030 г.	2022	2

Субъект РФ	Название стратегии социально-экономического развития региона	Год утверждения	Группа, к которой отнесен документ
Оренбургская область	Стратегия развития Оренбургской области до 2030 г.	2010	3
Орловская область	Стратегия социально-экономического развития Орловской области до 2035 г.	2018	3
Пензенская область	Стратегия социально-экономического развития Пензенской области на период до 2035 г.	2019	2
Пермский край	Стратегия социально-экономического развития Пермского края до 2035 г.	2024	2
Приморский край	Стратегия социально-экономического развития Приморского края до 2030 г.	2018	3
Псковская область	Стратегия социально-экономического развития Псковской области до 2035 г.	2020	3
Республика Адыгея	Стратегия социально-экономического развития Республики Адыгея до 2030 г.	2018	3
Республика Алтай	Стратегия социально-экономического развития республики Алтай на период до 2035 г.	2018	2
Республика Башкортостан	Стратегия социально-экономического развития республики Башкортостан на период до 2030 г.	2018	3
Республика Бурятия	Стратегия социально-экономического развития Республики Бурятия на период до 2035 г.	2019	3
Республика Дагестан	Стратегия социально-экономического развития Республики Дагестан на период до 2030 г.	2022	3
Республика Ингушетия	Стратегия социально-экономического развития Республики Ингушетия на 2009−2020 г. и на период до 2030 г.	2009	2
Республика Калмыкия	Стратегия социально-экономического развития Республики Калмыкия на период до 2030 г.	2019	3
Республика Карелия	Стратегия социально-экономического развития Республики Карелия на период до 2030 г.	2018	2
Республика Коми	Стратегия социально-экономического развития Республики Коми на период до 2035 г.	2019	3
Республика Крым	Стратегия социально-экономического развития Республики Крым до 2030 г.	2017	3
Республика Марий Эл	Стратегия социально-экономического развития Республики Марий Эл на период до 2030 г.	2018	3
Республика Мордовия	Стратегия социально-экономического развития Республики Мордовия до 2025 г.	2008	2
Республика Саха (Якутия)	Стратегия социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) до 2032 г. с целевым видением до 2050 г.	2018	3
Республика Татарстан	Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 г.	2015	3
Республика Тыва	Стратегия социально-экономического развития Республики Тыва до 2030 г.	2018	1

Субъект РФ	Название стратегии социально-экономического развития региона	Год утверждения	Группа, к которой отнесен документ
Республика Удмуртия	Стратегия социально-экономического развития Удмуртской Республики на период до 2025 г.	2009	3
Республика Хакасия	Стратегия социально-экономического развития Республики Хакасия до 2030 г.	2020	3
Республика Чувашия	Стратегия социально-экономического развития Чувашской Республики до 2035 г.	2020	2
Ростовская область	Стратегия социально-экономического развития Ростовской области на период до 2030 г.	2018	3
Рязанская область	Стратегия социально-экономического развития Рязанской области до 2030 г.	2018	2
Самарская область	Стратегия социально-экономического развития Самарской области на период до 2030 г.	2017	3
Саратовская область	Стратегия социально-экономического развития Саратовской области до 2030 г.	2016	2
Сахалинская область	Стратегия социально-экономического развития Сахалинской области на период до 2035 г.	2019	3
Свердловская область	Стратегия социально-экономического развития Свердловской области на 2016–2030 гг.	2015	3
Республика Северная Осетия – Алания	Стратегия социально-экономического развития Республики Северная Осетия – Алания до 2030 г.	2019	3
Смоленская область	Стратегия социально-экономического развития Смоленской области до 2030 г.	2018	2
Ставропольский край	Стратегия социально-экономического развития Ставропольского края до 2035 г.	2019	3
Тамбовская область	Стратегия социально-экономического развития Тамбовской области до 2035 г.	2018	1
Тверская область	Стратегия социально-экономического развития Тверской области на период до 2030 г.	2013	1
Томская область	Стратегия социально-экономического развития Томской области до 2030 г.	2015	3
Тульская область	Проект стратегии социально-экономического развития Тульской области до 2030 г.	2013	3
Тюменская область	Стратегия социально-экономического развития Тюменской области до 2030 г.	2020	2
Ульяновская область	Стратегия социально-экономического развития Ульяновской области до 2030 г.	2015	3
Хабаровский край	Стратегия социально-экономического развития Хабаровского края на период до 2030 г.	2018	3
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	Стратегия социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры до 2036 г. с целевыми ориентирами до 2050 г.	2022	3

Субъект РФ	Название стратегии социально-экономического развития региона	Год утверждения	Группа, к которой отнесен документ
Челябинская область	Стратегия социально-экономического развития Челябинской области на период до 2035 г.	2019	3
Чеченская Республика	Стратегия социально-экономического развития Чеченской Республики до 2035 г.	2021	2
Чукотский автономный округ	Стратегия социально-экономического развития Чукотского автономного округа до 2030 г.	2014	2
Ямало-Ненецкий автономный округ	Стратегия социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа до 2035 г.	2021	2
Ярославская область	Стратегия социально-экономического развития Ярославской области до 2030 г.	2014	1

Приложение Б

(обязательное)

Направления трансформации пространства, нашедшие отражение в региональных стратегиях социально-экономического развития

Субъект РФ	Развитие всех территорий (муниципальных образований)	Выравнивание, гомогенизация пространства	Формирование (развитие) точек и зон роста	Повышение связанности территории
Алтайский край				
Астраханская область		+	+	
Белгородская область		+		
Брянская область			+	+
Волгоградская область	+	+		
Вологодская область		+		+
Воронежская область			+	
Еврейская автономная область			+	+
Забайкальский край		+		
Ивановская область		+	+	
Иркутская область				
Кабардино-Балкарская Республика	+			
Калининградская область				+
Калужская область				+
Камчатский край		+		
Карачаево-Черкесская Республика			+	
Кемеровская область – Кузбасс		+		
Кировская область		+		
Костромская область	+			
Краснодарский край				
Красноярский край	+			
Курганская область	+			
Курская область			+	+
Ленинградская область				
Липецкая область			+	+
Магаданская область				
Московская область		+	+	+

Субъект РФ	Развитие всех территорий (муниципальных образований)	Выравнивание, гомогенизация пространства	Формирование (развитие) точек и зон роста	Повышение связанности территории
Ненецкий автономный округ			+	
Нижегородская область	+			+
Новгородская область		+	+	
Новосибирская область			+	+
Омская область				
Оренбургская область				
Орловская область			+	+
Пермский край				
Приморский край		+		
Псковская область		+	+	
Республика Адыгея				
Республика Алтай				
Республика Башкортостан				
Республика Бурятия	+			
Республика Дагестан	+			
Республика Ингушетия		+		
Республика Калмыкия		+	+	+
Республика Карелия	+			
Республика Коми				
Республика Крым				
Республика Марий Эл		+		
Республика Мордовия			+	+
Республика Саха (Якутия)				
Республика Татарстан			+	+
Республика Удмуртия				
Республика Хакасия		+	+	
Республика Чувашия			+	
Ростовская область				
Рязанская область				
Самарская область	+			
Сахалинская область				
Свердловская область	+			
Республика Северная Осетия – Алания				
Смоленская область			+	+
Ставропольский край				

Субъект РФ	Развитие всех территорий (муниципальных образований)	Выравнивание, гомогенизация пространства	Формирование (развитие) точек и зон роста	Повышение связанности территории
Томская область	+			
Тульская область			+	+
Тюменская область				
Ульяновская область			+	
Хабаровский край			+	
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра				
Челябинская область				
Чеченская Республика				
Чукотский автономный округ				+
Ямало-Ненецкий автономный округ			+	

Приложение В

(обязательное)

Модели организации пространства, нашедшие отражение в региональных стратегиях социально-экономического развития

Субъект РФ	Модель приоритетного развития территорий, обладающих наибольшим потенциалом	Модель содействия развитию отстающих территорий	Модель функционального зонирования	Модель иерархической организации пространства
Алтайский край	+	+		
Амурская область			+	
Архангельская область	+	+	+	
Астраханская область	+			
Белгородская область			+	
Брянская область	+			+
Владимирская область	+			
Волгоградская область	+		+	
Вологодская область	+			
Воронежская область	+	+		+
Еврейская автономная область	+		+	
Забайкальский край	+			
Ивановская область	+			
Иркутская область	+	+	+	
Кабардино-Балкарская Республика			+	
Калининградская область		+		
Калужская область	+	+		
Камчатский край		+	+	
Карачаево-Черкесская Республика	+			
Кемеровская область – Кузбасс		+		
Кировская область	+		+	
Костромская область	+		+	
Краснодарский край	+		+	
Красноярский край			+	

Субъект РФ	Модель приоритетного развития территорий, обладающих наибольшим потенциалом	Модель содействия развитию отстающих территорий	Модель функционального зонирования	Модель иерархической организации пространства
Курская область	+	+		+
Ленинградская область			+	
Липецкая область	+	+	+	
Магаданская область	+			
Московская область	+			
Мурманская область	+			
Ненецкий автономный округ	+	+		+
Нижегородская область	+			+
Новгородская область	+			
Новосибирская область	+	+	+	
Оренбургская область		+		
Орловская область	+	+		+
Приморский край	+	+		
Псковская область	+		+	
Республика Адыгея	+		+	
Республика Башкортостан	+	+		
Республика Бурятия	+			
Республика Дагестан	+	+		
Республика Калмыкия			+	
Республика Карелия	+	+		
Республика Коми	+	+		
Республика Крым	+		+	
Республика Марий Эл			+	
Республика Мордовия	+	+		
Республика Саха (Якутия)	+	+	+	
Республика Татарстан	+	+	+	+
Республика Тыва	+			
Республика Удмуртия	+	+		
Республика Хакасия	+	+	+	
Республика Чувашия	+	+		
Ростовская область	+	+		+
Сахалинская область	+		+	

Субъект РФ	Модель приоритетного развития территорий, обладающих наибольшим потенциалом	Модель содействия развитию отстающих территорий	Модель функционального зонирования	Модель иерархической организации пространства
Свердловская область	+			
Республика Северная Осетия – Алания	+		+	
Смоленская область	+			
Ставропольский край	+	+		
Тамбовская область	+			
Томская область	+	+	+	
Тульская область	+		+	
Тюменская область	+	+		
Ульяновская область	+		+	+
Хабаровский край	+		+	
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра			+	
Челябинская область	+			
Чеченская Республика	+	+		

Приложение Г

(обязательное)

Показатели, используемые для оценки социально-экономического пространства в стратегиях социально-экономического развития регионов

Субъект РФ	Показатель
Алтайский край	Коэффициент дифференциации муниципальных районов и городских округов региона по уровню среднемесячной номинальной начисленной заработной платы
Астраханская область	«Цифровая зрелость» исполнительных органов Астраханской области, органов местного самоуправления и организаций в сфере здравоохранения, образования, городского хозяйства и строительства, общественного транспорта, подразумевающая использование ими отечественных информационно-технологических решений, %. Уровень удовлетворенности граждан Астраханской области качеством предоставления государственных и муниципальных услуг (от числа трудоспособного населения), %. Доля населенных пунктов Астраханской области с возможностью доступа к мобильному интернету стандарта не ниже 4G, %. Доля населенных пунктов с возможностью подключения жителей к высокоскоростному интернету на скоростях не ниже 50 Мбит/с, %. Доступность единой мультисервисной телекоммуникационной сети, %. Индекс промышленного производства по ОКВЭД «Добыча полезных ископаемых», %. Индекс производства по ОКВЭД «Обеспечение электрической энергией», %. Индекс производства по ОКВЭД «Производство кокса и нефтепродуктов», %. Индекс производства по ОКВЭД «Производство химических веществ и химических продуктов», %. Уровень газификации природным газом Астраханской области, %. Грузооборот транспортных предприятий, млн т-км
Белгородская область	Доля сельского населения Белгородской области в общей численности населения Российской Федерации, %. Объем жилищного строительства, тыс. $м^2$. Доля МКД в объеме вводимого жилья, %. Экспорт товаров, млн долл. США. Реальный рост несырьевого неэнергетического экспорта, %. Количество экспортеров, являющихся субъектами МСП, ед. Объем несырьевого неэнергетического экспорта субъектов МСП, млн долл. США. Импорт товаров, млн долл. США. Прирост среднего индекса качества городской среды (к 2019 г.), %. Валовое потребление природного газа в качестве моторного топлива, млн $м^3$. Количество автомобильных газовых наполнительных компрессорных станций, ед.
Брянская область	Ввод в действие жилых домов, тыс. $м^2$. Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на 1 жителя, $м^2$/чел. Число лиц, погибших в ДТП, чел. Доля протяженности автомобильных дорог Брянской области регионального и межмуниципального значения, соответствующая нормативным требованиям к их транспортно-эксплуатационному состоянию, %.

Субъект РФ	Показатель
	Доля парка подвижного состава общественного транспорта, оборудованного для перевозки маломобильных граждан, в общей численности подвижного состава общественного транспорта Брянской области, %. Пассажирооборот аэропорта, тыс. чел.
Волгоградская область	Среднегодовой индекс физического объема ВРП Волгоградской области, %. Межмуниципальная дифференциация по среднемесячной заработной плате, %. Межмуниципальная дифференциация по объему отгруженных товаров собственного производства, выполненным работам и услугам собственными силами (без субъектов малого предпринимательства), %. Межмуниципальная дифференциация по средней обеспеченности жильем одного жителя области, %
Вологодская область	Фактор транспортной доступности поселений в агломерациях, ч. Коэффициент вариации муниципальных районов, муниципальных округов, городских округов области по среднемесячной номинальной начисленной заработной плате. Количество созданных рабочих мест в рамках действия институтов развития территорий (инновационных территориальных кластеров, индустриальных парков, технопарков в сфере высоких технологий, особых экономических зон, территорий опережающего развития), ед. Доля городов с благоприятной средой от общего количества городов, %. Прирост среднего индекса качества городской среды (к 2019 г.), %
Воронежская область	Соотношение наилучших и наихудших показателей уровня безработицы в муниципальных районах и городских округах, раз. Плотность автодорог общего пользования с твердым покрытием, км путей на тыс. км^2 территории. Доля домашних хозяйств, имеющих широкополосный доступ к информационно-телекоммуникационной сети Интернет, в общем числе домашних хозяйств, %. Доля граждан, использующих механизм получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме, %. Доля использованных, обезвреженных отходов в общем объеме отходов, образовавшихся в процессе производства и потребления, %. Доля населения, охваченного мероприятиями в сфере культуры, в общей численности населения, %. Доля установленных водоохранных зон водных объектов в протяженности береговой линии, требующей установления водоохранных зон, %
Еврейская автономная область	Динамика энергоемкости ВРП – для региональных программ энергосбережения и повышения энергетической эффективности, кг усл. т/тыс. р. Уровень благоустройства дворовых территорий, %. Уровень благоустройства общественных территорий, %. Уровень преступности (количество зарегистрированных преступлений, совершенных на 100 тыс. чел.), ед. Количество актов террористического и экстремистского характера на территории области, ед. Уровень наркозаболеваемости (относительное количество больных наркоманией из расчета на 100 тыс. чел.), чел. Увеличение количества государственных гражданских служащих области, участвующих в семинарах и тренингах по вопросам противодействия коррупции, %. Доля граждан, использующих механизм получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме, %. Увеличение доли массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде, %. Доля обработанных и утилизированных отходов производства и потребления от общего количества образованных отходов I–IV классов опасности, %

Субъект РФ	Показатель
Забайкальский край	Индекс качества городской среды, балл. Общая площадь жилых помещений на одного жителя, м^2
Калужская область	Объем работ, выполненных по виду деятельности «Строительство», млн р. Индекс физического объема работ, выполненных по виду деятельности «Строительство», %. Протяженность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием, км. Удельный вес автомобильных дорог с твердым покрытием, % Доля протяженности автомобильных дорог общего пользования регионального и межмуниципального значения, соответствующих нормативным требованиям, %. Доходы консолидированного бюджета субъекта РФ, млн р. Налоговые и неналоговые доходы, млн р. Неналоговые доходы, млн р. Расходы консолидированного бюджета субъекта РФ, млн р. Дефицит (−), профицит (+) консолидированного бюджета субъекта РФ, млн р. Государственный долг субъекта РФ и входящих в его состав МО, млн р.
Кировская область	Количество населенных пунктов, в которых реализуются новые инвестиционные проекты, существенно влияющие на экономику территории, включенных в перечень на федеральном уровне, ед. Количество разработанных мастер-планов для городской агломерации и опорных населенных пунктов, ед. Количество центров развития региона, ед.
Краснодарский край	Количество ядер первого порядка, ед. Количество ядер второго порядка, ед. Количество ядер третьего порядка, ед. Удельный вес городского населения в общей численности населения, %
Липецкая область	Среднегодовая численность населения Липецко-Елецкой агломерации, тыс. чел. Плотность населения в Липецко-Елецкой агломерации, чел./км^2. Миграционный прирост/убыль в Липецко-Елецкой агломерации, чел. Среднемесячная заработная плата в Липецко-Елецкой агломерации (по крупным и средним предприятиям и организациям), тыс. р. Объем инвестиций в основной капитал в Липецко-Елецкой агломерации (без субъектов МСП), млрд. р. Объем жилищного строительства в Липецко-Елецкой агломерации, млн м^2. Количество субъектов малого и среднего предпринимательства в расчете на 10 тыс. чел. населения в Липецко-Елецкой агломерации, ед. Доля дорожной сети в Липецко-Елецкой агломерации, находящаяся в нормативном состоянии, %. Среднегодовая численность населения сельской местности и малых городов, тыс. чел. Плотность населения в сельской местности и малых городах, чел./км^2. Миграционный прирост/убыль в сельской местности и малых городах, чел. Среднемесячная заработная плата в сельской местности и малых городах (по крупным и средним предприятиям и организациям), тыс. р. Объем инвестиций в основной капитал в сельской местности и малых городах (без субъектов МСП), млрд ру. Объем жилищного строительства в сельской местности и малых городах, млн м^2. Количество субъектов малого и среднего предпринимательства в расчете на 10 тыс. чел. населения в сельской местности и малых городах, ед. Доля сельских населенных пунктов, обеспеченных услугами пассажирского транспорта общего пользования, %. Число размещенных в коллективных средствах размещения в сельской местности и малых городах, тыс. чел.

Субъект РФ	Показатель
Московская область	Индекс качества транспортной инфраструктуры, балл. Индекс качества городской среды, балл.
Нижегородская область	Качество городской среды, %. Доля автомобильных дорог общего пользования (регионального или межмуниципального значения), отвечающих нормативным требованиям, %. Грузооборот автомобильного транспорта отраслей экономики, млн т-км. Качество окружающей среды, %. «Цифровая зрелость» органов государственной власти, органов местного самоуправления и организаций в сфере здравоохранения, образования, городского хозяйства и строительства, общественного транспорта, подразумевающая использование ими отечественных информационно-технологических решений, %
Новосибирская область	Обеспеченность муниципальных образований агломераций Новосибирской области актуализированными документами территориального планирования и градостроительного зонирования, %. Удовлетворенность населения деятельностью глав муниципальных районов (городских округов), входящих в состав агломераций Новосибирской области (в сфере организации транспортного обслуживания, по обеспечению качества автомобильных дорог, в сфере жилищно-коммунального обслуживания), %. Доля автомобильных дорог крупнейших городских агломераций, соответствующих нормативным требованиям, в их общей протяженности, %. Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами по основным видам экономической деятельности на территории агломераций Новосибирской области, млн р. Удовлетворенность населения деятельностью глав муниципальных районов (городских округов) Новосибирской области (в сфере организации транспортного обслуживания, по обеспечению качества автомобильных дорог, в сфере жилищно-коммунального обслуживания), %. Удельный вес общей площади жилых помещений в сельских населенных пунктах, оборудованных всеми видами благоустройства, в общей площади помещений в сельской местности, %. Доля сельского населения, систематически занимающегося физической культурой и спортом, в общей численности сельского населения Новосибирской области в возрасте 3−79 лет, %. Темп роста среднемесячной номинальной заработной платы работников сельского хозяйства, %. Отношение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников сельского хозяйства к среднемесячной номинальной начисленной заработной плате по Новосибирской области, %. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении сельского населения, лет Удельный вес зданий (помещений) учреждений культурно-досугового типа в сельской местности, находящихся в неудовлетворительном (аварийное) состоянии, %. Доля городского населения Новосибирской области, %
Омская область	Доля дорожной сети в крупнейших городских агломерациях, соответствующей нормативам, %. Количество погибших в дорожно-транспортных происшествиях на 100 тыс. чел. населения, чел.
Оренбургская область	Объем жилищного строительства, млн $м^2$. Количество городов с благоприятной городской средой, ед. Количество городов с внедренным дизайн-кодом, ед. Количество обустроенных общественных пространств (парки, скверы, сады, набережные), ед. Протяженность велосипедных дорожек, пог. км.

Субъект РФ	Показатель
	Доля твердых коммунальных отходов, направленных на обработку (сортировку), в общем объеме образованных твердых коммунальных отходов, %. Доля направленных на утилизацию отходов, выделенных в результате раздельного накопления и обработки (сортировки) твердых коммунальных отходов, в общей массе образованных твердых коммунальных отходов, %. Посадка древесно-кустарниковой растительности, млн шт. Модернизация очистных сооружений на реке Урал, ед. Протяженность расчищенных участков бассейна реки Урал, км Количество созданных комплексов утилизации, ед.
Орловская область	Плотность населения, чел. на 1 км^2. Удельный вес городского/сельского населения в общей численности населения, %
Пермский край	Объем жилищного строительства, тыс. м^2. Количество семей, улучшивших жилищные условия, тыс. ед. Строительство и реконструкция автомобильных дорог регионального или межмуниципального, местного значения, км. Доля автомобильных дорог регионального, межмуниципального и местного значения, соответствующих нормативным требованиям, %
Приморский край	Число монопрофильных муниципальных образований, в которых за последние три года было реализовано хотя бы три инвестиционных проекта с привлечением средств частных инвесторов не менее 1 млн р., ед. Новые рабочие места на приграничных территориях, тыс. ед. Миграционный прирост населения приграничных территорий, тыс. чел. Уровень заработной платы на приграничных территориях (от среднего уровня по Приморскому краю), %
Псковская область	Снижение дифференциации бюджетной обеспеченности муниципальных образований (к 2019 г.), %. Количество сформированных точек роста межрегионального значения, ед. Количество сформированных точек роста регионального значения, ед. Темп роста физического объема инвестиций в основной капитал, за исключением инвестиций инфраструктурных монополий (федеральные проекты) и бюджетных ассигнований федерального бюджета (к 2020 г.), %. Обеспеченность жилищным фондом, на 1 чел., м^2. Доля жилищного фонда, обеспеченного канализацией в городах, %. Доля жилищного фонда, обеспеченного канализацией, в сельской местности, %. Доля городов с благоприятной средой от общего количества городов, %. Коэффициент плотности дорожной сети общего пользования, км/км^2. Доля протяженности автомобильных дорог общего пользования местного значения, отвечающих нормативным требованиям, в общей протяженности автомобильных дорог общего пользования местного значения, %. Доля дорожной сети городских агломераций, находящаяся в нормативном состоянии, %. Доля автомобильных дорог регионального и межмуниципального значения, соответствующих нормативным требованиям, %
Республика Башкортостан	Отношение максимального значения показателя к минимальному в разрезе муниципальных образований по следующим показателям, раз: – объем отгруженной продукции на 1 чел.; – объем налоговых и неналоговых доходов местного бюджета на 1 чел.; – среднемесячная начисленная заработная плата; – уровень зарегистрированной безработицы; – естественный прирост (убыль) населения; – миграционный прирост (убыль) населения

Субъект РФ	Показатель
Республика Карелия	Число реализованных проектов по государственной программе Республики Карелия «Формирование комфортной городской среды», ед. Доля населенных пунктов, обеспеченных бесперебойным общественным транспортным сообщением, %. Объем жилищного строительства, млн $м^2$. Ввод жилья в рамках мероприятия по стимулированию программ развития жилищного строительства субъектов Российской Федерации, млн $м^2$. Качество городской среды, %
Республика Коми	Качество окружающей среды, %. Доля сельского населения в общей численности населения Республики Коми, %. Доля дорожной сети в крупнейших городских агломерациях, соответствующей нормативным требованиям, %. Объем потребления компримированного природного газа в Республике Коми, тыс. $м^3$. Количество автомобильных газонаполнительных компрессорных станций в Республике Коми, ед. Пассажиропоток из аэропортов Республики Коми, тыс. чел. Энергоемкость валового регионального продукта, кг у.т./10 тыс. р. Доля домохозяйств, имеющих широкополосный доступ к сети Интернет, %
Республика Крым	Объем инвестиций в основной капитал (за исключением бюджетных средств) в расчете на одного жителя муниципального образования, тыс. р./чел. Уровень самообеспеченности муниципального образования (соотношение налоговых и неналоговых доходов местного бюджета к расходной части местного бюджета), %. Удовлетворенность населения деятельностью органов местного самоуправления муниципального образования, %. Удовлетворенность населения деятельностью жилищно-коммунальных предприятий муниципального образования, %. Удовлетворенность населения организацией и качеством предоставления административных и иных услуг, оказываемых органами местного самоуправления муниципальных образований, %
Республика Мордовия	Ввод в действие жилых домов на 1 чел., $м^2$. Доля ветхого и аварийного жилья, %. Доля сельского населения, %. Площадь современной торговой и торгово-развлекательной недвижимости, тыс. $м^2$. Площадь современной офисной недвижимости (класса C+, B и выше), тыс. $м^2$. Количество мест общественного питания (для г. Саранска), на 1 000 чел. населения, мест. Площадь складских помещений (класса A и B), тыс. $м^2$. Ежегодный поток туристов, тыс. чел. Номерной фонд гостиниц, номеров. Объем маятниковой миграции в рамках Саранско-Рузаевско-Лямбирского узла расселения, тыс. чел./день
Республика Саха (Якутия)	Доля населения, имеющего круглогодичную транспортную доступность, %. Доля соответствующих нормативным требованиям автомобильных дорог регионального значения и автомобильных дорог в городских агломерациях с учетом загруженности, %. Пассажирооборот, млн пасс.-км. Ввод генерирующих мощностей электроэнергии, МВт. Доля возобновляемой энергетики в общем объеме вырабатываемой энергии в децентрализованной зоне энергоснабжения, %. Количество семей, улучшивших жилищные условия, тыс. ед.

Субъект РФ	Показатель
	Уровень доступности жилья, %. Количество граждан, расселенных из аварийного жилищного фонда, тыс. чел. Количество квадратных метров расселенного аварийного жилищного фонда, тыс. м^2. Доля городов с благоприятной средой от общего количества городов, %. Доля жилищного фонда, обеспеченного всеми видами благоустройства, %. Доля населения Республики Саха (Якутия), обеспеченного качественной питьевой водой из систем централизованного водоснабжения, %. Уровень противопожарного прикрытия населенных пунктов профессиональной пожарной охраной, %. Доля результативных поисково-спасательных работ, %.
Республика Татарстан	Протяженность магистральной скоростной автодорожной сети (автодороги I и II техической категории), км Протяженность скоростных и высокоскоростных железнодорожных линий, км. Пассажирооборот аэропортов, млн чел. в год
Удмурская Республика	Удельный вес автомобильных дорог с твердым покрытием в общей протяженности автомобильных дорог общего пользования, %
Ростовская область	Доля городского населения в общей численности населения Ростовской области, %. Доля населения городов свыше 100 тыс. жителей в общей численности населения Ростовской области, %. Количество муниципальных образований Ростовской области, характеризующихся ростом населения, ед.
Сахалинская область	Плотность населения, чел./км^2. Число муниципальных образований, ед. Региональные и межрегиональные перевозки грузов водным транспортом (грузооборот), млн т
Свердловская область	Количество созданных рабочих мест на предприятиях, осуществляющих деятельность в индустриальных парках, особых экономических зонах и ТОСЭР, тыс. ед. Объем привлеченных инвестиций для развития индустриальных парков, особых экономических зон и ТОСЭР, млн р. Доля муниципальных образований, имеющих актуальные документы стратегического планирования, %. Оборот розничной торговли, млрд р. Количество зарегистрированных на территории Свердловской области преступлений, тыс. ед. Уровень обеспеченности Свердловской области продукцией собственного производства (мясом и мясной продукцией, молоком и молочной продукцией, овощами), %. Число прибытий в коллективные средства размещения, млн чел. Количество сельских населенных пунктов, которые обеспечены постоянной круглогодичной связью с сетью автомобильных дорог общего пользования по дорогам с твердым покрытием, ед. Доля контейнерных и контрейлерных перевозок в общем объеме перевозок грузов железнодорожного транспортом, %. Доля переработки твердых коммунальных отходов по отношению к общему объему их образования, %.
Республика Северная Осетия – Алания	Число муниципальных районов и городских округов, имеющих стратегии развития и документы территориального планирования, синхронизированные на муниципальном и региональном уровне, ед.
Томская область	Энергоемкость валового регионального продукта, кг у. т/10 тыс. р. Протяженность дорог общего пользования с твердым покрытием, км.

Субъект РФ	Показатель
	Доля домохозяйств, которым обеспечена возможность широкополосного доступа к информационно-телекоммуникационной сети Интернет, %. Соотношение среднемесячных располагаемых ресурсов сельского и городского домохозяйств, %. Доля сельского населения в общей численности населения Томской области, %. Доля дорожной сети в городских агломерациях, находящейся в нормативном состоянии, %. Объем пассажиропотока авиасообщения Томской области, тыс. пассажиров. Количество аварий в системах теплоснабжения, водоснабжения и очистки сточных вод, ед. Уровень газификации природным газом жилищного фонда Томской области, подлежащего газификации, %. Удельный расход топлива на отпущенную электрическую энергию объектами, функционирующими в режиме комбинированной выработки электрической и тепловой энергии, кг у. т/кВт·ч
Тюменская область	Удельный вес сельских населенных пунктов, имеющих связь по дорогам с твердым покрытием, %. Удельный вес общей площади жилых помещений в сельских населенных пунктах, оборудованной всеми видами благоустройства, %. Доля автомобильных дорог общего пользования регионального или межмуниципального значения, соответствующих нормативным требованиям к транспортно-эксплуатационным показателям, в общей протяженности автомобильных дорог общего пользования регионального или межмуниципального значения, %. Прирост количества компаний-экспортеров из числа МСП по итогам внедрения Регионального экспортного стандарта 2.0 (к 2018 г.), %. Доля несырьевого неэнергетического экспорта в общем объеме экспорта, %
Хабаровский край	Увеличение грузооборота транспорта (к 2016 г.), %. Индекс производства по виду экономической деятельности «Строительство», %. Доля автомобильных дорог регионального и межмуниципального значения Хабаровского края, соответствующих нормативным требованиям, в их общей протяженности, %. Создание минимально достаточной инфраструктуры заправки природным газом (автомобильные газонаполнительные компрессорные станции и передвижные автомобильные газовые заправщики), ед.

Приложение Д

(обязательное)

Ретроспективная оценка пространственного развития экономики Российской Федерации с учетом особенностей локализации элементов территориального капитала (показатели, выделяемые в рамках затратного подхода) в 2019 г.

Показатель	Обеспеченность активами, тыс. р.		*Справочно:* число регионов, значения которых превышают среднероссийскую обеспеченность активами		Однородность			
	на единицу площади	на одного жителя	на единицу площади	на одного жителя	Индекс Холла – Тайдмана	Индекс Морана*	Индекс Джини	Индекс Тейла
Природный капитал								
Инвестиции в основной капитал по видам деятельности «сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство», «добыча полезных ископаемых»	207,10	24,17	34	18	0,049	0,035	0,760	1,398
Производственный капитал								
Инвестиции в основной капитал по видам деятельности «обрабатывающие производства», «обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха»	200,68	23,42	54	26	0,027	0,042	0,568	0,551
Финансовый капитал								
Инвестиции в основной капитал по виду Деятельности «финансовая и страховая деятельность»	21,34	2,49	13	4	0,127	0,021	0,908	2,837

Показатель	Обеспеченность активами, тыс. р.		*Справочно:* число регионов, значения которых превышают среднероссийскую обеспеченность активами		Однородность			
	на единицу площади	на одного жителя	на единицу площади	на одного жителя	Индекс Холла – Тайдмана	Индекс Морана*	Индекс Джини	Индекс Тейла
Культурный капитал								
Инвестиции в основной капитал по видам деятельности «деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений», «деятельность гостиниц и ресторанов»	16,17	1,89	47	23	0,034	−0,016	0,656	0,921
Экологический капитал								
Расходы на охрану окружающей среды	50,92	5,94	46	21	0,028	0,025	0,578	0,578
Образовательный капитал								
Расходы консолидированного бюджета на образование	195,99	22,87	57	32	0,023	0,015	0,479	0,432
Инвестиции в основной капитал по виду деятельности «образование»	21,02	2,45	53	30	0,024	−0,005	0,511	0,469
Творческий капитал								
Инвестиции в основной капитал по виду деятельности «деятельность профессиональная, научная и техническая»	33,73	3,94	20	14	0,076	0,029	0,844	1,878
Капитал здоровья								
Расходы консолидированного бюджета на здравоохранение	68,16	7,95	55	17	0,028	0,021	0,584	0,791
Инвестиции в основной капитал по виду деятельности «деятельность в области здравоохранения и социальных услуг»	20,22	2,36	57	35	0,023	0,003	0,489	0,496

Показатель	Обеспеченность активами, тыс. р.		*Справочно:* число регионов, значения которых превышают среднероссийскую обеспеченность активами		Однородность			
	на единицу площади	на одного жителя	на единицу площади	на одного жителя	Индекс Холла – Тайдмана	Индекс Морана*	Индекс Джини	Индекс Тейла
Отношенческий капитал, репутационный капитал								
Расходы консолидированного бюджета на общегосударственные вопросы	49,09	5,73	59	29	0,024	0,025	0,509	0,565
Инвестиции в основной капитал по виду деятельности «деятельность в области информации и связи»	38,7	4,52	45	10	0,048	−0,022	0,752	1,730

Примечание – * Значения индекса Морана, выделенные зеленым цветом, свидетельствуют о наличии положительной пространственной автокорреляции; персиковым цветом отмечены значения, свидетельствующие об отрицательной автокорреляции.

Приложение Е

(обязательное)

Особенности концентрации составляющих территориального капитала в пространстве Российской Федерации

Приложение Ж

(обязательное)

Ретроспективная оценка пространственного развития экономики Российской Федерации с учетом особенностей локализации элементов территориального капитала (показатели, выделяемые в рамках ресурсного подхода) в 2019 г.

Показатель	Обеспеченность активами		*Справочно:* число регионов, значения которых превышают среднероссийскую обеспеченность активами		Однородность			
	на единицу площади	на одного жителя	на единицу площади	на одного жителя	Индекс Холла – Тайдмана	Индекс Морана*	Индекс Джини	Индекс Тейла
Природный капитал								
Земельная площадь сельскохозяйственных угодий, км^2	0,13	0,015	64	38	0,023	0,087	0,503	0,430
Общий запас древесины, м^3	4 824	562,9	45	29	0,043	0,097	0,726	1,041
Запасы нефти, т	1 699	198,3	14	15	0,141	0,024	0,916	0,810
Запасы железных руд, т	6 553	764,6	10	13	0,194	0,017	0,939	1,330
Производственный капитал								
Стоимость основных фондов (за вычетом стоимости полностью изношенных), тыс. р.	16 440	1 918	56	23	0,030	0,018	0,614	0,866
Финансовый капитал								
Доходы консолидированного бюджета, тыс. р.	792,53	92,48	55	27	0,025	0,000	0,527	0,642
Сальдированный финансовый результат деятельности организаций, тыс. р.	971,23	113,33	29	17	0,061	−0,021	0,808	1,427

Показатель	Обеспеченность активами		*Справочно:* число регионов, значения которых превышают среднероссийскую обеспеченность активами		Однородность			
	на единицу площади	на одного жителя	на единицу площади	на одного жителя	Индекс Холла – Тайдмана	Индекс Морана*	Индекс Джини	Индекс Тейла
Вклады (депозиты) юридических и финансовых лиц в рублях, привлеченные кредитными организациями, тыс. р.	2 228,90	260,08	45	7	0,043	−0,013	0,729	1,603
Культурный капитал								
Численность зрителей театров, чел.	2,40	0,28	55	24	0,028	−0,025	0,575	0,729
Число посещений музеев, чел.	7,52	0,88	47	15	0,037	0,001	0,686	1,192
Численность размещенных в коллективных средствах размещения лиц, чел.	4,44	0,52	53	19	0,034	0,011	0,656	0,983
Экологический капитал								
Объем выбросов загрязняющих атмосферу веществ стационарными источниками, т	0,99	0,12	53	25	0,034	0,058	0,650	0,828
Сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты, тыс. $м^3$	0,72	84,54	52	23	0,028	0,032	0,580	0,594
Образование отходов производства и потребления, т	415,23	48,45	15	17	0,101	0,024	0,883	2,100
Образовательный капитал								
Численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры (на начало учебного года), чел.	0,24	0,03	55	24	0,027	−0,034	0,562	0,655
Численность занятых с высшим образованием, чел.	1,42	0,17	55	18	0,025	0,011	0,537	0,643
Творческий капитал								
Подано патентных заявок (на изобретения и полезные модели), ед.	0,002	0,0002	47	10	0,041	0,035	0,712	1,171
Численность персонала, занятого исследованиями и разработками, чел.	0,04	0,005	35	10	0,058	0,043	0,797	1,534

Показатель	Обеспеченность активами		*Справочно:* число регионов, значения которых превышают среднероссийскую обеспеченность активами		Однородность			
	на единицу площади	на одного жителя	на единицу площади	на одного жителя	Индекс Холла – Тайдмана	Индекс Морана*	Индекс Джини	Индекс Тейла
Количество высокопрофессиональных работников, чел.	1,49	0,17	56	19	0,024	0,014	0,508	0,510
Капитал здоровья								
Количество заболевших (диагноз, установленный впервые в жизни), чел.	6,69	0,78	61	37	0,022	0,022	0,462	0,372
Количество умерших (без учета смертности от внешних причин), чел.	0,10	0,01	61	50	0,022	0,054	0,458	0,363
П р и м е ч а н и е – Значения индекса Морана, выделенные зеленым цветом, свидетельствуют о наличии положительной пространственной корреляции; персиковым цветом отмечены значения, свидетельствующие об отрицательной корреляции.								

Приложение И

(обязательное)

Ретроспективная оценка пространственного развития экономики Российской Федерации с учетом особенностей локализации элементов территориального капитала (показатели, выделяемые в рамках доходного подхода) в 2019 г.

Показатель	Обеспеченность активами		*Справочно:* число регионов, значения которых превышают среднероссийскую обеспеченность активами		Однородность			
	на единицу площади, км^2	на одного жителя	на единицу площади, км^2	на одного жителя	Индекс Холла – Тайдмана	Индекс Морана*	Индекс Джини	Индекс Тейла
Валовой региональный продукт, тыс. р.	5550,92	647,71	55	17	0,030	0,001	0,603	0,799
Денежные доходы населения (в месяц), тыс. р.	302,85	35,34	55	18	0,026	0,017	0,554	0,680
Численность населения, чел.	8,57	–	61	–	0,022	0,020	0,439	0,366

П р и м е ч а н и е – Значения индекса Морана, выделенные зеленым цветом, свидетельствуют о наличии положительной пространственной корреляции; персиковым цветом отмечены значения, свидетельствующие об отрицательной корреляции.

Приложение К

(обязательное)

Позиции регионов в системе координат z–w_z по параметрам, характеризующим территориальный капитал

Приложение Л

(обязательное)

Размещение регионов, отличающихся спецификой локализации в них элементов территориального капитала, в пространстве страны в 2019 г.

Приложение М

(обязательное)

Особенности организации пространства российских регионов, отличающихся спецификой наличия у них элементов территориального капитала в 2023 г.

Субъект РФ	Индекс Тейла		Доля МО, лидирующего		Специфика локализации элементов территориального капитала в пространстве региона
	численность населения	объем отгрузки	по численности населения	по величине отгрузки	
Первая группа					
г. Москва	–	–	–	–	–
г. Санкт-Петербург	–	–	–	–	–
Иркутская область	0,768	1,229	26,05	19,79	Одно ядро (Иркутск) и второй МО по отгрузке (Усть-Кутский МР) **960 км***
Краснодарский край	0,505	0,807	21,20	19,27	Одно ядро (Краснодар) и второй МО по отгрузке (Новороссийск) **149 км**
Красноярский край	1,337	1,827	44,59	29,74	Два ядра (Красноярск лидирует по численности населения, Норильск – по отгрузке), третий МО по отгрузке (Туруханский МР), **более 2000, более 1000, более 1000 км**
Ленинградская область	0,392	0,542	27,72	26,04	Два ядра (Всеволжский МР лидирует по численности населения, Кингисепский МР – по отгрузке), **164 км**
Московская область	0,312	0,400	6,41	7,17	Отсутствует ядро среди МО области
Нижегородская область	1,225	2,037	41,41	53,77	Одно ядро
Новосибирская область	1,534	1,906	58,55	59,64	Одно ядро
Пермский край	1,101	1,334	41,05	33,70	Одно ядро (Пермь) и второй МО по отгрузке (Березники), **180 км**

Субъект РФ	Индекс Тейла		Доля МО, лидирующего		Специфика локализации элементов территориального капитала в пространстве региона
	численность населения	объем отгрузки	по численности населения	по величине отгрузки	
Республика Башкортостан	0,843	2,238	29,08	56,93	Одно ядро
Республика Татарстан	1,023	1,578	32,90	28,85	2 ядра (Казань лидирует по численности населения, Альметьевский МР – по отгрузке), **250 км**
Ростовская область	0,757	1,435	27,37	35,53	Одно ядро
Самарская область	1,207	1,281	37,04	30,55	Два ядра (Самара и Тольятти), **88 км**
Свердловская область	1,242	1,821	37,38	41,42	Одно ядро
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	0,452	0,838	23,71	25,44	Два ядра (Сургут лидирует по численности населения, Нефтеюганск – по отгрузке), **65 км**
Челябинская область	0,965	1,604	34,68	37,17	Одно ядро (Челябинск) и второй МО по отгрузке (Магнитогорск), **309 км**
В среднем по группе	*0,911*	*1,392*	*32,61*	*33,67*	–
Вторая группа					
Архангельская область	0,687	1,415	30,18	42,94	Два ядра (Архангельск лидирует по численности населения, Заполярный район – по отгрузке), **более 1000 км**
Белгородская область	0,500	0,639	21,97	23,81	Два ядра (Белгород лидирует по численности населения, Старый Оскол – по отгрузке), **140 км**
Брянская область	0,675	1,398	34,03	51,38	Одно ядро
Владимирская область	0,385	0,685	26,76	27,88	Одно ядро
Волгоградская область	1,090	1,747	41,52	47,56	Одно ядро
Вологодская область	0,887	2,208	28,28	73,46	Два ядра (Вологда лидирует по численности населения, Череповец – по отгрузке), **138 км**
Воронежская область	1,031	0,983	46,03	39,00	Одно ядро
г. Севастополь	–	–	–	–	–
Ивановская область	0,799	1,397	39,5	48,65	Одно ядро

Субъект РФ	Индекс Тейла		Доля МО, лидирующего		Специфика локализации элементов территориального капитала в пространстве региона
	численность населения	объем отгрузки	по численности населения	по величине отгрузки	
Калининградская область	0,941	1,235	47,40	39,00	Одно ядро
Калужская область	0,749	1,353	33,03	33,79	Два ядра (Калуга лидирует по численности населения, Боровский район – по отгрузке), **91 км**
Кемеровская область – Кузбасс	0,669	0,951	21,38	24,61	Два ядра (Кемерово лидирует по численности населения, Новокузнецк – по отгрузке), **221 км**
Кировская область	1,133	1,942	43,98	55,28	Одно ядро
Костромская область	1,048	1,499	46,72	42,79	Одно ядро
Курганская область	0,794	2,216	40,13	75,47	Одно ядро
Курская область	0,913	1,048	40,95	25,74	Одно ядро (Курск) и второй МО по отгрузке (Железногорск), **118 км**
Липецкая область	0,754	1,539	43,51	67,16	Одно ядро
Мурманская область	0,612	1,110	47,68	45,28	Два ядра (Мурманск лидирует по численности населения, Мончегорск – по отгрузке), **138 км**
Новгородская область	0,796	1,663	38,83	64,85	Одно ядро
Омская область	1,541	2,782	60,69	87,17	Одно ядро
Оренбургская область	0,770	1,682	30,16	30,22	Одно ядро (Оренбург) и второй МО по отгрузке (Бузулук), **251 км**
Орловская область	0,910	1,123	42,29	43,28	Одно ядро
Пензенская область	0,834	1,512	39,50	54,80	Одно ядро
Приморский край	0,857	1,639	35,02	52,60	Одно ядро
Псковская область	0,677	1,693	32,20	50,11	Два ядра (Псков лидирует по численности населения, Великие Луки – по отгрузке) **273 км**
Республика Адыгея	0,349	0,503	32,61	36,07	Одно ядро (Майкоп) и второй МО (Тахтамукайский МР), **121 км**
Республика Алтай	0,239	0,818	30,71	40,37	2 ядра (Горно-Алтайск лидирует по численности населения, Майминский МР – по отгрузке), **15 км**

Субъект РФ	Индекс Тейла		Доля МО, лидирующего		Специфика локализации элементов территориального капитала в пространстве региона
	численность населения	объем отгрузки	по численности населения	по величине отгрузки	
Республика Карелия	0,695	0,787	44,83	29,12	Одно ядро (Петрозаводск) и второй МО по отгрузке (Костомукша) **490 км**
Республика Коми	0,550	1,207	32,20	32,41	Три ядра (Сыктывкар лидирует по численности населения, Ухта и Усинск – по отгрузке), **317, 477, 794 км**
Республика Марий Эл	0,701	1,081	43,95	48,37	Одно ядро
Республика Мордовия	0,836	1,116	44,22	41,89	Одно ядро
Рязанская область	1,040	1,852	48,07	66,75	Одно ядро
Саратовская область	1,171	2,086	39,24	47,53	Одно ядро
Смоленская область	0,791	1,035	35,90	31,30	Одно ядро
Тамбовская область	0,603	0,897	30,19	36,66	Одно ядро
Тверская область	0,844	1,812	34,68	52,26	Одно ядро
Томская область	1,263	1,424	60,78	53,30	Одно ядро
Тульская область	0,790	1,397	36,33	47,42	Одно ядро
Тюменская область	1,226	1,925	53,25	42,86	Одно ядро
Удмуртская Республика	0,988	1,274	43,08	47,17	Одно ядро
Ульяновская область	1,148	1,649	53,84	60,30	Одно ядро
Чувашская Республика	0,889	1,488	43,28	54,59	Одно ядро
Ямало-Ненецкий автономный округ	0,304	0,877	20,78	39,73	Два ядра в системе расселения (Новый Уренгой и Ноябрьск), **537 км**. Одно ядро в хозяйственной системе (Пуровский МР) и второй МО по отгрузке (Ямальский МР), **более 1 000 км**
Ярославская область	0,984	1,474	47,78	58,19	Одно ядро
В среднем по группе	*0,825*	*1,399*	*39,24*	*46,82*	–

Субъект РФ	Индекс Тейла		Доля МО, лидирующего		Специфика локализации элементов территориального капитала в пространстве региона
	численность населения	объем отгрузки	по численности населения	по величине отгрузки	
Третья группа					
Алтайский край	1,069	1,627	32,45	36,67	Одно ядро
Амурская область	0,604	0,892	32,94	18,84	Одно ядро (Благовещенск) и второй МО по отгрузке (Свободный), **153 км**
Астраханская область	0,631	1,853	50,52	82,29	Одно ядро
Еврейская автономная область	0,285	0,735	46,49	60,12	Два ядра (Биробиджан лидирует по численности населения, Облученский МР – по отгрузке), **171 км**
Забайкальский край	0,745	1,096	33,73	25,52	Два ядра (Чита лидирует по численности населения, Газимуро-Заводский МР – по отгрузке), **480 км**
Кабардино-Балкарская Республика	0,245	0,764	30,03	50,66	Одно ядро
Камчатский край	1,270	1,042	61,14	53,24	Одно ядро
Карачаево-Черкесская Республика	0,171	0,571	24,08	33,94	Одно ядро (Черкесск) и второй МО по отгрузке (Усть-Джегутинский МР), **16 км**
Магаданская область	1,029	0,423	71,00	35,67	Два ядра (Магадан лидирует по численности населения, Тенькинский МО – по отгрузке), **420 км**
Республика Бурятия	0,838	1,205	44,79	49,90	Одно ядро
Республика Дагестан	0,586	1,752	23,58	46,61	Одно ядро
Республика Ингушетия	0,222	0,370	23,93	36,19	Одно ядро
Республика Калмыкия	0,463	0,942	40,38	46,48	Одно ядро
Республика Крым	0,310	0,774	18,62	35,90	Одно ядро
Республика Саха (Якутия)	0,943	1,680	38,19	30,30	Два ядра (Якутск лидирует по численности населения, Ленский МР – по отгрузке), **533 км**
Республика Северная Осетия – Алания	0,477	1,427	45,62	80,35	Одно ядро
Республика Тыва	0,600	1,389	38,26	46,69	Одно ядро

Субъект РФ	Индекс Тейла		Доля МО, лидирующего		Специфика локализации элементов территориального капитала в пространстве региона
	численность населения	объем отгрузки	по численности населения	по величине отгрузки	
Республика Хакасия	0,457	0,846	35,07	44,29	Два ядра (Абакан лидирует по численности населения, Саяногорск – по отгрузке), **84 км**
Сахалинская область	0,632	1,219	40,78	33,17	Два ядра (Южно-Сахалинск лидирует по численности; Корсаков – по отгрузке), **40 км**
Ставропольский край	0,369	0,810	19,17	23,32	Одно ядро (Ставрополь) и второй МО по отгрузке (Невинномыск), **59 км**
Хабаровский край	1,067	0,964	48,11	39,79	Одно ядро (Хабаровск) и второй МО по отгрузке (Комсомольск-на-Амуре), **400 км**
Чеченская Республика	0,337	1,479	21,55	67,36	Одно ядро
Чукотский автономный округ	0,092	0,456	27,93	32,60	Одно ядро (Анадырь) и второй МО по отгрузке (Билибинский МР), **более 1 000 км**
В среднем по группе	*0,585*	*1,057*	*36,89*	*43,91*	–

Примечание – * Жирным шрифтом отмечено расстояние между ядрами региональной системы или между ядром и вторым (третьим/четвертым) МО.

Приложение Н

(обязательное)

Рейтинг регионов, составленный на основе определения доли каждого из них в общероссийском объеме по ряду показателей в 2023 г.[1]

Позиция в рейтинге	Субъект РФ	Доля, %	Позиция в рейтинге	Субъект РФ	Доля, %
Численность экономически активного населения					
1	г. Москва	9,63	44	Калужская область	0,74
2	Московская область	6,19	45	Калининградская область	0,74
3	г. Санкт-Петербург	4,29	46	Вологодская область	0,72
4	Краснодарский край	3,85	47	Курская область	0,72
5	Ростовская область	2,91	48	Рязанская область	0,70
6	Свердловская область	2,81	49	Томская область	0,69
7	Республика Татарстан	2,72	50	Республика Саха (Якутия)	0,68
8	Республика Башкортостан	2,56	51	Тамбовская область	0,65
9	Челябинская область	2,43	52	Астраханская область	0,65
10	Нижегородская область	2,24	53	Забайкальский край	0,64
11	Самарская область	2,22	54	Ивановская область	0,63
12	Республика Дагестан	1,92	55	Архангельская область	0,61
13	Ставропольский край	1,88	56	Смоленская область	0,61
14	Красноярский край	1,87	57	Кабардино-Балкарская Республика	0,58

[1] Составлено автором по: Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 15.02.2025).

Позиция в рейтинге	Субъект РФ	Доля, %	Позиция в рейтинге	Субъект РФ	Доля, %
15	Новосибирская область	1,83	58	Республика Бурятия	0,56
16	Волгоградская область	1,70	59	Республика Мордовия	0,55
17	Саратовская область	1,63	60	Амурская область	0,54
18	Кемеровская область	1,62	61	Республика Коми	0,47
19	Пермский край	1,59	62	Курганская область	0,46
20	Воронежская область	1,59	63	Мурманская область	0,46
21	Иркутская область	1,52	64	Орловская область	0,45
22	Алтайский край	1,50	65	Республика Северная Осетия – Алания	0,44
23	Ленинградская область	1,48	66	Республика Марий Эл	0,44
24	Приморский край	1,30	67	Псковская область	0,41
25	Республика Крым	1,25	68	Ямало-Ненецкий автономный округ	0,39
26	Омская область	1,23	69	Новгородская область	0,39
27	Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	1,22	70	г. Севастополь	0,38
28	Оренбургская область	1,22	71	Костромская область	0,37
29	Белгородская область	1,08	72	Республика Ингушетия	0,37
30	Тульская область	1,05	73	Сахалинская область	0,36
31	Тюменская область	0,98	74	Республика Хакасия	0,35
32	Удмуртская Республика	0,96	75	Республика Карелия	0,34
33	Владимирская область	0,94	76	Карачаево-Черкесская Республика	0,30
34	Хабаровский край	0,93	77	Республика Адыгея	0,27
35	Чеченская Республика	0,86	78	Камчатский край	0,22
36	Пензенская область	0,86	79	Республика Калмыкия	0,18
37	Тверская область	0,83	80	Республика Тыва	0,16
38	Ярославская область	0,83	81	Республика Алтай	0,12
39	Ульяновская область	0,80	82	Магаданская область	0,11

Позиция в рейтинге	Субъект РФ	Доля, %	Позиция в рейтинге	Субъект РФ	Доля, %
40	Липецкая область	0,78	83	Еврейская автономная область	0,10
41	Чувашская Республика	0,78	84	Чукотский автономный округ	0,04
42	Кировская область	0,77	85	Ненецкий автономный округ	0,03
43	Брянская область	0,75			
Площадь					
1	Республика Саха (Якутия)	18,01	44	Республика Татарстан	0,40
2	Красноярский край	13,82	45	Ставропольский край	0,39
3	Хабаровский край	4,60	46	Республика Хакасия	0,36
4	Иркутская область	4,52	47	Костромская область	0,35
5	Ямало-Ненецкий автономный округ	4,49	48	Псковская область	0,32
6	Чукотский автономный округ	4,21	49	Новгородская область	0,32
7	Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	3,12	50	Самарская область	0,31
8	Камчатский край	2,71	51	Воронежская область	0,30
9	Магаданская область	2,70	52	Республика Дагестан	0,29
10	Забайкальский край	2,52	53	Смоленская область	0,29
11	Республика Коми	2,43	54	Астраханская область	0,29
12	Архангельская область	2,41	55	Московская область	0,26
13	Амурская область	2,11	56	Пензенская область	0,25
14	Республика Бурятия	2,05	57	Удмуртская Республика	0,25
15	Томская область	1,84	58	Рязанская область	0,23
16	Свердловская область	1,13	59	Ульяновская область	0,22
17	Республика Карелия	1,05	60	Еврейская автономная область	0,21
18	Новосибирская область	1,04	61	Ярославская область	0,21
19	Ненецкий автономный округ	1,03	62	Брянская область	0,20
20	Республика Тыва	0,98	63	Тамбовская область	0,20

Позиция в рейтинге	Субъект РФ	Доля, %	Позиция в рейтинге	Субъект РФ	Доля, %
21	Алтайский край	0,98	64	Курская область	0,18
22	Приморский край	0,96	65	Калужская область	0,17
23	Пермский край	0,94	66	Владимирская область	0,17
24	Тюменская область	0,93	67	Белгородская область	0,16
25	Мурманская область	0,85	68	Республика Мордовия	0,15
26	Вологодская область	0,84	69	Республика Крым	0,15
27	Республика Башкортостан	0,83	70	Тульская область	0,15
28	Омская область	0,82	71	Орловская область	0,14
29	Оренбургская область	0,72	72	Липецкая область	0,14
30	Кировская область	0,70	73	Республика Марий Эл	0,14
31	Волгоградская область	0,66	74	Ивановская область	0,12
32	Саратовская область	0,59	75	Чувашская Республика	0,11
33	Ростовская область	0,59	76	Чеченская Республика	0,09
34	Кемеровская область	0,56	77	Калининградская область	0,09
35	Республика Алтай	0,54	78	Карачаево-Черкесская Республика	0,08
36	Челябинская область	0,52	79	Кабардино-Балкарская Республика	0,07
37	Сахалинская область	0,51	80	Республика Северная Осетия – Алания	0,05
38	Тверская область	0,49	81	Республика Адыгея	0,05
39	Ленинградская область	0,49	82	Республика Ингушетия	0,02
40	Нижегородская область	0,45	83	г. Москва	0,02
41	Краснодарский край	0,44	84	г. Санкт-Петербург	0,01
42	Республика Калмыкия	0,44	85	г. Севастополь	0,01
43	Курганская область	0,42			
Стоимость основных фондов					
1	г. Москва	18,99	44	Алтайский край	0,60

Позиция в рейтинге	Субъект РФ	Доля, %	Позиция в рейтинге	Субъект РФ	Доля, %
2	Московская область	7,43	45	Рязанская область	0,59
3	г. Санкт-Петербург	5,63	46	Липецкая область	0,56
4	Ханты-Мансийский автономный округ	4,38	47	Томская область	0,55
5	Ямало-Ненецкий автономный округ	4,35	48	Астраханская область	0,53
6	Краснодарский край	3,50	49	Курская область	0,52
7	Свердловская область	2,71	50	Пензенская область	0,50
8	Республика Татарстан	2,41	51	Владимирская область	0,49
9	Ленинградская область	2,20	52	Забайкальский край	0,47
10	Ростовская область	1,80	53	Брянская область	0,44
11	Республика Башкортостан	1,78	54	Тамбовская область	0,41
12	Красноярский край	1,76	55	Республика Дагестан	0,40
13	Самарская область	1,71	56	Кировская область	0,39
14	Нижегородская область	1,69	57	Чувашская Республика	0,38
15	Пермский край	1,63	58	Смоленская область	0,37
16	Челябинская область	1,52	59	Новгородская область	0,34
17	Приморский край	1,28	60	Ульяновская область	0,32
18	Новосибирская область	1,27	61	Республика Бурятия	0,31
19	Иркутская область	1,24	62	Республика Карелия	0,30
20	Республика Саха (Якутия)	1,22	63	Курганская область	0,29
21	Воронежская область	1,12	64	Республика Мордовия	0,28
22	Тюменская область	1,11	65	Ивановская область	0,27
23	Кемеровская область	1,10	66	Ненецкий автономный округ	0,27
24	Сахалинская область	1,04	67	Орловская область	0,27
25	Республика Коми	1,03	68	Камчатский край	0,26
26	Волгоградская область	1,00	69	Чеченская Республика	0,23

Позиция в рейтинге	Субъект РФ	Доля, %	Позиция в рейтинге	Субъект РФ	Доля, %
27	Республика Крым	0,95	70	Костромская область	0,23
28	Оренбургская область	0,88	71	Республика Марий Эл	0,23
29	Саратовская область	0,87	72	Республика Хакасия	0,22
30	Хабаровский край	0,85	73	Псковская область	0,21
31	Ставропольский край	0,84	74	г. Севастополь	0,20
32	Вологодская область	0,78	75	Кабардино-Балкарская Республика	0,14
33	Мурманская область	0,78	76	Магаданская область	0,14
34	Белгородская область	0,75	77	Республика Адыгея	0,13
35	Омская область	0,71	78	Карачаево-Черкесская Республика	0,12
36	Амурская область	0,71	79	Республика Северная Осетия-Алания	0,10
37	Тульская область	0,69	80	Еврейская автономная область	0,09
38	Тверская область	0,68	81	Чукотский автономный округ	0,09
39	Ярославская область	0,68	82	Республика Калмыкия	0,08
40	Архангельская область	0,63	83	Республика Ингушетия	0,06
41	Удмуртская Республика	0,63	84	Республика Алтай	0,06
42	Калужская область	0,61	85	Республика Тыва	0,06
43	Калининградская область	0,60			
Инвестиции в основной капитал					
1	г. Москва	20,34	44	Удмуртская Республика	0,50
2	Московская область	4,80	45	Республика Бурятия	0,50
3	Ханты-Мансийский автономный округ	4,67	46	Чеченская Республика	0,49
4	Ямало-Ненецкий автономный округ	4,44	47	Томская область	0,45
5	г. Санкт-Петербург	3,60	48	Тверская область	0,42
6	Республика Татарстан	3,55	49	Ярославская область	0,41
7	Красноярский край	2,79	50	Республика Коми	0,39

Позиция в рейтинге	Субъект РФ	Доля, %	Позиция в рейтинге	Субъект РФ	Доля, %
8	Иркутская область	2,74	51	Камчатский край	0,39
9	Краснодарский край	2,59	52	Калужская область	0,38
10	Амурская область	2,26	53	Чувашская Республика	0,37
11	Республика Саха (Якутия)	2,23	54	Пензенская область	0,37
12	Свердловская область	2,17	55	Ульяновская область	0,36
13	Нижегородская область	2,07	56	Архангельская область	0,36
14	Ленинградская область	2,06	57	Кировская область	0,32
15	Ростовская область	1,94	58	Республика Карелия	0,31
16	Республика Башкортостан	1,87	59	Рязанская область	0,30
17	Самарская область	1,55	60	Магаданская область	0,29
18	Пермский край	1,45	61	Смоленская область	0,28
19	Челябинская область	1,34	62	Брянская область	0,28
20	Хабаровский край	1,26	63	Тамбовская область	0,28
21	Кемеровская область	1,25	64	Чукотский автономный округ	0,27
22	Приморский край	1,21	65	Астраханская область	0,26
23	Новосибирская область	1,15	66	Ненецкий автономный округ	0,26
24	Воронежская область	1,13	67	Новгородская область	0,23
25	Республика Дагестан	1,06	68	Республика Мордовия	0,22
26	Ставропольский край	1,01	69	Курганская область	0,21
27	Тюменская область	0,99	70	Кабардино-Балкарская Республика	0,21
28	Сахалинская область	0,92	71	Ивановская область	0,20
29	Оренбургская область	0,88	72	Республика Адыгея	0,19
30	Волгоградская область	0,88	73	Республика Хакасия	0,18
31	Саратовская область	0,86	74	Орловская область	0,18
32	Республика Крым	0,82	75	г. Севастополь	0,16

Позиция в рейтинге	Субъект РФ	Доля, %	Позиция в рейтинге	Субъект РФ	Доля, %
33	Забайкальский край	0,81	76	Республика Марий Эл	0,16
34	Мурманская область	0,80	77	Республика Алтай	0,15
35	Тульская область	0,71	78	Костромская область	0,14
36	Курская область	0,70	79	Псковская область	0,14
37	Белгородская область	0,64	80	Республика Северная Осетия-Алания	0,13
38	Омская область	0,63	81	Еврейская автономная область	0,09
39	Калининградская область	0,59	82	Карачаево-Черкесская Республика	0,09
40	Липецкая область	0,56	83	Республика Тыва	0,08
41	Владимирская область	0,55	84	Республика Ингушетия	0,07
42	Алтайский край	0,54	85	Республика Калмыкия	0,04
43	Вологодская область	0,51			

Приложение П

(обязательное)

Группировка регионов

на основе сравнительной оценки их обеспеченности «традиционными» ресурсами

Субъект РФ	Численность экономически активного населения	Площадь	Стоимость основных фондов	Инвестиции в основной капитал
Регионы, обладающие сравнительными преимуществами, связанными с обеспеченностью ресурсами развития (хотя бы по одному из рассмотренных видов ресурсов)				
Алтайский край	3	4	4	4
Амурская область	4	3	4	3
Архангельская область	4	2	4	4
Белгородская область	3	4	4	4
Волгоградская область	3	4	4	4
Воронежская область	3	4	4	4
г. Москва	1	4	1	1
г. Санкт-Петербург	2	4	2	2
Забайкальский край	4	2	4	4
Иркутская область	3	2	4	2
Камчатский край	4	2	4	4
Кемеровская область – Кузбасс	3	4	4	3
Краснодарский край	2	4	3	2
Красноярский край	3	1	4	2
Ленинградская область	3	4	3	3
Магаданская область	4	2	4	4
Московская область	1	4	2	2
Нижегородская область	2	4	4	3
Новосибирская область	3	4	4	4
Омская область	3	4	4	4
Оренбургская область	3	4	4	4
Пермский край	3	4	4	3
Приморский край	3	4	4	3
Республика Башкортостан	2	4	3	3
Республика Бурятия	4	3	4	4
Республика Дагестан	3	4	4	4

Субъект РФ	Численность экономически активного населения	Площадь	Стоимость основных фондов	Инвестиции в основной капитал
Республика Коми	4	2	4	4
Республика Крым	3	4	4	4
Республика Саха (Якутия)	4	1	4	3
Республика Татарстан	2	4	3	2
Ростовская область	2	4	3	3
Самарская область	2	4	4	3
Саратовская область	3	4	4	4
Свердловская область	2	3	3	3
Ставропольский край	3	4	4	4
Томская область	4	3	4	4
Тульская область	3	4	4	4
Тюменская область	3	4	4	4
Хабаровский край	4	2	4	3
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	3	2	2	2
Челябинская область	2	4	4	3
Чукотский автономный округ	4	2	4	4
Ямало-Ненецкий автономный округ	4	2	2	2
Регионы, не обладающие сравнительными преимуществами, связанными с обеспеченностью ресурсами развития				
Астраханская область	4	4	4	4
Брянская область	4	4	4	4
Владимирская область	4	4	4	4
Вологодская область	4	4	4	4
г. Севастополь	4	4	4	4
Еврейская автономная область	4	4	4	4
Ивановская область	4	4	4	4
Кабардино-Балкарская Республика	4	4	4	4
Калининградская область	4	4	4	4
Калужская область	4	4	4	4
Карачаево-Черкесская Республика	4	4	4	4
Кировская область	4	4	4	4
Костромская область	4	4	4	4
Курганская область	4	4	4	4
Курская область	4	4	4	4
Липецкая область	4	4	4	4
Мурманская область	4	4	4	4

Субъект РФ	Численность экономически активного населения	Площадь	Стоимость основных фондов	Инвестиции в основной капитал
Ненецкий автономный округ	4	4	4	4
Новгородская область	4	4	4	4
Орловская область	4	4	4	4
Пензенская область	4	4	4	4
Псковская область	4	4	4	4
Республика Адыгея	4	4	4	4
Республика Алтай	4	4	4	4
Республика Ингушетия	4	4	4	4
Республика Калмыкия	4	4	4	4
Республика Карелия	4	4	4	4
Республика Марий Эл	4	4	4	4
Республика Мордовия	4	4	4	4
Республика Северная Осетия – Алания	4	4	4	4
Республика Тыва	4	4	4	4
Республика Хакасия	4	4	4	4
Рязанская область	4	4	4	4
Сахалинская область	4	4	4	4
Смоленская область	4	4	4	4
Тамбовская область	4	4	4	4
Тверская область	4	4	4	4
Удмуртская Республика	4	4	4	4
Ульяновская область	4	4	4	4
Чеченская Республика	4	4	4	4
Чувашская Республика	4	4	4	4
Ярославская область	4	4	4	4

Приложение Р

(обязательное)

Отраслевая структура валовой добавленной стоимости российских регионов (в укрупненном виде) в 2023 г.[1]

Регион	Доля в структуре экономики региона, приходящаяся на виды экономической деятельности, которые опираются преимущественно на **материальные** ресурсы, %	Доля в структуре экономики региона, приходящаяся на виды экономической деятельности, которые опираются преимущественно на **нематериальные** ресурсы, ;
Алтайский край	48,1	51,9
Амурская область	37,1	62,9
Архангельская область	49,9	50,1
Астраханская область	69,1	30,9
Белгородская область	66,4	33,6
Брянская область	52,2	47,8
Владимирская область	46,6	53,4
Волгоградская область	49,2	50,8
Вологодская область	69,4	30,6
Воронежская область	43,5	56,5
г. Москва	24,3	75,7
г. Санкт-Петербург	22,7	77,3
г. Севастополь	17,5	82,5
Еврейская автономная область	44,3	55,7
Забайкальский край	50,6	49,4
Ивановская область	39,2	60,8
Иркутская область	55,7	44,3
Кабардино-Балкарская Республика	33,3	66,7
Калининградская область	39,0	61,0
Калужская область	52,8	47,2
Камчатский край	47,7	52,3
Карачаево-Черкесская Республика	41,1	58,9
Кемеровская область – Кузбасс	64,1	35,9

[1] Составлено автором по: Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 15.02.2025).

Регион	Доля в структуре экономики региона, приходящаяся на виды экономической деятельности, которые опираются преимущественно на **материальные** ресурсы, %	Доля в структуре экономики региона, приходящаяся на виды экономической деятельности, которые опираются преимущественно на **нематериальные** ресурсы, ;
Кировская область	50,7	49,3
Костромская область	49,3	50,7
Краснодарский край	38,3	61,7
Красноярский край	67,3	32,7
Курганская область	49,4	50,6
Курская область	57,6	42,4
Ленинградская область	56,0	44,0
Липецкая область	65,2	34,8
Магаданская область	67,5	32,5
Московская область	31,6	68,4
Мурманская область	56,3	43,7
Ненецкий автономный округ	88,3	11,7
Нижегородская область	38,6	61,4
Новгородская область	58,5	41,5
Новосибирская область	37,6	62,4
Омская область	42,2	57,8
Оренбургская область	71,1	28,9
Орловская область	52,5	47,5
Пензенская область	48,1	51,9
Пермский край	61,8	38,2
Приморский край	37,0	63,0
Псковская область	41,6	58,4
Республика Адыгея	31,5	68,5
Республика Алтай	23,7	76,3
Республика Башкортостан	48,6	51,4
Республика Бурятия	35,8	64,2
Республика Дагестан	28,5	71,5
Республика Ингушетия	22,3	77,7
Республика Калмыкия	38,4	61,6
Республика Карелия	56,3	43,7
Республика Коми	67,2	32,8
Республика Крым	25,8	74,2
Республика Марий Эл	51,5	48,5

Регион	Доля в структуре экономики региона, приходящаяся на виды экономической деятельности, которые опираются преимущественно на **материальные** ресурсы, %	Доля в структуре экономики региона, приходящаяся на виды экономической деятельности, которые опираются преимущественно на **нематериальные** ресурсы, ;
Республика Мордовия	51,9	48,1
Республика Саха (Якутия)	66,4	33,6
Республика Татарстан	58,4	41,6
Республика Тыва	28,6	71,4
Республика Хакасия	55,5	44,5
Ростовская область	42,7	57,3
Рязанская область	48,0	52,0
Самарская область	54,4	45,6
Саратовская область	52,3	47,7
Сахалинская область	68,3	31,7
Свердловская область	46,5	53,5
Республика Северная Осетия – Алания	32,3	67,7
Смоленская область	47,1	52,9
Ставропольский край	42,6	57,4
Тамбовская область	57,1	42,9
Тверская область	43,0	57,0
Томская область	50,5	49,5
Тульская область	60,7	39,3
Тюменская область	51,7	48,3
Удмуртская Республика	59,9	40,1
Ульяновская область	42,6	57,4
Хабаровский край	42,8	57,2
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	81,6	18,4
Челябинская область	57,1	42,9
Чеченская Республика	21,2	78,8
Чувашская Республика	44,0	56,0
Чукотский автономный округ	52,1	47,9
Ямало-Ненецкий автономный округ	81,1	18,9
Ярославская область	45,1	54,9

Приложение С

(обязательное)

Перечень городов, информация о которых содержится в базе данных Информационно-аналитической платформы городского развития ВЭБ.РФ[1]

Регион	Город	Группа городов	Численность населения, чел.
Алтайский край	Барнаул	Крупные	623 057
	Бийск	Крупные	181 678
	Заринск	Средние и малые	40 626
	Новоалтайск	Средние и малые	73 122
	Рубцовск	Крупные	124 687
Амурская область	Белогорск	Средние и малые	60 769
	Благовещенск	Крупные	246 004
	Свободный	Средние и малые	48 789
	Тында	Средние и малые	28 160
Архангельская область	Архангельск	Крупные	298 617
	Нарьян-Мар	Средние и малые	23 579
	Северодвинск	Крупные	156 056
	Астрахань	Крупные	468 842
Белгородская область	Белгород	Крупные	333 931
	Губкин	Средние и малые	84 357
	Старый Оскол	Крупные	218 340
Брянская область	Брянск	Крупные	375 669
Владимирская область	Владимир	Крупные	349 315
	Ковров	Крупные	130 327
	Муром	Крупные	105 995
	Суздаль	Средние и малые	9 090
Волгоградская область	Волгоград	Крупнейшие	1 025 662
	Волжский	Крупные	316 544
	Камышин	Крупные	105 471
	Михайловка	Средние и малые	55 029
Вологодская область	Вологда	Крупные	311 628
	Череповец	Крупные	301 040

[1] Города / ВЭБ.РФ. – URL: https://города.рф (дата обращения: 14.05.2025).

Регион	Город	Группа городов	Численность населения, чел.
Воронежская область	Воронеж	Крупнейшие	1 051 995
	Павловск	Средние и малые	21 917
Еврейская автономная область	Биробиджан	Средние и малые	68 536
Забайкальский край	Краснокаменск	Средние и малые	51 261
Забайкальский край	Чита	Крупные	333 679
Ивановская область	Иваново	Крупные	360 687
Иркутская область	Ангарск	Крупные	230 058
	Байкальск	Средние и малые	12 965
	Братск	Крупные	221 244
	Иркутск	Крупные	611 215
	Усолье-Сибирское	Средние и малые	73 507
	Усть-Илимск	Средние и малые	78 445
	Шелехов	Средние и малые	41 184
Кабардино-Балкарская Республика	Нальчик	Крупные	245 961
Калининградская область	Балтийск	Средние и малые	27 032
	Калининград	Крупные	489 735
	Светлогорск	Средние и малые	16 771
Калужская область	Калуга	Крупные	333 954
	Обнинск	Крупные	129 584
Камчатский край	Петропавловск-Камчатский	Крупные	162 992
Карачаево-Черкесская Республика	Черкесск	Крупные	112 789
Кемеровская область – Кузбасс	Анжеро-Судженск	Средние и малые	65 320
	Белово	Средние и малые	67 950
	Кемерово	Крупные	549 362
	Киселевск	Средние и малые	81 887
	Ленинск-Кузнецкий	Средние и малые	90 412
	Междуреченск	Средние и малые	95 408
	Новокузнецк	Крупные	533 565
	Прокопьевск	Крупные	174 859
	Юрга	Средние и малые	78 494
Кировская область	Киров	Крупные	471 754
	Кирово-Чепецк	Средние и малые	65 262
Костромская область	Кострома	Крупные	265 965
Краснодарский край	Анапа	Средние и малые	82 695
	Армавир	Крупные	184 219
	Геленджик	Средние и малые	80 296
	Краснодар	Крупнейшие	1 121 291
	Новороссийск	Крупные	261 626

Регион	Город	Группа городов	Численность населения, чел.
	Сочи	Крупные	446 599
Красноярский край	Ачинск	Средние и малые	99 925
	Красноярск	Крупнейшие	1 196 913
	Лесосибирск	Средние и малые	55 241
	Норильск	Крупные	174 747
Курганская область	Курган	Крупные	305 505
Курская область	Курск	Крупные	434 703
Ленинградская область	Всеволожск	Средние и малые	78 849
	Выборг	Средние и малые	71 772
	Гатчина	Средние и малые	92 684
Липецкая область	Елец	Средние и малые	96 918
	Липецк	Крупные	490 428
Магаданская область	Магадан	Средние и малые	89 834
Московская область	Балашиха	Крупные	526 851
	Долгопрудный	Крупные	119 957
	Домодедово	Крупные	155 421
	Дубна	Средние и малые	74 193
	Егорьевск	Средние и малые	71 322
	Жуковский	Крупные	110 507
	Ивантеевка	Средние и малые	83 725
	Клин	Средние и малые	88 525
	Коломна	Крупные	133 019
	Королев	Крупные	226 936
	Красногорск	Крупные	188 850
	Лобня	Средние и малые	81 968
	Люберцы	Крупные	230 134
	Мытищи	Крупные	266 436
	Ногинск	Крупные	102 205
	Одинцово	Крупные	186 172
	Орехово-Зуево	Крупные	105 542
	Подольск	Крупные	312 400
	Пушкино	Крупные	111 738
	Раменское	Крупные	114 000
	Реутов	Крупные	113 140
	Сергиев Посад	Средние и малые	99 224
	Серпухов	Крупные	133 646
	Химки	Крупные	257 006
	Черноголовка	Средние и малые	19 027

Регион	Город	Группа городов	Численность населения, чел.
	Чехов	Средние и малые	87 039
	Щелково	Крупные	135 509
	Электросталь	Крупные	143 182
Мурманская область	Кировск	Средние и малые	24 271
	Мурманск	Крупные	267 422
Нижегородская область	Арзамас	Крупные	103 997
	Бор	Средние и малые	77 582
	Выкса	Средние и малые	44 731
	Дзержинск	Крупные	216 598
	Кулебаки	Средние и малые	31 715
	Нижний Новгород	Крупнейшие	1 213 477
Новгородская область	Боровичи	Средние и малые	47 353
	Великий Новгород	Крупные	223 191
	Бердск	Крупные	102 965
Новосибирская область	Новосибирск	Крупнейшие	1 635 338
Омская область	Омск	Крупнейшие	1 110 836
Оренбургская область	Оренбург	Крупные	539 236
	Орск	Крупные	188 135
Орловская область	Орел	Крупные	296 633
Пензенская область	Пенза	Крупные	492 376
Пермский край	Березники	Крупные	135 533
	Пермь	Крупнейшие	1 027 153
	Чусовой	Средние и малые	44 780
Приморский край	Арсеньев	Средние и малые	47 306
	Артем	Крупные	108 690
	Большой Камень	Средние и малые	40 448
	Владивосток	Крупные	597 237
	Находка	Крупные	136 096
	Уссурийск	Крупные	179 862
Псковская область	Псков	Крупные	189 315
Республика Адыгея	Майкоп	Крупные	139 687
Республика Алтай	Горно-Алтайск	Средние и малые	64 957
Республика Башкортостан	Белорецк	Средние и малые	64 212
Республика Башкортостан	Кумертау	Средние и малые	57 812
	Нефтекамск	Крупные	133 300
	Октябрьский	Крупные	116 282
	Салават	Крупные	147 296
	Стерлитамак	Крупные	279 174

Регион	Город	Группа городов	Численность населения, чел.
	Уфа	Крупнейшие	1 157 994
Республика Бурятия	Северобайкальск	Средние и малые	24 431
	Улан-Удэ	Крупные	436 138
Республика Дагестан	Дербент	Крупные	126 078
	Каспийск	Крупные	125 747
	Махачкала	Крупные	622 660
	Хасавюрт	Крупные	157 466
Республика Ингушетия	Магас	Средние и малые	16 931
	Назрань	Крупные	124 086
Республика Калмыкия	Элиста	Крупные	102 428
Республика Карелия	Петрозаводск	Крупные	235 793
Республика Коми	Воркута	Средние и малые	56 389
	Сыктывкар	Крупные	220 042
	Ухта	Средние и малые	78 081
Республика Крым	Евпатория	Крупные	106 763
	Керчь	Крупные	152 683
	Севастополь	Крупные	558 273
	Симферополь	Крупные	337 730
	Ялта	Средние и малые	72 839
Республика Марий Эл	Йошкар-Ола	Крупные	283 469
Республика Мордовия	Саранск	Крупные	312 252
Республика Саха (Якутия)	Нерюнгри	Средние и малые	53 526
	Якутск	Крупные	361 154
Республика Татарстан	Альметьевск	Крупные	164 145
	Елабуга	Средние и малые	73 890
	Зеленодольск	Средние и малые	99 078
	Казань	Крупнейшие	1 314 685
	Набережные Челны	Крупные	545 750
	Нижнекамск	Крупные	241 106
Республика Тыва	Кызыл	Крупные	128 149
Удмурская Республика	Воткинск	Средние и малые	96 646
	Глазов	Средние и малые	86 996
	Ижевск	Крупные	620 591
	Сарапул	Средние и малые	90 260
Республика Хакасия	Абакан	Крупные	185 348
	Черногорск	Средние и малые	75 556
Ростовская область	Азов	Средние и малые	80 757
	Батайск	Крупные	125 523

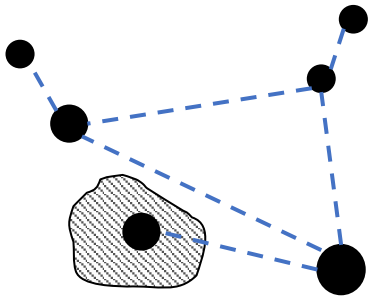
Регион	Город	Группа городов	Численность населения, чел.
	Волгодонск	Крупные	165 567
	Новочеркасск	Крупные	160 782
	Новошахтинск	Крупные	101 708
	Ростов-на-Дону	Крупнейшие	1 135 968
	Таганрог	Крупные	242 327
	Шахты	Крупные	222 489
Рязанская область	Рязань	Крупные	523 203
Самарская область	Новокуйбышевск	Средние и малые	97 163
	Самара	Крупнейшие	1 163 645
	Сызрань	Крупные	163 303
	Тольятти	Крупные	674 630
	Чапаевск	Средние и малые	69 169
Саратовская область	Балаково	Крупные	182 758
	Вольск	Средние и малые	53 623
	Саратов	Крупные	900 463
	Энгельс	Крупные	223 333
Сахалинская область	Корсаков	Средние и малые	33 259
	Южно-Сахалинск	Крупные	180 467
Свердловская область	Асбест	Средние и малые	56 533
	Верхняя Пышма	Средние и малые	73 727
	Екатеринбург	Крупнейшие	1 539 371
	Каменск-Уральский	Крупные	162 177
	Краснотурьинск	Средние и малые	55 727
	Нижний Тагил	Крупные	334 209
	Первоуральск	Крупные	112 860
Республика Северная Осетия – Алания	Владикавказ	Крупные	292 887
Смоленская область	Смоленск	Крупные	312 896
Ставропольский край	Ессентуки	Крупные	121 534
	Кисловодск	Крупные	126 674
	Михайловск	Крупные	112 793
	Невинномысск	Крупные	115 826
	Пятигорск	Крупные	144 955
	Ставрополь	Крупные	550 147
Тамбовская область	Мичуринск	Средние и малые	89 262
	Тамбов	Крупные	258 546
Тверская область	Тверь	Крупные	414 756
Томская область	Северск	Крупные	105 797
	Томск	Крупные	551 504

Регион	Город	Группа городов	Численность населения, чел.
Тульская область	Алексин	Средние и малые	59 671
	Ефремов	Средние и малые	35 858
	Новомосковск	Крупные	118 066
	Тула	Крупные	466 609
Тюменская область	Тобольск	Средние и малые	99 877
	Тюмень	Крупные	855 618
Ульяновская область	Димитровград	Крупные	109 547
	Ульяновск	Крупные	613 334
Хабаровский край	Комсомольск-на-Амуре	Крупные	236 158
	Советская Гавань	Средние и малые	23 841
	Хабаровск	Крупные	617 168
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	Нефтеюганск	Крупные	124 989
	Нижневартовск	Крупные	287 095
	Сургут	Крупные	406 938
	Ханты-Мансийск	Крупные	109 745
Челябинская область	Златоуст	Крупные	159 662
	Копейск	Крупные	146 125
	Магнитогорск	Крупные	409 255
	Миасс	Крупные	147 449
	Сатка	Средние и малые	42 062
	Усть-Катав	Средние и малые	21 016
	Челябинск	Крупнейшие	1 182 517
Чеченская Республика	Грозный	Крупные	331 402
	Новочебоксарск	Крупные	120 147
	Чебоксары	Крупные	496 238
Чукотский автономный округ	Анадырь	Средние и малые	12 998
	Певек	Средние и малые	4 230
Ямало-Ненецкий автономный округ	Новый Уренгой	Крупные	106 764
	Ноябрьск	Крупные	101 235
	Салехард	Средние и малые	48 619
Ярославская область	Рыбинск	Крупные	173 910
	Тутаев	Средние и малые	39 317
	Ярославль	Крупные	570 824

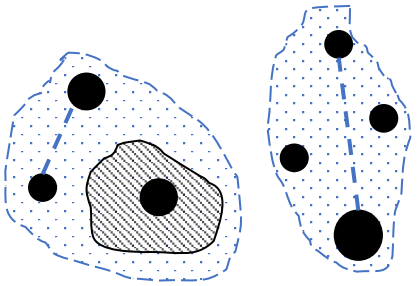
Приложение Т

(обязательное)

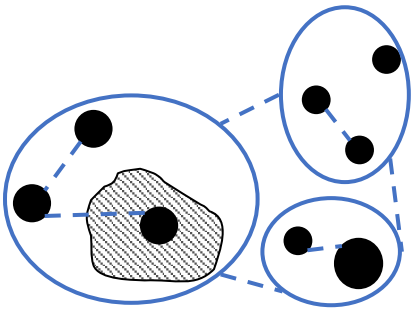
Схематическое изображение типов моделей территориального развития

Каркасная модель

Функциональная модель

Сетевая модель